

Дидье Анзье

Я-КОЖА

ПСИХОАНАЛИЗ ERGO

Я-КОЖА

DIDIER ANZIEU

LE MOI-PEAU

Préface de Évelyne Séchaud

DUNOD

ДИДЬЕ АНЗЬЁ

Я-КОЖА

Предисловие Эвелин Сешо

Перевод с французского

УДК 159.9:616
ББК 88.481
А669

Серия «Психоанализ ergo»

Перевод с французского
М.С. Соловьёвой, Р.Ф. Фаткулиной

Анзье, Дидье

А669 Я-кожа [текст] / Дидье Анзье; пер. с фр. под науч. ред. С.Ф. Сироткина, М.Л. Мельниковой. — Ижевск : ERGO, 2011. — XXXIV, 302 с. — (Серия «Психоанализ ergo»).

ISBN 978-5-98904-139-8

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Dunod, 2-е изд., 1995
© ООО Издательский дом «ERGO», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

От издателей	XI
Предисловие ко второму французскому изданию <i>Эвелин Сешо. «Я-кожа»: 10 лет спустя</i>	XIII
I. ОТКРЫТИЕ	3
1. ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ	5
Несколько общих принципов	5
1. Мозг или кожа. 2. Генезис или структура. 3. Логическое развитие или метафорическое обновление. 4. Современное недомогание цивилизации. 5. Кора или ядро. 6. Содержимое или контенант.	
Мир тактильный и кожный	15
1. Лингвистический подход. 2. Физиологический подход. 3. Эволюционный подход. 4. Гистологический подход. 5. Психофизиологический подход. 6. Интеракционный подход. 7. Психоаналитический подход.	
2. ЧЕТЫРЕ СЕРИИ ДАННЫХ	25
Этологические данные	26
Групповые данные	33
Проективные данные	36
Дерматологические данные	37
3. ПОНЯТИЕ «Я-КОЖА»	41
Грудь-рот и грудь-кожа	41
Идея Я-кожи	45
Фантазм об общей коже и его нарциссические и мазохистические варианты	46
4. ГРЕЧЕСКИЙ МИФ О МАРСИИ	52
Социокультурный план	52
Первая часть мифа	54
Вторая часть: восемь мифологем	55

5. ПСИХОГЕНЕЗ Я-КОЖИ	61
Двойная обратная связь	
в диадической системе «мать — дитя»	61
Расхождения между когнитивной	
и психоаналитической точками зрения	64
Особенности Я-кожи, рассматриваемой в виде интерфейса	69
Два клинических случая	72
Наблюдение за Хуанито, маленьким мальчиком	
с наклеенными бумажками	72
Наблюдение за Элеонорой, девочкой с головой-дуршлагом	73
II. СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ, ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ	75
6. ДВА ПРЕДШЕСТВЕННИКА Я-КОЖИ: ФРЕЙД, ФЕДЕРН	77
Фрейд и топографическая структура Я	77
Аппарат речи	78
Психический аппарат	80
Контактные барьеры	82
Я как интерфейс	89
Усовершенствование топографической схемы	
психического аппарата	94
Федерн: чувства Я, чувства флуктуации фронтиров Я	96
Оригинальность Федерна	96
Чувства Я	99
Чувства фронтиров Я	101
Наблюдение за Эдгаром,	
или состояние диссоциации при пробуждении	103
Чувства флуктуации фронтиров Я	103
Вытеснение состояний Я	104
7. Функции Я-кожи	106
Восемь функций Я-кожи	108
1. Поддержка. 2. Контейнирование. 3. Защиты от раздражителей.	
4. Индивидуация. 5. Интерсенсорность. 6. Оплот сексуального возбуждения. 7. Либинозная перезарядка. 8. Записывание следов.	
Атаки против Я-кожи	117
Другие функции	119
Случай извращенного мазохизма	120
Наблюдение за господином М.	120
Влажное обертывание, пак	123
Три примечания	125

8.	НАРУШЕНИЯ БАЗОВЫХ СЕНСОРНО-МОТОРНЫХ РАЗЛИЧИЙ	126
	О путанице респираторной заполненности и пустоты	126
	Наблюдение за Пандорой	129
9.	ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ Я-КОЖИ У НАРЦИССИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ И ПРИ ПОГРАНИЧНЫХ СОСТОЯНИЯХ	135
	Структурное различие между нарциссической личностью и пограничным состоянием	135
	Литературный пример нарциссической личности, «Изобретение Мореля» Бьоя Касареса	139
	Фантазм о двойной перегородке	143
	Нарушения убеждений и пограничное состояние	145
	Наблюдение за Себастьяной, или случай облической коммуникации	146
10.	ДВОЙНОЙ ЗАПРЕТ ПРИКОСНОВЕНИЯ, УСЛОВИЕ ВЫХОДА ЗА ПРЕДЕЛЫ Я-КОЖИ	151
	Имплицитный запрет прикосновения по Фрейду	152
	Эксплицитный христовый запрет	157
	Три проблематики прикосновения	161
	Запреты и четыре их дуальности	162
	1. Сексуальность или агрессивность. 2. Экзогенное запрещение, эндогенный запрет. 3. Запрет спаривания, запрет прикоснове- ния рукой. 4. Билатеральность.	
	Наблюдение за Жанетт	166
	От Я-кожи к Я-мыслящему	167
	Подход к интерсенсорности и организация общего чувства	171
III. ОСНОВНЫЕ КОНФИГУРАЦИИ		173
11.	СОНОРНАЯ ОБОЛОЧКА	175
	Наблюдение за Марсием	176
	Аудирование и фонация у грудного ребенка	181
	Сонодность по Фрейду	185
	Семифония	187
	Сононное зеркало	188
	Наблюдение за Марсием (окончание)	191
12.	ТЕРМИЧЕСКАЯ ОБОЛОЧКА	194
	Оболочка тепла	194
	Оболочка холода	195
	Наблюдения за Ошибочной, или дисквалификация тепловых ощущений	196

13. ОБОНЯТЕЛЬНАЯ ОБОЛОЧКА	199
Секреция агрессивности через поры кожи	199
Наблюдение за Гертсимиани	199
14. СПУТАННОСТЬ ВКУСОВЫХ КАЧЕСТВ	211
Пристрастие к горькому вкусу и путаница пищеварительного и дыхательного каналов	211
Наблюдение за Родольфом	211
15. ВТОРАЯ МУСКУЛЬНАЯ КОЖА	217
Открытие Эстер Бик	217
Наблюдение за Алисой	218
Наблюдение за Мэри	219
Две новеллы Шекли	220
Наблюдение за Жераром	222
16. ОБОЛОЧКА СТРАДАНИЯ	225
Психоанализ и боль	225
Сильно обожженные	227
Наблюдение за Арманом	229
Наблюдение за Полетт	230
От не востребованного тела к телу страдания	231
Наблюдение за Фаншом	233
17. ПЛЕНКА СНОВИДЕНИЯ	237
Сновидение и его пленка	237
Возврат к фрейдовской теории сновидений	238
Наблюдение за Зенобией: от оболочки страха к коже слов через пленку сновидений	243
Оболочка возбуждения, истерическая основа любого невроза	250
Нейрофизиология сна и разнообразие онейроидного материала	252
18. РЕЗЮМЕ И ДОПОЛНЕНИЯ	258
О происхождении понятий «оболочка» и «психическая кожа»	258
Термин «оболочка» у Фрейда	258
Концепт психической кожи Эстер Бик	260
Концепт психической оболочки Дидье Анзье	261
Геометрическая модель	264
Некоторые заявления, касающиеся теории психических оболочек (конституирование, развитие, трансформации)	265

Нарушения психических оболочек	268
Основные нарушения соединений-вложений двух психических оболочек	268
Специфические нарушения защиты от раздражителей и поверхности записывания	271
Непрерывность/прерывность двух оболочек в пограничных состояниях	273
Конструирование психической оболочки	273
Формальные означающие	273
Уровни конструирования психической оболочки и Я	276
Поющая кожа	278
APPENDIX	283
ЛИСТ ПАЦИЕНТОВ И ПЕРСОНАЖЕЙ	285
БИБЛИОГРАФИЯ	286
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	297
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	300

Дидье Анзё (1923–1999) — французский психоаналитик и профессор психологии. Он начал свое изучение психологии вместе с Даниэлем Лагашем в Сорбонне, затем продолжив свою академическую карьеру в Страсбурге (1955–1964) и Париже (1964–1983). В 1957 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Самоанализ Фрейда и его роль в возникновении психоанализа». До того, как стать психоаналитиком, Анзё работал клиническим психологом. В психологии его научный интерес был связан с психодрамой, дерматологией, проективными методами, особенно методом чернильных пятен Роршаха. В 1962 г. Д. Анзё создал ассоциацию CEFFRAP (Centre d'études françaises pour la formation et la recherche active en psychologie), благодаря которой провел первые во Франции эксперименты в групповом психоанализе и групповой психодраме.

Свою психоаналитическую карьеру Анзё начал с прохождения психоанализа у Ж. Лакана в 1949 г. После четырех лет плодотворной работы они расстались, и Д. Анзё продолжил свой анализ с другими психоаналитиками, в том числе с Д. Лагашем. Дидье Анзё участвовал в основании Французской психоаналитической ассоциации и был ее вице-президентом.

*
* *

Книга «Я-кожа» впервые была опубликована в 1985 г. Она обобщила разработки Д. Анзё, посвященные функционированию Я. Представленный Анзё концепт психической кожи или Я-кожи является разработкой метафоры оболочки, которую Э. Фрейд использовал в своей второй топике для описания Я. Я-кожа — это воплощение в различных модальностях

функций Я, проявляющихся на границе внутреннего и внешнего. Для Анзье Я-кожа — рабочий инструмент, позволяющий по-новому осмыслить и организовать психоаналитическую практику. Я-кожа — не только граница, но и контейнер содержащихся в Я переживаний, выполняющий ряд функций, обеспечивающих этому Я целостность.

В настоящее издание включено предисловие Эвелин Сешо ко второму французскому изданию, вышедшему в 1995 г., где она рассматривает разворачиваемую Анзье теорию в контексте исканий психоаналитиков второй половины XX в.

Все приводимые в книге цитаты из работ З. Фрейда сверены по немецкому изданию собрания его трудов¹.

---

¹ Freud, S. Gesammelte Werke. — Bd. I—XVIII.

«Я-КОЖА»: 10 ЛЕТ СПУСТЯ

Книге Дидье Анзье «Я-кожа» 10 лет. Приглашенная на этот юбилей, я вспоминаю о первом прочтении о Я-коже более двадцати лет назад... В то время концепция Я-кожи имела провокационный аромат: она реабилитировала одновременно Я и тело, понятие Я, денонсированное Лаканом и карикатуризованное Эго-психологией, и тело, о котором говорили, что оно пренебрегалось психоанализом в атаке, на этот раз со стороны лаканианского течения. Мое собственное формирование прошло, таким образом, через эти дебаты. Поэтому я с таким живым интересом следила за изложением идей Дидье Анзье. Книжке, появившейся в 1985 г., действительно предшествовала статья, опубликованная в 1974 г. в «Nouvelle Revue de Psychanalyse»¹. Дидье Анзье там так определял понятие Я-кожи: «Конфигурация, которую Я ребенка использует, основываясь на своем переживании поверхности тела, на протяжении ранних фаз своего развития для репрезентации самого себя в качестве Я». В результате эта «Я-кожа», названная таким образом, появляется в виде некоей первичной и метафоричной репрезентации Я, поддерживаемой тактильной сенсорностью. Она имеет первоначальные функции, построенные на модели функций кожи; при этом выделяются три из них: контейнирование; граница между внутренним и внешним, граница, устанавливающая защитный барьер против внешних стимулов; коммуникация и обмены с окружением.

---

¹ Anzieu, D. Le Moi-Peau. Le dehors et le dedans. // Nouvelle Revue de Psychanalyse. — 1974. — № 9. — P. 195–208.

В книге 1985 г. количество этих функций возросло; было дифференцировано девять функций: поддержка, контейнирование, защита от раздражителей, индивидуация, интерсенсорность, оплот сексуального возбуждения, либидинозная перезарядка, записывание следов и самодеструкция. В настоящем издании данная классификация была слегка изменена в плане последовательности, которая теперь такова: поддержка, контейнирование, константность, значимость, соответствие, индивидуация, сексуализация, энергизация. Девятая функция, токсичная, была удалена из списка, так как Дидье Анзье рассматривал ее в качестве некой антифункции, исходящей из «работы негативного». Такое перечисление функций, образующее совокупность, может показаться внушительным. Амбиция Я синтезировать — контролирует ли она все свои точки управления? Мышление — не испытывает ли оно воздействие от того, что оно исследует? Действительно, в изучении концепции Я-кожи делается усилие по систематизации, которая, впрочем, приводит к таблице в работе «Мышление»¹, таблице, преобразовывающей восемь функций кожи в восемь функций Я и восемь функций мышления. На вопрос Рене Каеса в 1994 г. Дидье Анзье² говорил: «Эта таблица восьми функций стоит того, чего она стоит: то, что приемлемо для кожи и уже более спорно для Я, дает мне преимущество направляющей нити; некоторые ячейки заполнены, другие мне необходимо заполнить <...>, некоторые останутся пустыми <...>, возможно, будет больше восьми функций, возможны перегруппировки; я стараюсь... временами это плодотворно, это позволяет мне содержать в порядке и постоянно развивать свое мыслительное поле». Этот список функций Я-кожи — список не исчерпывающий, не окончательный и, таким образом, возможно, в большей мере рассматриваемый как «перспективный объект» (Розолато), оставляющий открытым размеры неизвестного.

В 1985 г. к первому определению 1974 г. Дидье Анзье добавил, что Я-кожа служит ребенку для того, чтобы репрезентировать самого себя в качестве Я, «контейнирующего психическое содержимое», основываясь на своем переживании поверхности тела. Это уточнение делает акцент на этом различии между контенантом и содержимым и указывает направление, которое он все больше

¹ Anzieu, D. *Le Penser. Du Moi-peau au Moi-pensant.* — Paris: Dunod, 1994.

² Kaës, R. *Entretien avec Didier Anzieu.* // *Les Voies de la Psyché. Hommage à Didier Anzieu.* — Paris: Dunod, 1994. — P. 35.

и больше исследует, а именно контенанты, оболочки и способ их функционирования.

Второе издание, появившееся сегодня, действительно увеличилось по объему за счет последних работ, относящихся к понятию психической оболочки, ее строения и нарушений. От Я-кожи к концепции оболочки разворачивается целая эволюция, завершение которой отмечает последняя книга о Мышлении.

На протяжении десяти лет Я-кожа действительно познала многочисленные разработки как в мышлении самого «создателя», так и в исследованиях других авторов. Последовавшие затем разнообразные работы в разных направлениях свидетельствуют о плодотворности понятия, предложенного Дидье Анзьё.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «Я-КОЖА» У ДИДЬЕ АНЗЬЁ

Теоретизация, которую он прогрессивно развивал на протяжении этих двадцати лет, выделяется одновременно из метапсихологии и психоаналитической психологии. От Я-кожи к концепту оболочки — предложенные понятия предстоит раскрыть в этих двух характеристиках.

Метапсихология и психоаналитическая психология: различие этих двух эпистемологических полей было углублено Даниэлем Видлөхером в недавней работе, посвященной «Метапсихологии психоаналитического слушания»¹, где он отмечает: «Метапсихология есть теория психоаналитического опыта»², тогда как «психоаналитическая психология — это ветвь психологии, изучающая механизмы наблюдаемых операций в психоаналитической ситуации». Он уточняет также, что это различие «не означает теоретического расхождения, но изучает психические явления на разных уровнях наблюдения». Метапсихология форматирует то, что рождается при встрече мысли психоаналитика и мысли анализанта. Она исходит из практики и делает возможной репрезентацию процессов, разворачивающихся там. Психоаналитическая психология имеет целью развитие познаний о поведении сознания и открыта междисциплинарным методологическим сопоставлениям. Когда метапсихология становится психоаналитической психологией, она выходит из поля

¹ Widlöcher, D. Pour une métapsychologie de l'écoute psychanalytique. // Communication au cinquante-cinquième Congrès des psychanalystes de langues françaises des pays romans. — Paris, mai 1995.

² Курсив мой — Э. С.

своего открытия. Она теряет свою субъективистскую позицию, она становится теоретическим объективированным, даже объективизированным корпусом благодаря соответствующим методам, которые могут быть различными. Это скольжение, это экспортирование концептов в свое время было реализовано Даниэлем Лагашем, который таким образом дал клинической психоаналитической психологии свои инструменты мышления. Мне кажется, что Дидье Анзьё вписывается в эту преемственность.

Дидье Анзьё обосновал существование Я-кожи одновременно на этологических, групповых, проективных и дерматологических данных и на психоаналитической клинике. Именно в качестве психоаналитика, сталкивающегося с необходимостью обдумывать аналитический опыт, он и создал это новое понятие. Отсылка к другим полям приходит как испытание реальности, которое позволило бы подтвердить здравый смысл существования. Это внутреннее давление, порожденное аналитической встречей и ее трудностями, побуждающее к номинации того, что до этого не было репрезентабельным. И к тому же именно в анализе может раскрываться сущность данного понятия в его психической операциональности. Выходя за пределы поля, где она берет свое начало, метапсихология в моем понимании может найти большее поле приложения, чем открытия. Я-кожа стала концептом психоаналитической психологии вслед за его метапсихологическим созданием.

Я-КОЖА: МЕТАПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

Я-кожа берет значение в некоторой аналитической практике, и ее метафорическая формулировка характеризует способ психоаналитического мышления.

Клинический источник... В 1970-е гг. психоаналитики все больше и больше интересовались новыми психическими организациями, встречающимися у субъектов, представляющих нарциссическую патологию или пограничные состояния. Эти пациенты действительно задают специфические проблемы как относительно понимания их психического функционирования, так и относительно стратегии ведения их анализа. Психоаналитический подход к этим субъектам выявляет специфические искажения Я, характеризующиеся отсутствием границ, чреватых внезапным появлением влечения. Нарушения Я в качестве интерфейса между внутренним и внешним сопровождаются нарушениями мышления. Нарушения границ Я и нарушения мышления

определяют перспективу исследования, приведшую к Я-коже, а затем к ставшему его продолжением «Мышлению»¹. Исследование Я-кожи позволяет уловить особую организацию некоторых расстройств, придать новый смысл актуализированным психическим трудностям и найти способ адекватной аналитической работы. В 1986 г. Дидье Анзье определил свои исследования следующим образом: «исследовать различные конфигурации Я-кожи <...>; связать каждый дефицит психической функции с особым типом патогенного посягательства, реализованного окружением, на Я-кожу в процессе ее образования и уточнить тип психоаналитической работы, осуществляемой для противостояния этому дефициту»². Исследование различных функций Я-кожи снабдило психоаналитическую работу своими целями: «устанавливать, поддерживать, консолидировать, консистенция, контейнирование, константность, значимость, согласованность, индивидуация, сексуализация, энергизация мышления»³.

Постепенно благодаря данному подходу клиническое поле расширилось. Функции Я-кожи снабжают таблицу⁴ прочтением каждой психической функции, предлагая теоретическую модель, выходящую за рамки своего источника, дабы вписаться, в моем понимании, в психоаналитическую психологию.

Я-кожа: ее тройная деривация...

Дидье Анзье уточнил⁵, что между Я и кожей функционирует тройная деривация: метафорическая (Я — метафора кожи), метонимическая (Я и кожа обоюдно заключают в себе друг друга как целое и часть) и в эллипсе: черточка между Я и кожей маркирует некий эллипс (обобщающий образ двойного средоточия: мать и дитя).

¹ Столкнувшись с подобной клиникой и размышляя подобным образом, Андре Грин, со своей стороны, предложил в 1976 г. концепт границы, затем в 1982 г. — двойной границы. Впрочем, мне кажется, что именно его понятие третичных процессов, и об этом также говорил Франсуа Дюпарк, конституирует вид психической оболочки, разработанной в языке. Я их приравниваю к означивающим демаркации Розолато и формальным означающим (Анзье) в хиазме бессознательного и предсознательного, равно как и внешнего и внутреннего.

² Anzieu, D. Une peau pour les pensées. Entretiens avec Gilbert Tarrab. — Paris: Clancier-Guenaud, 1986. — P. 76.

³ Anzieu, D. Le penser. — Paris: Dunod, 1994. — P. 15. (Восемь функций от Я-кожи до Я-мыслящего.)

⁴ Anzieu, D. Ibid.

⁵ Anzieu, D. L'Épiderme nomade et la peau psychique. — Paris: Éd. Aspygée, 1990. — P. 40.

Я-кожа есть прежде всего метафора, и именно там она черпает свою креативную силу; она является также метонимией, и именно там она находит свою гарантию и концептуальную точность; ее конфигурация в виде эллипса выводит ее из солипсизма и вводит в отношение с другим. Жан Лапланш в свое время показал, что генеалогия¹ Я у Фрейда объединяет обе линии — метафорическую и метонимическую. Метафорическая линия опирается на серию конститутивных идентификаций Я; метонимическая — на непрерывность между Я и организмом, из которого оно берет начало и чьим придатком оно постепенно становится в адаптивной функции. Двойная метафорометонимическая деривация или, скорее, метафоро-метонимическое колебание было расценено Ги Розолато² как движущая сила игры и искусства, но также как теория, сопрягающая креативность и строгость мышления.

Метафор много во фрейдовском словаре, зачастую они заимствованы из различных областей: медицины, экономики, архитектуры, археологии, естественных наук и т. д. Метафора, часто используемая в поэзии, — всегда находка, сотворенная воображением; она происходит из той возможности, что в немецком языке именуется «фантазированием» и используется Фрейдом в метапсихологическом мышлении:

«Без метапсихологических спекуляций и теоретизирования — я чуть не сказал: фантазирования, — здесь ни на шаг не продвинешься»³.

Фрейд прибегает к этой необходимости в метапсихологическом фантазировании, напоминая о трудности в понимании того, как Я может подавлять влечение. Идея Я-кожи представляет собой по своему оригинальный ответ на такой острый вопрос в пограничной патологии. Открытие метафоры подчиняется интуиции. Схватенная внезапно неожиданным сходством метафора есть открытие смысла, она удивляет как «Witz (остроумие)», это слово ума, девуалирующее в речи бессознательный смысл. Метафора поддерживается «отношением неизвестного» (Розолато), которое она не сшивает, но, напротив, оставляет открытым. Она интимно связана со всем процессом

¹ *Laplanche, J. Dérivation des entités psychanalytiques. // Laplanche, J. Vie et Mort en Psychanalyse. — Paris: Flammarion, 1970. — P. 197–214.*

² *Rosolato, G. Éléments de l'interprétation. — Paris: Gallimard, 1985.*

³ *Freud, S. (1937) Analyse avec fin et analyse sans fin. Résultats, idées, problèmes. // Freud, S. Oeuvres complètes. — Paris: P. U. F. — T. II. — P. 240. [Freud, S. Die endliche und die unendliche Analyse (1937c). // G. W. — Bd. XVI. — S. 69(S. 59–99).]*

творения, так как свидетельствует о свободе мыслить и ассоциировать. Я-кожа есть образец метафорического вклада. Сопоставление Я и кожи влечет наслоение закрепленных за каждым из них значений; семантическое поле одного накладывается на семантическое поле другого, не перекрывая его; согласно Д.В. Винникотту от этой встречи рождается новое переходное пространство. Я-кожа становится уникальным творением, а также изобретением и открытием.

Перемещаясь, слово передает имплицитное сравнение. Это в самой природе метафоры быть связанной (отныне не только с воображением), но и с воображаемым, характеризуемым, в лакановском понимании, неким восприятием сходств. Разумеется, начиная с Лакана воображаемое приняло скорее уничижительную коннотацию, не подходящую здесь; я хочу лишь отметить, что метафора играет в языке роль отражающего зеркала, дающего новую идентичность. Таким образом, Я-кожа есть метафора кожной поверхности, с которой она поддерживает сходство; ее конституция также рефлексивна благодаря интроекции материнской функции. Однако для Анзье отношение между кожей и Я, а затем и мыслью, основывается на истинной аналогии. Аналогия, как он это подчеркивает, обозначает «раппорт идентичности структур и функций»¹. Но, определяя сходство как аналогию, не становится ли метафора метонимией? Более того, если есть аналогия, точная аналогия между Я и кожей, нет ли риска в опредмечивании Я? Аналогия — не сшивает ли она промежуток между образом и самим предметом?

В своем метафорическом измерении Я-кожа создает образ. Метафора порождает психические образы. Эти образы, как это недавно изложил Серж Тиссерон², прибегают к помощи сенсорики и моторики. Я-кожа воскрешает в памяти одновременно смысл прикосновения, но также и активное движение, приводящее субъекта в контакт с частью его самого так же легко, как и с другим. Кроме того, метафора побуждает к активному участию, она вовлекает другого в свое перемещение, в креативную иллюзию совместного, разделенного опыта. Поскольку ее этимология выявляет это, метафора есть внутриспсихический и межсубъектный перенос с одного места в другое. Конфигурация Я-кожи усиливает, таким образом, процесс ее раскрытия в аналитическом распорядке, но при условии, что Я-коже отводится своя ниша, креативная по смыслу. Действительно, Я-кожа как метафора

¹ Anzieu, D. *Le penser*. — P. 13.

² Tisseron, S. *Psychanalyse de l'image*. — Paris: Dunod, 1995.

говорит с каждым, даже если она не говорит каждому в точности то же самое! Я-кожа служит для стимуляции воображаемого, и случается, что каждый развивает метафору в ином направлении, что наблюдается в некотором количестве написанного о Я-коже. Дидье Анзье в 1993 г.¹ говорил в беседе с Рене Каес: «Слово [Я-кожа] вызывает реакцию, оно побуждает к обретению новых мыслей или к активному переосмыслению мыслей, лишенных остроты».

Если Я-кожа и имеет этот живой и стимулирующий эффект, так это также от факта ее телесной опоры, что для меня означает укрепление ее влечений. Дидье Анзье действительно вновь рассмотрел и расширил фрейдовское понятие опоры. Известно, что Фрейд использует термин «опора» для обозначения отношений между влечениями самосохранения и либидинозным влечением: последнее находит свой способ и свои объекты, опираясь на удовлетворение жизненных потребностей. Именно в этом смысле Жан Лапланш со своей стороны вновь подошел к рассмотрению и развил это понятие опоры. Для Дидье Анзье, в согласии с Рене Каесом, опора есть модель диалектической связи между психикой и телом: взаимная связь, где душа опирается на тело, так же как и тело опирается на душу. Рене Каес добавляет сюда тело социальное. Мы могли бы сказать, что это социальное тело изначально представлено окружением ребенка, главным образом матерью, предоставляющей необходимую опору для развития субъекта. Я-кожа образуется через опору на функции кожи и через иллюзию, которой питает его мать, о том, что у него с ней общая кожа. Эта двойная опора на тело и на объект составляет основу начальной работы с репрезентацией в психоанализе. Оригинальность Дидье Анзье состоит в том, чтобы отвести сенсорности превалирующее место и сделать из тактильной сенсорности модель, образующую Я и мышление. Чем же становится сексуальное в этом расширении опоры? Я вернусь к этому существенному для меня вопросу чуть позднее, когда мы будем вновь рассматривать проблему влечения.

От Я-КОЖИ К ОБОЛОЧКЕ

Термин «оболочка» появился в размышлениях Дидье Анзье очень рано: начиная с 1976 г. он писал о сонорной оболочке Я², и сло-

¹ Kaës, R. Entretien avec Didier Anzieu. // Les Voies de la psyché. Hommage à Didier Anzieu. — Paris: Dunod, 1994. — P. 45.

² Anzieu, D. L'enveloppe sonore du Moi. // Nouvelle revue de Psychanalyse. Narcis-ses. — Paris: Gallimard. — N° 13, Printemps 1976. — P. 161–179.

во «оболочка» очень часто звучало в первом издании «Я-кожи», но особенно в описательном смысле. Сам концепт в некотором роде оставался в латентном состоянии на протяжении многих лет, до того как он утвердился вместе с психическими оболочками в 1986 г.¹ Эта работа включена в настоящее издание «Я-кожи».

Концепт «оболочка» — общее абстрактное понятие, также вписывающееся в метапсихологию, в то же время способствующее развитию психоаналитической психологии. Именно аналитическая ситуация побуждает Дидье Анзье обратиться к среде как проекцию двух основных психических оболочек. Аналитический распорядок² действительно, согласно Анзье, однороден структуре психического аппарата. Правило абстиненции соответствует защите от раздражителей, а правило свободных ассоциаций — поверхности записывания. «Совмещение этих двух правил даже внутри одного фундаментального правила отражает вложение, берущее начало из конститутивных оболочек психики, преобразующих ее в аппарат для обдумывания мыслей, контейнирования аффектов и преобразования экономики влечения».

Кожная оболочка, создающая основу для Я-кожи, — самая важная в структурном плане, но она не исключает другие типы оболочек, опирающиеся на иные сенсорные модальности (оболочка сонорная, визуальная, обонятельная) или на другие функции (оболочка сновидения, оболочка памяти...). Концепт оболочки ведет исследование к изучению контенантов в противовес содержанию. Оболочка позволит описать топографию и топологию, не только одну топику. Она ставит вопрос о природе влечения, которое ее нагружает.

Теория оболочек опирается на предшественников: Фрейд с идеей защиты от раздражителей и контактных барьеров, Федерн с идеей «фронтира³ Я», Блон с идеей контенанта. Теоретизация, предлагаемая Дидье Анзье, начиная с этого концепта оболочки представляется наиболее оригинальным аспектом его мышления, но и в то же время задающим наибольшее количество метапсихологических вопросов.

Исследование оболочек ведет к изучению топографии и топологии. Это изучение плодотворно и оригинально, так как оно открывает познанию психический материал, до сих пор не признаваемый:

¹ Anzieu, D. Introduction à l'étude des enveloppes psychiques. // Revue de Médecine Psycho-somatique. — déc. 1986. — N° 8, — P. 9–22.

² Anzieu, D. Cadre psychanalytique et enveloppes psychiques. // Journal de la psychanalyse de l'enfant. Le Cadre. — Paris : Bayard. — 1986. — N° 2. — P. 12–24.

³ [Фронтир — граница между освоенным и неосвоенным.]

психическое пространство, отграничивание психической территории. Оно позволяет Дидье Анзье описать формальные означающие, которые есть «репрезентации конфигураций тела и объектов в пространстве, равно как и их движений», и уловить в этом различные патологические модальности. Термин «означающее» для этих репрезентаций спорен в той мере, когда речь не идет о вербальном регистре, но Дидье Анзье объяснил это пространно и вернулся к позиции Ги Розолато, касающейся означающих демаркации. Формальные означающие — это репрезентации психических контенантов. Они придают смысл страданиям, испытываемым в обменах, по своей природе аналогичных обменам с матерью. Они характеризуются как сознательные или предсознательные, стало быть, доступные, когда внимание направлено на них. Однако бессознательной является их структура, выявляющая нарушения в ранних отношениях.

Этот подход, касающийся оболочек, не единственный в исследовании психического содержимого, но он дополняет это исследование. На примере клинических наблюдений Дидье Анзье дифференцировал многие уровни понимания и интерпретации: уровень влечения, объекта или топологии. Например, он подчеркивает: «Психоаналитическая работа над психическими контенантами и их самодеструкцией не должна привести к потере из вида параллельной работы над потребностью в примордиальном объекте и над эффектами его отсутствия»¹. В аналитической практике в зависимости от ситуации, момента или стратегии в ходе лечения работа может переходить от одного способа интерпретации к другому. В ситуации психоанализа сложность системы психического функционирования приводится в состояние мобильности, но психоаналитику при- сущее в зависимости от своей способности менять «вертекс», в понимании Биона, находить и выбирать наиболее подходящие пути анализа. Креативность психоаналитика, примером которой в свое время послужил Винникотт, приветствовалась, в частности, в клинике в пределах анализабельного. Дидье Анзье открыл нам способ оригинального подхода к исследованию топологии оболочек. Каждый в состоянии оценить релевантность этого. Но мне кажется, что воображаемый искусный полемист (тот, с которым Фрейд спорит в «Проблемах дилетантского анализа») мог бы задать вопросы нашему автору по ряду пунктов: фрейдовская топика ставит

¹ Anzieu, D. Les signifiants formels et le Moi-peau. // Anzieu, D. Les enveloppes psychiques. — Paris: Dunod, 1987. — P. 17.

в затруднение связь между различными инстанциями. Акцент, поставленный на топологии, — не рискует ли он аннулировать внутрипсихический конфликт? Во что превращаются динамическая и в особенности экономическая перспективы? Какое место отводится влечению? И каким влечениям?

В работе «Я-кожа» Дидье Анзьё, безусловно, отводит привилегированное место исследованию Я и его оболочек. Но эти контенанты служат как раз для того, чтобы контейнировать представления, аффекты, словом, репрезентанты влечения. Не будем забывать, что Я-кожа опирается на тело, где укореняется влечение. «В первой фазе влечение обретает определенную форму. В финальной фазе принимает обозначение. А между этими двумя фазами оно занимает место»¹. Этой лапидарной фразой Дидье Анзьё резюмировал в 1984 г. свою позицию о влечении. Вслед за Фрейдом он утверждал, что влечение имеет телесный источник, связанный с ранними сенсорно-моторными переживаниями. Затем психический аппарат репрезентирует влечение, воображаемым образом локализуя его в одном из органов чувств, в определенном отверстии поверхности тела. Двойной запрет прикосновения отграничивает воображаемое пространство, где сможет развернуться влечение. Наконец, язык позволяет включить влечение в фантазматичный сценарий, по которому в пространстве и времени расставляются источник и цель. Я-кожа и оболочки позволяют локализовать в воображаемом пространстве возбуждение от влечения. Если влечение остается полностью связанным с понятием Я-кожи, какова же его природа в нем?

Для Дидье Анзьё психические оболочки нагружены двумя типами влечений: привязанности и к самодеструкции. Этот дуализм мне кажется по крайней мере удивительным, и он ведет к исчезновению либидо. Действительно, влечение привязанности, описанное Боулби и подхваченное в работах Харлоу, не есть сексуальное влечение. Оно имеет форму влечения самосохранения. Если Фрейд и говорил о том, что список влечений не закрыт, о чем напоминает Дидье Анзьё, то он говорил это в весьма конкретный момент своего размышления; несмотря на то что частичные влечения распределены по стольким эрогенным зонам, они, подобно влечениям самосохранения, могут быть такими же многочисленными, как и жизненные потребности. Однако

¹ Anzieu, D. Le corps de la pulsion. // La pulsion pour quoi faire? Colloque de l'AFP du 12 mai 1984. — P. 64.

вторая теория влечений объединяет и унифицирует их. В «Абрисе психоанализа» Фрейд пишет:

«Можно различать множество влечений, чем обычно и занимаются. Для нас важно знать, можно ли возвести все эти многообразные влечения к нескольким основным. Мы узнали, что влечения могут менять цель (путем смещения), а также способны заменять друг друга, энергия одного влечения может переходить на другое... После долгих колебаний мы приняли решение допустить существование лишь двух основных влечений: *эроса и влечения к деструкции*»¹.

Эрос, влечение к жизни, к любви, стремится к постоянному слиянию еще больших частей; инстинкт деструкции, влечение к смерти, находится на службе у разъединения связей. Известно, что в этой второй теории влечений Фрейд после некоторого колебания привязывает влечения самосохранения к Эросу. В этой перспективе психические оболочки загружаются влечением к жизни и/или влечением к деструкции, атакующим связи. Эта ясная оппозиция появляется в тексте Дидье Анзье в 1993 г., двум главам которого он дает следующие названия: «Загрузки контенантов посредством влечений к жизни» и «Хранилища, атаки, деструкции психических контенантов посредством влечения к смерти». Однако он поддерживает утверждение о том, что влечение привязанности дифференцировано. Критерии удовлетворения потребности в привязанности, по Боулби (Bowlby, 1969), таковы: обмен улыбкой, обмен чувственной коммуникацией во время кормления грудью, надежность держания, теплота контакта, ласкающие жесты, к которым Дидье Анзье добавляет ритмическую согласованность. Влечение привязанности удовлетворяет также потребность в безопасности, опирающуюся на надежность объектов, на возможность войти в отношения с ними. Приступая к главе о функциях Я-кожи, Дидье Анзье, вплоть до этого момента относивший влечение привязанности к влечениям самосохранения, кажется, испытывает необходимость в пояснении. Он пишет: «Здесь мы находимся не в регистре удовлетворения жизненных потребностей самосохранения (питание, дыхание, сон), на которых сексуальные и агрессивные желания будут строиться путем установки опоры, а в регистре коммуникации (довербальной

¹ Freud, S. (1938) *Abrégé de Psychanalyse*. — Paris: P. U. F. 1973. — P. 8. [Freud, S. *Abriß der Psychoanalyse*(1940a [1938]). // G. W. — Bd. XVII. — S. 70 {63–138}.]

и инфралингвистической), на которой языковой обмен находит подходящий момент, чтобы укрепиться». Некая невербальная коммуникация в аналогичном регистре, характеризующая ранние обмены. Термин «означающий» для формальных означающих находит здесь свое подтверждение, так как речь на самом деле идет о некоем виде языка: жестикуляционном, мимическом, поструральном и т. д. Как понять, что обмены между матерью и ребенком не пресыщены сексуальным, учитывая загрузку ребенка в материнском и родительском желаний? Установление опор предполагает два периода, если не хронологических, то по крайней мере логических (период самосохранения и период сексуального), но коммуникация сразу насыщена бессознательно сексуальным и загадочным. Загадочные сексуальные означающие, предлагаемые Жаном Лапланшем, позволяют осознать место родительского бессознательного в ранней коммуникации и дальнейших обменах. Однако мне представляется невозможным следовать за Жаном Лапланшем, когда он утверждает, что влечение исходит от другого; влечение, конечно же, мобилизованное другим, для меня связано с субъектом. Но так ли уж нужно следовать за Дидье Анзье по дороге этой десексуализации обменов, составляющих психические оболочки?

Все эти аспекты коммуникации, мне кажется, можно подвести под понятие... «любовь». Слово «любовь» на самом деле, говорит Фрейд¹, объединяет все формы любви более или менее сексуализированной. Фрейд различает также любовь чувственную и не чувственную, нежность и все те формы любви, в которых сексуальная цель влечения тормозится. Но тогда, отдавая отчет в многообразии форм любви, он рассматривает их как разнообразное выражение общего влечения. Влечение привязанности десексуализирует обмены между матерью и ребенком — дофрейдовская десексуализация. Мне кажется, Я-кожа и психические оболочки искажаются загрузкой влечения к жизни в качестве любви. Сам Дидье Анзье, не делает ли он вывод из бесед с Жильбером Таррабом следующими словами: «Любовь² проявляет интеллект, когда она способствует конструированию у ребенка, друга, супруги или компаньона оболочки гибкой и прочной, которая эту любовь отграничивает и унифицирует... живую кожу для его мыслей»?

¹ Freud, S. (1921) *Psychologie des masses et analyse du Moi*. // O. C. P. — Paris: P. U. F. — T. XVI. — P. 49–50.

² Курсив мой! — Э. С.

ПСИХИЧЕСКИЕ ОБОЛОЧКИ, РАССМОТРЕННЫЕ ДРУГИМИ АВТОРАМИ

Я-кожа и психические оболочки вызвали появление многих работ либо строго психоаналитического, либо психологического плана.

Психические оболочки многочисленны, утверждает Жан Гийомен¹ в статье о психических оболочках психоаналитика. Фактически труды, разработанные на эту тему в последние годы, многообразны и затрагивают самые различные аспекты. Я-кожа и оболочки составляют, таким образом, открытую, развивающуюся полным ходом модель. В качестве примеров исследовательского разнообразия отмечу лишь некоторые работы, опубликованные психоаналитиками или психологами-психотерапевтами, в первую очередь те, что касаются сенсорных оболочек.

Оболочка визуальная

Дидье Анзё не изучал специально визуальную оболочку; но он интересовался сновидением — начиная от сновидений самоанализа Фрейда до пленки сновидения. Образы сновидения преимущественно визуальны, даже если они включают другие сенсорные модальности, в частности, сонорные, а также моторные. По его мнению, сновидение — это восприимчивая пленка, реактивирующая функцию Я-кожи, функцию чувствительной поверхности и записывания следов. Для Дидье Анзё нужно, чтобы некая Я-кожа конституировалась, для того чтобы субъект видел сны и в то же время чтобы и сновидение способствовало реконституции оболочек Я-кожи, атакованных в дневной жизни. Однако визуальное, спроецированное на экран сновидение вовсе не является визуальным. Оно не является восприятием. Это всего лишь внутренняя конфигурация репрезентаций, анимированных влечением. Визуальное в сновидении позволяет увидеть во вторичной конфигурации след от восприятий в то время, когда они как раз потеряны из виду².

Каково место репрезентации в восприятии? Или как понять путь влечения в восприятии? Вот вопросы, на которые в своей работе пытается ответить Ги Лавалле.

¹ *Guillaumin, J.* Les enveloppes psychiques du psychanalyste. // Les enveloppes psychiques. — Paris: Dunod, 1987. — P. 138–180.

² *Pontalis, J.B.* Perdre de vue. — Paris: Gallimard, 1988.

Ги Лавалле¹ продолжает изучение визуальной оболочки, опираясь на свой опыт анимации в видеокружке, созданном в дневном стационаре для психотических подростков. Он был вдохновлен одновременно работами Андре Грина по восприятию и негативной галлюцинации и исследованиями Дидье Анзё по Я-коже и психическим оболочкам. Он увлекся декомпозицией различных действий, при- сущих зрению. Таким образом он пришел к описанию «контенантной и субъективантной петли зрения», способной ассимилироваться с психической оболочкой.

Ги Лавалле говорит о специфичности зрения по отношению к другим сенсорным системам. Зрение на самом деле позволяет трогать на расстоянии, оно продолжает область Я за пределами тактильного. Так, в противовес другим чувствам восприятие происходит на расстоянии от тела, не доставляя органического удовольствия. Удовольствие для глаз — это удовольствие воспринимающего взгляда, а не органа зрения, глаз не является эрогенной зоной. Визуальный образ, продукт взгляда, не прочувствован внутри глаза, он «декорпорирован». Данное слово имеет отсылку на концепцию Андре Грина для обозначения отдаленности телесных ощущений и тела в общем, составляющей основной параметр процессов сублимации. «Декорпорация» превращает зрение в чувство, наиболее близкое к сублимации, необходимой для мышления, а также связывает восприятие и репрезентацию. Проследим за схемой петли, предлагаемой Ги Лавалле.

- Визуальный стимул является частью реальности в неразвитом состоянии. Согласно терминологии Биона он производит *бета-элементы*. Образ, сформированный на сетчатке, еще не имеет никакого значения. Значение — это воздействие стимула на бессознательное, которое начинает создавать это значение. В действительности визуальный стимул вступает в контакт с бессознательными репрезентациями без малейшего фильтрования на этом уровне.

- Обычно репрезентации, вызванные стимулом, проецируются затем на воспринятый образ. Они дают сетку для считывания чисто оптического образа: восприятие символизируется. Но не все видимое воспринимается; часть его негативируется, оттесняется или откладывается в сторону в операции, аналогичной кадрированию. Это

---

¹ *Lavallee, G. La boucle contenant et subjectivante. // Les contenants de pensée. — Paris: Dunod, 1994. — P. 87–126; и Lavallee, G. L'écran hallucinatoire négatif de la vision. // L'activité de la pensée. — Paris: Dunod, 1994. — P. 69–143.*

ограничительное формообразование стимула равноценно денотации, «визуальному означающему», «означающему демаркации» согласно теории Ги Розолато.

К тому же процесс символизации предполагает существование психического экрана, конституированного негативной галлюцинацией материнского лица. Ги Лавалле подхватывает идею Дидье Анзье о фантазме общей кожи матери и младенца, фантазме, необходимом для конституирования Я-кожи, и перемещает ее в область зрения. Таким образом, он выдвигает гипотезу об общей «визуальной коже» между матерью и ребенком: малыш у груди, фиксирующий глаза своей матери, находится *внутри* глаз своей матери, без дистанции, внутри двумерной идентификации. Эта иллюзия в дальнейшем создаст психический визуальный экран во время негативной галлюцинации матери и ее лица. Этот невидимый экран — полутемный или полупрозрачный, и на этом экране происходит символизация образа. Экран также обладает отражающей функцией, позволяющей устанавливать петлю.

• Последняя операция, существенная, — это интроспекция в Я символизированного восприятия. Стимул трансформирован в предсознательный психический материал, готовый к облачению в слова.

Таким образом, контейнирующая петля обеспечивает переход образа к слову, бессознательного мышления (визуальный образ) к сознательному (слово). Тактильное есть сенсорная модель психической рефлексивности, внедренной в визуальную петлю. Эта петля может быть ассимилирована с психической оболочкой. На самом деле она составляет слой защиты от раздражителей между визуальными стимулами и присутствием им внутренним возбуждением; она имеет функцию контенанта (которую Рене Каес называет контейнером), то есть она содержит и активно преобразует мыслительные *бета*-элементы в *альфа*-элементы; она также устанавливает контактный барьер, обеспечивая связь и дифференциацию внутреннего и внешнего, сознательного и бессознательного.

Патологические нарушения визуальной оболочки будут иметь место там, где расположена сущность ее контейнирующей функции, — на уровне контейнирующих петель и психического экрана:

— торможение проективной активности через негативную галлюцинацию репрезентаций, вызванных восприятием, которое запрещало бы их проекцию; в данном случае экран становится слишком темным за счет переизбытка негативной галлюцинаторной полярности; чистый психоз, аутизм, мимолетная тревожная деперсонализация;

— излишек проекции разрывает вторую (интроектную) петлю и вносит путаницу между внутри/извне. Восприятие и репрезентации тяготеют к смешиванию в позитивных галлюцинаторных явлениях. Экран слишком прозрачен за счет избытка позитивной галлюцинаторной полярности. Это психотическая экс-корпорация.

Разработка Ги Лавалле, опирающаяся на тонкое клиническое знание психоза, позволяет ему выдвинуть некую общую модель визуальной оболочки.

Сонорная оболочка

Дидье Анзё предложил идею сонорной оболочки еще в 1974 г., и этому он посвящает одну главу данной книги. Эдит Лёкур продолжила изучение звука, опираясь на свой опыт музыкотерапевта¹.

Для Дидье Анзё сонорная оболочка состоит из звуков, попеременно издаваемых окружением и ребенком. Таким образом, эта сонорная купель предвосхищает двойную поверхность Я-кожи, обращенную одновременно внутрь и наружу. Мать предоставляет ребенку сонорное зеркало, посылающее ему отраженный образ его криков или вокализаций. Сонорное зеркало структурируется только при условии, если мать выразительно сообщает ребенку нечто о себе или о нем самом и что-либо относительно качества психических переживаний ребенка. Наконец он полагает, что сонорное пространство — это первое психическое пространство, пространство, визуализацию которого он представляет в виде пещеры, стало быть, сонорной пещеры.

Эдит Лёкур выдвигает два условия для установления сонорной оболочки.

1. Сонорное прошлое должно иметь возможность опоры на визуальное и тактильное прошлое. Она настаивает, в частности, на важности ассоциации «прикосновение — слушание»; участие прикосновения и моторики на самом деле является определяющим для разграничения продуцируемых и внешних звуков, внутри и извне. Аудио-тактильная связь опыта ротовой полости подвергается испытанию в оральном выражении, в речи (произношение, артикуляция, фразирование...) или пении.

2. Затем необходимо, чтобы имела место психическая разработка сонорного прошлого начиная с Я-кожи. Психическая

¹ Lecourt, É. L'enveloppe musicale. // Les enveloppes psychiques. — Paris: Dunod, 1987. — P. 199–222.

разработка сонорного прошлого производится путем интеграции различных компонентов: сонорная купель, двусторонние обмены, сонорная полость, интеграция «фоновых звуков». Так устанавливаются интерсенсорные, тактильные, визуальные, сонорные связи. Эдит Лёкур считает, что качество оболочки подлежит рассмотрению только с опорой на существование Я-кожи. По ее мнению, эта сонорная оболочка состоит из двух сторон: вербальной и музыкальной. «Вербальная сторона — более линейная (во времени), одноголосая видимая нить ткани, обращенная к внешнему. Музыкальная сторона — плотная, соткана из голоса (как в пространстве, так и во времени), многоголосая, обращена больше к внутреннему». Та и другая неразрывны и взаимно дополняют друг друга: речь и музыка являются двумя сторонами человеческого общения. Некоторые психотические патологии свидетельствуют о разрыве этих двух сторон сонорной оболочки.

Клиническая картина, на которую опирается Эдит Лёкур, кажется, является клиникой психотических субъектов, для которых музыкотерапия находит, может быть, свое лучшее применение.

Наряду с сенсорными оболочками были изучены различные оболочки, соответствующие некой организации или функции психики. Так, Анни Анзё описала оболочку возбуждения истерика, работа упоминалась уже в первом издании «Я-кожи». Мишлин Энрикез тоже предложила ранее идею оболочки страдания¹, особенную форму Я-кожи, которую Дидье Анзё подхватил в гл. 10 своей книги.

Оболочка памяти

Мишлин Энрикез заинтересовалась оболочкой памяти в 1987 г.² В этом тексте она затрагивает память и ее патологию начиная с единой клинической ситуации, когда субъекты приходят пожаловаться на аналитический опыт, оставивший у них болезненное воспоминание. Вместо осмысления такой ситуации относительно негативного переноса Мишлин Энрикез рассматривает это страдание как остаток, касающийся переноса некоей старой «раны памяти» (Мишель Шнайдер), не разработанной первым анализом. В качестве гипотезы она выдвигает следующее:

¹ *Enriquez, M. Aux carrefours de la haine. Du corps de souffrance au corps en souffrance. 2e partie, ch. 4. — Paris: Épi, 1984.*

² *Enriquez, M. L'enveloppe de mémoire et ses trous. Les enveloppes psychiques. — Paris: Dunod, 1987. — P. 90–113.*

— «фантазм об общей памяти между аналитиком и анализантом — одно из условий плодотворности работы по воскрешению в памяти во время лечения и доступа к переживанию истории;

— отрицание исторической реальности, разгрузка — могильщички фантазматической репрезентации общей памяти».

Эта «общая память», необходимая для установления оболочки памяти, закладывается на модели фантазма об общей коже, обеспечивающего образование Я-кожи.

Две формы памяти и забвения, встречающиеся в опыте анализа, позволяют определить функции оболочки памяти.

1. Память не запоминающая, однообразная и не стираемая со временем, ведущая к неорганизованной, несвязанной амнезии. Она создается с помощью следов от впечатлений, оставленных «оказываемыми на жизнь реальными влияниями влечений и фантазмов». Эти впечатления указывают на «пассивную рецептивность механизма влечения по отношению к инфантильному прошлому»; они изначально бессознательны, но добавлю, что отныне они заложены в память в виде означающих демаркации (Розолато) или формальных означающих (Анзье). Эта память составляет «поверхность записи, отличающейся от экрана защиты от раздражителей, к которому она прикреплена в целях своей защиты» (Д. Анзье); она является причиной тотальной амнезии. Ее можно восстановить у пациента только с помощью аналитика, работающего с «дедуктивным воображаемым». Работа по конструированию, эффективная благодаря своей изобразительности. «Доступ к незапоминаемой памяти происходит через конфигурацию впечатлений, составляющих ее». Речь идет о предложении образа некоего прошлого тела, связанного с каким-либо аффектом. Амнезия, конечно, не устраняется, но образ позволяет осмыслить непознаваемое вплоть до непредставимого и интегрировать его таким образом в мнемоническую систему, подчиняющуюся вторичным процессам. Другими словами, я бы сказала, что речь идет о переводе этих сенсорно-моторных переживаний, записанных в виде аналогичных загадочных означающих, в вербальные означающие.

2. Память «забывчивая и запоминающая». Здесь забывчивость — продукт вторичного вытеснения, начавшегося с психического конфликта. Эта память осуществляет постоянную работу по трансформациям, что дает субъекту одновременно и чувство постоянства, и чувство изменений. Она работает на фантазматических репрезентациях. Мишлин Энрикез придает особую важность экранирующему воспоминанию в конституировании оболочки памяти, понимаемой

на этот раз как *поверхность транскрипции*. Экранирующее воспоминание служит защитной мембраной для памяти бессознательной и непризнаваемой, которую, однако, оно воскрешает, в частности, своей сенсорной подвижностью (*überdeutlich*).

Вторичное вытеснение позволяет сохранить в резерве свободные элементы для конституирования историзированной памяти. Однако Мишлин Энрикез настаивает на том, что «дыры в памяти, следующие за вытеснением, являются структурирующими только в том случае, если они имеют общее ребро (общую кожу) с вытесняющей родительской инстанцией, которая сама в свое время вытеснила в прошлое такие же желания, такие же репрезентации влечений и фантазмов». Передача вытесненного из поколения в поколение закрепляет оболочку организованной амнезии, связывающую каждого субъекта с коллективной культурной памятью.

Наконец, подобно токсической функции Я-кожи существует также токсическая функция оболочки памяти, функция «отравленной туники, самодеструктивной, заставляющей избегать любого припоминания и встречи с памятью и воспоминания о ком-то другом».

Этот текст Мишлин Энрикез опирается на анализ молодой женщины, движения мысли которой она с большой тонкостью освобождает.

Схемы трансформации и схемы оболочки

Дидье Анзё описал и определил формальные означающие, являющиеся репрезентациями психических контенантов. Они позволяют отслеживать психические оболочки и их деформации. Серж Тиссерон¹ стремился изучить, каким образом эти означающие организуют психические образы и могут репрезентироваться в них. Однако к термину «означающее» Серж Тиссерон предпочел адаптировать термин «схема», ссылаясь на предложенные Кантом «базовые схемы психической активности». Схемы — это не образы, а организующие модели телесного опыта, пережитого эмбрионом, затем грудным младенцем, связанным со своим окружением в ранних отношениях. Этот опыт объединяет ощущения, моторику и аффекты. Тиссерон

¹ Tisseron, S. Schèmes d'enveloppe et schèmes de transformation dans le fantasme et dans la cure. // Les contenants de pensée. — Paris: Dunod, 1993. — P. 61–85; Schèmes d'enveloppe et schèmes de transformation à l'oeuvre dans l'image. // L'activité de la pensée. — Paris: Dunod, 1994. — P. 41–68; Psychanalyse de l'image. — Paris: Dunod, 1995.

различает два вида схем: схемы оболочки и схемы трансформации, конституирующиеся параллельно и находящиеся в диалектической связи. Схемы трансформации соответствуют ментальным операциям соединения и разъединения, обеспечивающим присвоение символов: они позволяют также осмыслить действие разлуки с матерью. Схемы оболочки соответствуют операциям контейнирования. Однако именно схемы трансформации влияют на создание границ, а значит, оболочек. Это именно они активируют образы схем оболочек, которые таким образом с их помощью операционализируются. Обычно две серии схем стимулируются совместно одними и теми же ситуациями; в отношении к матери ребенок находит контенант, а также подтверждение того, что он может оказывать на нее воздействие так же, как и она на него. В качестве моделей, позволяющих осмыслить контейнирование и трансформации, схемы, очевидно, активны в конституировании всех психических образов. Психический образ на самом деле контейнирует и трансформирует столько же, сколько и репрезентирует. Зачастую схемы не отслеживаются в фантазме: схемы оболочки заменяются функцией контейнирования фантазма, и функции трансформации стираются в репрезентации трансформаций, работающих в фантазматическом сценарии. Но случается, что сами схемы являются объектом репрезентации. Тогда для Сержа Тиссерона речь идет о некоем действии психики, которое таким образом стремится присоединиться к трудностям интроекции схем, трудностям, связанным с нарушениями в первых обменах. Схемы оболочки и трансформации могут затем появиться в образной форме в репрезентациях и сновидениях.

Для Сержа Тиссерона схемы оболочки и трансформации дают место специфическим патологиям. Недостаток интеграции схем трансформации проявляется в скудной фантазматической активности; это пациенты, психический мир которых близок к тому, что описан Марти в оперативном мышлении, но без соматизаций. Они страдают от общей психической инертности и недостаточности функции воображения в сновидениях и фантазиях. Для данных типов организации Тиссерон предлагает ввести в анализ интерактивный режим коммуникации. Он пишет: «Я хочу сказать, что психоаналитик не должен колебаться в информировании пациента об эффектах, произведенных на него самого в ходе коммуникации с пациентом... Он участвует таким образом в постановке психических схем трансформации... Тогда психоаналитик функционирует скорее не как зеркало, которое отражает, а как эхо, которое усиливает...»

Недостаток загрузки схем трансформации может привести к сверхзагрузке схем оболочек, характеризующейся неврозом навязчивости с его характерным панцирем и нетерпимостью к изменениям. В свою очередь недостаток загрузки схем оболочки может сопровождаться сверхзагрузкой схем трансформации и дать картину истерии. А недостаток загрузки двух серий схем характеризовался бы психозом.

Мне кажется, что схемы, описанные Сержем Тиссероном, пытаются представить отчет о фундаментальной работе психической активности, заключающейся в том, чтобы трансформировать ощущения в представления, репрезентанты влечений — в предметные и словесные представления, первичные процессы — во вторичные процессы. На всех уровнях психики происходит работа по трансформации, работа, касающаяся материалов как по их форме, так и по содержанию.

Я-кожа и оболочки продолжают являться стимулом к исследованиям и поставлять методы к пониманию трудных патологий в клинической работе, где искривленные, продырявленные или затвердевшие психические оболочки требуют от аналитика особого психического труда. Несколько лет подряд работая с Дидье Анзье, я часто уходила после наших встреч под впечатлением того, что узнала что-то новое, приоткрыла какую-то неожиданную перспективу, с внутренним кипением от проснувшегося любопытства, полная проблем, вопросов... Я желаю читателю «Я-кожи» такой же встречи мысли с автором.

Эвелин Сешо

Я-КОЖА

I

ОТКРЫТИЕ

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ

НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ ПРИНЦИПОВ

1. Зависимость мысли и воли от коры головного мозга, зависимость эмоциональной жизни от таламуса известны и подтверждены. Современное исследование в психофармакологии дополняет, даже обновляет наши познания в этой области. Достигнутые успехи тут же повлекли за собой сужение как поля наблюдения, так и теоретического поля. Психофизиолог сводит исследование человеческого тела к изучению нервной системы, а поведение — к церебральной активности, которая могла бы его запрограммировать посредством получаемой информации, ее анализа и синтеза. Эта модель, оказавшаяся плодотворной для биологов, все более и более намеренно переносится в государственных исследовательских учреждениях в сферу психологии, обрекая ее тем самым на положение бедного родственника церебральной нейрофизиологии. И это часто авторитарно навязывается «учеными», с противоположным усердием отстаивающими в своей сфере якобы свободу исследований, преимущественно фундаментальных. Делая акцент на понятии кожи как изначальной данности, одновременно явления органического и ментального порядка, системы защиты нашей индивидуальности и в то же время инструмента и места обмена с другим, я намерен выявить иную модель, подкрепленную биологическими исследованиями, где взаимодействие с окружением находит свое основание, — модель, учитывающую специфичность психических феноменов по отношению как к органическим реальностям, так и к социальным фактам, короче,

модель, на мой взгляд, способную обогатить психологию и психоанализ в их теории и практике.

2. Психическое функционирование, сознательное и бессознательное, имеет свои собственные законы. Один из них состоит в том, что часть его стремится к независимости, в то время как изначально оно дважды зависимо: от функционирования живого организма, служащего ему подспорьем; от стимуляций, верований, норм, привязанностей, представлений, исходящих из групп, частью которых он является (начиная с семьи и продолжая культурной средой). Теория психики имеет целью объединить этих двух сыновей, не ограничиваясь лишь сопоставлением упрощенных детерминизмов. Итак, вместе с Рене Каесом (Caës, 1979b; 1984) я буду постулировать, с одной стороны, двойную опору психики: на биологическое и социальное тело. С другой стороны, взаимную опору: органической и социальной жизни, по крайней мере у человека, и та, и другая настолько нуждаются в почти постоянной упоре в индивидуальную психику (как демонстрирует психосоматический подход к физическим заболеваниям, а также исследование разжигания мифов или социальной инновации), что последняя нуждается во взаимном упоре в живое тело и живую социальную группу.

Вместе с тем психоаналитическая перспектива по сути отличается от психофизиологической и психосоциологической перспектив тем, что принимает во внимание существование и постоянную важность сознательного, предсознательного и бессознательного индивидуального фантазма и его роль моста и экрана-посредника между психикой и телом, миром и другими психиками. Я-кожа — это реальность фантазматического порядка, одновременно выраженная в фантазмах, сновидениях, речи, позах тела, расстройствах мышления, и вместе с тем это поставщик воображаемого пространства, состоящего из фантазмов, сновидения, рефлексии, любой психопатологической организации.

Психоаналитическая мысль отмечена внутренним конфликтом между эмпирической, прагматической, психогенетической ориентацией (более активной у англосаксов), для которой психическая организация происходит из детского бессознательного опыта (в частности опыта объектных отношений), и структуралистской ориентацией (господствующей во Франции в последние десятилетия), возражающей против того, что структура есть продукт опыта, утверждая, напротив, что нет опыта, не организованного предсуществующей структурой. Я отказываюсь принимать участие в этом конфликте. Это две

дополняющих установки, противоречие которых должно быть сохранено, поскольку оно порождает психоаналитическое исследование. Я-кожа — это посредническая структура психического аппарата: хронологически — посредник между матерью и младенцем, структурно — посредник между взаимным включением психик в примитивную фузионную организацию и дифференциацию психических инстанций, соответствующих второй фрейдовской топике. Без адекватного опыта в подходящий момент структура не поддерживается или преимущественно остается искаженной. Однако разные конфигурации Я-кожи (описываемые мною в третьей части) есть варианты одной базовой топографической структуры, универсальный характер которой может навести на мысль о том, что она записана в рождающуюся психику в виртуальной форме (предзапрограммирована), актуализация которой имплицитно представлена в данной психике как цель, которую необходимо достичь (в этом смысле я приближаюсь к теории, названной эпигенезом или интерактивной спиралью).

Фрейд предложил «модель» (не формализованную) психического аппарата как систему подсистем, обоюдно управляемых принципами различного функционирования: принцип реальности, принцип удовольствия/неудовольствия, навязчивое повторение, принцип постоянства, принцип нирваны. Концепция Я-кожи обязывает принять дополнительно во внимание принцип внутренней дифференциации и принцип контейнирования, тот и другой предвиденные Фрейдом (Freud, 1950c). Самые серьезные патологии Я-кожи (например аутистические оболочки), на мой взгляд, даже позволяют привести в психоанализ принцип самоорганизации систем, открытых «шумам», популяризированный теоретиками систем (см. Н. Atlan, 1979). Однако мне кажется, этот принцип, благоприятствующий развитию живых существ, принимает противоположное направление, когда переходят от биологии к психоанализу, где он в особенности являет себя создателем психопатологических организаций.

3. Науки прогрессируют поочередно между двумя эпистемологическими установками, разняющимися в зависимости от личности ученых и потребностей или затруднений науки на данный момент. То наука располагает хорошей теорией, подтверждение, применение и развитие которой стимулируют находчивость работников лабораторий; теория, остающаяся полезной, пока ее плодовитость не изобличается во лжи, а ее основные заявления не опровергаются. То наука обновляется благодаря озарению исследователя (порой пришедшего из другой дисциплины), который ставит под вопрос признанные положения; его

интуиция отмечена больше творческим воображением¹, нежели умозаключениями или расчетами; он движим неким внутренним мифом, который он освобождает от фантазматических измышлений (рискуя отбросить последние в религиозные верования, философскую рефлексию, в деятельность, связанную с литературным и художественным творчеством), откуда он извлекает концепты, изложенные в простых формулировках, поддающихся проверке в определенных условиях, преобразованные и привнесенные в другие области. В учении о функционировании индивидуального психического Фрейд конкретизировал эту вторую установку (не случайно я в молодости интересовался демаршами его творческого воображения в ходе самоанализа — см. D. Anzieu, 1975a, — посредством которого он в своей собственной молодости открыл психоанализ). В определенных Фрейдом рамках этой новой дисциплины два эпистемологических направления продолжали противостоять друг другу. М. Кляйн, Винникотт, Бион, Кохут, например, придумали новые концепты (параноидно-шизоидная и депрессивная позиции, переходные феномены, атаки на связи, зеркальные переносы и величие), характеризующиеся новыми областями: ребенок, психотик, пограничные состояния, нарциссические личности, что позволило расширить теорию и практику психоанализа. Однако большинство психоаналитиков все больше и больше вновь присоединяется к первой установке: возврат к Фрейду, неустанные комментарии, чуть ли не талмудическое толкование его текстов, механическое применение его взглядов или их переработка в свете не нового поля практики, а «прогрессов» философии и науки о человеке и обществе, в частности науки о языке (Лакан во Франции был тому типичным подтверждением). На мой взгляд, в эти последние десятилетия XX в. психоанализ больше нуждается в исследователях с воображением, нежели в эрудитах, схоластах с абстрактным и формализованным умом. До того как стать концептом, моя идея Я-кожи умышленно являет собой обширную метафору. Точнее, на мой взгляд, она исходит из этого метафоро-метонимического колебания, разумно описанного Ги Розолато (Rosolato, 1978). Надеюсь, эта идея способна стимулировать свободу мысли психоаналитиков и обогатить палитру их вмешательств в практике лечения их пациентов. Может ли эта метафора привести к действенным формулировкам, поддающимся проверке фактически и опровержимым теоретически, формулировкам,

¹ См. Verlet, L. La malle de Newton. — Gallimard, 1993. Holton, G. L'imagination scientifique, — Gallimard, 1973, trad. fr. 1981.

наделенным региональной связностью? Данной книге надлежит убедить в этом читателя.

4. Любое исследование вписывается в персональный контекст и находится в социальном контексте, который и следует сейчас уточнить. В конце XVIII в. идеологи принесли во Францию и Европу идею безграничного прогресса: духа, науки, цивилизации. Долгое время это была сильная идея. Нужно было разочароваться. Если бы мне пришлось резюмировать ситуацию в западных странах и, быть может, человечества в целом в этом XX заканчивающемся веке, я бы сделал акцент на необходимости обозначить границы: демографической экспансии, курса вооружения, ядерной экспансии, ускорения истории, экономического роста, ненасытного потребления, разрыва между богатыми и третьей частью мира, гигантизма научных проектов как экономических предприятий, вторжения в частную сферу средств массовой коммуникации, постоянной необходимости устанавливать рекорды ценой сверхтренировок, стимуляции допингами, амбиций двигаться быстрее, дальше, все дороже и дороже ценой перегрузок, нервного напряжения, сердечно-сосудистых заболеваний, недовольства жизнью. Обозначить границы насилия, совершаемого по отношению как к природе, так и к людям, границы загрязнения воздуха, земли, водоемов, границы расхода энергии, необходимости создания всего, в чем технически способны, будь то механические, архитектурные, биологические монстры; границы освобождения от моральных законов, социальных правил, абсолютного утверждения индивидуальных желаний, угрозы целостности тела, вызванной вторжением технического развития, границы освобождения сознания, естественной репродукции людей и выживания биологического вида.

Дабы ограничиться областью, касающейся меня не просто как гражданина, но как человека, занимающегося этим профессионально практически ежедневно, отмечу, что изменение в природе страдания пациентов, нуждающихся в психоанализе, значительно; и это изменение я наблюдаю на протяжении своей тридцатилетней терапевтической практики, и оно также подтверждено моими коллегами. Со времен Фрейда и двух первых поколений его последователей психоаналитики занимались типичными истерическими, навязчивыми, смешанными неврозами и фобиями. В настоящее время большую часть психоаналитической клиентуры составляют те, кто страдает так называемыми пограничными состояниями, и/или нарциссические личности (если допускать, по Кохуту, различие этих двух категорий). Этимологически речь идет о состоянии на границе невроза и психоза,

совмещающего релевантные черты этих двух традиционных категорий. Фактически эти больные страдают от отсутствия границ: неуверенность во фронтах между Я-психическим и Я-телесным, между Я-реальным и Я-идеальным, между тем, что зависит от Самости, и тем, что зависит от другого, внезапные флуктуации этих фронтиров, сопровождаемые уходом в депрессию, индифференциация эрогенных зон, спутанность приятных и болезненных переживаний, неразличимость влечений, побуждающая чувствовать подъем влечения как насилие, а не как желание (то, что Ф. Гантере называет «Сомнения Эроса» (Gantheret, 1984)), уязвимость в нарциссическом оскорблении из-за слабости или нарушения психической оболочки, смутное ощущение плохого самочувствия, ощущение проживания не своей жизни, наблюдение за своим телом и мыслью как будто со стороны, созерцание чего-то сущего и не являющегося своим собственным существованием. Психоаналитическая терапия пограничных состояний и нарциссических личностей требует технического обеспечения и концептуального обновления, которые дают лучшее клиническое понимание и которым, мне кажется, подходит (D. Anzieu, 1979) заимствованный у Рене Каеса (Caës, 1979) термин «переходный психоанализ».

Нет ничего удивительного в том, что общество культивирует чрезмерные амбиции, льстит взыскательности индивида, берущего на себя глобальную ответственность через отношения в паре, семье, социальных институтах; пассивно побуждает упразднение всяких границ в искусственных экстазах, вызванных употреблением наркотиков и других химических препаратов, все больше и больше оставляет ребенка один на один с травмирующей концентрацией на нем бессознательного его родителей, в рамках семьи, с все более и более сужающимся и менее устойчивым кругом участников; итак, нет ничего удивительного в том, что такая культура благоприятствует незрелости и вызывает пролиферацию пограничных психических нарушений. К чему добавляется пессимистическое впечатление, что, не ставя нигде границ, люди находятся на пути к катастрофам, а современные мыслители и художники приумножают плохое, выставляя эти катастрофы как неотвратимые.

Отсюда срочной психологической и социальной задачей, на мой взгляд, является необходимость реконструирования границ, возврат себе фронтиров, возврат умения ориентироваться в обитаемых и пригодных для жилья территориях — границах, фронтах, одновременно учреждающих различия и позволяющих обмен между зонами (психизма, знания, общества, человечества), таким способом

отграниченными. Не имея четкого представления о цели в целом, ученые, здесь и там, приступили к этой задаче, локализовав ее в собственном исследовательском поле. Математик Рене Том (Thom, 1972) исследовал интерфейсы, абстрактно отделяющие различные зоны пространства, и вовсе не случайно то, что он назвал «теорией катастроф» описание и классификацию внезапных изменений формы этих интерфейсов: я многим ему обязан. Глаз и ухо астронома благодаря все более и более усовершенствованным приборам пытаются добраться до пределов Вселенной, будь то границы в пространстве, границы в непрерывном расширении, где материя, образующая квазары, приближаясь к скорости света, становилась бы энергией; границы во времени, с первоначальным *big-bang*¹, эхо которого сохранится в шуме отдаленной части Вселенной, взрыв которой произведет примитивную туманность. Биологи переносят свой интерес с ядра клетки на мембрану, в которой они делают открытие о том, как активность мозга программирует изменения ионов в протоплазме и вне ее; отклонения генетического кода позволяют объяснить предрасположенность к все более и более распространяющимся серьезным заболеваниям: артериальная гипертензия, сахарный диабет, возможно, некоторые формы рака. Понятие Я-кожи, предлагаемое мною в психоанализе, созвучно движется в этом же направлении. Как образуются психические оболочки, каковы их структуры, соединения-вложения, патологии, как с точки зрения «переходного» психоанализа их можно восстановить у индивидуума (даже у групп и социальных институтов) — вот вопросы, которые я ставлю перед собой и на которые данное исследование дает ответы.

5. С эпохи Возрождения западная мысль поглощена эпистемологической темой: знать — значит разбить оболочку, чтобы достичь ядра. Эта тема исчерпывается после достижения некоторых успехов, а также после серьезных угроз: физика ядра — не привела ли она ученых и военных к атомному взрыву? Нейрофизиология начиная с XIX в. обнаружила внезапную остановку, сразу не замеченную. По существу рассудок связывают с верхней передней частью головного мозга. В свою очередь кортекс — латинское слово, обозначающее оболочку, в 1907 г. вошедшее в терминологию анатомии, — обозначает крайний слой серой субстанции, покрывающей белую субстанцию. Вот мы и перед парадоксом: центр расположен на периферии. Огорченный этим обстоятельством Николя Абрахам (Abraham, 1978) обозначил

¹ [Big-bang (англ.) — большой взрыв.]

сначала в статье, а затем в книге, которая так и называется, диалектику, установившуюся между «оболочкой и ядром». Его аргументация утвердила меня в моем собственном исследовании и подкрепила мою гипотезу: не является ли мысль в большей мере делом кожи, нежели мозга? И не имеет ли Я, таким образом определенное как «Я-кожа», структурную оболочку?

Эмбриология может нам помочь в обретении некоторых привычек нашего мышления, именуемого логическим. На стадии гастрюла эмбрион принимает форму мешка посредством «инвагинации» одного из своих полюсов и представляет собой два листа — эктодерму и энтодерму. Впрочем, биологический феномен квазиуниверсален: всякая растительная оболочка, любая животная мембрана без исключения состоит из двух слоев, один — внутренний, другой — внешний. Вернемся к эмбриону: эта эктодерма формирует одновременно кожу (включая органы чувств) и мозг. Мозг — чувствительная поверхность, защищенная черепной коробкой, находится в постоянном контакте с этой кожей и ее органами, чувствительный эпидермис защищен утолщением и затвердеванием самых поверхностных ее частей. Мозг и кожа есть существа поверхности, поверхности внутренней (по отношению к телу как единому целому) или кортекса, находящегося в отношениях с внешним миром через посредничество внешней поверхности или кожи, и каждая из этих двух оболочек, состоящая по меньшей мере из двух слоев, один — защитный, это самый крайний слой, другой — под предыдущим или в порах предыдущего слоя, способного собирать информацию и фильтровать обмены. Мышление, следуя модели организации нервной системы, возникает уже не как сегрегация, расположение рядом и соединение ядер, но как вопрос отношений между поверхностями, с игрой вкладываний между ними, как это хорошо заметил Н. Абрахам, настоятельно предлагающий рассматривать их одну по отношению к другой то с позиции оболочки, то с позиции ядра.

Инвагинация — термин анатомо-физиологический. Разумно напомнить, что вагина — это не только орган особого строения, но кожная складка, как губы, анус, нос, веки, без защитного затвердевшего и ороговевшего слоя, играющего роль защиты от раздражителей, где слизистая обнажена, а чувствительность и эрогенность кожи самые высокие и достигают кульминации в момент трения о такую же чувствительную поверхность, как головка полового члена в момент его эрекции. И каждый прекрасно знает (если только он, развлекаясь, не сводит момент любви к контакту двух эпидермисов, что не всегда

приводит к полному ожидаемому удовлетворению), что любовь — парадокс, позволяющий одновременно переживать самый глубокий психический и наилучший эпидермический контакт с одним и тем же человеком. Отсюда следуют три основания человеческого мышления; кожа, кортекс, слияние половых органов соответствуют трем конфигурациям поверхности: оболочка, колпак, мешок.

Каждая клетка окружена цитоплазмической мембраной. Растительная клетка дополнительно располагает целлюлозной мембраной, пронизанной порами для обмена, эта двойная мембрана, предшествуя, придает некоторую твердость клетке, и у растений такое расположение последовательно (например, орех содержит твердую внешнюю оболочку и тонкую кожицу, окружающую ядро). Животная клетка гибкая, она легко деформируется при контакте в зависимости от обстоятельств, благодаря чему животные мобильны. Именно через цитоплазмическую мембрану осуществляются физико-химические обмены, необходимые для жизни.

Последние исследования подтвердили очевидность структуры этой мембраны, состоящей из двух слоев (что созвучно интуиции Фрейда в статье «Заметки о “чудо-блокноте”» (Freud, 1925a) о двойной пленке Я: одной — как защиты от раздражителей, другой — как записывающей поверхности). Под электронным микроскопом оба слоя выглядят различно, отличаясь, возможно, внутренним вакуумом. Выделили два сорта грибов, один — с кожицей, с трудом поддающейся расслоению, другой — с двумя различающимися слоями. Другая исследуемая через оптику структура нагромождения мембран, *вложенных одна в другую* — луковичная кожица, — тема, рассмотренная Анни Анзье (A. Anzieu, 1974).

6. Психианализ представляет или, главным образом, представлен как теория психического содержимого бессознательного и предсознательного. Отсюда вытекает концепция психоаналитической техники, имеющей целью соответственно передать это содержимое — предсознательное и сознательное. Но содержимое не могло бы существовать без связи с контенантом. Психоаналитическая теория психизма как контенанта, не являясь ничтожной, остается более фрагментарной, приблизительной, разрозненной. Однако современные формы патологии, с которыми все чаще и чаще сталкивается в своей практике психоанализ, в большей части зависят от нарушения отношения «контенант — содержимое», и развитие постфрейдистских размышлений о психоаналитической ситуации приводит к необходимости больше принимать во внимание отношение между аналитическим

распорядком и аналитическим процессом и исследовать, когда и как переменные распорядка чувствительны к упорядочению психоаналитиком, когда и как они проживаются пациентом благодаря психоаналитическому процессу и трансформируются в не-процесс (см. Bleger, 1966). Технические последствия этого эпистемологического возврата очень важны: психоаналитику необходимо не только проинтерпретировать в переносе изъяны и защитные сверхзагрузки контенанта, но и «сконструировать» ранние вторжения, кумулятивные травмы, протезные идеализации, ответственные за эти изъяны и сверхзагрузки; а также подарить пациенту внутреннее расположение и способ коммуникации, подтверждающий для него возможность контенантного функционирования, что даст ему возможность для достаточной интериоризации. Что касается меня, я центрировал эту теоретическую реорганизацию вокруг понятия «Я-кожа» и последовавшей за этим корректировкой относительно уже упоминавшегося понятия — «переходный анализ».

Итак, требует ли дополнений и расширений психоаналитическая теория? Вот пять пунктов среди прочих, дополнения к которым, на мой взгляд, желательны.

- Дополнить перспективу топика по психическому аппарату перспективой строго топографической, иначе говоря, в связи с пространственной организацией Я-телесного и Я-психического.

- Дополнить учение о фантазмах, касающихся психического содержимого, фантазмами, касающимися психических контенантов.

- Дополнить понимание оральной стадии как базирующейся на активности сосания принятием во внимание контакта тела с телом между ребенком и матерью или материнской фигурой, расширить толкование отношения «грудь — рот» до отношения «грудь — кожа».

- Дополнить двойной эдипов запрет двойным запретом прикосновения, являющимся предвестником первого.

- Дополнить типичный психоаналитический *setting* не только возможным оснащением (см. переходный психоанализ), но и рассмотрением расположения тела пациента и репрезентации им аналитического пространства внутри аналитического порядка.

Шестой пункт — вопрос о влечении. Концепции Фрейда о влечении, как известно, менялись. Он последовательно противопоставлял влечение самосохранения сексуальным влечениям, затем объектное либидо — либидо Я, наконец, влечение к жизни — влечению к смерти. Он сомневался в манере соединения влечения с принципом постоянства, затем с принципом инерции или нирваны. Если он и сохранял

четыре параметра влечения (источник, сила, цель, объект), то всегда повторял, что список влечений не закрыт и что в нем можно делать новые открытия. Это позволяет мне рассматривать влечение привязанности (по Боулби) или цепляния (по Херманну) не как доказанную вещь, а как гипотезу полезного действия. Если бы нужно было разместить его во что бы то ни стало среди фрейдовских классификаций, я бы отнес его скорее к влечениям самосохранения. Фрейд также описал влечение к овладению в двусмысленном и промежуточном статусе по отношению к парам противопоставлений, приведенным выше. Мне кажется, что в той мере, где оно опирается на мускулатуру и, в частности, на деятельность руки, влечение к овладению должно дополнять влечение привязанности, нацеленное на создание образа кожи как контейнирующей и пассивно чувствительной поверхности. Понятно, что эти теоретические сложности (приведенные мною не полностью) все больше и больше подводят аналитиков к вопросу о возможности сохранения или несохранения понятия влечения¹.

МИР ТАКТИЛЬНЫЙ И КОЖНЫЙ

С самого рождения кожные ощущения вводят детей человеческого рода в мир огромного богатства и большой сложности, мир пока еще расплывчатый, но будоражащий систему восприятие-сознание, лежащий в основе глобального и эпизодического чувства существования и обеспечивающий возможность первоначального психического пространства. Кожа остается практически неисчерпаемым предметом исследований, заботы и дискурсов. Начнем с синтеза знаний, касающихся ее.

1. Язык, повседневный или научный, особенно красноречив, когда речь идет о коже. Изучим для начала лексическую область. Любое живое существо, любой орган, любая клетка имеет кожу или кору, оболочку, покров, панцирь, мембрану, мозговую оболочку, броню, пленку, перегородку, плевру... Что касается списка синонимов слова «мембрана», он внушительен: амнион², апоневроз³, бластодерма⁴, хо-

¹ См. изданные Психоналитической ассоциацией Франции протоколы семинара «Влечение, что с ним делать?» (1984), в частности, критическую статью Д. Видлехера «Как мы используем понятие влечения?» См. также работы П. Дени (Denis, 1992) и Р. Доре (Dorey, 1992) о влечении к овладению.

² [Амнион — водная оболочка, одна из зародышевых оболочек у пресмыкающихся, птиц.]

³ [Апоневроз — широкая сухожильная пластинка из плотных коллагеновых и эластических волокон.]

⁴ [Бластодерма — клетки, из которых состоит зародыш.]

рион¹, сорочка², пленка³, рубежная пленка⁴, диафрагма, эндокард⁵, эндокарпий⁶, эпендима⁷, складка⁸, бугристая ангиома⁹, гимен¹⁰, кора¹¹, покрывка¹², перикард¹³, периходрий¹⁴, периост¹⁵, брюшина¹⁶... Один показательный случай — «мягкая мозговая оболочка», которая сразу же окутывает нервные центры; это самая глубокая из мозговых оболочек, она содержит сосуды костного и головного мозга; этимологически термин обозначает «мать-кожу»¹⁷: язык хорошо подводит предсознательное понятие к тому, что кожа матери — это первичная кожа. В большом французском словаре Робера статьи «Кожа», «Рука», «Прикосновение», «Брать» находятся среди самых употребительных по сравнению (в убывающем количественном порядке) со словами «Делать», «Голова» и «Быть». Статья «Прикосновение» — самая длинная в Оксфордском словаре английского языка.

Приступим теперь к семантической области. Многие выражения разговорного языка ссылаются на большинство функций, связанных с кожей и Я. Вот их маленький набор:

- «гладить кого-либо по шерстке», «иметь легкую руку» (функция осязательного удовольствия);
- «я от тебя потею»¹⁸ (функция отстранения);

¹ [Хорион — наружная ворсинчатая оболочка.]

² [Сорочка — предлежащая часть плода, окутанная плодными оболочками.]

³ [Пленка — налет в горле.]

⁴ [Рубежная пленка — жировая сеточка, выстилающая свиной желудок.]

⁵ [Эндокард — внутренняя оболочка сердца.]

⁶ [Эндокарпий — внутренний слой околоплодника растений.]

⁷ [Эпендима — внутренний слой желудочков мозга и спинномозгового канала.]

⁸ [Складка — уздечка языка, складка слизистой оболочки рта.]

⁹ [Бугристая ангиома — утолщение кожи.]

¹⁰ [Гимен — девственная плева.]

¹¹ [Кора — мантия головного мозга.]

¹² [Покрывка — покрывка доли полушария.]

¹³ [Перикард — окружающая сердце оболочка из двух слоев.]

¹⁴ [Периходрий — плотный покрывающий слой хряща.]

¹⁵ [Периост — надкостница, плотная соединительная пластинка, покрывающая всю поверхность кости.]

¹⁶ [Брюшина — серозная оболочка брюшной полости.]

¹⁷ [Во французском языке понятие «мозговая оболочка» звучит как *pie-mère*, вторая часть этого слова означает «мать».]

¹⁸ [Дословный перевод выражения, в русском языке имеет значение «ты мне надоел, ты меня достал».]

- «шкура»¹, «разодрать себе кожу»² (защитно-агрессивная функция);
- «влезть в шкуру кого-либо», «образы новой кожей» (функция отождествления);
- «пощупать жизнь руками» (функция испытания реальности);
- «войти в контакт», «мой маленький пальчик мне об этом сказал»³ (функция коммуникации).

Два слова с расплывчатыми и множественными смыслами обозначают субъективный резонанс предметов в нас, они основываются на контакте с кожей: чувствовать и отпечаток.

Я воздержусь от изучения репрезентаций кожи в пластическом искусстве или обществах, отличных от нашего. Богато проиллюстрированный труд Тевоза (Thevoz, 1984) «Рисованное тело» намечает это исследование.

2. По своей структуре и функциям кожа больше, чем орган, это группа различных органов. Ее анатомическая, физиологическая и культурная сложность на органическом уровне предвосхищает сложность Я на психическом уровне. Из всех органов чувств это наиболее жизненно необходимый: можно жить слепым, глухим, лишенным вкуса и обоняния. Без целостности большей части кожи выжить невозможно. Кожа весит больше (20 % общего веса тела у новорожденного, 18 % — у взрослого) и занимает больше поверхности (2 500 см² у новорожденного, 1 800 см² — у взрослого) по сравнению с любым другим органом чувств. Она появляется у эмбриона, имеющего другие сенсорные системы (к концу второго месяца беременности, предшествуя по порядку двум другим ближайшим системам, обонятельной и вкусовой, вестибулярной системе и двум дистальным системам, слуховой и зрительной) в силу биологического закона, согласно которому более ранняя система имеет больше шансов стать фундаментальной. Она несет в себе большую плотность рецепторов (50 на 100 мм²).

Кожа — система многих органов чувств (осознание, давление, боль, тепло...) — сама находится в тесной связи с другими внешними органами чувств (слух, зрение, обоняние, вкус) и с чувствительностью кинестетики и равновесия. Комплексная чувствительность эпидермы (тактильная, термическая, болевая) у младенца долго остается

¹ [Дословно: коровья шкура, в большинстве случаев означает «плохой человек».]

² [Дословный перевод, русский эквивалент — умереть, протянуть ноги.]

³ [Дословный перевод, русский фразеологизм — сорока на хвосте принесла.]

распывчатой и недифференцированной. Она превращает организм в чувствительную систему, способную испытывать другие типы ощущений (функция инициативы), связывать их с кожными ощущениями (ассоциативная функция) или дифференцировать и локализовывать их как фигуры, появляющиеся на основном полотне глобальной телесной поверхности (функция экрана). Затем появляется четвертая функция, где кожа представляет прототип и исходную базу, но в нужный момент распространяется на многие органы чувств, положение тела и двигательную функцию: обмен сигналами с окружением в форме двойной *обратной связи*, которую я проанализирую далее.

Кожа учитывает время (не так хорошо, как ухо) и пространство (не так хорошо, как глаз), но в ней одной комбинируются и пространственные, и временные параметры. Кожа определяет расстояния на своей поверхности более точно, чем ухо устанавливает дистанцию на отдаленные звуки.

Кожа реагирует на стимулы различной природы: смогли же закодировать алфавит в виде электрических импульсов на коже и научить этому слепых. Кожа почти всегда готова принимать сигналы, распознавать коды так, чтобы они не интерферировали с другими. Кожа не может не воспринять вибротактильный или электротактильный сигнал: она не может ни закрыть глаза или рот, ни заткнуть уши или нос. Кожа также не переполнена чрезмерным разглагольствованием, каковым является речь или письмо.

Но кожа — это не только орган(ы) чувств. Она исполняет дополнительные роли многих других биологических функций: она дышит и потеет, она выделяет и выводит, она поддерживает тонус, она стимулирует дыхание, кровообращение, пищеварение, испражнение и, конечно же, репродукцию; она участвует в метаболической функции.

Наряду с данными специфическими сенсорными ролями и ролью помощника на любых участках по сравнению с различными органическими аппаратами, кожа играет ряд существенных ролей по отношению к живому телу, рассмотренному теперь в его совокупности, в его пространственно-временной непрерывности, в его индивидуальности: поддержка тела вокруг скелета и его вертикальности, защита (посредством его наружного рогового слоя, его лака из кератина, его жировой подушки) от внешних агрессий, перехват и передача возбудимости и полезной информации.

3. Согласно описаниям физиологов у многих млекопитающих, в частности у насекомоядных, имеются два различных и взаимодополняющих органа, объединенных в один и тот же аппарат:

— Мех, почти полностью покрывающий тело и обеспечивающий то, что после Фрейда можно назвать функцией защиты от раздражителей; он играет такую же роль, как и оперение у птиц или чешуя у рыб, однако обладает дополнительными тактильными, обонятельными и термическими свойствами, создающими тем самым одну из анатомических основ столь важного для млекопитающих влечения цепляния или привязанности: делающими из мест, где сохраняется волосяной покров, одну из любимых эrogenных зон сексуального влечения у людей.

— Волосяные фолликулы, или осязательные волоски (это длинный волос или заросль из волос, растущих на мясистом бугорке, например «усы» кошки), находятся в прямой связи с нервным окончанием, снабжающим их большой тактильной чувствительностью. Их распределение на теле варьируется в зависимости от видов, индивидуумов, стадий развития. У приматов количество осязательных волосков уменьшается; они исчезают и у человека, по крайней мере у взрослого, но они присутствуют у зародыша или новорожденного; у данных видов именно эпидерма обеспечивает двойную функцию защиты от раздражителей и тактильно-чувствительную благодаря *анастомозу* с затвердевшим или роговым слоем, защищающим нервные окончания. «Изучение структуры кожи, в частности внутри отряда приматов, позволяет придать филогенетическое значение многим характеристикам: имплантация шерсти, толщина эпидермы, состояние развития эпидермических морщин и более или менее большая комплексность подэпидермических капилляров» (Vincent, 1972).

Для какого-либо внешнего наблюдателя кожа человеческого существа представляет собой физические характеристики, меняющиеся в зависимости от возраста, пола, этнической группы, персональной истории и т. д., и которая, подобно одежде, дублирующей ее, способствует идентификации человека (или затрудняет ее): пигментация; складки, морщины, бороздки; сетка из пор; шерсть, волосы, ногти, шрамы, прыщи, родинки; не говоря уже о шероховатости кожи, ее запахе (усиленном или измененном духами), ее шелковистости или грубости (акцентированной кремами, бальзамами, стилем жизни)...

4. В гистологическом анализе проявляется еще большая комплексность, значительное переплетение различных структурных тканей, плотное соединение которых способствует глобальной поддержке тела, защите от раздражителей и богатству чувственности.

а) Наружный эпидермис, или роговой слой, состоит из *плотно-го слияния* (аналогично бутовым камням стены) четырех слоев клеток,

в которых кератин, выработанный одними клетками, герметизирует другие, превращая их в пустые более прочные коконы.

б) Нижележащий эпидермис, или слизистое тело, представляет собой пласт от шести до восьми слоев больших полиэдрических клеток с густой протоплазмой, соединенных между собой многочисленными волокнами (структура *плетеной сетки*), последний слой имеет структуру *палисада*.

в) Наружная дерма содержит многочисленные папиллы, богато снабжаемые кровеносными сосудами, они активно впитывают некоторые вещества, находящиеся в печени, надпочечниках..., и соединяются с подлежащим слизистым телом посредством вещества с *зубчатой* структурой. Группы б и в (слизистое тело и капиллярное тело) выполняют функцию заживления ран и борьбы со старением (освобождаясь от своей протоплазмы, они без конца выталкивают наружу отработанные слои нижележащих тканей).

г) Дерма или хорион — весьма структурированная опорная ткань. Она имеет прочную *войлочную* структуру, крепкую и эластичную, «аморфная связка» образует пучки волокон, переплетенных между собой.

д) Гиподерма — изолятор, она имеет структуру *губки*, обеспечивающую доступ кровяных сосудов и нервов к дерме и отделяющую (без четкой демаркационной линии) наружную оболочку нижележащих тканей.

В коже находятся также различные железы (выделяющие соответственно запахи, пот и кожный жир); чувствительные нервы со свободными окончаниями (боль, контакт) или нервы со специальными тельцами (тепло, холод, давление...); двигательные нервы (управляющие мимикой) и сосудодвигательные нервы (управляющие функциями желез).

5. Если рассматривать не анатомию, а психофизиологию, кожа до такой степени полна примеров парадоксального функционирования, что можно задаться вопросом об отведенной на коже части для физической парадоксальности. Кожа держит в равновесии нашу внутреннюю среду при изменениях экзогенного характера, но следы этих изменений хранятся в ее форме, текстуре, цвете, повреждениях. В свою очередь это внутреннее состояние, предположительно предохраняемое кожей, проявляется с внешней стороны; кожа в глазах других является отражением хорошего или плохого самочувствия нашего организма и зеркалом нашей души. В свою очередь, эти небезбальные сообщения, спонтанно передаваемые кожей, намеренно

отклоняются или перебиваются косметическими средствами, загаром, румянами, банями (водными процедурами), а также пластической хирургией. Не многие органы требуют ухода и внимания со стороны такого большого количества специалистов: парикмахеров, парфюмеров, косметологов, массажистов, психотерапевтов, не считая публицистов, гигиенистов, хиромантов, целителей, дерматологов, аллергологов, проституток, аскетов, отшельников, полиции (устанавливающей личность по отпечаткам пальцев), поэта в поисках создания словесной оболочки для своей чистой страницы или писателя, раскрывающего психологию своих персонажей по описанию лица и тела, а если к ней добавить еще и кожу животных — кожевников, меховщиков, изготовителей пергамента.

Прочие парадоксы. Кожа проницаема и непроницаема. Она поверхностна и глубинна. Она правдива и обманчива. Она заживляется путем постоянного высушивания. Она эластична, но кусок оторванной от целого кожи значительно сужается. Она вызывает либидинозные загрузки, как нарциссические, так и сексуальные. Она является очагом блаженства, равно как и очагом соблазна. Она доставляет нам столько же боли, сколько и удовольствий. Она передает в мозг информацию, исходящую от внешнего мира, в том числе «неосязаемые» сообщения о том, что одна из ее функций заключается как раз в том, чтобы «осязать» таким образом, чтобы Я не осознавало этого. Кожа прочна и нежна. Она находится на службе у мозга, но она регенерируется, в то время как нервные клетки на это не способны. Своей обнаженностью она материализует нашу бедность, равно как и наше сексуальное возбуждение. Своей тонкостью, своей уязвимостью она передает нашу прирожденную зависимость, наиболее яркую по сравнению со всеми другими особями, и в то же время нашу адаптационную и эволюционную гибкость. Она разъединяет и объединяет различные ощущения. Она во всех своих параметрах, неполный обзор которых я только что сделал, имеет статус посредника, промежуточного звена, переходной ступени.

6. В своем хорошо документально подкрепленном труде «Кожа и прикосновение» Монтэгю (Montagu, 1971) делает очевидными, главным образом, три основных феномена:

1) *Раннее и продолжительное влияние тактильных стимуляций на функционирование и развитие организма.* Отсюда в ходе эволюции млекопитающих выделяются следующие этапы тактильного контакта матерей с малышами как органической стимуляции и как стимуляции социальной: лизание языком, расчесывание меха зубами,

удаление блох пальцами, человеческие прикосновения и ласки. Эти стимуляции благоприятствуют запуску таких новых видов деятельности, каковыми при рождении являются дыхание, испражнение, иммунная защита, бодрствование, затем общительность, доверие, чувство безопасности.

2) *Влияние тактильных обменов на сексуальное развитие* (поиск партнера, готовность к возбуждению, предварительные ласки, начало оргазма или лактации).

3) *Большой диапазон культурных установок по отношению к коже и прикосновению*. Малыша эскимоса мать носит голым, прижав к своей спине, животом вплотную к своему теплу, он окутан меховой одеждой матери и удерживается с помощью повязки, опоясывающей оба тела. Мать и дитя разговаривают друг с другом через кожу. Когда он голоден, младенец царапает спину матери и сосет ее кожу; она перемещает его вперед и дает ему грудь. Потребность в движении удовлетворяется через активность матери. Мочевое и кишечное отправления производятся прямо на спине матери; она вынимает его и чистит, дабы избавить от дискомфорта скорее его, нежели себя. Она опережает все его потребности, о которых догадывается тактильно. Плачет он редко. Она вылизывает ему лицо и руки, дабы почистить их, поскольку получение воды изо льда обходится дорого. Отсюда и будущее спокойствие эскимоса перед лицом несчастья; его способность к выживанию во враждебной физической среде при фундаментальном базовом доверии; его альтруистическое поведение; его исключительные пространственные и механические способности.

Во многих странах установлены табу на прикосновение с целью защиты от сексуального возбуждения, навязывания отказа от глобального и нежного кожного контакта, в то же время поощряются грубость мануальных и мускульных контактов, удары, физические наказания, применяемые к коже. Некоторые общества даже систематически навязывают болезненные обряды (внушительный список которых приводит Монтэгю) с кожей детей либо под видом ритуала инициации, либо с целью нарастить фигуру и/или украсить тело — что во всех случаях ведет к повышению социального статуса.

7. Кожа относительно мало интересовала психоаналитиков. Хорошо документально подкрепленная статья американца Барри Бивена (Biven, 1982) «Роль кожи в нормальном и аномальном развитии с заметкой о поэтессе Сильвии Плат» успешно проводит учет психоаналитических публикаций на эту тему. В статье нет

полноценной главной идеи, но в ней приводится немалое количество данных, интерпретаций и ремарок, самые интересные из которых я резюмирую далее.

- Кожа дает фантазматическое ядро пациентам, пострадавшим от ранних деприваций. Например, они стремятся к суициду как установлению оболочки, общей с объектом любви.

- Рот служит малышу и для соприкосновения с предметами, и для поглощения пищи, помогая таким образом отождествлять и различать одушевленное и неодушевленное. Инкорпорация предмета кожей может предшествовать его абсорбции ртом. Желание быть инкорпорированным таким способом столь же часто, как и желание инкорпорировать кожей.

- Самость необязательно совпадает с психическим аппаратом: многие пациенты ощущают части своего тела и/или психики чужими.

- Кожа, которую новорожденный учится узнать лучше всего, — это кожа рук и груди его матери.

- Проекция кожи на объект — текущий процесс у малыша. Процесс можно наблюдать в живописи, когда холст (часто перегруженный или заштрихованный) представляет символическую кожу (нередко хрупкую), служащую для художника барьером от депрессии. Аутоэротическая загрузка собственной кожи раньше появляется у младенцев, слишком рано разлученных со своей матерью.

- В Библии говорится о гнойных ранах Иова, выражении его депрессии и об обмане Ребекки, укрывающей козлиной кожей руки и затылок своего безбородого сына, Иакова, чтобы он сошел за его волосатого брата Исава перед Исааком, их слепым отцом.

- Хелен Келлер и Лаура Бриджман, слепоглухие, отрезанные от мира, смогли научиться общаться через кожу.

- Тема кожи доминирует в произведениях поэтессы и американской писательницы Сильвии Плат, покончившей с собой в 1963 г. в возрасте 31 года. Вот ее воспоминание о детстве, связанное с тем моментом, когда ее мать возвращается в дом с младенцем.

Я ненавидела детей. Я, которая два с половиною года была центром вселенской нежности, почувствовала, что ось пошатнулась и что полярный холод сковывает мой скелет... Держа причину своего недовольства, противного, колючего, ужасного морского ежа, я с трудом поплелась в противоположном направлении к неприступной тюрьме. Как со звезды, я наблюдала, холодно и спокойно, отделенность от всего. Я чувствовала преграду из своей кожи: Я — это я.

Камень — это камень. Мое прекрасное слияние с предметами этого мира окончилось¹.

И еще: «Кожа легко шелушится, как бумага».

• Что касается кожных заболеваний, расчесы — одна из архаичных форм направления агрессии на тело (вместо того чтобы обратить ее на свое Я, что предполагает установление более развитого Сверх-Я). Следующее за этим чувство стыда приходит оттого, что человек чувствует, что если он начнет чесаться, то не сможет остановиться, что им руководит неконтролируемая скрытая сила, что он проделывает брешь на поверхности кожи. Стыд², в свою очередь, заглушается возвращением эротического возбуждения, вызываемого расчесами, все более и более патологическими по круговой реакции.

• Уродование кожи — иногда реальное, чаще воображаемое — это драматическая попытка отстоять границы тела и Я, установить ощущение неприкосновенности и связанности. Венский художник Рудольф Шварцхоглер воспринимал собственное тело как объект искусства, сдирая с себя кожу, кусок за куском, до смертельного исхода. Он фотографировал себя в процессе этой операции, и фотографии стали объектом выставки в Касселе, Германия.

• Фантазии об уродовании кожи свободно выражаются в западной живописи начиная с XV в. в виде анатомического искусства. Один из персонажей Джуана Валверде носит свою кожу на вытянутой руке. Другой персонаж Иоахима Реммелини (1619) носит кожу, обматывающую живот как набедренная повязка. У персонажа Фелиса Вика д'Ази (1786) скальп свешивается на лицо. Персонаж Ван дер Шпигеля (1627) режет кожу на своих бедрах, чтобы сделать из них гетры. Глаза персонажа Берреттини закрыты лоскутами его собственной кожи. У женщины, изображенной художником Бидлоу (1685), запястья обмотаны кусками кожи, содранными с ее спины.

Я завершаю свою рецензию на статью Б. Бивена, подчеркивая, что художники еще задолго до писателей и исследователей заметили и изобразили специфическую связь между извращенным мазохизмом и кожей³.

¹ [Цит. по: *Biven, B.* The role of skin in normal and abnormal development with a note on the poet Sylvia Plath. // *International Review of Psychoanalysis.* — 1982. — Vol. 9. — P. 205–229.]

² См. *Tisseron, S.* La honte, psychanalyse d'un lien social. — Paris: Dunod, 1992.

³ См. *Anzieu, D., Montjauze, M.* Francis Bacon. — Lausanne: L'Air / Archimbaud, 1992.

ЧЕТЫРЕ СЕРИИ ДАННЫХ

То, что отвергалось во времена Фрейда в индивидуальных дискурсах и коллективных репрезентациях, — это секс: то была причина внешнего происхождения (другой причиной был самоанализ), приведшая основоположника психоанализа к усилению акцента на сексуальности. При большом его отсутствии, недооценке, непризнании в системе образования, в повседневной жизни, в развитии структуризма, в психологизме многих терапевтов, а иногда даже в детской гигиене на протяжении почти всей третьей четверти XX в. он был и остается для большей части тела витальным параметром человеческого бытия, глобальной досексуальной данностью, не подлежащей изменению как нечто, в чем физические функции находят свою опору. Не случайно понятие образа тела, придуманное венским психоаналитиком П. Шилдером (Schilder, 1950), отсутствует в «Словаре по психоанализу» Лапланша и Понталиса (Laplanche, Pontalis, 1968), впрочем, очень хорошо документально подкрепленном, и не случайно современная западная цивилизация характеризуется уничтожением естественных равновесий, загрязнением окружающей среды, нарушением законов жизни. Также не случайно, что театр авангарда 60-х гг. тяготеет к театру жеста, а не слова, и успех групповых методов в те же годы в Соединенных Штатах, а впоследствии и в Европе, больше обязан не вербальным обменам, рекомендуемым психоаналитическим приемом свободных ассоциаций, а установленным здесь телесным контактам и довербальной коммуникации. Какой же прогресс в этот период совершило психоаналитическое знание в изучении истоков психического функционирования?

Психоаналитическая проблема психического влияния лишения материнской ласки — дело исследователей, которые, до того как стать аналитиками или будучи ими, были, остались или стали детскими психиатрами или педиатрами: Боулби с 1940 г.; Винникотт с 1945 г., Шпиц с 1946 г., если учитывать даты их первых публикаций на эту тему (не говоря уже о предыдущих работах, написанных двумя первыми детскими аналитиками не врачами — Мелани Кляйн и Анной Фрейд). Начиная с этих дат им кажется ясным, что то, как развивается ребенок, по большей части зависит от совокупности ухода, получаемого им на протяжении детства, а не только от отношения при вскармливании; что если психика младенца испытала насилие, либидо не проходит серию стадий, описанных Фрейдом, и что нарушение первых отношений мать — дитя провоцирует у последнего серьезные изменения в экономическом равновесии и топической организации. Им недостаточно фрейдистской метапсихологии для ухода за детьми, лишенными ласки. Шпиц в Соединенных Штатах описывает мало-радостной больничной терминологией регрессии, серьезные и быстро превращающиеся в необратимые у детей, которых ранняя госпитализация отлучает от матери и которые становятся объектом рутинного ухода, а именно тщательного ухода со стороны персонала, однако лишенного аффективного тепла, без свободного осуществления обонятельных, слуховых, тактильных коммуникаций, обычно происходящих как проявления того, что Винникотт назвал «первичной заботой» матери.

Констатация фактов в одной области может привести к научному прогрессу, только если располагать некоей таблицей наблюдений, позволяющей отметить основные аспекты (зачастую ранее не известные) этих фактов, и если некоторые предположения, извлеченные из этой области, с одной стороны, пересекаются с некоторыми знаниями, уже приобретенными в другом месте, а с другой стороны, находят применение или плодотворные перемещения в новые области. Таким образом, четыре серии данных насытили, сориентировали, поставили вопросы перед психоаналитическим исследованием о генезе и ранних нарушениях психического аппарата.

ЭТОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Именно к 1950 году на английском языке были опубликованы главные труды этнологов Лоренца (Lorenz, 1949) и Тинбергена (Tinbergen,

1951). Боулби (Bowlby, 1961), английский психоаналитик, в это время знакомится с феноменом импринтинга: у большинства птиц и у некоторых млекопитающих детеныши генетически предрасположены поддерживать близость с особым индивидуумом, дифференцируемым с первых часов или дней после рождения и предпочитаемым среди всех прочих. В основном это мать, однако экспериментальное исследование показывает, что это может быть и мать какого-либо другого биологического вида, и поролоновый мяч, и картонная коробка, и сам Лоренц. Интерес опыта для психоаналитика заключается в том, что детеныш не только остается рядом с матерью или следует за ней по пятам, но и ищет ее, когда ее нет, зовет ее в состоянии самой большой растерянности. Эта растерянность птенца или детеныша млекопитающего аналогична страху разлуки с матерью человеческого малыша, и она исчезает, как только восстанавливается контакт с матерью. Боулби поражен первичным характером этого проявления и фактом того, что оно не привязывается к оральной проблематике, понимаемой в узком смысле (вскармливание, отлучение от груди, потеря, затем иллюзия груди), которой психоаналитики придерживались относительно младенцев со времен Фрейда. Он полагает, что Шпиц, Мелани Кляйн, Анна Фрейд, оставаясь узниками теоретического фрейдистского аппарата, не смогли или не сумели примириться с этим последствием и, ссылаясь именно на работы венгерской школы по сыновнему/дочернему инстинкту и влечению цепляния (И. Херманн (Hermann, 1930), подхваченными во Франции Никола Абрахамом (Abraham, 1978)) и по первичной любви (А. & М. Balint, 1965), он предлагает свою теорию по влечению привязанности. Я напому в общих чертах идею Херманна. Детеныши млекопитающих цепляются за шерсть своей матери, чтобы найти двойную защиту: физическую и психологическую. Почти полное исчезновение волосяного покрова на поверхности человеческого тела облегчает тактильные первичные значимые обмены между матерью и младенцем и подготавливает путь людей к языку и другим семиотическим кодам, однако делает более проблематичным удовлетворение влечения цепляния у человеческого малыша. Именно цепляясь к груди, к рукам, ко всему телу и к одежде матери, он якобы вызывает у нее в ответ поведение, до сего момента приписывавшееся некоему утопическому материнскому инстинкту. Катастрофа, преследующая зарождающуюся психику человеческого малыша, заключалась бы в откреплении: его внезапное возникновение, уточняет позднее Бион, чье выражение я использую, погружает малыша в «безымянный ужас».

На протяжении этих последних десятилетий психоаналитическая клиника находится в конфронтации с необходимостью введения новых нозологических категорий, среди которых категория пограничных состояний является самой осторожной и самой распространенной. Можно полагать, что здесь речь идет о пациентах, плохо открепленных, точнее, о пациентах, испытывавших противоречивые чередования — ранние и неоднократные — излишнего прикрепления и резких и непредвиденных откреплений, совершивших насилие над их телесным и/или психическим Я. Отсюда проистекают некоторые характеристики их психического функционирования: они не уверены в том, что чувствуют; они больше озабочены тем, что предполагают наличие желаний и аффектов у других; они живут здесь и сейчас и общаются в режиме повествования; у них нет расположения духа, позволяющего, по выражению Биона (Bion, 1962), учиться на личном жизненном опыте, представлять себе этот опыт, извлекать из него новую перспективу, мысль о которой всегда приводит их в беспокойство; им трудно открепиться интеллектуально от этого расплывчатого прошлого, смешения их самих с другим, отказаться от контакта через прикосновение, перестроить свои связи с миром вокруг, подойти к концептуальному «видению» предметов и психической реальности и абстрактному рассуждению; они остаются приклеенными к другим в своей социальной жизни, приклеенными к чувствам и эмоциям в своей ментальной жизни; они страшатся проникновения, будь то проникновение взглядом или половой акт.

Вернемся к Боулби. В статье 1958 г. «Природа связи ребенка с матерью» (Bowlby, 1958) он представляет гипотезу влечения привязанности, независимого от орального влечения и якобы становящегося первичным несексуальным влечением. Он различает пять фундаментальных переменных в отношении мать — дитя: сосание, цепляние, плач, улыбка и следование. Это стимулирует труды этнологов, шедших своей дорогой к аналогичной гипотезе и только что пришедших к знаменитой и элегантной экспериментальной демонстрации Харлоу в Соединенных Штатах, также опубликованной в 1958 г. в статье под названием «Природа любви» (Harlow, 1958). Сравнивая реакции детенышей обезьян на искусственных матерей, сделанных из каркаса, одетого в мягкие ткани, кормящих или нет (то есть с соской или без), и на искусственных матерей, также кормящих или нет, но сделанных только из металлической проволоки, он констатирует, что если исключить переменную вскармливания, мать-шерсть всегда предпочитается матери-проволоке как объект привязанности, и что если принять

во внимание переменную вскармливания, то она не вносит статистически значимую разницу.

С этого момента опыты Харлоу и его команды в 1960 г. пытаются измерить соответствующий вес факторов в привязанности малыша к матери. Самым важным оказывается комфорт, привнесенный контактом, связанным с нежностью кожи или шерсти. Комфорт признан лишь вторичным способом в трех других факторах: вскармливание, физическая теплота, испытываемая в контакте, укачивание младенца движениями его матери, когда она его несет или когда он держится, прицепившись к ней. При поддержке комфортного контакта детеныши обезьян предпочитают искусственную мать, кормящую их, матери, которая их не кормит, и так на протяжении 100 дней; они также предпочитают качающийся субститут статичному субституту на протяжении 150 дней. Только поиск тепла в некоторых случаях оказался сильнее поиска контакта: резус-детеныш в контакте с искусственной матерью из мягких тканей, но без тепла, обнимал ее только один раз и убежал в другой конец клетки на протяжении всего месяца опытов; другой предпочел мать-проводаку, подогреваемую электричеством, тряпичной матери с комнатной температурой (см. также Kaufman, 1961).

После того как клиническое наблюдение за нормальными детьми уже давно констатировало аналогичные феномены, Боулби (Bowlby, 1961) начинает новую разработку психоаналитической теории, способную объяснить это. Он принимает в качестве модели теорию контроля, зарожденную в механике и развитую в электронике, а затем в нейрофизиологии. Поведение теперь определяется не терминами «напряжение» или «уменьшение напряжения», а четкими целями, которые нужно достичь, процессами, ведущими к этим целям, и сигналами, активизирующими или подавляющими эти процессы. В такой перспективе привязанность кажется ему формой гомеостаза. Цель ребенка — держать мать на некой дистанции, на которой она ему доступна. Процессы заключаются в том, чтобы сохранить или увеличить близость (продвинуться к ней, заплакать, обнять) или побудить мать сделать это (улыбнуться и прочие любезности). Функция — это функция защиты малыша, в частности, от хищников. Подтверждением этому будет то, что поведение привязанности наблюдается по отношению не только к матери, но и к самцу обезьяны, защищающему группу от хищников и оберегающему маленьких обезьян от более взрослых. Привязанность матери к ребенку изменяется по мере роста ребенка, однако реакция растерянности, когда он ее теряет, остается неизменной. Ребенок

переносит все более и более долгие отсутствия матери, но он всегда одинаково расстроен, если она не возвращается в ожидаемый им момент. Подросток сохраняет эту реакцию, интериоризируя ее, так как он имеет тенденцию прятать ее от других, даже от себя самого.

Бowlby посвятил развитию своего тезиса три тома под общим названием «Привязанность и потеря». Я только что привел суммарное резюме первого тома «Привязанность» (Bowlby, 1969). Второй том «Разлука» (Bowlby, 1973) объясняет сверхзависимость, тревогу и фобию. Третий том «Потеря, печаль и депрессия» (Bowlby, 1975) посвящен бессознательным процессам и механизмам защиты, сохраняющим их бессознательными.

Винникотт (Winnicott, 1951) не сравнивал малышей человека с детенышами животных, не стремился выстроить теорию таким же систематичным способом, однако описанные им переходные феномены и переходное пространство, которое мать устанавливает для ребенка между собою и миром, очень хорошо могли бы быть поняты как эффекты привязанности. Наблюдение за Элен, изложенное Моник Дурье-Пиноль (Douriez-Pinol, 1974), показательно: Элен моргает глазами и морщит нос с довольным счастливым видом, когда в предсонном состоянии изучает пальцем свои ресницы. Затем она переносит эту реакцию на исследование ресниц своей матери, потирание своего носа ухом плюшевого медведя и, наконец, на контакт или вербальное обращение к своей матери, вернувшейся после отсутствия, или при приближении других малышей, кошки, при прикосновении меховой обуви, мягкой пижамы. Автор с полным основанием описывает здесь переходный феномен. Со своей стороны добавлю, что общий знаменатель всего этого поведения Элен — поиск контакта с частями тела или предметами, характеризующимися наличием шерсти, особо приятной на ощупь, или сделанными из материала, дающего аналогичное тактильное ощущение. Этот контакт погружает ее в восхищение, эрогенную природу которого, похоже, сложно подтвердить: удовольствии, найденное в удовлетворении влечения привязанности, кажется, совсем иного качества по сравнению с удовольствием от удовлетворения орального сексуального влечения, и оно является манифестацией того, что помогает Элен сначала заснуть в доверии, затем поверить в возвращение матери и наконец приступить к классификации существ и предметов, которым она может верить.

Винникотт предпочел работать в этиологической перспективе и связать с большей точностью, чем его предшественники, тяжесть психического расстройства с ранним лишением материнской любви.

Приведем резюме, которое он дает в работе «Ребенок в хорошем здоровье и ребенок в период кризиса. Несколько высказываний о необходимой заботе» (Winnicott, 1962b, p. 22–23): «Если лишение любви вдруг происходит до того, как младенец становится личностью, это приводит к детской шизофрении, неорганическим психическим расстройствам, предрасположенности к последующим клиническим психическим расстройствам; если лишение любви вызывает травмирование у существа достаточно развитого, чтобы быть восприимчивым к травмированию, оно ведет к предрасположенности к аффективным расстройствам и антисоциальным тенденциям; если это происходит тогда, когда ребенок стремится завоевать свою независимость, оно провоцирует патологическую зависимость, патологическую оппозицию, приступы гнева».

Винникотт (Winnicott, 1962a) также уточнил разнообразие потребностей грудного младенца, впрочем, существующее у любого человеческого существа. Наряду с потребностями тела малыш предъявляет психические потребности, которые удовлетворяются «достаточно хорошей» матерью; недостаточность откликов окружения на эти психические потребности приводит к расстройствам в дифференциации Я и не-Я; избыток отклика ведет к гиперразвитию, интеллектуальному и фантазматически защитному. Наряду с потребностью в коммуникации у малыша есть потребность в том, чтобы не общаться и эпизодически испытывать блаженство от отсутствия интеграции психики и организма.

После такого исторического обзора попробуем поразмышлять. Начнем с инвентаризации установленных фактов. Что касается этологии, их можно резюмировать следующим образом.

1. Поиск телесного контакта между матерью и малышом — основной фактор аффективного, когнитивного и социального развития ребенка.

2. Этот фактор не зависит от факта вскармливания: детеныш обезьяны, которому открыт свободный доступ к соске, расположенной на металлическом каркасе, не подходит к ней и выглядит испуганным; если же ее располагают на каркасе из тряпок или шерсти (не обязательно из шерсти обезьяны), он прячется в ней и в его поведении проявляются спокойствие и уверенность.

3. Лишение матери или ее субститута приводит к нарушениям, которые могут стать необратимыми. Так, молодому шимпанзе, лишенному физического контакта со своими товарищами, впоследствии не удается совокупляться. При наличии социальных стимулов,

передаваемых сородичами, обезьяны всех видов поступают неадекватно, что вызывает у них всякого рода грубость, а у отдельной особи — приступы ярости.

4. Нарушения в поведении можно по большей части предупредить, если детеныш обезьяны, лишенный своей матери, находится в контакте с сородичами, тоже в свою очередь лишенными матери: группа сотоварищей является субститутотом матери. Этнологическое исследование негро-африканских цивилизаций привело к такому же результату: возрастной класс заменяет мать. У обезьян развитие индивидуума благоприятнее для детенышей, последовательно имеющих контакт с матерью и группой.

5. В определенном возрасте детеныш обезьяны — как в естественных условиях, так и в лаборатории — покидает мать и исследует окружающий мир. Она его поддерживает и направляет в данном поведении. При малейшей реальной или воображаемой опасности он спешит в ее объятия или цепляется к ее шерсти. Удовольствие от контакта с материнским телом и от хватания лежит в основе и привязанности, и разлуки. Если внешние стимулы слегка враждебны, то малыш усваивает их и все меньше и меньше нуждается в материнском утешении. Если они ужасающие (в эксперименте Харлоу это механическая собака или механический медведь, бьющий в барабан), детеныш обезьяны постоянно ищет материнскую помощь, даже когда ему удастся коснуться этих чудовищ и исследовать их. Как только малыш обрел доверие к окружающему миру, происходит окончательное отделение от матери либо со стороны матери, либо со стороны ребенка.

6. У обезьян переход к сексуальной жизни происходит в три этапа. Первый — это опыт удовлетворяющей привязанности — не сексуального характера — в детстве с матерью. Затем приходит возможность попрактиковать в группе товарищей все более и более сексуальные манипуляции с телом партнера (открытие детской сексуальности). Эта привязанность, затем эти игры готовят и у некоторых видов обуславливают переход к взрослой сексуальности. У обезьян, у многих млекопитающих и птиц мать никогда не является объектом сексуальных проявлений со стороны своих сыновей. Этологи объясняют это табу инцеста фактом того, что мать является — и остается — для молодого самца доминирующим животным. Самец макаки, становящийся вождем группы, в которую входит его мать, имеет право обладать всеми самками; предпочтет ли он в большинстве случаев покинуть группу, чем совокупиться с ней? Вхождение во взрослую сексуальность отмечается окончанием весьма всепозволяющего воспитания,

осуществляемого группой на предмет детских сексуальных игр, и введением резких ограничений со стороны доминирующих особей, оставляющих за собой право обладания самками группы и распределяющих их между собой¹.

ГРУППОВЫЕ ДАННЫЕ

Наблюдение за группами людей, случайно объединенных для обучения или психотерапии, предоставило вторую серию фактов. Это наблюдение проводилось за группой в количестве от 30 до 60 человек (не за одной ограниченной группой), и оно определило способ, которым группа обживает свое место и то воображаемое пространство, которое члены группы проецируют на это место. Уже в маленькой группе наблюдается тенденция участников заполнить пустоту (они «кучкуются» в одной части комнаты, если комната огромная, они расставляют столы посередине, если приняли круговую диспозицию) и заткнуть дыры (им не нравятся пустые стулья между ними, они складывают лишние кресла в угол комнаты, пустой стул отсутствующего лица плохо воспринимается, двери и окна закрыты — все, что имеет риск превратить атмосферу в физически невыносимую). В большой группе, где подчеркнута анонимность, где ярче страхи расчленения, где сильна угроза потери Я-идентичности, индивид чувствует себя потерянным и склонен защищаться, замыкаясь в себе и в молчании. Здесь встречаются три основных механизма параноидно-шизоидной позиции. Расщепление объекта: плохой объект проецируется на большую группу в целом, на инструкторов или на одного участника группы, третируемого в качестве козла отпущения; хороший объект проецируется на малые группы, где он благоприятствует установлению групповой иллюзии. Проекция агрессивности: другие люди воспринимаются мною как пожиратели, когда они говорят, а я не могу идентифицировать того, кто говорит, или когда они на меня смотрят в то время, когда я этого не вижу. Поиск связи: если предоставить участникам свободу занять место не в predetermined расстановке кресел, большинство из них проявят тенденцию собираться вместе. Только позднее или

---

¹ Два первых взгляда на этот вопрос, опубликованных франкоязычными авторами, включают работу Ф. Дюнкарта «Объект привязанности: посредник между ребенком и средой» (Duyckaerts, 1972) и работу Р. Заззо «Привязанность. Новая теория происхождения аффективности» (Zazzo, 1972). Два сборника статей объединили работы французских и зарубежных авторов по различным проблемам, связанным с привязанностью: «Животные модели человеческого поведения» (Chauvin et coll., 1970) и «Привязанность» (Zazzo, 1974).

с целью защиты они принимают расстановку в один или несколько овальных концентрических кругов: закрытое яйцо, защита, выстроенная из нарциссической коллективной оболочки. Тюрке (Turquet, 1974) отметил, что возможность для участника выйти как субъекту из состояния анонимного и изолированного индивида проходит через установление контакта (визуального, жестикуляционного, вербального) со своим соседом или с двумя ближайшими соседями. Таким образом строится то, что Тюрке называет «отношенческим фронтиром Я с кожей моего соседа». «В большой группе разрыв фронта «кожи моего соседа» — это постоянно присутствующая угроза, и это не только из-за действия уже упомянутых центробежных сил, являющихся причиной отстранения Я, принуждающих его быть все более и более изолированным, идиосинкразическим и отчужденным. Непрерывность контакта с кожей своего соседа также находится в опасности, так как большая группа поднимает многие проблемы, такие как: где? кто? какого сорта? соседи моего Я, особенно когда личные места меняются в пространстве, как это постоянно происходит, когда какой-то участник находится сначала близко, затем далеко, то спереди, то сзади, сначала слева, а теперь справа и т. д. Эти повторяющиеся изменения мест порождают вопросы: отчего это изменение? на каком основании? в каком направлении ушел мой сосед? по направлению к чему? куда идти? Одна из характеристик большой группы — это отсутствие стабильности; ее заменяет калейдоскопический опыт. Результат для Я — это опыт растянутой кожи, привязанной к последнему соседу, который говорил, но который теперь далеко отсюда. Такая растянутость может привести к разрыву кожи; чтобы избежать этого, Я десолидируется и уходит, в таком случае оно становится «сингельтоном», а отсюда «дезертиром».

Хотя Тюрке не делает ссылок, его описание опирается на теорию Боулби, показывая, как влечение привязанности действует у людей: путем поиска контакта (в двойном смысле этого понятия — телесном и социальном), обеспечивающего двойную защиту от внешних опасностей и от внутреннего психического состояния беспомощности и делающего возможными обмены знаками во взаимной коммуникации, где каждый партнер чувствует себя признанным другим партнером. Развитие в группах техник телесных контактов, физического выражения, взаимных массажей идет в том же самом направлении. Как и в различных приложениях Харлоу по обезьянам, роль также играет поиск теплоты и баюкающего движения. Стажеры жалуются на «холод» — физический и моральный, — царящий в больших

группах. В психодраме или телесных упражнениях всегда имеет место коллективная пантомима многих участников, прижатых друг к другу и раскачивающих вместе свои тела. Их слияние порой заканчивается симуляцией вулканического извержения, сценой изображения общей разрядки от тонического напряжения, накопленного в каждом, видом младенца, ритмически ласкаемого, о чем любил говорить Валлон, разрядки, высвобождающей избыток тонуса во все более и более резком смехе, который, перейдя некоторый порог, может превратиться в рыдания.

Тюрке указывает на то, что главное последствие установления перестраивающимся Я-психическим кожи-фронттира со своим соседом — это возможность жить делегированно: вновь выделяющийся субъект как таковой «желает, чтобы другой член большой группы говорил для него с целью услышать что-либо похожее на то, что он думает или чувствует, и пронаблюдать или узнать, подставляя другого вместо себя, какую судьбу может иметь в группе то, что другой скажет на мой счет». Такая же эволюция происходит и со взглядом. Участник сообщает, что он сидит напротив «нежного лица» и что это придает ему уверенности в нем самом. Нежность лица, нежность взгляда, также нежность голоса: «Качество голоса учителей имеет бóльший эффект, нежели содержание того, что они пытаются сказать, интроецируется мягкий, спокойный, умиротворенный акцент голоса, в то время как слова сами по себе остаются в стороне». Здесь признается типичное качество, являющееся целью влечения привязанности: нежность, мягкость, мех, бархат, качество с тактильным истоком, впоследствии метафорически перенесенное на другие органы чувств.

Напомним, что в теории Винникотта (Winnicott, 1962a, p. 12–13), интеграция Я во времени и в пространстве зависит от способа матери «удерживать» (*holding*) младенца, что персонализация Я зависит от способа «ухаживания» (*handling*) за ним и что установление объектного отношения посредством Я зависит от презентации матерью объектов (груди, соска, молока...), благодаря которым младенец сможет находить удовлетворение своих потребностей. Это второй процесс, который нас здесь интересует: «Я основывается на Я телесном, но это только если все идет хорошо и личность младенца начинает привязываться к телу и телесным функциям, кожа при этом является мембраной-фронтиром». И Винникотт приводит доказательство *a contrario*¹: деперсонализация иллюстрирует «потерю крепкого

¹ [A contrario (лат.) — в противовес.]

союза между “Я” и телом, включая влечения “Оно” и инстинктивные удовольствия».

ПРОЕКТИВНЫЕ ДАННЫЕ

Третью серию данных я заимствую из работ о проективных тестах. В ходе исследований по образу тела и личности американцы Фишер и Кливленд (Fischer, Cleveland 1958) выделили в ответах на тест чернильных пятен Роршаха две новые переменные, с тех пор не прекращавшие обосновываться: *барьерность* и *проницаемость*. Переменная *барьерность* котируется для любого ответа, означающего защитную поверхность, мембрану, скорлупу или кожу, что символически можно было бы связать с восприятием фронтиров образа тела (одежда, кожа животных с акцентом на пупырчатость, пушистость, пятнистость или полосатость поверхности, ямки, выпуклые животы, поверхности защитные или нависающие, предметы, снабженные броней, или в форме сосуда, существа или предметы, покрытые чем-нибудь или скрытые за чем-нибудь). Переменная *проницаемость* противопоставляется предыдущей в том, что она относится к любому ответу, который может быть символическим выражением субъективного чувства, согласно которому тело имеет весьма низкое защитное свойство и в него легко можно проникнуть. Фишер и Кливленд уточнили три типа репрезентаций проницаемости:

- а) прокалывание, разрыв или обнажение поверхности тела (рана, перелом, ссадина, раздавливание, кровотечение);
- б) пути и способы проникновения внутрь или выталкивание внутренней части наружу (открытый рот, отверстие в теле или в доме, отверстие в земле, дающее выход жидким субстанциям, рентген или разрез органов, позволяющий напрямую увидеть внутренности);
- с) репрезентация поверхности предмета как проницаемой и хрупкой (предметы рыхлые, мягкие, без пальпируемых фронтиров; прозрачные, поверхности иссушенные, увядшие, испорченные, в состоянии дегенерации).

Предписывая тест Роршаха психосоматическим больным, Фишер и Кливленд установили, что лица с симптомом, касающимся внешней части тела, воображали тело четко отграниченным защитной перегородкой, в то время как лица с симптомом, затрагивающим внутренние органы, представляли свое тело свободно проницаемым и лишенным защитного барьера. Авторы считают доказанным тот

факт, что эти воображаемые репрезентации существовали еще до появления симптомов, и, таким образом, они имеют этиологическую ценность. Они полагают, что способы ухода, мобилизирующие тело (массаж, релаксация и т. п.), могут оказать помощь в высвобождении этих воображаемых репрезентаций.

Так, определенное этими двумя переменными понятие образа тела нельзя было бы заменить понятием Я, его преимущество в том, что оно позволяет поставить акцент, что касается знания собственно тела, на восприятие фронтиров тела. Границы образа тела (или образ границ тела) приобретаются в ходе процесса отсоединения ребенка от своей матери, и они представляют некоторую аналогию с фронтами Я, в отношении которых Федерн (Federn, 1952) показал, что они лишаются загрузки в процессе деперсонализации. Если мы очень хотим представить образ тела не для психического органа или функции, а только для репрезентации, достаточно рано разработанной в ходе структуризации самим Я, можно поддержать утверждение Анжелерга (Angelergues, 1975) о том, что речь идет о «символическом процессе репрезентации некой границы, имеющей функцию «стабилизирующего образа» и защитной оболочки. Этот прием позиционирует тело как объект загрузки, а его образ — как продукт этой загрузки, загрузки, покоряющей не взаимозаменяемый объект за исключением состояния психоза, а объект, который во что бы то ни стало должен оставаться нетронутым. Функция границ доходит до необходимости сохранения невредимости. Образ тела находится в категории фантазма и вторичной разработки, когда репрезентация действует на тело».

ДЕРМАТОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Четвертый блок данных предоставлен дерматологией. Помимо случайных причин воспаления кожи тесно связаны с жизненными стрессами, эмоциональными всплесками и тем более, что касается моего высказывания, с нарциссическими изъянами и недостаточностью структуризации Я. Эти спонтанные по происхождению воспаления часто сохраняются и усугубляются принуждениями к расчесыванию, превращающему их в симптомы, субъект которых больше не может без них обойтись. Когда симптомы затрагивают органы, соответствующие разным стадиям либидинозного развития, очевидно, что симптом сочетает эротическое удовольствие с физической болью и моральным стыдом, необходимыми для облегчения исходящей

от Сверх-Я потребности в наказании. Но в патомимии¹ случается так, что заболевание кожи добровольно спровоцировано и развито, например, путем ежедневного скобления осколками стекла (по данному вопросу см. работу Корраце (Corraze, 1976)). Вторичная выгода здесь заключается в получении пенсии по инвалидности; первичная же, не сексуальная, выгода заключается в тирании, применяемой к окружению инвалидом, считающимся неизлечимым, и в затягивании провала знаний и силы медицины; таким образом, действует влечение к отчуждению, но оно не единственно. Под таким поведением тайно скрывается бессознательная агрессивность — агрессивность, возникающая вследствие реакции на постоянную потребность в зависимости, невыносимое присутствие которой симулянт ощущает в себе. Он пытается вновь обрести эту потребность, делая зависимыми от себя людей, являющихся первыми объектами, на которые нацелено его влечение привязанности, объектами, некогда вызвавшими чувство фрустрации и которые с тех пор провоцируют его месть. Эта сильная потребность в зависимости коррелятивна хрупкости и незрелости психической организации внушения, а также недостаточности топической дифференциации, связанности Самости и развития Я по отношению к другим психическим инстанциям. Эти больные тоже появляются из патологии влечения привязанности. Ввиду хрупкости их Я-кожи патомимы² колеблются между страхом разлуки, если с объектом привязанности больше нет близкого контакта, и страхом преследования, если с ним существует слишком большая близость.

Психосоматический подход к дерматозам обобщил этот результат. Пруриго³ связано только с вызывающими вину сексуальными желаниями в круговом действии между аутоэротизмом и самонаказанием. Это также и прежде всего способ привлечь внимание к себе, а точнее к коже, которая в младенчестве не смогла встретить со стороны материнского и семейного окружения контакт нежный, теплый, крепкий и успокаивающий, особенно упомянутый выше осмысленный контакт. Зуд — это непреодолимое желание быть понятым любимым объектом. С помощью автоматизма повторения психический симптом воскрешает в первичной форме «языка» кожи прежние фрустрации с их эксгибиционистскими страданиями и вернувшимся гневом:

---

¹ [Патомимия — имитация болезни.]

² [Патомим — имитатор болезни, симулянт.]

³ [Пруриго (почесуха) — заболевание неизвестной этиологии из группы зудящих дерматозов, характеризующееся появлением отечных узелков с резким зудом.]

раздражение эпидермы смешивается в соответствии с соматопсихической индифференциацией, к которой эти пациенты остаются фиксированными, с психическим раздражением, эротизацией поврежденной части тела, появляющейся потом, дабы сделать боль и ненависть терпимыми и попытаться инверсировать неудовольствие в удовольствие. Покраснение, называемое стыдливым, не вызывает страха только потому, что кожа больного, играя свою роль «зеркала души» в ущерб роли фронта, позволяет собеседнику считывать напрямую сексуальные и агрессивные желания, от которых больной чувствует себя смущенным, но также и потому, что кожа проявляется и в другой роли, как тонкая оболочка, приглашающая к физическим проникновениям и психическим вторжениям.

Распространенная экзема может передавать регрессию в инфантильном состоянии полной зависимости, соматическую конверсию страха психической подавленности, немой и безысходный призыв к вспомогательному Я, обеспечивающему общий упор. Экзема у детей младше двух лет подчеркивает отсутствие нежного и обволакивающего физического контакта со своей матерью. Шпиц (Spitz, 1965) колеблется в своей интерпретации: «Мы задали себе вопрос о том, были ли кожные заболевания попыткой адаптации или, наоборот, защитной реакцией. Реакция ребенка в форме экземы может быть либо обращенной к матери просьбой, чтобы она прикасалась к нему чаще, либо способом нарциссической изоляции в том, что экземой ребенок сам обеспечивает себе стимулы в соматической области, в которых мать ему отказывает. Мы не можем знать». Я сам колеблюсь в этом отношении со времен своей первой стажировки в качестве молодого психолога в 50-х гг. при дерматологическом центре профессора Грациански в госпитале Сен-Луи в Париже. Типичны ли заболевания кожи для пациентов, одновременно получавших и страдавших в раннем детстве от чрезмерного стимулирования кожи, продуцированного материнским уходом, в сравнении с другими расстройствами, являвшимися результатами или следами былого отсутствия контактов с телом и кожей матери? В обоих случаях, однако, проблематика бессознательного крутилась бы вокруг этого первичного запрета на прикосновение, о котором я буду говорить дальше: отсутствие материнской ласки и объятий бессознательно переживается зарождающейся психикой как чрезмерное, преждевременное и жестокое применение запрета на приклеивание к телу другого; чрезмерная стимуляция, когда речь идет о материнских контактах, физически неприятна, когда она превышает порог защиты от раздражителей, еще столь слабо обеспеченный

у ребенка, и на бессознательном уровне опасна тем, что она нарушает и отключает запрет на прикосновение, в котором психический аппарат нуждается, чтобы создать психическую оболочку, принадлежащую ему на правах собственности.

Самая простая и самая верная гипотеза в свете собранных клинических наблюдений на настоящий момент заключается в следующем: «Глубина повреждения кожи пропорциональна глубине психического заболевания»¹.

Со своей стороны я предпочитаю переформулировать эту гипотезу, введя свое понятие Я-кожа, которое собираюсь представить: тяжесть кожного заболевания (измеряющаяся в возрастающем сопротивлении больного химиотерапии и /или психотерапии) связана с количественным и качественным значением поражений Я-кожи.

---

¹ Ср. работы Даниэль Помэ-Рей, дерматолога, психиатра, психоаналитика, атташе по психодерматологическому консультированию в госпитале Сен-Луи, в частности статью «Чтобы умереть выздоровевшей» (Pomey-Rey, 1979), где изложен трагический случай мадемуазель П. Вуар, а также книгу «Хорошо в своей коже, хорошо в своей голове» (Pomey-Rey, 1989).

ПОНЯТИЕ «Я-КОЖА»

Четыре серии данных — этологические, групповые, проективные и дерматологические, — обзор которых был только что сделан, привели меня к гипотезе Я-кожи, опубликованной в 1974 г. в «Nouvelle Revue de Psychanalyse». Перед тем как приступить к ней вновь и дополнить, желательнее пересмотреть понятие оральной стадии.

ГРУДЬ-РОТ И ГРУДЬ-КОЖА

Фрейд не ограничивал фазу, квалифицированную им как оральную, исследованием ротоглоточной зоны и удовольствием от сосания. Он всегда подчеркивал важность удовольствия от последовательного наполнения желудка. Если рот дает первый яркий и короткий опыт дифференцирующего контакта, переходного места и инкорпорации, то насыщение желудка приносит грудному младенцу опыт более диффузный, более длительный, опыт ощущения центральной массы, наполнения, центра гравитации. Нет ничего удивительного в том, что современной психопатологии пришлось придавать все большее значение чувству внутренней пустоты у некоторых больных, а по методу релаксации, например по методу Шульца, рекомендуется ощутить в теле одновременно и тепло (= передача молока), и тяжесть (= наполнение желудка).

Через сосание груди и заботу младенец приобретает третий опыт, сопутствующий двум предыдущим: он находится на руках, прижатый к телу своей матери, чье тепло, запах и движения он ощущает, а ношение, баюканье, растирание, мытье, ласка — все это, как правило,

сопровождается купелью из слов и напеваний. Здесь комплексно представлены описанные Боулби и Харлоу характеристики влечения привязанности, а также характеристики, которые у Шпица и Балинта напоминают идею примитивной полости. Эта деятельность прогрессивно ведет ребенка к различению поверхности, содержащей внутреннюю и внешнюю стороны, а точнее интерфейса, позволяющего делать различие между понятиями «извне» и «внутри», и окружающей емкости, в которой он чувствует себя купающимся, поверхности и емкости, которые приносят ему опыт контенанта.

Грудь — широко употребляемое психоаналитиками слово для обозначения полной реальности, переживаемой в это время ребенком, где смешиваются четыре характеристики, которые психоаналитик, подобно младенцу, склонен путать: грудь, с одной стороны, кормящая, с другой стороны, с теплой и нежной кожей, играющая роль активного и стимулирующего вместилища. Синкретическая глобальная материнская грудь — первый психический объект (и двойная заслуга Мелани Кляйн заключается в том, что она показала, что этот объект способен на первые метонимические субституции: грудь-рот, грудь-полость, грудь-фекалии, грудь-моча, грудь-пенис, грудь-младенцы-соперники) и он вызывает антагонистические привязанности двух фундаментальных влечений. Наслаждение, которое объект приносит влечениям к жизни — наслаждение участия в его креативности, — вызывает благодарность. Однако даже в своей креативности эта грудь является целью деструктивного желания, когда она вызывает фрустрацию у младенца, даря наслаждение кому-то другому, а не ему. Но, делая таким образом акцент исключительно на фантазме, Мелани Кляйн пренебрегает качествами, свойственными телесному опыту (именно реагируя на это пренебрежение, Винникотт (Winnicott, 1962a) предпочел понятия «*holding*»¹ и «*handling*»² реальной матери), а настаивая на связях между некоторыми частями тела и их продуктами (молоко, сперма, экскременты) в креативно-деструктивной динамике, она пренебрегает тем, что связывает эти части между собой в единое целое, — кожей. В теории Мелани Кляйн поверхность тела отсутствует, и это тем более удивительно, что один из основных элементов этой теории, оппозиция между интроекцией (по модели вскармливания) и проекцией (по модели экскреции), предполагает образование границы, разделяющей «извне» и «внутри». С этого

¹ [Holding (англ.) — удерживание.]

² [Handling (англ.) — ухаживание.]

момента мы лучше понимаем наличие некоторых резервов, вызванных кляйнианской техникой: интерпретационная бомбардировка рискует снять с понятия Я не только его защиту, но и защитную оболочку. Верно то, что, говоря о «внутреннем мире» и «внутренних объектах», Мелани Кляйн предполагает понятие внутреннего пространства (ср. Houzel, 1985a).

Многие из ее учеников, почувствовав этот недостаток, решили его восполнить, разработав новые концепции (в линии которых понятие Я-кожи совершенно естественным образом находит свое место): интроекция младенцем связи «мать — дитя» как связи «контейнер — содержимое» и последовательное создание «эмоционального пространства» и «пространства мысли» (первая мысль — об отсутствии груди — делает фрустрацию от ее отсутствия переносимой), приводящего к аппарату для обдумывания мыслей (Bion, 1962); соответствующие репрезентации Я-осьминога, рыхлого и дряблого, и Я-ракообразного, твердого в обеих формах, первичной аномальной и вторичной с панцирем, детского аутизма (Tustin, 1972); вторая мускульная кожа у шизофреников как защитно-наступательная броня (Bick, 1968); образование трех психических фронтиров, с внутренним пространством внешних объектов, с внутренним пространством внутренних объектов, с внешним миром, однако оставляющих место для существования некой «черной дыры» (по аналогии с астрофизикой), поглощающей любой приближающийся к ней физический элемент (психоз, аутистический вихрь) (Meltzer, 1975).

Я также обязан немедленно процитировать здесь четырех французских психоаналитиков (первые двое венгерского происхождения, последние — итальянского и египетского), клиническая интуиция и теоретические разработки которых, расходящиеся с моими, меня просветлили, продвинули, обнадежили. Всякий бессознательный психический конфликт разворачивается не только по эдиповой оси, но в то же время и по нарциссической (Grunberger, 1971). Каждая подсистема психического аппарата и психическая система в целом подчиняются одному диалектическому взаимодействию между корой и ядром (Abraham, 1978). Существует первопричинное, по своей природе пиктограмматическое функционирование психического аппарата, более архаичное по сравнению с первичным и вторичным функционированием (Castoriadis-Aulagnier, 1975). Воображаемое пространство развивается, начиная со связи взаимного включения тел матери и ребенка, посредством двойного процесса сенсорной и фантазматической проекции (Sami-Ali, 1974).

Любая фигура предполагает фон, на котором она появляется как фигура: эта элементарная истина благополучно не признается, потому что обычно внимание привлечено к фигуре, которая возникает, а не к фону, на котором она выделяется. Пережитый младенцем опыт с отверстиями, обеспечивающими проходы внутрь тела или из него, несомненно, важен, но отверстие воспринимается только по ощущению поверхности и емкости, каким бы смутным оно ни было. *Infans*¹ приобретает восприятие кожи как поверхности благодаря опыту контакта своего тела с телом матери и в рамках надежных отношений привязанности к ней. Таким путем он приходит не только к понятию границы между внешним и внутренним, но и к необходимому доверию к постепенному освоению отверстий, поскольку он может чувствовать себя уверенно относительно их функционирования, только если он имеет, помимо прочего, чувство основы, гарантирующей ему целостность его телесной оболочки. Здесь клиника подтверждает то, что Блон (Bion, 1962) теоретизировал как понятие психического «контенанта»² (*container*³): риски деперсонализации связаны с образом проницаемой оболочки и со страхом — первичным, по Блону, — вытекания жизненной субстанции через дыры, страха не расчленения, а опустошения, достаточно хорошо метафоризированного некоторыми пациентами, описывающими себя с виде яйца с проколотой скорлупой, через которую вытекает белок и даже желток. Впрочем, кожа является средоточием проприоцептивных ощущений, важность которых в развитии характера и мышления подчеркнул Анри Валлон: это один из органов, регулирующих тонус. Мыслить экономическими понятиями (накопление, смещение и разрядка напряжения) предполагает некую Я-кожу.

Поверхность в целом своего тела и тела своей матери для младенца является объектом таких же важных по своему эмоциональному качеству, по своей стимуляции доверия, удовольствия и мышления опытов, что и опыты, связанные с сосанием и экскрецией (Фрейд) или с фантазматическим присутствием внутренних объектов, репрезентирующих продукты функционирования отверстий (М. Кляйн). Забота матери приводит к невольным стимуляциям эпидермы во время купания, мытья, растирания, ношения, обнимания. К тому же матери

¹ [*Infans* (лат.) — дитя, ребенок.]

² Я обязан Р. Каесу различением контенанта и контейнера; но я понимаю это противоположно ему: для меня контейнер пассивен, а контенант активен.

³ [*Container* (англ.) — контейнер.]

хорошо знают о существовании кожных удовольствий у младенца — и у себя, — и своими ласками, играми они их сознательно провоцируют. Малыш принимает эти материнские жесты сначала в виде возбуждения, затем в виде коммуникации. Массаж становится сообщением. Обучение речи требует, в частности, предварительного установления таких ранних довербальных коммуникаций. Это хорошо иллюстрируют роман и фильм «Джонни идет на войну»: один тяжело раненный солдат теряет зрение, слух и движение; медсестре удается установить контакт, рисуя его рукой буквы на груди и животе больного, затем на его немую просьбу она доставляет ему удовольствие сексуальной разрядки с помощью желанной мастурбации. Калека обретает вкус к жизни, так как постепенно чувствует себя признанным и удовлетворенным в своей потребности в коммуникации и в своем мужском желании. То, что с развитием ребенка происходит эротизация кожи, — бесспорный факт; кожные удовольствия в форме прелюдий включены в сексуальную жизнь взрослого человека; они сохраняют роль первого плана в женской гомосексуальности. В этом не остается ничего, даже аутоэротизма, кроме генитальной сексуальности, доступной лишь тем, кто приобрел минимальное чувство надежности основы в своей собственной коже. К тому же, как предложил Федерн (Federn, 1952), эротизация фронтиров тела и Я приводит к вытеснению и амнезии психических этапов, берущих начало в Самости.

ИДЕЯ Я-КОЖИ

Установление Я-кожи отвечает потребности нарциссической оболочки и обеспечивает психическому аппарату надежность и постоянство основного комфорта. Коррелятивно психический аппарат может пробовать себя в садистических и либидинозных загрузках объектов; Я-психическое укрепляется с помощью идентификаций с этими объектами, а Я-телесное может получать догенитальные, а затем генитальные удовольствия.

Я-кожей я обозначаю некую конфигурацию, которую Я ребенка использует, основываясь на своем переживании поверхности тела, на протяжении ранних фаз своего развития для репрезентации самого себя в качестве Я, контейнирующего психическое содержимое. Это соответствует моменту, где Я-психическое отличается от Я-телесного в оперативном плане и остается смешанным с ним в фигуративном плане. Тауск (Tausk, 1919) особенно хорошо показал, что синдром аппарата влияния понимался только через различие

этих двух Я: Я-психическое продолжает признаваться субъектом как свое (не то ли это Я, которое использует механизмы защиты против опасных сексуальных влечений и логически интерпретирует перцептивные данные, которые до него доходят), в то время как Я-телесное больше не признается субъектом, относящимся к нему, и исходящие от него кожные и сексуальные ощущения приписываются механизму аппарата влияния, управляемого махинациями некоего соблазнителя-преследователя.

Любая психическая деятельность опирается на биологическую функцию. Я-кожа находит свою опору в различных функциях кожи. Пока я не приступил к их дальнейшему систематическому изучению, кратко отмечу три из них (те, которыми я ограничился в своей первой статье 1974 г.). Кожа, первая функция, — это мешок, контейнирующий и удерживающий внутри благо и полноту, накопленные там посредством грудного вскармливания, забот, словесной купели. Кожа, вторая функция, — это интерфейс, маркирующий границу с внешним и поддерживающий его извне, это барьер, защищающий от проникновения алчности и агрессии, исходящих от других существ или предметов. Наконец, кожа, третья функция, — как и рот, по крайней мере настолько же, как и он, является местом установления значимых отношений и первичным средством коммуникации с другими; к тому же она — поверхность записывания следов, оставленных этими отношениями.

Из этого эпидермического и проприоцептивного источника Я наследует двойную возможность в установлении барьеров (становящихся психическими механизмами защиты) и фильтрации обменов (с Оно, Сверх-Я и внешним миром). По моему мнению, именно влечение привязанности, если оно рано и в достаточной мере удовлетворено, приносит грудному младенцу основу, на которой может проявляться то, что Люке (Luquet, 1962) назвал интегративным взлетом Я. Как следствие, Я-кожа закладывает саму возможность для мышления.

ФАНТАЗМ ОБ ОБЩЕЙ КОЖЕ

И ЕГО НАРЦИССИЧЕСКИЕ И МАЗОХИСТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ

Дискуссионное понятие первичного мазохизма найдет здесь аргументы для своего обоснования и уточнения. Мазохистическое страдание, до того как стать вторично эротизированным и привести к сексуальному и моральному мазохизму, объясняется в первую очередь

резкими повторными и почти травматическими чередованиями, имеющими место до ходьбы, стадии зеркала и говорения, сверхстимуляций и лишений физического контакта с матерью или ее субститутами, а следовательно, удовлетворений и фрустраций потребности в привязанности.

Конституирование Я-кожи — одно из условий двойного перехода от первичного нарциссизма к вторичному нарциссизму и от первичного мазохизма к вторичному мазохизму.

В психоаналитической работе с пациентами, проявляющими либо мазохистическое сексуальное поведение, либо частичную наклонность к мазохистической извращенной позиции, я на самом деле часто встречал следующий элемент: они описывали некий эпизод из своего глубокого детства, эпизод реального физического повреждения своей кожи — эпизод, давший материал для их фантазматической организации. Это могло быть некое искусственное хирургическое вмешательство: здесь я имею в виду то, что оно имело место главным образом на поверхности тела. Это мог быть дерматоз, пелада¹. Это мог быть случайный удар или падение, при котором большая часть кожи была содрана. Наконец, это могли быть ранние симптомы истерической конверсии. Бессознательный фантазм, обнаруженный в результате моих различных наблюдений, не относится к «расчлененному» телу, по поводу чего некоторые психоаналитики высказали гипотезу — этот последний фантазм мне кажется более типичным для психотических организаций. По моему мнению, именно фантазм тела «с содранной кожей» лежит в основе поведения извращенного мазохиста.

По поводу человека с крысами Фрейд вспоминает «ужас невиданного наслаждения». Наслаждение мазохиста достигает максимальной степени ужаса, когда телесное наказание, примененное к поверхности кожи (шлепок по ягодицам, бичевание, проколы), совершается в месте, где куски кожи разорваны, продырявлены, содраны. Общеизвестно, что мазохистическое сладострастие требует возможности для субъекта представлять себе, как удары оставляют след на поверхности его кожи. Среди догенитальных удовольствий, обычно сопровождающих сексуальное генитальное наслаждение, довольно часто встречается наслаждение оставлять на коже партнера следы от укусов или царапанья: именно в этом признак фантазматического дополнительного элемента, который у мазохиста выходит на первый план.

¹ [Пелада — облысение, выпадение волос.]

Как мы увидим в следующей главе, посвященной греческому мифу о Марсии, фантазм, происходящий из мазохизма, состоит из репрезентации того: 1) что ребенку и матери принадлежит одна кожа, символическая кожа их симбиотического союза; и 2) что процесс разъединения и выхода ребенка к автономии ведет к трещине и разрыву этой общей кожи. Этот фантазм об отсутствии кожи усиливается наблюдениями, проведенными за домашними животными, убитыми и приготовленными для употребления, или за самим собой во время шлепков или ухода за местами с ранами или коростами.

Большинство пациентов, у которых я обнаружил значительную мазохистическую наклонность, описывали более или менее сознательные фантазмы о кожном слиянии со своей матерью. Мне кажется, сближение бессознательного фантазма тела с ободранной кожей с предсознательным фантазмом слияния проливает некоторый свет. Симбиотический союз с матерью фигурирует в языке архаического мышления благодаря тактильному образу (по всей видимости, обонятельному), в котором тела ребенка и матери имеют общий интерфейс. Отделение от матери изображается как вырывание из этой общей кожи. Элементы реальности подтверждают эту фантазматическую репрезентацию. Когда во время болезни, операции или несчастного случая, провоцирующего появление раны, повязка прилипает к мясу, мать или ее субститут отрывает или воображается отрывающей куски эпидермы вместе с повязкой: та, что заботится, является и той, что сдирает кожу. Но та, что разорвала общую оболочку, является и той, что может восстановить ее. В мазохистическом фантазме шерсть (ср. «Венера в мехах» Захер-Мазоха) несет образную репрезентацию возврата к некоему контакту кожа к коже, бархатистому, сладострастному и источающему запах (нет ничего более сильного, чем запах нового меха), этому срастанию тел, составляющему одно из дополнительных удовольствий генитального наслаждения. То, что Венера, самобичующая Захер-Мазоха — в жизни, как и в его романе, — оказалась под мехом голый, подтверждает первичную ценность кожи-меха как объекта привязанности до того, как она приобретет денотативную ценность сексуального объекта. Нужно ли вспоминать, что мех в реальности является кожей животного и что его присутствие приводит к мысли об освежеванном и задранном животном? Ребенок Северин, околдованный Венерой или Вандой, одетой в меха, воображает свою мать покрытой кожей, которая одновременно означает слияние и отрыв. Этот мех представляет собой физическую

мягкость, чувственную нежность, пережитую при контакте с матерью, любовно дающей свою заботу ребенку. Однако наряду с этим в «Венере в мехах» изображается мать, которую дитя стремится увидеть обнаженной или которую он пытается соблазнить, демонстрируя ей, реально или воображаемо, свой пенис, мать, наказавшую его в реальности, побив его, в воображении же целиком содрав с него заживо кожу, которая теперь триумфально драпируется в кожу побежденного, как у героев-охотников в древней мифологии, где так называемые примитивные общества облачаются в кожу умерщвленных ими диких животных или в рагов.

Настала пора ввести фундаментальное различие между двумя типами контактов, применяемых матерью и материнским окружением к телу и коже младенца. Одни контакты передают возбуждение (например, сильно либидинизированное возбуждение матери во время ухода за телом ребенка может передать ему столь преждевременную и столь чрезмерную по отношению к степени его психического развития эрогенную стимуляцию, что он переживает его как травматическое соvrащение). Другие контакты передают информацию (касающуюся, например, жизненных потребностей младенца, аффектов, испытанных двумя партнерами, опасностей, исходящих от внешнего мира, манипуляции с предметами, различной в зависимости от их одушевленности и неодушевленности...). Эти два типа контактов сначала не дифференцированы для младенца и остаются таковыми до тех пор, пока мать и материнское окружение их применяют, смешивают, перепутывают. У истерика их перепутывание имеет тенденцию постоянно сохраняться: он (или она) под видом возбуждения посылает партнеру настолько завуалированную информацию, что партнер имеет все шансы стремиться ответить на возбуждение, а не на информацию, что приводит к разочарованию, обиде, жалобам истерика. При некоторых формах депрессии речь идет об обратной динамике: младенец получает необходимый и достаточный уход за телом со своей цепью возбуждений от влечения; однако мать, охваченная скорбью по ближайшему родственнику, печалью по поводу развода с мужем, послеродовой депрессией, не заинтересована в достаточной мере ни в расшифровке смысла сигналов, переданных ребенком, ни в передаче ему сигналов со своей стороны. Став взрослым, человек впадает в депрессию каждый раз, когда получает материальную или духовную пищу, не сопровождаемую значимыми обменами, поглощение которой заставляет его еще интенсивнее почувствовать свою внутреннюю пустоту.

Судьба этих двух типов контактов — возбуждающих и значащих — касается соответственно мазохизма и нарциссизма.

Парадокс возбуждающих контактов заключается в том, что мать, служащая для ребенка первородным средством защиты от раздражителей против агрессивий внешней среды, провоцирует в нем либидинозным качеством и интенсивностью этого ухода за телом влеченческую сверхвозбудимость внутреннего происхождения, избыток которой рано или поздно оказывается неприятным. Таким образом, конструкция Я-кожи оказывается увечной из-за длительного установления психической оболочки, одновременно оболочки возбуждения и оболочки страдания (вместо Я-кожи одновременно как слоя защиты от раздражителей и оболочки комфорта). Именно в этом заключается экономическая и топографическая база мазохизма, с принуждением к повтору опыта, реактивирующего одновременно оболочку возбуждения и оболочку страдания.

Парадокс значащих контактов заключается в том, что мать, внимательная не только к телесным, но и к психическим нуждам ребенка, лишь удовлетворяет эти потребности, показывает с помощью отправляемых ею сенсорных эхо, равно как и с помощью конкретных действий, что она выполняет, корректно интерпретирует эти потребности. Младенец удовлетворен в своих потребностях, и, что касается его потребности, он особенно уверен в том, что эти потребности поняты. Отсюда берет начало конструирование оболочки комфорта, нарциссически нагруженной, поддерживающей иллюзию, необходимую для создания Я-кожи, на которую существо, привязанное с другой стороны этой оболочки, реагирует немедленно по симметрии вдобавок к этим сигналам: надежная иллюзия всеведущего нарциссического двойника своей постоянной диспозиции.

В основе обоих случаев, вторичного нарциссизма и вторичного мазохизма, находится фантазм о поверхности кожи, общей для матери и ребенка: поверхности, где доминирует то прямой обмен возбуждениями, то прямой обмен значениями.

Когда Я-кожа развивается преимущественно по нарциссической наклонной, первородный фантазм общей кожи трансформируется во вторичный фантазм укрепленной и неуязвимой кожи (характеризующейся двойной прикрепленной перегородкой, ср. с. 173). Когда Я-кожа развивается больше в мазохистическом плане, общая кожа фантаزمируется как вырванная и поврежденная кожа. Различные фантазмы кожи, из которых мифология позволяет составить список (ср. D. Anzieu, 1984), отмечаются на этих двух наклонных: кожа-щит

(эгида Зевса), кожа-наряд (божественные платья и животная одежда Ослиной шкуры) для первой наклонной; кожа-убийца, содранная кожа, кожа-бойница для второй наклонной.

С. Консоли¹ описал случай пациента (мазохиста), получавшего удовольствие, воображая себя жертвой унижений, наносимых некой женщиной при следующих обстоятельствах: она стоит, одетая в баранью или коровью шкуру, а он на четвереньках у ее ног отождествляет себя с бараном или быком. Таким образом, здесь имеет место репрезентация общей кожи мужчины (превращенного в животное) и обудывающей его женщины, носительницы шкуры этого животного, в комплементарности ролей, акцентирующей иллюзию нарциссической непрерывности. В этом соединении тел каждый является скорее «продолжением» другого (как считает С. Консоли), одной из двух соответствующих сторон этого общего кожного интерфейса, который я только что продемонстрировал. Уместно добавить, что во многих извращенных сценариях или в простых эротических фантазиях мех играет роль фетиша по аналогии с волосами, маскирующими восприятие генитальных органов и таким образом признание различия полов.

---

¹ Доклад в рамках дня «Кожа и психика» (Consoli, S. Hôpital Tarnier [Госпиталь Тарнье], 19 февраля 1983 г.).

ГРЕЧЕСКИЙ МИФ О МАРСИИ

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПЛАН

Миф о Марсии (это имя этимологически происходит от греческого глагола *martamai*, означающего «тот, кто сражается»), по мнению историков религии, является отголоском битв греков за завоевание Фригии и ее цитадели Келены (государство в Малой Азии, расположенное к востоку от Трои) и за навязывание жителям культа греческих богов (представленных Аполлоном) взамен их местных культов, в частности культов Кибелы и Марсия. Победа Аполлона с его лирой над Марсием (играющим на двутрубной флейте) впоследствии продублирована победой греческого бога в Аркадии над Паном (изобретателем однотрубной флейты, или сиринкса¹). «Победы Аполлона над Марсием и Паном знаменуют эллинские победы над Фригией

---

¹ Марсий якобы имел брата Бабиса, который играл на однотрубной флейте, но так плохо, что Аполлон его пощадил: в этом заключается тема горных крестьян, странных, грубых и смешных, к античным верованиям которых цивилизованные и победоносные греки относились терпимо при условии, что они в равной степени будут почитать и греческих богов. Пан со своей флейтой и сосновой ветвью является мифологическим двойником Марсия; это бог Аркадии, горного региона в центре Пелопоннеса; Пан символизирует собой пастухов, ловких и обросших, с суровыми и жестокими нравами стада, с животными формами, упрощенными вкусами, проявляющимися в послеобеденном отдыхе в тени, примитивной музыке, полиморфной сексуальности (Пан по-гречески означает «все»; бог Пан имеет репутацию вкушать без различия гомосексуальные, гетеросексуальные и одиночные удовольствия; поздняя легенда предполагает, что Пенелопа до возвращения Улисса переспала по очереди со всеми претендентами и что Пан якобы родился в результате этих бесчисленных утех).

и Аркадией, а также замену в этих районах духовых инструментов на струнные, не используемые местными жителями. Наказание Марсия, по всей видимости, связано со священным царем, с которого ритуально сдирали кожу — так и Афина отнимает волшебную эгиду у Палласа, — или с корой побега ольхи, которую снимали, чтобы сделать пастушью свирель, ольха при этом персонифицирует некоего бога или полубога» (Graves, 1958, p. 71).

Музыкальное соревнование между Марсием и Аполлоном ступает целую серию оппозиций: между варварами и греками; между пастухами гор с полуживотными нравами и образованными жителями города; между инструментами духовыми (флейта с одной или двумя трубами) и струнными (у лиры их семь); между монархическим жестоким (вследствие периодических казней царей или великих священников через снятие кожи) и демократическим преемствованием политической власти; между культами Диониса и Аполлона; между высокомерием молодежи или утраченными верованиями старости, оба призванные склониться перед господством и законом зрелости. Марсий на самом деле представляется то как силен, то есть старый сатир, то как молодой компаньон великой богини-матери Фригии, Кибелы, неутешной после смерти своего слуги и, без сомнения, сына и любовника Аттиса¹. Марсий смягчает ее скорбь игрой на флейте. Эта терапевтически-соблазнительная власть Марсия над матерью всех богов делает его амбициозным и претенциозным, что побуждает Аполлона вызвать того на поединок с целью выявить, кто из них двоих лучше исполнит на своем инструменте музыку. Кибела дала свое имя горе Кибеле, откуда вытекает река Марсий и на вершине которой была построена фригийская цитадель Келены.

Миф — я уже сформулировал этот принцип (D. Anzieu, 1970), — подчиняется двойному кодированию, кодированию внешней реальности, ботанической, космологической, социополитической, топонимической, религиозной и т. д., и кодированию внутренней психической реальности через приведение в соответствие с закодированными элементами внешней реальности. В моем понимании миф о Марсии — это кодировка той особенной психической реальности, которую я называю Я-кожей.

¹ Именно у Фрэзера в «Золотой ветви» (1890–1915, Т. 2, гл. V) появилась идея приблизить Марсия к Аттису (а также к Адонису и Осирису). Общая тема — трагическая судьба сына, столь любимого матерью, что она хочет и в любовном плане полностью сохранить его для себя.

То, что действительно удерживает мое внимание в мифе о Марсии и что делает его специфичным по отношению к другим греческим мифам, это, во-первых, переход от сонорной оболочки (обеспечиваемой музыкой) к тактильной оболочке (обеспечиваемой кожей); а во-вторых, поворот от несчастной судьбы (запечатленной на содранной коже и через нее) к счастливой судьбе (эта сохраненная кожа способствует воскрешению Бога, поддержке жизни и возврату плодородия в страну). В своем анализе этого греческого мифа отмечу лишь базовые элементы или мифологемы, напрямую касающиеся кожи (и образно присутствующие в разговорных выражениях современного языка: мы испытываем полный триумф над противником, когда у нас его кожа; мы хорошо чувствуем себя в своей коже, когда она целая; а также женщины имеют в своей коже мужчин, наилучшим образом осеменивших их). Сравнение с другими греческими мифами, где кожа выступает только в качестве аксессуара, не позволит утвердить и пополнить список фундаментальных мифологем о коже и предположить возможность структурной классификации этих мифов по наличию или отсутствию той или иной мифологемы, а также по их очередности и сочетанию.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ МИФА

До того как речь пойдет о коже, вкратце напомним историю Марсия, довольно известную историю об открытом соперничестве и завуалированных желаниях инцеста: это, мне кажется, демонстрирует то, что первоначальные функции Я-кожи в онтопсихогенезе заново скрываются, затеваются и искажаются сначала первичными, затем вторичными процессами, связанными с догенитальным и генитальным развитием и с эдипификацией психического функционирования.

Некогда Афина сделала из костей оленя флейту с двумя трубами и сыграла на ней на празднике богов. Она недоумевала, почему Гера и Афродита исподтишка смеялись над ней, закрывая лицо ладонями, в то время как другие боги были восхищены музыкой. Она в одиночестве отправилась в лес Фригии на берег реки и смотрела на свое отражение в воде во время игры на флейте: щеки ее раздувались, а налитое кровью лицо придавало ей гротескный вид¹. Она отбросила флейту, наслав проклятие на того, кто ее подберет. Марсий наткнулся на флейту и не успел он поднести ее к своим губам, как флейта, помня

¹ Данный эпизод иллюстрирует то, чему в противоположность к зависти к пенису больше бы подошло название ужаса женщины от пениса. Девственная и воинственная Афина ужасается при виде своего лица, преобразившегося в пару ягодиц с пенисом, висящим или торчащим посередине.

о музыке Афины, начала играть сама. Так он объездил Фригию в качестве спутника Кибелы, которую утешал в скорби по Аттису, зачаровывая крестьян, восклицавших, что даже сам Аполлон на своей лире не смог бы сыграть лучше. Марсий имел неосторожность не противоречить им. Потому-то и вызвал гнев Аполлона, предложившего ему состязание, описанное выше, состязание, в котором победитель применит к побежденному то наказание, которое сочтет нужным. Горделивый Марсий соглашается. Жюри было составлено из муз¹.

Состязание проходило без явного преимущества: музы очаровывались то одним, то другим инструментом. Тогда Аполлон предложил Марсию повернуть инструмент обратной стороной по своему примеру, играть на нем и петь одновременно. Разумеется, Марсий проиграл, тогда как Аполлон играл на своей перевернутой лире и воспевал чудесными гимнами богов Олимпа, за что музы не смогли не присудить ему приз (Graves, 1958, p. 67—68). Тут начинается вторая часть мифа, специфическим образом касающаяся кожи. Здесь я следую повествованию, предоставленному Фрэзером (Frazer, 1890—1915, p. 396—400), из которого постепенно буду выделять скрытые мифологемы.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ: ВОСЕМЬ МИФОЛОГЕМ

Первая мифологема: Марсий подвешен на сосне Аполлоном. Речь идет не о повешении за шею, ведущем к смерти через удушение, а о подвешивании за руки на сук дерева, позволяющем легко резать жертву и наносить ей раны. Фрэзер собрал впечатляющую серию примеров повешенных богов (и даже священников или женщин, вешающихся добровольно или по ритуалу). Эти человеческие жертвы постепенно были заменены жертвами животных, а затем изображениями.

Мне кажется, эта мифологема связана с вертикальностью человека в оппозиции к горизонтальности животного. Выйдя из детства и животного начала, человек держится на ногах, опираясь на землю (как встающий малыш опирается на руку матери). Это позитивная вертикальность (усиленная сосной — самым что ни на есть

¹ По некоторым версиям, жюри возглавлял бог горы Тмолос (место состязания), в нем также присутствовал и Мидас, царь Фригии, инициатор культа Диониса в этой стране. Когда Тмолос отдал приз Аполлону, Мидас якобы выступил против этого решения. В наказание Аполлон будто бы нарастил ему знаменитые ослиные уши (наказание, применяемое к тому, у кого нет музыкального слуха!); тщетно скрываемые под фригийским копаком, уши приводили их носителя в смертельный стыд (Graves, 1958, p. 229). По другим версиям, Мидас якобы судил следующее состязание между Аполлоном и Паном.

вертикальным деревом). Наказание заключается в использовании негативной вертикальности: жертва остается в вертикальном положении, но подвешенной в воздухе (иногда вниз головой), болезненная и унижительная позиция, оставляющая без защиты против любого насилия и воспроизводящая беспомощность грудного младенца, о котором мать не заботится или заботится плохо.

Вторая мифологема: у обнаженной подвешенной жертвы кожа разрезана или проколота ударами копья, чтобы вытекла вся кровь (либо для оплодотворения земли, либо для привлечения вампиров, отвлекая их тем самым от нападения на близких, и т. д.). Эта мифологема, отсутствующая в мифе о Марсии, универсальным образом распространена вкпе с предыдущей: у новорожденного Эдипа продырявлены лодыжки и он подвешен горизонтально к палке; Эдип-царь выкалывает себе глаза при виде трупа Иокасты, висящей удушенной на веревке; Христос пригвожден к кресту; святой Себастьян, привязанный к дереву, пронзен стрелами; у подобной святой в той же позе вырезана грудь; ацтеки опрокидывали пленников на большой камень и вырывали у них сердце и т. д.

Эта мифологема, мне кажется, связана со способностью кожи контейнировать тело и кровь, а телесное наказание заключается в том, чтобы разрушить непрерывность контейнирующей поверхности, изрешечивая ее искусственными отверстиями. В итоге эта контейнирующая способность была сохранена для Марсия греческим богом.

Третья мифологема: Аполлон заживо полностью сдирает с Марсия кожу, и его пустая кожа остается подвешенной или прибитой к стене. Хозяин пленника, принесенного в жертву священниками ацтеков, в течение двадцати дней носил его кожу. Святой Бартоломей был обскожен заживо, но его кожа не была сохранена. Октав Мирбо в книге «Сад пыток» (Mirbeau, 1899) описал человека со снятой кожей, волокущего ее за собой как тень и т. д.

По-моему ощущению, оторванная от тела кожа, при условии сохранения ее целостности, представляет собой защитную оболочку, защиту от раздражителей, которая фантазматически отбирается у другого с целью ее присвоения или укрепления либо усиления своей собственной, однако с риском возмездия.

Эта кожа-защита от раздражителей драгоценна. Таково Золотое руно, охраняемое ужасным драконом, которого Ясон должен победить, золотая шкура священного крылатого овна, подаренного когда-то Зевсом двум детям, которым угрожала смерть от их мачехи; колдунья Медея защищает своего любовника, дав ему некий бальзам,

которым тот натирает свое тело и который предохраняет его в течение двадцати четырех часов от пламени и ран. Это также и кожа Ахиллеса, которую его мать, богиня, сделала неуязвимой, подвесив ребенка за пятку (первая мифологема) и погрузив его в адскую воду Стикса (Ср. D. Anzieu, 1984).

Именно с этой мифологема злосчастная до сего момента судьба Марсия оборачивается счастливой благодаря тому, что его кожа остается целой.

Четвертая мифологема: нетронутая кожа Марсия еще в историческую эпоху хранилась у подножия цитадели Келены: она висела в пещере, откуда вытекала река Марсий, один из притоков Меандра. Фригийцы видели в ней знак воскрешения своего повешенного и обескоженного бога. Здесь, без сомнения, речь идет об интуитивном чувстве того, что персональная душа — некая психическая Самость — существует, пока телесная оболочка гарантирует ее индивидуальность.

В эгиде Зевса сконцентрированы первая, третья, четвертая, пятая и шестая мифологема. Спасенный хитростью своей матери от отцовского съедения, Зевс был вскормлен козой Амальтеей, которая прятала его, подвесив к дереву, и которая, умирая, передала ему свою шкуру для изготовления из нее оружия. Защищенная, в свою очередь, этой эгидой, его дочь Афина побеждает гиганта Палласа и забирает его кожу. Эгида служит не только превосходным щитом в битвах, но и способствует процветанию силы Зевса и претворению его особенной судьбы — стать хозяином Олимпа.

Пятая мифологема, часто появляющаяся в ритуалах и легендах различных культур, при первом прочтении отсутствует в мифе о Марсии. Это в некотором смысле дополнение в негативе к четвертой мифологеме. Голова жертвы отрезана от остального тела (которое может быть сожженным, съеденным, захороненным в земле); голова бережно охраняется либо для устрашения врагов, либо для вызывания благосклонности духа смерти, увеличивается уход за тем или иным органом этой головы, ртом, носом, глазами, ушами...

Эта пятая мифологема представляется построенной на следующей антиномии: либо сохраняется одна голова, отсеченная от тела, либо сохраняется вся кожа целиком, включая лицо и череп. Это не только связь между периферией (кожа) и центром (мозг), которая здесь разрушается или признается, это прежде всего связь между тактильной чувствительностью, распределенной по всей поверхности тела, и четырьмя другими внешними органами чувств, расположенными на лице. Индивидуальность личности, выраженная в четвертой

мифологеме, делающей акцент на возрождении (то есть, например, постоянный возврат осознания Самости при пробуждении), эта индивидуальность требует связывания различных чувственных качеств на этом основном континууме, предоставленном репрезентацией глобальной кожи.

Если отсеченная голова хранится в неволе, тогда как остальное тело выброшено или уничтожено, дух смерти теряет всякую подлинную волю; он отдален от воли владельца головы. Быть самим собой — это, во-первых, иметь собственную кожу, а во-вторых — пользоваться ею как пространством, куда можно поместить свои ощущения.

От врагов Зевса оберегала не только его эгида, но и установленная на ней ужасная голова Горгоны, которая их гипнотизировала. Направляемый бронзовым полированным щитом, который Афина держала над его головой, Персей смог победить медузу Горгону и обезглавить ее; в знак благодарности он отдал голову Афине, которая использовала ее для усиления мощи эгиды.

Шестая мифологема: под эмблемой этой подвешенной бессмертной кожи бога-флейтиста Марсия текут обильные воды бурной и шумной реки Марсий, гарантии жизни для края, и раскаты этой реки слышатся сквозь стены пещеры, создавая музыку, чарующую фригийцев.

Метафора ясна. С одной стороны, эта река представляет собой влечение к жизни с его силой и очарованием. С другой стороны, энергия влечения кажется доступной только для тех, кто сохраняет целостность своей Я-кожи, опирающейся одновременно на сонорную оболочку и кожную поверхность.

Седьмая мифологема: для региона река Марсий — также источник плодородия: она дает жизнь растениям, способствует воспроизводству животных и родовой деятельности у женщин.

Здесь метафора также эксплицитна: сексуальное действие требует обретения базовой нарциссической безопасности, ощущения комфорта в своей коже.

Миф о Марсии умалчивает о качествах кожи, стимулирующих сексуальное желание. Информацию нам дают другие мифы, сказки и фантастические рассказы: кожа матери, объект желания мальчика, проживается как в «Венере в мехах» (Захер-Мазох); кожа одержимого инцестом отца проживается его дочерью как в «Ослиной шкуре» (Перро).

Избыток сексуального желания так же опасен для детородности, как и его отсутствие. Эдип, имевший излишество сделать своей матери четырех детей, подвергает Фебеса стерильности.

Восьмая мифологема: кожа Марсия, повешенная в пещере Келены, оставалась чувствительной к музыке флейты и пению верующих; она вздрагивала при звуке фригийских мелодий, но оставалась глухой и неподвижной к ариям, исполняемым в честь Аполлона.

Эта мифологема иллюстрирует то, что первоначальная коммуникация между младенцем и материнским, а также семейным окружением — это зеркало, одновременно тактильное и сонорное. Общаться — это прежде всего входить в резонанс, вибрировать в гармонии с другим.

Здесь миф о Марсии завершается, однако другие мифы подводят меня к тому, чтобы предложить последнюю негативную мифологему.

Заключительная негативная мифологема: кожа разрушается сама по себе или уничтожается другой кожей. Первый случай имеет в качестве аллегии роман «Шагреновая кожа» (Бальзак); индивидуальная кожа символически сужается пропорционально энергии, которую она способна истратить для своей жизни, и парадоксальным образом ее четкое функционирование приближается и приближает нас к смерти через феномен самоизноса. Второй случай — это случай кожи-убийцы, проиллюстрированный двумя известными греческими мифами: умышленно отравленные платье и драгоценности, которые Медея приказала отнести своей сопернице, сжигают ту, как только она покрывает ими свою кожу, а вместе с ней и прибежавшего на помощь ее отца, а также весь царский дворец; туника, по неведению отравленная Деянирой в крови и сперме коварного центавра Несса (злоупотребившего ею физически и морально), эта туника приклеивается к коже ее неверного мужа Геракла, и разогретый таким образом яд проникает в эпидерму героя и разъедает его; пытаясь содрать эту вторую разъедающую кожу, Геракл снимает с себя лоскуты своей собственной плоти; обезумев от боли, он не находит другого выхода освободиться от этой самодеструктивной оболочки, кроме как сжечь себя в огне костра, который его друг Филоктет из сострадания соглашается поджечь.

Каково психологическое соответствие этой мифологемы? К фантазматическим атакам, случайно сопровождаемым переходом к акту против содержимого тела и мышления, уместно добавить понятия атак против контенанта, понятие обращения на контенант атак против содержимого и даже обращения контенанта против него самого, понятия, без которых нельзя объяснить мазохистическую проблематику. Первые восемь мифологем, сочетание которых составляет особенный миф о Марсии, являются каждая на свой манер местом аналогичной битвы, внутреннего конфликта, конфигурацию которого представляет состязание между Марсием и Аполлоном.

Этот деструктивный поворот, мне кажется, имеет в качестве пары поворот креативный, заключающийся, как продемонстрировал Гийомен (Guillaumin, 1980), в воображаемом выворачивании кожи как перчатки, обращая при этом содержимое в контенант, пространство внутри — в ключ для построения пространства извне, внутреннее ощущение — в познаваемую реальность.

Вернемся к роману Захер-Мазоха. Финальный эпизод романа «Венера в мехах» представляет вариант первой мифологемы о Марсии. Северин в укрытии наблюдает за сексуальной сценой между своей возлюбленной Вандой и ее любовником, Греком: таким образом, Северин будет наказан именно за желание вуайеризма, так же как Марсий за желание эксгибиционизма. Ванда подставляет крепко привязанного к колонне Северина под удары плети Грека подобно Афине, своим проклятием подвергшей Марсия на сдирание кожи Аполлоном. Впрочем, в греческих текстах подразумевается, что она присутствует на казни. Аналогия усиливается двумя другими деталями. Захер-Мазох описывает красоту Грека, сравнивая его с античной статуей юноши; это косвенный намек на то, что он красив как Аполлон. Последние фразы романа ясно выражают отречение Северина от своей мазохистической мечты: быть исхлестанной женщиной, даже переодетой в мужчину, еще допустимо; но «быть обескоженным рукой Аполлона» (такова предпоследняя строчка текста) каким-то крепким Греком под двусмысленной личиной переодетой женщины, каким-то Греком, действующим слишком сурово, — это уже никуда не годится. Наслаждение достигло своей невыносимой точки ужаса.

Восемь мифологем греческого мифа о Марсии дают не прямое подтверждение теории о восьми функциях Я-кожи (которую я изложу в гл. 7).

Фрейд с 1905 г. сделал очевидным факт того, что кожа — это эрогенная зона:

«<...> Все же при наслаждении от подглядывания и эксгибиционизма глаз соответствует эрогенной зоне; при компонентах боли и жестокости сексуального влечения ту же роль берет на себя кожа, которая в отдельных местах тела дифференцируется в органы чувств и модифицируется в слизистую оболочку как эрогенная зона (*χατ ἐξοχήν*)» (Freud, 1905d)².

¹ [*Χατ ἐξοχήν* (греч.) — по преимуществу.]

² [Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d). // G. W. — Bd. 5. — S. 69 {S. 29—145} {«Три очерка по теории сексуальности»}.]

ПСИХОГЕНЕЗ Я-КОЖИ

ДВОЙНАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ В ДИАДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ «МАТЬ — ДИТЯ»

С 70-х гг. значительный научный интерес обращен к новорожденным. В частности исследования педиатра Берри Бразелтона (Brazelton, 1981), проходившие в Англии, затем в Соединенных Штатах, параллельно моим собственным размышлениям о Я-коже и независимо от них приносят интересное подтверждение и дополнительные уточнения. Для более раннего и систематичного изучения диады «грудной младенец — окружение» (которое я теперь так предпочитаю называть вместо материнского, дабы не ограничивать окружение биологической матерью) Бразелтон выработал в 1973 г. «Шкалу оценки поведения новорожденного», впоследствии широко применяемую в Соединенных Штатах. С ее помощью он получил следующие результаты.

1. При рождении и в первые дни ребенок демонстрирует первые эскизы своего Я на основании сенсорных экспериментов, уже проведенных к концу его внутриутробной жизни, а также, без сомнения, на основании генетического кода, предопределяющего его развитие в данном направлении. Чтобы выжить, новорожденному нужно не только получать регулярный уход, обеспечиваемый материнским окружением, но также а) передавать в адрес этого окружения сигналы, способные вызывать и совершенствовать этот уход, б) исследовать физическую среду в поиске необходимых стимуляций, дабы использовать потенциал и активировать свое сенсорно-моторное развитие. Отсюда две оболочки: возбуждения и записывания.

2. Младенец в ситуации диады — не пассивный, а активный партнер (ср. Pinol-Douriez, 1984); он находится в постоянном взаимодействии с окружающей средой вообще и с материнским окружением в частности, как только оно появляется; младенец быстро развивает некие техники, для того чтобы сделать данное окружение присутствующим, когда он испытывает в этом потребность.

3. Младенец добивается внимания окружающих его взрослых (и в первую очередь своей матери) в такой же степени, как и взрослый привлекает внимание младенца. Это двойное привлечение (соответствующее эпигенетическим детерминизмам, заложенным или подготовленным генетическим кодом) происходит по последовательной цепочке, которую Бразелтон сравнивает с физическим феноменом обратной связи, а именно с взятой из кибернетики свойственной содействующим системам петлей саморегуляции. Взаимное привлечение позволяет младенцу воздействовать на человеческое окружение (и посредством его на физическую среду), осваивать фундаментальное различие между одушевленным и неодушевленным, подражать имитациям некоторых жестов, посылаемых ему взрослыми, и таким образом подготовиться к усвоению речи. Это предполагает — и об этом я буду говорить далее, — рассмотрение диады «мать — дитя» как единой системы, сформированной из зависимых друг от друга элементов, передающих друг другу информацию, в которой обратная связь функционирует в двух направлениях: от матери к младенцу и от младенца к матери.

4. Если материнское окружение не втягивается в данную игру по привлечению взаимного внимания и не подпитывает эту двойную обратную связь, или если дефицит нервной системы лишает младенца способности предпринимать сенсорно-моторную инициативу по отношению к своему окружению и/или отвечать на сигналы, переданные специально для него, ребенок выдает реакции отстранения и/или гнева, которые быстро проходят, если холодность, безразличие, отсутствие материнского окружения сами по себе кратковременны (так, Бразелтон экспериментально пронаблюдал, попросив обычно коммуникативных матерей делать непроницаемым лицо и добровольно воздерживаться в течение нескольких минут от каких-либо проявлений по отношению к своим малышам). Эти реакции могут стать длительными, интенсивными и патологическими, если со стороны материнского окружения по-прежнему нет отклика.

5. Родители, чувствующие обратную связь, посылаемую ребенком, ориентируются на него, чтобы при необходимости менять

установку, дабы быть уверенными в выполнении своей родительской функции. Ребенок пассивный и безразличный (вследствие внутриутробной травмы или из-за сбоя в генетическом коде) вызывает неуверенность и замешательство тех, кто заботится о нем; случается также, как это отметил М. Суле (Soulé, 1978), что он делает безумной мать, в то время как та не имела никаких проблем подобного рода с другими детьми.

6. В связи с этими взаимодействиями у младенца рано закладываются модели психомоторного поведения; если они успешны, повторны и освоены, они становятся поступками, которым отдается предпочтение, и предшественниками дальнейших когнитивных моделей. Они обеспечивают развитие стиля и темперамента, свойственных грудному ребенку, которые, в свою очередь, дают окружению расшифровку будущих реакций младенца (например, циклы кормления, сна, деятельности подобного рода) и которые определяют уровень ожидания тех, кто о нем заботится (ср. Ажуиагета: «дитя — это творец матери»). Тогда члены окружения начинают рассматривать его как личность, то есть как имеющего индивидуальное Я. Они окружают его тем, что Бразелтон называет «оболочкой заботы», состоящей из совокупности реакций, адаптированных к его единственной персоне. Бразелтон говорит также о взаимосвязанной с предыдущей «оболочке контроля»: реакции малыша обволакивают оболочкой контроля его человеческое окружение, которое он обязывает считаться со своими реакциями. Бразелтон также говорит о системе двойной обратной связи как об «оболочке», окружающей мать и дитя (соответствующей тому, что я называю Я-кожей).

7. Экспериментальное исследование грудных младенцев уточнило природу некоторых из специфических петель обратной связи, ставших возможными благодаря последовательным этапам созревания нервной системы, которые ребенок проходит, если окружение дает ему такую возможность:

- Длительный взгляд ребенка, фиксирующий взгляд матери «глаза в глаза», примерно между 6-ю неделями и 4-мя месяцами (до 3—4 месяцев ребенок привлекает внимание взрослого взглядом, после 3—4 месяцев — телесными контактами, затем звуками).

- Ранняя идентификация малышом (которому несколько дней или недель) привычной мелодии материнского голоса с эффектом успокаивания подвижности и стимуляции некоторых действий.

- Подобные же эффекты наблюдаются и при контакте ребенка с тканью, пропитанной материнским запахом.

- Рефлекторное распознавание ребенком через шесть часов после рождения хорошего (сладкого) вкуса, нейтрального вкуса (пресная вода) и неприятного вкуса (по трем возрастающим степеням: соленое, острое, горькое); и прогрессивные модуляции этих рефлекторных отличий на протяжении следующих месяцев в форме подбадриваний, запретов, увещеваний материнского окружения, ребенок при этом учится читать по мимике матери то, что она считает для него хорошим, а что — плохим и что не всегда соответствует в точности (и даже совсем не соответствует) первоначальной рефлекторной схеме ребенка (Chiva, 1984).

- Восприятие словесных звуков как отличных от прочих звуков и их дифференциация по тем же категориям, что и у взрослых, начиная с двух месяцев.

8. Успех, которого должен достичь ребенок во взаимодействии с материнским окружением и то и другое из этих последовательных петель обратной связи, добавляет к его способностям сенсорного распознавания, моторной эффектуации и осмысленной передачи некую силу, толкающую его поэкспериментировать с другими петлями, пережить новый опыт. Ребенок приобретает власть эндогенного усвоения, идущую от чувства уверенности в своих начинаниях к чувству эйфории от безграничного всемогущества; по мере усвоения каждого шага энергия, далеко не растроченная посредством разрядки в действии, напротив, возрастает благодаря успеху (феномен либидинозной перезарядки согласно психоанализу) и закладывается в предвосхищение следующего этапа; это чувство внутренней силы необходимо младенцу для осуществления реорганизаций этих сенсорно-моторных и аффективных схем, реорганизаций, ставших необходимыми ввиду его созревания и опыта.

Успех ребенка в его начинаниях в физической среде и в человеческом окружении вызывает со стороны этого окружения не только одобрение, но и дополнительные знаки благодарности, получение которых младенец пытается спровоцировать для своего удовольствия: к силе желания пуститься в новые начинания добавляется сила желания пойти впереди ожиданий взрослых людей.

РАСХОЖДЕНИЯ МЕЖДУ КОГНИТИВНОЙ И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ТОЧКАМИ ЗРЕНИЯ

Между экспериментальной психологией и психоанализом есть согласие в отношении существования у новорожденного телесного пред-Я,

наделенного стремлением интегрировать различные сенсорные данные, тенденцией идти навстречу объектам, применять стратегии по отношению к ним, устанавливая с людьми из материнского окружения объектные отношения (в которых привязанность является частным случаем); наделенного способностью регулирования посредством опыта телесных и психических функций, которые генетический код и внутриутробное развитие предоставили ему в его распоряжение, среди них функции распознавания невербальных шумов и звуков и узнавания внутри них фонологических различий, относящихся к окружающему его разговорному языку; наделенного способностью передавать сигналы окружению (сначала мимикой и криком и, может быть, запахами, затем взглядом и положением тела, потом жестами и звуками). Это телесное пред-Я — предшественник чувства личной идентичности и чувства реальности, которые, собственно говоря, и характеризуют Я-психическое. Оно отдает отчет в двух фактах, которые можно констатировать как объективно, так и субъективно: с одной стороны, довольно быстро после рождения человеческое существо становится индивидуумом, обладающим своим особенным стилем и, по всей видимости, чувством того, что он представляет собой уникальную Самость; с другой стороны, его успех в перечисленных выше опытах наполняет это пред-Я динамизмом, вдохновляющим его на новые опыты и сопровождающимся настоящим чувством ликования.

Важных различий между теорией когнитивного типа и теорией психоаналитического типа в этом вопросе не стало меньше. Первая акцентирует внимание на симметрии между материнским окружением и грудным ребенком, из которых создается пара, тяготеющая к гомеопатической системе. Меня не удивляет, что исследование младенцев вызывает у наблюдателя иллюзии деформированного стекла, сквозь которое он ведет свои наблюдения. Теперь, оказывается, утрачена иллюзия о пассивном ребенке с психикой «чистая доска» или «мягкий воск». Вместо нее появляется иллюзия компетентного ребенка, динамичного, квазиравноправного партнера по взаимодействию, образующего со своей матерью, если она сама является компетентным и динамичным партнером, прекрасно адаптированную и счастливую пару, больше похожую на пару близнецов, а не на комплементарную диаду, правда, асимметричную, состоящую из взрослого с предположительно завершенным развитием и существа с развитием если не преждевременным, то по крайней мере не завершенным. У взрослого такая близнецовая иллюзия возникает в период влюбленности: Беренштейн

и Пюже (Berenstein & Puget 1984) показали, что она лежит в основе влюбленной пары. Итак, здесь может быть симметрия только относительно плоскости (или относительно оси). Я констатирую, что эта плоскость создана фантазмом, — не зафиксированным экспериментаторами, фантазмом об общей коже матери и ребенка; этот фантазм имеет структуру интерфейса, разделяющего два сектора пространства, имеющих одинаковый уклад, между которыми таким образом устанавливается симметрия (если укладки разные или их больше двух, структура интерфейса меняется, он обогащается, например, портиками и точками излома).

Психоаналитики настаивают (ср., в частности, Пьера Оланье (Aulagnier, 1979)) на асимметрии между пациентом и психоаналитиком, между грудным младенцем и его окружением, на первичной зависимости и беспомощности (названной так Фрейдом (Freud, 1950с)), к которым под влиянием психоаналитического процесса регрессирует пациент. Винникотт констатировал факт того, что, наряду с состояниями интеграции Я-психического и Я-телесного, младенец экспериментирует с состояниями отсутствия интеграции, не обязательно болезненными, которые могут сопровождаться чувством эйфории от ощущения безграничной психической Самости; или еще, что у него может отсутствовать желание общаться, потому что ему слишком хорошо или слишком плохо. Малыш мало-помалу находит ключи к пониманию человеческого языка, правда, ограниченный второй артикуляцией, и у него самого нет возможности пользоваться им, чтобы передавать сообщения; первая артикуляция ускользает от него: он ощущает эту сонорную тайну и свое семиотическое бессилие между болью и гневом как совершаемое над ним фундаментальное психическое насилие — то, что Пьера Касториадис-Оланье (Castoriadis-Aulagnier, 1975) назвала «насилием интерпретации» — не считая грубости физических и химических агрессий, которым подвержено его тело, и не говоря уже о «фундаментальном насилии» (Bergeret, 1984) ненависти, неприязни, безразличия, плохого ухода и ударов со стороны человеческого окружения. Эта зависимость, все хуже и хуже переносимая матерью, являющейся «словесным выразителем» (Castoriadis-Aulagnier, 1975), необходимым для его потребностей, это насилие актуализируют в его зарождающемся психическом Я имаго матери-преследовательницы, вызывающей ужасающие фантазмы и заставляющей его мобилизовать бессознательные механизмы защиты, которые будут задерживать, останавливать или нарушать благополучное развитие, обрисованное выше: демонтаж блокирует динамизм, интегрирующий ощущения;

проективная идентификация мешает обратной связи образовывать петлю; множественное расщепление рассыпается в туманном пространстве, не внутреннем, не внешнем, а пространстве агломератов частей Самости и частей объекта; пояс мышечной ригидности или моторной подвижности, или физического страдания создает вторую психотическую кожу или аутистический панцирь, или мазохистическую оболочку, которые дополняют поврежденную Я-кожу, маскируя ее.

Второе различие проистекает из того, что Бразелтон работает с поведением по схеме «стимул — реакция», тогда как психоаналитик работает с фантазмами, которые сами по себе коррелируются с бессознательными конфликтами и особенными организациями психического пространства. Бразелтон с полным основанием подходит к рассмотрению того, что многочисленные точечные обратные связи, появляющиеся в отношениях «младенец — материнское окружение», образуют динамичную, даже экономическую систему и создают новую психическую реальность топографического характера, которую он называет «оболочкой», не вдаваясь более в уточнения того, о чем идет речь. Оболочка — это абстрактное понятие, выражающее точку зрения наблюдателя внимательного, но стороннего. Итак, младенец имеет конкретное представление об этой оболочке, обеспечивающейся тем, из чего он черпает частый сенсорный опыт, а именно кожей, некий сенсорный опыт, напичканный фантазмами. Именно кожные фантазмы облачают его зарождающееся Я в конфигурацию, воображаемую, конечно, но мобилизующую, по выражению Поля Валери¹, самое глубинное, что есть в нас, и нашу поверхность. Именно они отмечают уровни структуризации Я и сообщают о сбоях. Развитие других органов чувств связано с кожей, «первоначальной» фантазмированной поверхностью (в том смысле, в котором П. Касториадис-Оланье (Castoriadis-Aulagnier, 1975) подразумевает первоначальное как предтечу и фундамент первичного психического функционирования).

Здесь я как психоаналитик нахожу третье различие в интерпретации экспериментальных результатов. Согласно психологам-когнитивистам тактильное чувство якобы не развивается вместе с самыми первыми органами чувств. Вкусовое, обонятельное, слуховое ощущения, существование которых доказано с самого рождения, якобы позволяют младенцу осуществлять идентификацию своей матери

¹ *Идея фикс: «Самое глубинное, что есть в человеке, это кожа». «А за ней костный мозг, головной мозг, все то, что необходимо, чтобы чувствовать, страдать, думать... быть глубинным <...> это изобретения кожи!.. Мы напрасно копали, доктор, мы есть... эктодерма». (Valéry, P. La Pléiade. T. 2, p. 215—216).*

(и последующую идентификацию принадлежности своей матери), а также делают наметку на дифференциацию между тем, что для него хорошо, и тем, что для него плохо. Впоследствии, когда малыш входит в мир намеренных коммуникаций, эхопраксии, эхофразии, эхоритмии сыграют якобы более решающую роль, чем то, что я предложил назвать эхотактилизмами, или значащими обменами тактильных контактов.

У меня найдется много аргументов для оспаривания этой минимизации роли кожи в развитии психики. У эмбриона, во всяком случае у новорожденного, тактильная чувствительность проявляется в первую очередь (см. с. XXVI), и именно в этом, без сомнения, заключается основа для развития эктодермы, неврологического источника, общего и для кожи, и для мозга. Процесс рождения дает ребенку, продвигающемуся по родовым путям, опыт массажа всего тела и общего трения кожи во время материнских схваток и выталкивания его из вагинальной оболочки, увеличенной до размеров ребенка. Известно, что эти естественные тактильные контакты стимулируют включение дыхательных и пищеварительных функций; в случае их недостаточности применяются искусственные контакты (шлепки, купание, горячие обертывания, ручной массаж). Развитию деятельности, затем чувственных коммуникаций посредством слуха, зрения, обоняния, вкуса способствует, в свою очередь, манера, с которой члены окружения носят ребенка, успокаивают его, прижимая его тело к своему, поддерживают его голову или позвоночник. Как видно из разговорного языка, говорящего о «контакте» всех органов чувств (мы вступаем в контакт по телефону с кем-то, кого слышим на расстоянии, не видя его; мы находимся в хорошем контакте с кем-то, кого видим, но к кому не прикасаемся), кожа — это базовый референт, с которым спонтанно соотносятся различные сенсорные данные. Кожа, если предположить, что хронологически она не имеет первенства, содержит некий структуральный примат, распространяемый на все другие органы чувств по крайней мере по трем причинам. Она — единственный орган чувств, покрывающий все тело, в ней самой содержится множество различных ощущений (теплота, боль, контакт, давление...), физическая приближенность которых ведет к психической смежности. И, наконец, то, на что намекает Фрейд (Freud, 1923b), прикосновение — это единственное из пяти внешних чувств, обладающее рефлексивной структурой: ребенок, прикасающийся пальцем к частям своего тела, экспериментирует с двумя дополнительными ощущениями: он — часть кожи, которая прикасается, и он — часть кожи,

к которой прикасаются. Именно на модели тактильной рефлексивности строятся другие виды сенсорной рефлексивности (слышать себя при передаче звуков, вдыхать свой собственный запах, разглядывать себя в зеркале) — за этим следует мыслительная рефлексивность.

ОСОБЕННОСТИ Я-КОЖИ, РАССМАТРИВАЕМОЙ В ВИДЕ ИНТЕРФЕЙСА

Теперь я могу приступить к уточнению своей концепции Я-кожи. Материнское окружение названо так потому, что оно «окружает» младенца внешней оболочкой, созданной из сообщений, оно регулируется с определенной гибкостью, оставляя свободный запас внутренней оболочке на поверхности тела младенца, являющегося местом и инструментом передачи сообщений; быть Я значит чувствовать в себе способность передавать сигналы, слышимые другими.

Эта оболочка, выполненная по мерке, завершает индивидуализацию младенца посредством признания, которое приносит ему подтверждение его индивидуальности; он имеет свой стиль, свой собственный темперамент, отличен от других на фоне схожести. Быть Я значит чувствовать себя уникальным.

Зазор между внешним и внутренним слоем оставляет для Я, когда оно будет еще больше развито, возможность быть непонятым, не общаться (Винникотт). Иметь Я — это иметь возможность замкнуться в себе. Если внешний слой слишком приклеен к коже ребенка (ср. тема отравленной туники в греческой мифологии), то развитие его Я подавляется, оно захвачено одним из Я окружения; это одна из техник сведения с ума другого человека, выявленная Сирлзом (Searles, 1965).

Если внешний слой натянут слишком слабо, Я лишено консистенции. Внутренний слой стремится к формированию гладкой, непрерывной, прочной оболочки, в то время как внешний слой имеет структуру ячеистой решетки (ср. «решето» контактных барьеров по Фрейдю, о котором я буду говорить далее на с. 82). Одна из патологий оболочки заключается в некоей инверсии структур: внешний слой, предложенный/навязанный окружением, становится ригидным, резистентным, ограждающим (вторая мускульная кожа), а внутренний слой продырявливается и становится пористым (Я-кожа-дуршлаг).

Двойная обратная связь, наблюдаемая Бразелтоном, приводит, на мой взгляд, к конституированию интерфейса, изображаемого в виде общей кожи матери и ребенка, интерфейса, с одной стороны которого находится мать, с другой — ребенок. Общая кожа держит

их в одной связке, но по симметрии, уже намечающей их будущую сепарацию. Эта общая кожа, переключая их одного на другого, обеспечивает между двумя партнерами коммуникацию без посредника, взаимную эмпатию, адгезивную идентификацию: уникальный экран, входящий в резонанс с ощущениями, аффектами, ментальными образами, жизненными ритмами их обоих.

До установления фантазма об общей коже в психике новорожденного преобладает внутриутробный фантазм, отрицающий рождение и выражающий присущее первичному нарциссизму желание возврата к материнской груди, — фантазм взаимной инклюзии, первичного нарциссического слияния, в которое он более или менее увлекает свою мать, опустошенную в результате рождения плода, который она вынашивала; фантазм, в дальнейшем оживляемый любовным опытом, согласно которому каждый из двоих, держа в объятиях другого, обволакивает его будто оболочкой. Аутистические оболочки (см. с. 271) говорят о склонности к внутриутробному фантазму и о невозможности перейти к фантазму об общей коже. Точнее, ввиду этого поражения (будь то сбой в генетической программе, дефективность обратной связи с окружением или неспособность к фантазматизации) младенец с помощью преждевременной и патологической реакции негативной самоорганизации избегает функционирования в открытой системе, защищается в аутистической оболочке и уходит в закрытую систему, систему яйца, которое не замкнуто.

Интерфейс трансформирует психическое функционирование в более и более открытую систему, что ведет мать и ребенка к более и более самостоятельному функционированию. Но интерфейс держит двух партнеров во взаимной симбиотической зависимости. Следующий этап требует стирания этой общей кожи и признания того, что каждый имеет собственную кожу и собственное Я, что не происходит без сопротивления и боли. Именно тогда начинают свое действие фантазмы о вырванной коже, об украденной коже, умерщвленной коже и о коже-убийце (см. D. Anzieu, 1984).

Если страхи, связанные с этими фантазмами, удастся победить, ребенок приобретает Я-кожу, свойственную ему согласно процессу двойной интериоризации:

а) интерфейса, становящегося психической оболочкой, контейнирующей психическое содержимое (отсюда конституирование, по Биону, аппарата для обдумывания мыслей);

б) материнского окружения, становящегося внутренним миром мыслей, образов, аффектов.

Условием этой интериоризации является то, что я называю двойным запретом прикосновения (см. гл. 10). Задействованный фантазм, типичный для вторичного нарциссизма, это фантазм о неуязвимой, бессмертной, героической коже.

Фиксация на том или ином фантазме, в частности на фантазме о вырванной коже, механизмы защиты, задействованные для их вытеснения, проекции, обращения в свою противоположность, эротической сверхзагрузки — их роль особенно очевидна в двух областях: в дерматологии и мазохизме.

Резюмируя посткляйнианские работы, Д. Узэль (Houzel, 1985a) описывает все более и более сложные стадии организации психического пространства, совпадающие с эволюцией Я-кожи, которую я только что обрисовал. На первой стадии (которую Узэль спорно называет аморфной и которая, в сущности, отмечена сосанием груди-молока и кишечной ферментацией) грудной младенец проживает свою психическую субстанцию как нечто жидкое (отсюда страх опорожнения) или как нечто газообразное (отсюда страх взрыва); фрустрация проецирует в намечающемся слое защиты от раздражителей появление трещин, открывающих дверь к опорожнению или взрыву; отсутствие внутренней консистенции Самости, мне кажется, должно быть поставлено в зависимость от отсутствия первой функции Я-кожи (крепление упора посредством какого-либо поддерживающего объекта).

На второй стадии появление первых мыслей (мыслей об отсутствии, нехватке) делает переносимыми трещины, вскрытые в оболочке фрустрациями. «Мысль как внутренний остов». Но, добавляю я, именно мысли, осуществление которых требует уверенности в непрерывности контакта с поддерживающим объектом, ставшим к тому же контейнирующим объектом (см. мое понятие «грудь-кожа»), непрерывности контакта, находящей свое выражение в фантазме об общей коже. Объектное отношение покоится на адгезивной идентификации Мельцера (Meltzer, 1975). Самость, еще плохо отличимая от Я, проживается как чувствительная поверхность, обеспечивающая конституирование внутреннего пространства, отличающегося от пространства внешнего. Психическое пространство двумерно. «Значение объектов здесь апробируется как неотделимое от сенсорных качеств, которые можно ощутить на их поверхности» (Ibid.).

На третьей стадии с выходом на трехмерность и проективную идентификацию появляется внутреннее пространство объектов, похожее, но в то же время отличное от внутреннего пространства Самости, это пространства, в которых мысли проецируются или интроециру-

ются; внутренний мир начинается с самоорганизации благодаря фантазмам исследования внутренней части тела матери; конституируется аппарат для обдумывания мыслей; «происходит психическое рождение» (М. Малер, в: Tustin, 1972). Однако симбиоз существует; застывшее время, повторяющееся или колеблющееся, циклично.

На следующей стадии интроективная идентификация хороших родителей, совокупленных в первичной сцене, фантазмированных плодовитыми и созидающими, ведет к обретению психического времени. Теперь появляется субъект с внутренней историей, способный перейти от нарциссического отношения к объектному отношению. Шесть других позитивных функций, приписываемых мною Я-коже (после поддержки и контейнирования), способны развиваться; негативная функция самодеструкции контенанта становится менее угрожающей.

ДВА КЛИНИЧЕСКИХ СЛУЧАЯ

Наблюдение за Хуанито

Одна латиноамериканская коллега, прослушавшая одну из моих лекций по Я-коже, поведала мне об этом случае. Хуанито, страдавшему врожденным пороком развития, вскоре после рождения предстояла операция в Соединенных Штатах. Его мать оставила свои семейные и профессиональные дела, чтобы сопровождать мальчика, но в течение многих недель она могла наблюдать за ним только через стекло, не прикасаясь к нему и не разговаривая с ним. Операция прошла успешно. Выздоровление благодаря этим драконовским условиям прошло хорошо. После возвращения в родную страну он нормально, даже достаточно рано освоил речь. Но у маленького мальчика, без сомнения, обнаружились серьезные психические последствия, которые привели его к психотерапевтическому лечению в возрасте пяти-шести лет.

Решительным поворотом в лечении явился сеанс, когда Хуанито оторвал от стены большой кусок еще чистой моющейся клейкой бумаги, прикрепленной специально для того, чтобы дети могли свободно раскрашивать стену. Он разрезал этот кусок на мелкие части. Полностью разделся и попросил психотерапевта приклеить эти кусочки на все его тело, исключая глаза, особенно настаивая на двух условиях: с одной стороны — полностью использовать все эти кусочки, с другой — покрыть целиком все его тело, не оставляя зазоров (кроме зоны глаз). Во время следующих сеансов он повторял эту игру с психотерапевтом,

который должен был полностью обернуть кожу мальчика, затем он попросил инструктора по плаванию совершить те же самые действия, применяя целлофан.

Хуанито таким образом компенсировал недостаток своей Я-кожи, вызванный лишением ласки, неизбежной во время подобной госпитализации, недостаток тактильных и сонорных контактов и телесных манипуляций со стороны матери и материнского окружения. Ежедневная поддержка визуальной связи с матерью обеспечила сохранение зарождающегося Я: отсюда необходимость в игре с наклеиванием, которую он вел со своим психотерапевтом, сохранять глаза открытыми. Этот маленький умный мальчик, хорошо владея языком, смог вербализировать для своего психотерапевта две потребности своей телесной Я-кожи: потребность ощутить свою кожу как непрерывную поверхность и потребность зарегистрировать все полученные извне стимуляции и интегрировать их в *sensorium commune*¹ (общее чувство).

Наблюдение за Элеонорой

Колетт Детомб, знающая о моем интересе к Я-коже, рассказала мне об одной серии сеансов психоаналитической психотерапии с этой девочкой приблизительно девяти лет, школьная неуспеваемость которой была налицо. Ребенок с очевидным нормальным интеллектом, она в отдельно взятый момент вникала в объяснения учителя, но была неспособна удержать и воспроизвести их в памяти через день или два. Выучивая свои уроки, она тотчас их забывает, этот симптом повторяется и во время лечения, все более и более затрудняя его: девочка не в состоянии вспомнить то, о чем она говорила или что рисовала на предыдущем сеансе. Кажется, она искренне сожалеет об этом: «Вот видите, бесполезно что-либо делать со мной». Ее психотерапевт уже намерен остановить лечение, полагая, что имеет дело со скрытой дебильностью.

На одном из сеансов, когда симптом проявился наиболее ярко, он попытался поставить на карту все и сказал девочке: «В общем-то у тебя голова-дуршлаг». Ребенок меняется в лице и в голосе: «А как вы догадались?» Впервые вместо эксплицитных или имплицитных упреков своего окружения Элеонора получает в ответ точную формулировку образа, который она имеет о своем Я и его психическом функционировании. Она объясняет, что чувствует себя именно так, что она боится,

¹ [*Sensorium commune* (лат.) — общее чувствилище.]

как бы другие не заметили этого и делает все для того, чтобы скрыть это, тратя свою ментальную энергию на подобное притворство. С момента этого признания и этого открытия она вспоминает про все свои сеансы. На следующей встрече именно она предлагает психотерапевту порисовать. Она рисует мешок. Внутри мешка скрыт нож. Выполняя рисунки на следующих сеансах, она все больше и больше открывает мешок.

Смогла ли Элеонора таким образом признаться кому-то, кого она наконец сочла способным ее понять, в наличии влечения, которое было для нее проблемой? Отныне мешок — непрерывная оболочка ее Я-кожи, гарантирующая ей чувство непрерывности Самости. Нож — бессознательная отрицаемая скрытая агрессивность, обращенная против нее самой, протыкающая насквозь ее психическую оболочку. Через множество дыр ее злобная и деструктивная зависть может вытекать без особой опасности, так как она расщеплена, фрагментирована и спроецирована на множество кусков. В то же время через эти дыры опустошается ее психическая энергия, она теряет память, утрачивается непрерывность ее Самости, в ее мышлении ничего не контейнируется.

С этого момента психотерапия пошла нормально, хотя и не без трудностей. Девочка высвобождала все более и более открытую и сильную агрессивность, атакуя и угрожая своему психотерапевту, но такой способ поддавался интерпретации и являлся прогрессом по отношению к предыдущей фазе негативной терапевтической реакции, когда она молча разрушала свою психотерапию и свой аппарат для обдумывания мыслей. Данное наблюдение за Элеонорой делает очевидной часто встречающуюся конфигурацию Я-кожи, являющуюся результатом бессознательных приступов ненависти к контейнирующей психической оболочке: Я-кожа-дуршлаг.

II

СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ, ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ

ДВА ПРЕДШЕСТВЕННИКА Я-КОЖИ: ФРЕЙД, ФЕДЕРН

ФРЕЙД И ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА Я

Перечитывая Фрейда, я, как и множество его последователей, был поражен тем, сколько же инноваций, ими предлагаемых, у него зачастую уже находились в зачаточном состоянии, тогда еще в виде образных мыслей или концепций, рано обозначенных и заброшенных позднее. Я попытаюсь показать, в чем состоит предвосхищение приведенного Э. Фрейдом в 1885 г. первого описания того, что он в 1896 г. назовет «психическим аппаратом»¹, предвосхищение Я-кожи благодаря понятию «контактные барьеры», не подхваченному им позднее и оставшемуся неопубликованным при его жизни. Я прослежу эволюцию Фрейда вплоть до одного из самых его последних описаний психического аппарата, описания, взятого из работы «Заметки о “чудо-блокноте”» (Freud, 1925a), и постараюсь сделать здесь очевидным переход к топографической модели, все более и более усовершенствованной анатомическими и неврологическими ссылками и требующей имплицитной и, возможно, исходящей от Я опоры на опыт и функции кожи.

Несомненно, что ввиду своей культуры и научного гения Фрейд использует термин «аппарат», слово, которое в немецком языке, как и во французском, обозначает также некую сборку, как естественную, так и фабричную, из деталей или органов, предназначенную для практического использования или биологической функции. В обоих случаях аппарат, о котором идет речь (как материальная реальность),

---

¹ Письмо Флиссеу от 06.XII.1896, в: *Freud, S. 1887–1902, tr. fr., p. 157.*

организован нижележащей системой, абстрактной реальностью, управляющей расположением частей, функционированием блока и позволяющей достичь искомым эффектов. Таковыми являются, если приводить примеры Фрейда, на которые он охотно ссылается, электрический или оптический аппарат среди изобретений человека и пищеварительный или мочеполовой аппарат среди созданий живой природы. Одна из новых идей Фрейда состояла в том, чтобы изучать психику как аппарат и рассматривать этот аппарат как нечто сопряженное с другими различными системами (а именно как систему подсистем).

АППАРАТ РЕЧИ

В 1891 г. в своей первой опубликованной работе «К пониманию афазии» (Freud, 1891) Фрейд обосновывает идею и выражение *аппарата речи*¹. Критикуя теорию церебральных локализаций, господствующую в то время, он эксплицитно вдохновлен эволюционистскими взглядами Хьюлинга Джексона: нервная система — высокоорганизованный «аппарат», в нормальном состоянии интегрирующий «способы реакций», соответствующие «предыдущим этапам своего функционального развития», а при некоторых патологических обстоятельствах высвобождающий способы реакции согласно некой «функциональной инволюции» (Ibid., p. 137). Аппарат речи объединяет две системы (хотя Фрейд говорит о «комплексах», а не о системах): систему словесного представления и систему, которую с 1915 г. он обозначает как предметное представление, а в 1891 г. пока еще называет «объектными ассоциациями» или «объектным представлением». Первый из этих «комплексов» закрыт (или замкнут), в то время как второй открыт.

Далее я привожу рис. 8 из книги с комментарием Фрейда (Ibid., p. 127)²:

¹ *Sprache apparatus*. «Аппарат для речи» — перевод Ж. Нассифа (Freud, L'Inconscient, Galilée, 1977, p. 266 et sq. Глава III полностью посвящена комментарию к книге Фрейда по афазии). М. Винсент и Г. Дяткин предлагают термин «речевой аппарат» (опубликованный перевод, Институт психоанализа, Париж). С. Ван Рит тяготеет к термину «аппарат речи» в переводе на французский (появившемуся в 1983 г.) работы Фрейда по афазии; мои цитаты взяты из данного перевода.

² [Freud, S. Zur Auffassung der Aphasien (1891b). — Wien, 1891. S. 79.]

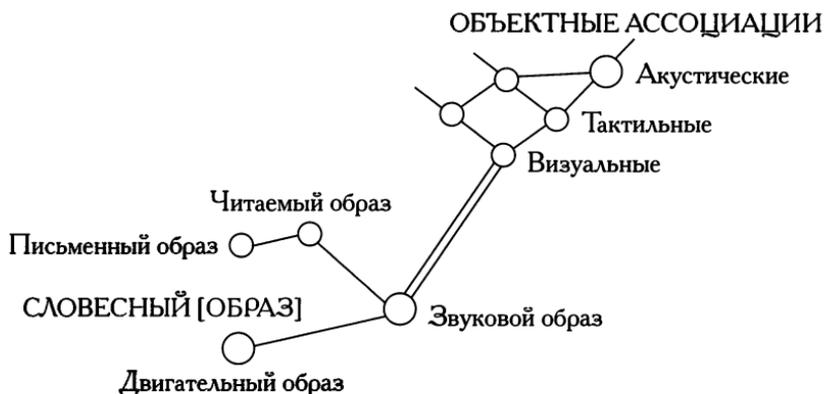

Рис. 8. Психологическая схема словесного представления

«Словесное представление выступает как замкнутый комплекс представлений, объектное представление же — как открытый. Словесное представление связано с объектным представлением не всеми своими составляющими, а только звуковым образом. Среди объектных ассоциаций именно визуальные репрезентируют объект так же, как звуковой образ репрезентирует слово. Связи словесного звукового образа с другими объектными ассоциациями, кроме визуальных, не указаны»¹.

Очевидно, что аппарат речи покоится на нейрологической схеме.

«Получить представление о строении речевого аппарата нам помогло восприятие, согласно которому так называемые речевые центры с внешней стороны (с краю) примыкают к другим корковым центрам, значимым для функции речи, в то время как с внутренней стороны (возле ядра) они ограничивают область, незагруженную локализацией и, вероятно, равным образом являющуюся речевым полем. Итак, речевой аппарат раскрылся нам как взаимосвязанная часть корковой области в левом полушарии между корковыми окончаниями слухового и зрительного нервов, моторных волокон, отвечающих за речь и движения рук. Примыкающие к данным корковым полям части речевого поля обретают — в необходимо неопределённом

¹ Объектные ассоциации (акустические, визуальные, тактильные...) составляют объектное представление. В 1915 г. в последней части своей статьи о «Бессознательном» Фрейд меняет свою терминологию и с этого момента говорит о предметном представлении, постоянно противопоставляя его словесному представлению, прибегая к выражению «объектное представление» для блока, объединяющего предметное представление и словесное представление.

ограничении — значение речевых центров в смысле патологической анатомии, не в смысле функции...» (Ibid., p. 153)¹.

Нарушения, имеющие место на этой периферии, отсекают один из элементов, связанных с речью, от его соединений с другими, этого, однако, не происходит при поражении центра.

Именно психологическая схема позволила Фрейдю ясно увидеть нейрологическую схему и классифицировать афазии по трем типам:

— вербальная афазия, при которой нарушаются лишь ассоциации между элементами словесного представления (это случай поражений периферии с разрушением одного из предполагаемых речевых центров);

— афазия асимволическая, при которой словесное представление отсекается от объектного представления (здесь периферическое поражение ведет к неполному разрушению);

— афазия агнозическая, при которой затрагивается распознавание объектов и где агнозия рикошетом поражает побуждение к речи (это чисто функциональный беспорядок в аппарате речи, являющийся результатом некоего поражения, расположенного в центре).

В теоретической работе Фрейда относительно аппарата речи выделю три важных черты хода его рассуждения: усилие, термин за термином, для освобождения области изучения речи от узкой корреляции с анатомическими и нейрофизиологическими данными и поиск специфики вербального мышления и психического функционирования в целом; потребность в тройной классификации (три типа афазии предшествуют трем инстанциям психического аппарата); и оригинальная и перспективная топографическая интуиция: то, что функционирует как «предполагаемый центр», оказывается расположенным на «периферии».

ПСИХИЧЕСКИЙ АППАРАТ

В 1895 г. в «Исследовании об истерии», написанном совместно с Брейером, Фрейд еще использует такие расхожие термины, как «организм» и «нервная система»². А в «Наброске психологии» в 1895 г. он дифференцирует в «нервной системе»³ три системы, соответствующие

¹ [Ibid. S. 104.]

² В последней фразе этой книги тридцать лет спустя при переиздании в 1925 г. он многозначительно заменяет понятие *Nervensystem* (нервная система) на понятие *Seelenleben* (психическая жизнь).

³ В опубликованном переводе на французский указывается «нейронная система».

трем условным типам нейронов, системы ϕ , ψ , ω , с ключевой ролью «контактных барьеров» между системами ϕ и ψ ; блок формирует «аппарат ϕ , ψ , ω », который сам с внешней стороны защищен неким экраном защиты против количества, созданным «аппаратами нервных окончаний».

В «Толковании сновидений», опубликованном в 1899 г., но датированном 1900 г., Фрейд вводит оригинальное понятие «психического аппарата»¹. 6 декабря 1896 г. он уже сообщил о нем Флиссу, призывая эксплицитно это понятие к своей ранней работе по афазии, точнее, к идее о том, что память происходит из некоей психической системы, отличающейся от восприятия, и что она имеет не только одну, а много записей событий («переаранжировку» следов, создающую некое «перезаписывание»). Этот психический аппарат состоит из трех систем, которые Фрейд обычно называет инстанциями² (*Inстанz*): сознательное, предсознательное, бессознательное, чьи особенные взаимодействия проистекают из топографического факта, а именно из того, что они разделены обеими цензурами и из различия в конечной цели, а именно того, что они подчинены разным принципам функционирования.

Основное свойство этого аппарата — аппарата речи; аппарата ϕ , ψ , ω ; психического аппарата — состоит в установлении ассоциаций, соединений, связей. Термин «ассоциация» часто появляется в монографии по афазии, в тексте непростом, в котором не всегда удастся легко отличить употребление термина в смысле нервных соединений от употребления, столь милого для английской эмпирической психологии, в смысле ассоциаций идей³.

Теоретическая эволюция Фрейда совпадает не только с эволюцией его клинических интересов, но и с эволюцией его терапевтических техник по отношению к невротичным пациентам. В эпоху аппарата речи он практикует электротерапию и контрсуггестивный гипноз. Аппарат ϕ , ψ , ω — современник перехода от катартического метода

¹ Фрейд не делает разницы между *psychischer* или *seelischer Apparat* (аппарат психический или ментальный).

² Издатели «Standard Edition» из соображений, изложенных после Общего предисловия (S. E. Vol. I. P. XXIII—XXIV), для перевода на английский язык выбрали термин *agency* (агентство).

³ Насколько мне известно, у Фрейда нет глубокого исследования понятия ассоциации. Подобное исследование могло бы показать, как Фрейд перешел от нейрологической и психической концепций термина к собственно психоаналитическому понятию свободных ассоциаций. Рене Каес посвятил ассоциативным процессам в группах работу «Речь и связь» (Каёс, 1994).

(изложенного в «Исследовании об истерии») к методу психической концентрации с возможным прикладыванием рук ко лбу возбужденного пациента. Идея психического аппарата представлена примерно в то же время, что и слово — и понятие — «психоанализ», который вводит метод свободных ассоциаций и устанавливает одну из пружин лечения — интерпретацию сновидений и аналогичных бессознательных формирований. Я поражен, увидев, насколько двойная древовидная структура, нарисованная психической схемой словесного представления в 1891 г., могла бы служить изображением сети свободных вербальных ассоциаций в предсознательном и их разворачивания в двух направлениях, в направлении сознания (где они становятся открытой системой) и в направлении бессознательного (где они образуют закрытую систему).

На протяжении тридцати лет эта схема двойной асимметричной древовидной структуры остается для Фрейда одной из имплицитных моделей для его концептуализаций и практики. В работах «По ту сторону принципа удовольствия» (Freud, 1920g), «Я и Оно» (Freud, 1923b) намечается отрыв от схемы: для изображения психического аппарата двойная древовидная структура уступает место образу и понятию пузыря, оболочки. С сознательного и бессознательного психического содержимого акцент переносится на психику как контенант. «Заметки о “чудо-блокноте”» (Freud, 1925a) завершают уточнение топографической структуры этой оболочки и имплицитное подтверждение опоры Я на кожу. В то время рукопись, отправленная Флиссу в 1895 г., продолжила процесс эпистемологического перелома, начатого Фрейдом в монографии «Афазия», психический аппарат (название как таковое уже почти готово) является лишь системой трансформации сил; относительная диспозиция подсистем, ее составляющих, обозначает некое психическое пространство, особенные конфигурации которого сильно зависят в сознании и в воображении Фрейда от анатомических и нейрологических схем до того, как они найдут свой топографический фундамент в проекции поверхности тела, на фоне которого сенсорный опыт возникает как значащая фигура.

КОНТАКТНЫЕ БАРЬЕРЫ

В «Наброске психологии», отправленном Флиссу 8 октября 1895 г. и оставшимся без публикации до его смерти, Фрейд разрабатывает новое понятие, понятие «контактных барьеров» (*Kontaktsschrank*), которое он впоследствии не приводит ни в одном из своих опубликованных

текстов и которое Бион, единственный до настоящего времени среди психоаналитиков, подхватил со значительными изменениями¹. Удивительная концепция: это парадокс о некоем барьере, перекрывающем проход, потому что барьер находится в контакте, и этим самым отчасти и обеспечивающем проход. Хотя Фрейд и не эксплицирует это, но, кажется, он вдохновлен моделью электрического сопротивления. Эта концепция принадлежит нейрофизиологическим изысканиям, которыми он увлекался на ранней стадии своей научной деятельности и которые почти окончательно забросил после открытия эдипова комплекса в октябре 1897 г. С 1884 г. Фрейд утверждал, что клетки и нервные волокна образуют некое анатомическое и физиологическое единство, оказываясь, таким образом, предшественником теории нейрона, разработанной в 1891 г. Вальдеером. По всей вероятности, понятие контактного барьера в 1895 г. предвосхищает понятие синапса, выдвинутого в 1897 г. Шеррингтоном. Оно было создано из соображений теоретической необходимости.

Научная психология, та, которую Фрейд мечтает построить на физико-химической модели, исходит из двух фундаментальных понятий количества и нейрона. Это наука о физических количествах и процессах, которые на них влияют, например, истерический разговор, гиперинтенсивные репрезентации невротиков с навязчивостью. Что касается нейронов, то они подчиняются принципу инерции, то есть стремятся освободиться от количественного состояния. Приступ истерии является примером практически рефлекторного отреагирования большого количества возбуждения сексуального происхождения, не разряженного иным образом. «Эта разрядка представляет собой первичную функцию нервной системы» (Freud, 1950c; S. E., I, p. 297; tr. fr., p. 317)². Но организм разрабатывает виды деятельности:

— которые сложнее простых рефлекторных реакций на внешние стимуляции;

¹ В гл. 8 работы «К истокам опыта» (Bion, 1962) Бион обозначает контактным барьером фронтир между бессознательным и сознательным. Сновидение — прототип этого, но контактный барьер имеет место и в состоянии бодрствования. Он находится в постоянном процессе формирования. Он заключается в объединении и увеличении числа альфа-элементов. Эти элементы могут просто скапливаться или сцепляться, или задаваться хронологическим, логическим, геометрическим способом. При этом бета-экран является патологической компенсацией.

² В продолжение этой главы французский перевод взят из работы «Рождение психоанализа» (Paris: P. U. F., 1956). [Freud, S. Entwurf einer Psychologie (1950c [1895]). // G. W. — Nachtr. — S. 389 {387–477}.]

— которые отвечают важным внутренним жизненным потребностям (голод, дыхание, сексуальность);

— и осуществление которых требует предварительного запаса некоторых количественных состояний.

Эта возрастающая сложность в процессе удовлетворения жизненных потребностей называется психической жизнью. Она покоится на вторичной функции нервной системы, суть которой заключается в том, чтобы «поддержать некоторое накопленное количественное состояние». Как же данная система к этому приходит¹?

В то время как нейроны ϕ проницаемы (они передают количественные состояния, полученные из внешнего мира, они пропускают ток), нейроны ψ непроницаемы; они могут быть пустыми или полными, их окончание, связывающее их в контакте между собой, снабжено контактными барьером, который тормозит разрядку, сдерживает количественное состояние или оставляет ему только один «частичный или затрудненный проход»: именно «*точки контакта* обретают тем самым ценность *барьеров*» (S. E., I, p. 298; tr. fr., p. 318)². Свойства контактных барьеров многочисленны и фундаментальны для психического функционирования.

1. Это удерживатели количественных состояний. Или, пользуясь термином Биона, «контейнеры» энергии, которая таким образом передается субъекту.

2. Это подвижные и гибкие органы; контактные барьеры принимают такую передачу нервного импульса, при которой в следующий раз даже меньшее возбуждение может их преодолеть; таким образом, они становятся все более и более проницаемыми.

3. Они восстанавливают сопротивление после прохождения тока; даже когда общая передача нервного импульса установилась, некоторое сопротивление, идентичное на всех контактных барьерах, остается; таким образом, циркулируют не все присутствующие количественные состояния; одна часть удерживается — это редукторы энергии.

4. Следовательно, они могут распределить количественное состояние, контролируемое таким образом, по различным путям проводимости: это распределители энергии.

¹ Я благодарю Жана-Мишеля Пето, который путем тщательного изучения текстов помог мне составить следующий далее переход на контактные барьеры.

² [Ibid. S. 391.]

«Более сильный раздражитель идет иными путями, нежели более слабый... Таким образом отдельный путь ϕ будет освобожден от нагрузки, наибольшее количество в ϕ выразится в том, что оно загрузит в ψ несколько нейронов вместо одного. Итак, количество в ϕ выражается через усложнение в ψ » (S. E., I, p. 314–315; tr. fr., p. 333–334)¹.

И Фрейд косвенно приводит как частный случай этого общего свойства закон Фехнера (который гласит, что ощущение меняется как логарифм возбуждения). Количественный рост передается через качественные изменения, амортизирующие увеличения первоначальной интенсивности и воспроизводящие все более и более сложные чувственные качества.

5. Сопrotивление контактных барьеров имеет один предел. Барьеры упраздняются на время, и даже на долгое время, путем вторжения повышенного количественного состояния. Это происходит в случае боли, которая вследствие повышенного сенсорного возбуждения приводит в движение систему ϕ и без «единого препятствия»² передается системе ψ . Эта боль «подобно вспышке молнии»³ (*Blitz*) оставляет позади себя постоянные передачи нервных импульсов, даже окончательно удаляет сопротивление контактных барьеров (S. E., I, p. 307; tr. fr., p. 327).

6. Но «боль может прийти даже туда, где внешние стимулы слабы. Если это так, значит, боль находится регулярно связанной с нарушением непрерывности. Я хочу сказать, что боль появляется тогда, когда некоторое внешнее количественное состояние (Q) воздействует на кончики нейронов ϕ напрямую, а не путем прохождения через аппараты нервных окончаний» (*Ibid.*). Таким образом, контактные барьеры являются защитой второй линии и предполагают в целях своего функционирования вторжение в первую линию, по крайней мере по отношению к внешнему, некоего «экрана для отражения количества» (*Quantitatsschirme*), разрыв которого открывает путь к количественному переполнению контактных барьеров. На самом деле:

«Нейроны ϕ заканчиваются не свободно на периферии, а среди клеточных образований, которые принимают экзогенный раздражитель вместо этих нейронов. Эти «аппараты нервных окончаний» в самом широком смысле, пожалуй, могли бы иметь целью не позволять

¹ [*Ibid.* S. 407.]

² [*Ibid.* S. 399.]

³ [*Ibid.* S. 400.]

экзогенным Q неослабленно воздействовать на ϕ , а тушить их. Тогда они имели бы значение экранов для отражения Q , через которые проходили бы только фракции экзогенных Q .

С этим вполне согласуется, если другому виду нервного окончания — свободному, без конечных органов на внутренней периферии тела — отдается гораздо большее предпочтение. Там, кажется, не нужен никакой экран для Q , вероятно, потому, что принимающие там количественные состояния ($Q\eta$) не требуют для себя перевода на межклеточный уровень ввиду того, что изначально на нем находятся» (S. E., I, p. 306, tr. fr., p. 325—326)¹.

Здесь речь идет об асимметричной структуре. Хотя Фрейд еще не говорит о психической оболочке, она уже предчувствуется и описывается как наложение двух слоев, слой внешний («экран для отражения количеств»: ср. целлюлозная мембрана растений, шкура и мех животных), слой внутренний (сеть «контактных барьеров»: ср. органы чувств эпидермы или кортикальная пленка). Внутренний слой защищен от экзогенных, но не от эндогенных количественных состояний.

7. Экран для отражения количеств (который Фрейд, начиная с работы 1920 г. «По ту сторону принципа удовольствия», называет «защитой от раздражителя» (*Rieszschutz*)) защищает нервный аппарат (который Фрейд вскоре назовет психическим) от интенсивности возбуждений внешнего происхождения; он образует экран. Контактные барьеры, с одной стороны, принимают то, что этот экран пропустил из внешних возбуждений, с другой, напрямую получают возбуждения внутреннего происхождения (связанные с фундаментальными потребностями). Их функция теперь заключается не в количественной защите, а в фракционировании количества и фильтровании качества. Их структура теперь не экран, а скорее «решето» (*Sieb*). Сочленение экрана и решета дает конфигурацию, прибегая к современной терминологии, решетчатой сетки. Рис. 13, выполненный Фрейдом в рукописи «Набросок психологии», в общих чертах обрисовывает эту конфигурацию, эксплицитно обозначаемую Фрейдом как структура разветвления и представляющую неким вариантом правой части схемы словесного представления в 1891 г.

Вот отрывок текста Фрейда, относящегося к этому рисунку.

«Кажется, здесь существует некое особое устройство, которое удерживает Q вдалеке от ϕ . В частности система чувствительных

¹ [Ibid. S. 398.]

проводящих путей ϕ имеет своеобразное строение: они без конца разветвляются и дают пути более широкие или более узкие с многочисленными окончаниями».

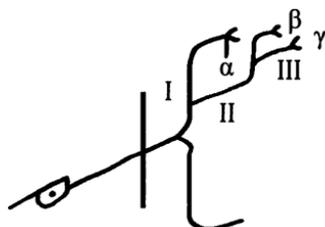

Рис. 2

«Более сильный раздражитель идет иными путями, нежели более слабый. (Ср. рис. 2.) Например, $1(Q\eta)$ пойдет только по пути I и на конечном участке α перенесет одну фракцию на ψ . $2(Q\eta)$ {то есть количественное состояние, в два раза превышающее $1(Q\eta)$ }, в α не станет переносить двойную фракцию, но сможет также пойти путем II, более узким, чем I, и открыть второй участок окончания (β) типа ψ . $3(Q\eta)$ откроет самый узкий путь [III] и также будет осуществлять перенос через γ . Таким образом отдельный путь ϕ будет освобожден от нагрузки, наибольшее количество в ϕ выразится в том, что загрузит в ψ несколько нейронов вместо одного» (S. E., I, p. 314–315; tr. fr., p. 333–334)¹.

Все это затрагивает обработку количественного состояния. Однако контактные барьеры имеют также функцию обработки качества, то, что, собственно говоря, является их функцией фильтрования. Внешние стимуляции, помимо количественного состояния, имеют характерный цикл (S. E., I, p. 313, прим. 2; tr. fr., p. 332, прим. 1), проходящий через аппараты нервных окончаний и движимый грузками типа ϕ и ψ , который при прибытии к ω (третьему типу нейронов, придуманных Фрейдом в качестве подспорья процессов восприятие-сознание) становится качественным параметром. Данное понятие цикла — одновременно дань уважения Флиссу (различавшему маскулинное и феминное или отмечавшему критические моменты существования в зависимости от их цикла), некое смещение к психологии феномена, знакомого физикам, и принятие во внимание переменной

¹ [Ibid. S. 407.]

времени психического аппарата. (Добавлю, что это интуиция роли резонанса или ритмического диссонанса в установлении Я-кожи или ее проколов). Количественное состояние, образующее внешний континуум, «в одном направлении *сокращено*, в другом *ограничено вырезкой*». Зато качественные величины прерывисты, «так что некоторые периоды никак не действуют как раздражители» (S. E., I, p. 313; tr. fr., p. 332—333)¹.

«Количество возбуждения ϕ проявляется в ψ путем усложнения, а качество — путем топики, так как согласно анатомическим отношениям отдельные органы чувств сообщаются через ϕ только с помощью определенных нейронов ψ » (S. E., I, p. 315; tr. fr., p. 334)².

Можно было бы резюмировать эту шестую функцию контактных барьеров, сказав, что они служат для отделения количества от качества и для приведения к сознанию восприятия чувствительных качеств, в частности удовольствия и боли.

8. Следствием их свойств, относящихся к количественному состоянию, является то, что блок нейронов типа ψ в отличие от нейронов типа ϕ может регистрировать изменения и служить подспорьем для памяти. Именно изменение посредством прохода «дает возможность для отображения памяти» (S. E., I, p. 299; tr. fr., p. 319)³.

«Память представлена различиями в передаче нервного импульса, существующими между нейронами типа ψ » (S. E., I, p. 300; tr. fr., p. 320)⁴. «Существует основной закон ассоциации по одновременности, который <...> является основой для всех соединений между нейронами. Мы узнаем, что сознание, то есть количественная нагрузка, переходит с ψ -нейрона α на второй, β , если α и β однажды одновременно были загружены из ϕ (или откуда-то еще). Таким образом, одновременная нагрузка α — β установила контактный барьер» (S. E., I, p. 319; tr. fr., p. 337)⁵.

Помимо весьма специфического опыта удовлетворения существует разделение между памятью и восприятием. Для обоснования этого разделения Фрейд вывел два типа нейронов, одни способны меняться

¹ [Ibid. S. 406.]

² [Ibid. S. 408.]

³ [Ibid. S. 392.]

⁴ [Ibid. S. 393.]

⁵ [Ibid. S. 411.]

длительное время, то есть бывать под воздействием передачи нервного импульса (нейроны ψ), другие не способны изменяться, они всегда готовы принять новое возбуждение, или, скорее, способны изменяться мимолетно, поскольку позволяют пересекать себя количественными состояниями, возвращаясь к своему прежнему состоянию после прохода возбуждения (нейроны ϕ). Однако это разделение памяти и восприятия, если его не относить целиком к действию контактных барьеров, невозможно без последних.

Решетчатая сетка контактных барьеров создает таким образом то, что я предлагаю назвать поверхностью записывания, отличающейся от экрана для отражения количеств, к которому она в целях своей защиты примыкает.

В заключение, контактные барьеры имеют функцию тройного деления: бессознательного от сознательного, памяти от восприятия, количества от качества.

Их топография напоминает двустороннюю асимметричную оболочку (но понятие оболочки еще не утверждено Фрейдом), одна сторона обращена к возбуждениям внешнего мира, переданным с помощью нейронов ϕ , и она находится под защитой экрана для отражения количеств; внутренняя сторона обращена к *Körperinnerperipherie* (внутренней периферии тела). Эндогенные возбуждения могут быть признаны только путем их отнесения к предыдущему случаю, то есть путем проецирования во внешний мир, связывания с визуальными, слуховыми, тактильными и прочими представлениями (ср. «дневные остатки» сновидения) и, наконец, путем записывания с помощью сетки контактных барьеров. Из этого следует, что влечения можно идентифицировать только через их психические представления.

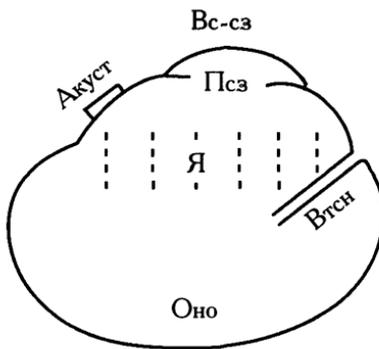
Однако психическая система не автономна, и Фрейд это хорошо отмечает: в самом начале она находится во власти *Hilflosigkeit* (беспомощности) и требует вмешательства матери в качестве источника психической жизни.

Я КАК ИНТЕРФЕЙС

В 1923 г. во второй главе «Я и Оно» (главе, озаглавленной «Я и Оно») Фрейд вновь определяет понятие Я с целью сделать из этого одну из главных частей своей концепции психического аппарата.

Это определение проиллюстрировано схемой, которой долгое время пренебрегали французские переводчики и комментаторы Фрейда, она опирается на сравнение геометрического характера. Чертеж

диаграммы и текст сравнения идут в одном направлении: в основном психический аппарат больше не мыслится в экономической перспективе (то есть в количественных трансформациях психической энергии); преобладает значимость топографической перспективы; бывшая топка (сознательное, предсознательное, бессознательное) сохраняется, но она основательно обновлена прибавлением понятий Я и Оно, впечатанных поверх схемы. Психический аппарат становится репрезентативным с топографической точки зрения и способным к концептуализации по отношению к субъективной топике.

Сокращения, приведенные выше, являются переводом сокращений, использованных Фрейдом.

Вс-Сз	Восприятие-сознание	(W-BW)	(<i>Wahrnehmung-Bewusstsein</i>)
Псз	Предсознание	(Vbw)	(<i>Vorbewusste</i>)
Акуст	Акустические (восприятия)	(Akust)	(<i>Akustischen Wahrnehmungen</i>)
Я	Я	(Ich)	
Оно	Оно	(Es)	
Втсн	Вытесненное	(Vdgt)	(<i>Verdrängte</i>)

В таком виде эта схема представлена Фрейдом в работе «Я и Оно» (G. W., XIII, p. 252; S. E., 19, p. 24–25; nouv. tr. fr., p. 237).

«Мы сразу же понимаем, что почти все различия, которые патология дала нам для описания, относятся только к поверхностным слоям душевного аппарата, единственным, которые мы знаем. Мы могли бы сделать набросок рисунка, показывающего эти связи, рисунок, контуры которого, разумеется, приводятся здесь только для того, чтобы

обозначить изображение, не претендуя на особое толкование¹. Может быть, мы добавим, что Я носит «акустический колпак» (*Hörkappe*) и к тому же только с одной стороны, как об этом свидетельствует анатомия мозга? На Я колпак надет косо».

Сравнение топографического характера фигурирует в предшествующем и следующем за этой схемой тексте Фрейда много раз:

«Мы уже знаем, за что здесь зацепиться. Мы сказали², что сознание — это поверхность душевного аппарата, то есть мы его отнесли как функцию к некоей системе, которая пространственно является первой от внешнего мира. Пространственно не только, впрочем, в смысле функции, но на этот раз также в смысле анатомического расчленения. Наше исследование также должно принять эту воспринимающую поверхность за точку отправления» (G. W., XIII, p. 246; S. E., 19, p. 19; nouv. tr. fr., p. 230).

После такого описания сознания в виде интерфейса появляется сочленение «коры» и «ядра»; Я эксплицитно обозначается как психическая «оболочка». Эта оболочка не только контейнирующий мешок; она играет активную роль в установлении контакта между психикой и внешним миром, а также роль сборщика и передатчика информации.

«Индивидуум, таким образом, является, по нашему мнению, неким психическим Оно, непознанным и бессознательным, на поверхности

---

¹ Комментаторы, на мой взгляд, ошиблись, приняв это предупреждающее заявление буквально. Фрейд слишком много раз подчеркивал посредническую роль пиктограмм между предметными представлениями и вербальной мыслью, опираясь на написание букв (не достаточно ли было в конце концов расшифровать ребус сновидения), чтобы не «увидеть» в этой схеме предконцепции, которые он еще не может вербализовать и которые находятся в стадии фигуративной мысли. Что касается меня, я смог проверить действие этой схемы, развернув ее в пространстве психодрамы в большой группе и облегчив тем самым строение группового психического аппарата (D. Anzieu, 1982a).

² Фрейд ссылается на работу «По ту сторону принципа удовольствия» (Freud, 1920g), гл. 4, где он вводит окончательное сравнение психического аппарата с протоплазматическим пузырем. Система Вс-Сз, аналогичная церебральной эктодерме, описана в ней как система, имеющая кору. Ее расположение «на границе, разделяющей внешнее и внутреннее», позволяет «принимать возбуждения с обеих сторон» (G. W., XIII, p. 29; S. E., 18, p. 28–29; nouv. tr. fr., p. 65). Сознательная «кора» психики предстает, таким образом, как нечто, что математики называют теперь «интерфейсом».

которого расположено Я, развившееся из системы Вс как своего ядра. Если мы стремимся изобразить предметы графически, мы добавим, что Я обволакивает Оно не полностью, а только в той мере, в какой поверхность Оно образована системой Вс, то есть примерно так, как зародышевый диск располагается на яйце. Нет четкой границы между Я и Оно, они сливаются вместе в своей нижней части»¹. (G. W., XIII, p. 252; S. E., 19, p. 24–25; nouv. tr. fr., p. 237). (G. W., XIII, p. 251; S. E., 19, p. 243; nouv. tr. fr., p. 236).

Фрейд не нужно напоминать здесь об одном из фундаментальных принципов психоанализа, согласно которому все, что психично, развивается в постоянной референции к телесному опыту. Двигаясь прямо к результату таким лаконичным способом, что он может показаться эллиптическим, он уточняет, из какого телесного опыта специфически берет начало Я: психическая оболочка исходит из опоры на телесную оболочку. В частности он указывает на «прикосновение», а кожа косвенным образом фигурирует в выражении «поверхности» «собственно тела»:

«В появлении Я и его отделении от Оно, кажется, играет роль еще один момент, кроме влияния системы Вс. Собственное тело, и особенно его поверхность, является местом, из которого могут исходить одновременно внешние и внутренние восприятия. Оно [тело] видится как посторонний объект, но в то же время оно дает прикосновению ощущения двух типов, один из которых может быть равным внутреннему восприятию»² (G. W., XIII, p. 253; S. E., 19, p. 25; nouv. tr. fr., p. 238).

Я у Фрейда в своем первоначальном состоянии прекрасно соответствует тому, что я предлагаю называть Я-кожей. Более плотное изучение телесного опыта, на который опирается Я для своего конституирования, привело бы к принятию во внимание как минимум двух других факторов, пренебрегаемых Фрейдом: ощущений тепла и холода, также обеспечивающихся кожей; и дыхательных обменов, сопутствующих эпидермическим и, может быть, даже представляющих один из их особых вариантов. По отношению ко всем другим

¹ Впрочем, Фрейд говорит о том, что Я — это внутренняя дифференциация от Оно. Клинические наблюдения хорошо подтверждают фрейдовскую идею о промежуточном пространстве, связывающем Я и Оно (ср. переходная зона у Винникотта).

² Фрейд выделяет слова «видится» и «прикосновение», деталь, опущенная в новом переводе на французский язык.

сенсорным регистрам тактильное обладает отличительной характеристикой, перемещающей его не только в истоки психики, но и позволяющей ему постоянно поставлять для психики нечто, что можно назвать психическим фоном, фоновым полотном, в которое психическое содержимое вписывается как фигуры, или контейнирующей оболочкой, способствующей тому, чтобы психический аппарат был способен иметь содержимое (в этой второй перспективе, используя слова Биона (Bion, 1967), я бы сказал, что сначала появляются мысли, а затем «мыслительный аппарат»: к Биону я добавляю, что переход мыслей в мышление, то есть к конституированию Я, происходит с помощью двойной опоры на отношение контенант — содержимое, это то, что мать применяет в отношении к своему малышу, как это хорошо увидел данный автор, и на отношение, представляющееся мне решающим, а именно: контейнирование экзогенных возбуждений, отношение, в котором собственная кожа — стимулированная, разумеется, в первую очередь матерью, — приносит ребенку опыт). Тактильное на самом деле поставляет одновременно восприятие «внешнее» и восприятие «внутреннее». Фрейд делает намек на тот факт, что я чувствую объект, прикасающийся к моей коже, и в то же самое время чувствую свою кожу, к которой прикасается объект. Впрочем, очень быстро — это известно и очевидно, — эта биполярность тактильного становится предметом активного исследования со стороны ребенка: своим пальцем он сознательно касается частей своего тела, он подносит большой палец руки или ноги к своему рту, экспериментируя таким образом одновременно с дополнительными позициями и объекта, и субъекта. Можно подумать, это раздвоение, присущее тактильным ощущениям, подготавливает рефлексивное раздвоение Я сознательного, опирающегося на тактильный опыт.

Фрейд пропускает это звено в цепи, которое я только что установил, чтобы сделать напрашивающееся заключение:

«Я в первую очередь — это некое телесное Я (*Körperliches*), оно не только поверхностное существо (*Oberflächenwesen*), но оно само — проекция некой поверхности» (G. W., XIII, p. 253; S. E., 19, p. 26; nouv. tr. fr., p. 238).

Именно в этом отрывке находится добавленное в 1927 г. с разрешения Фрейда в английской редакции следующее примечание, важные английские термины которого я привожу в кавычках и для которого даю свой личный перевод:

«Иначе говоря, Я происходит в конечном счете из телесных ощущений, главным образом из тех, что имеют свой источник на поверхности тела. Его можно рассматривать как психическую проекцию поверхности (*surface*) тела и к тому же рассматривать его, мы это видели выше, как репрезентант поверхности (*superficies*) психического аппарата» (S. E., 19, p. 26, прим. I; nouv. tr. fr., p. 238, прим. 5).

Последняя строка главы II работы «Я и Оно» повторяет то же самое фундаментальное высказывание, сгущая его: «Я сознательное является прежде всего неким телесным Я (*Körper-Ich*)» (G. W., XIII, p. 255; S. E., 19, p. 27; nouv. tr. fr., p. 239). Прокомментируем: видимо, сознание появляется на поверхности психического аппарата, и даже более того, оно и есть эта поверхность.

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТОПОГРАФИЧЕСКОЙ СХЕМЫ ПСИХИЧЕСКОГО АППАРАТА

Схема 1923 г. была подхвачена с некоторыми изменениями в 1932–1933 гг. в 31-й лекции «Новых лекций по введению в психоанализ» (G. W., XV, p. 85; S. E., 22, p. 78; nouv. tr. fr., «Разрушение психической личности», p. 108).

Два главных изменения имеют важные последствия. Первое — это появление *Сверх-Я*, располагающегося *внутри Я* вместо «акустического колпака», размещавшегося в 1923 г. на этом же месте,

но с внешней стороны. В обоих случаях Сверх-Я прилегает к периферии Я, но то с внутренней стороны, то с внешней. Хотя у Фрейда идея этого остается имплицитной, к тому же она подсказана одновременно и текстом, и схемой, экстерриториальность Сверх-Я или его периферическая интериоризация соответствует разным фазам развития психического аппарата, а также различным психопатологическим формам; они, таким образом, задают в психоаналитическом лечении диверсифицированные формы интерпретации. Отметим также другой аспект топографического статуса Сверх-Я, заключающийся в том, что оно занимает только одну дугу круга психического аппарата; отсюда возможность (и необходимость), в продолжение интуиции Фрейда, описания одного типа психопатологической организации, в котором Сверх-Я тяготеет к равнообъемности на всей поверхности Я и стремится занять его место в качестве психической оболочки.

Второе изменение, отмеченное на этой новой схеме, — раскрытие книзу оболочки, полностью окружавшей психический аппарат в 1923 г. Это раскрытие материализует непрерывность Оно и его влечений посредством тела и биологических потребностей, но ценой некой прерывности на поверхности. Этим подтверждается неудача конституирования Я в тотальной оболочке психики (неудача, отмеченная уже в 1923 г.). Это то, что имплицитно антагонистическую тенденцию, без сомнения, более архаичную со стороны Оно, тоже предъявляющего себя в качестве глобальной оболочки. Это двойное напряжение (между непрерывностью и прерывностью психической поверхности, между соответствующими естественными склонностями Сверх-Я, Я и Оно, конституирующими эту оболочку) находит решение в некой множественности клинических конфигураций и вызывает интерпретационные стратегии, присущие избытку или недостатку непрерывности или прерывности и экспансивности той или иной оболочки. Эти рассуждения не фигурируют в тексте Фрейда эксплицитно, но, мне кажется, они явно присутствуют на этой новой схеме.

Мимходом я указал многие характеристики психического аппарата, намеченного Фрейдом в 1925 г. благодаря модели материального технического изобретения — вечного блокнота или грифельной доски. Приведем резюме этих характеристик.

- Двухслойная структура Я; слой поверхностный из целлулоида является конфигурацией защиты от раздражителей (ср. панцирь, шкура, мех); нижний же слой из восковой бумаги отображает сенсорное восприятие экзогенных возбуждений и записывание их следов на восковой доске.

- Дифференциация, внутренняя для Я, восприятия (сознательного) как поверхности бдительной и чувствительной (целлулоидный слой), но не сохраняющей, и памяти (предсознательной), записывающей и сохраняющей записи (восковая доска).

- Эндогенная, то есть влеченческая, загрузка системы Я посредством Оно; эта загрузка «периодическая», «зажигает и гасит» сознание, обрекает его на прерывность и предоставляет первичную репрезентацию времени для Я.

Предлагаю дополнить это последнее предположение Фрейда тем, что Я приобретает чувство своей временной непрерывности в той мере, в которой Я-кожа конституирует себя как оболочка, достаточно гибкая к взаимодействиям с окружением и достаточно контейнирующая то, что становится психическим содержимым. Пациенты так называемых пограничных состояний серьезно страдают от нарушений чувства непрерывности Самости, тогда как у психотиков нарушено чувство единства Самости, невротики же чувствуют угрозу своей сексуальной идентичности. Соответствующие топографические конфигурации требуют определения и эксплицитности, начиная с фрейдовской схемы, представленной в работах «Я и Оно» и «Заметки о „чудо-блокноте“», и развивая, а также перерабатывая ее в клинических целях.

ФЕДЕРН: ЧУВСТВА Я, ЧУВСТВА ФЛУКТУАЦИИ ФРОНТИРОВ Я

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ ФЕДЕРНА

У каждого психоаналитика есть одна-две любимые области, где он практикует свой самоанализ. Для Зигмунда Фрейда это были ночные сновидения или, скорее, изложения, которые он делал устно и письменно себе или Флиссу на протяжении дня: сначала он их воспроизводил, а затем с помощью ассоциаций идей анализировал их структуру. Сновидение — это царская дорога, ведущая к познанию бессознательного: Фрейд утверждал это, поскольку для него самого это было бесспорно. В Вене примерно через тридцать лет Пауль Федерн (1871—1952) продолжил открытия Фрейда, заинтересовавшись переходными состояниями: скорее не сновидениями, которые мы видим во сне, и не оговорками и ошибочными действиями, которые мы допускаем при пробуждении, а переходами между бодрствованием и сном, между сном и бодрствованием, и особенно между уровнями бодрствования Я. Какие же образы тела формируются или деформируются в этом случае в психическом аппарате? Какое чувство

испытывает Я-психическое в отношении самого себя? Как оно отделяется и как смешивается с Я-телесным? Наблюдение за своими собственными гипнагогическими галлюцинациями в процессе ежедневного засыпания и пробуждения, эксклюзивные эксперименты, такие как предоперационная анестезия или (хотя для него это явно не состояние) креативная регрессия, сравнительный анализ материалов, полученных от пациентов, переживших не только аналогичные ситуации, но и гипноз или некие критические моменты при деперсонализации и отчуждении, постепенно открыли Федерну другой путь, может быть, менее «царский», к пониманию психозов и их психоаналитическому лечению.

Это последнее начинание рассматривалось Фрейдом как невозможное: и Федерн посвящает себя этому только после смерти учителя, иммигрировав в Соединенные Штаты. Усилие Фрейда было направлено на сравнение сновидения и невроза. Так, ночное сновидение является галлюцинацией, то есть психотическим моментом. Какова подготовка к этой галлюцинации и как она постепенно выстраивает ступени, ведущие ко сну, какую диссоциацию она производит внутри Я и между Самостью и внешним миром, через какие этапы проходит субъект, выныривая из нее при пробуждении, — вот единственное экспериментальное поле, которое Федерн обозначил для себя в период 1924—1935 гг.¹ Он выяснил, каким образом человеческое существо становится психотиком, когда то, что Блон называет психотической частью личности, начинает доминировать в его психическом функционировании; и как его снова можно привести к нормальному состоянию, если установить и укрепить его не-психотическую часть. Уже в Вене Виктор Тауск проявил живой интерес к психозам в целях распространения психоаналитической теории. В своем исследовании под

¹ В 1926 г. Федерн публикует свою статью о чувстве Я одновременно на английском и немецком языках. Его статьи по нарциссизму, по вариациям чувства Я в сновидениях и при пробуждении появляются в период между 1927 г. и 1935 г. В 1952 г. они были объединены с его поздними статьями по лечению психоза в один труд, переведенный на французский язык в 1979 г., под названием «Психология Я и психозы», откуда взяты следующие отрывки. Федерн интересуется некой особой формой аффектов, чувствами Я (это скорее психические состояния, а не аффекты). Параллельно этому другой венский психиатр, пришедший затем в психоанализ, Пауль Шилдер (1886—1940), склоняется к нарушениям сознания Самости (Schilder, 1913), к нейрологическому понятию телесной схемы (Schilder, 1923), и после быстрой иммиграции в Соединенные Штаты в 1930 г. он публикует в 1933 г. свою хорошо известную статью «Образ тела» (см. Schilder, 1950). Эти два исследования одновременно игнорируют и дополняют друг друга: Шилдер делает очевидным бессознательные представления, а Федерн — предсознательные чувства.

названием «О возникновении “аппарата влияния” при шизофрении» Тауск (Tausk, 1919) предугадал кардинальное отличие Я-психического и Я-телесного. Но его больше интересовал делирий, нежели галлюцинация, а погружение в психоз занимало его мышление сильнее, чем процессы возможного высвобождения. Источник этого интереса, без сомнения, скрывался в личных причинах, в итоге приведших его к ужасному суициду в 1919 г. через несколько месяцев после появления указанной статьи.

Пауль Федерн размышлял о границах. Он представлял границу не как препятствие, барьер, а как условие, позволяющее психическому аппарату устанавливать дифференциации внутри него самого, а также между тем, что является психическим, и тем, что им не является, между тем, что исходит от Самости, и тем, что идет от других. Федерн предвосхищает понятие физико-математического интерфейса. Необходимо разделение, спровоцированное этим интерфейсом для того, чтобы локальные режимы оставались обособленными. Форма интерфейса меняется в зависимости от числа участков и от природы этих режимов. Некоторые изменения могут обернуться «катастрофами» (Рене Том определил семь их математических типов). Начиная с этих эффектов интерфейса, становится возможной (по словам Тома) общая наука о происхождении, развитии и трансформации форм — морфогенез. Федерн предвосхитил эпистемологическую модель относительно структуры Я и Самости, и это — вслед за Фрейдом, который в 1913 г., и мы это только что видели, придает для Я структуру поверхности с двумя плоскостями и возводит его в ранг инстанции, обладающей специфическими принципами функционирования. Вторая фрейдова топика дает Федерну рамки, в которых он может осуществлять собственные открытия, рамки, служащие ему упором и в то же время вызывающие у него вопрос об их фронтах. В этом проявляется его верность Фрейду: он сохраняет добавляя¹. Фрейд особенным образом интересовался ядром, бессознательным как ядром психики,

---

¹ Федерн входит в первую маленькую группу, собирающуюся вокруг Фрейда с 1902 г., «Психологическое общество в среду вечером», в 1908 г. ставшее Венским психоаналитическим обществом. Федерн наряду с Хичманном и Задгером является одним из тех редких членов-основателей, которые остаются в этом обществе вплоть до его разгона нацистами в 1938 г. во времена аншлюса. Когда Фрейд заболевает раком, именно Федерну он доверяет вице-президентство в Венском психоаналитическом обществе. И когда приходит время иммиграции, именно Федерну он передает оригинал протоколов Венского психоаналитического общества. Федерн увозит рукопись в свое американское убежище и хранит его с целью последующего издания, которое осуществил его сын Эрнст при сотрудничестве с Г. Нунбергом.

эдиповым комплексом как ядром воспитания, культуры, невроза. Параллельно с Паулем Шилдером, разрабатывавшим в этот момент понятие образа тела, Федерн обратил свое внимание на кору, на феномены бордюра. Фрейд описывает первичные и вторичные психические процессы; Федерн, наряду с процессами, изучает состояния Я, без знания и интерпретации которых психоаналитическое лечение нарциссических личностей остается неполным и неэффективным. Но он это делает по схеме, обозначенной Фрейдом (Freud, 1914c) в статье «К введению нарциссизма».

По словам Федерна, фронтиры Я находятся «в постоянном изменении». Они варьируются в зависимости от индивида, от времени дня или ночи, от фазы его жизни и они заключают в себе различное содержание. Думаю, это утверждение можно понять, связав его с психоаналитическим лечением: во время сеанса психоаналитик обязан быть внимательным не только к содержанию и свободным ассоциациям, но и к флуктуациям Я пациента; он должен отмечать моменты, когда появляются эти флуктуации, и развивать у Я пациента достаточное сознание (способное продержаться до конца психоанализа) о модификациях собственных фронтиров. Из этого вытекает вероятность и эффективность интерпретации: речь, по словам Федерна, воздействует, связывая два фронта Я, то, что, в свою очередь, вызывает модификации экономики либидо: «статические» загрузки влечения могут занимать место «мобильных» нагрузок.

ЧУВСТВА Я

Чувство Я, согласно Федерну, присутствует с начала существования, но в расплывчатой форме и с недостаточным содержимым. Я бы добавил, что чувство границ Я еще неопределенно и что имеется некое первичное чувство безграничного Я, вновь испытываемого при деперсонализации и некоторых мистических состояниях. Я также описал это чувство неопределенности границ при индивидуальной регрессии-диссоциации творческого воодушевления (первая фаза работы при создании произведения) или при коллективной регрессии-слиянии групповой иллюзии (D. Anzieu, 1980a). Впрочем, психоаналитическое исследование влюбленной пары показало, что два партнера привязываются друг к другу тогда, когда их психические фронтиры неопределенны, недостаточны или ущербны.

Итак, существует чувство Я, в чем субъект не отдает себе отчета в состоянии нормального функционирования, но которое проявляется

в связи со сбоями последнего. Чувство Я — чувство первичное, постоянное и изменчивое. Я, из которого Фрейд сделал единство, существует: человеческое существо имеет об этом субъективное ощущение, ощущение, а не иллюзию, оно соответствует некоей реальности, которая сама по себе имеет субъективную природу. Я является одновременно и субъектом (его обозначают местоимением «Я»), и объектом (его называют «Самость»): «Я — одновременно проводник и объект сознания. Мы говорим о Я с его способностью проводника сознания как “я сам”» (Federn, 1952, tr. fr., p. 101).

Это чувство Я включает в себя три составных элемента: чувства единства во времени (то есть непрерывности), чувства единства в пространстве в настоящий момент (точнее, некоей близости) и чувства некоей каузальности. Федерн приписывает Я динамизм и гибкость, чего не делал Фрейд. Но, как и Фрейд, он дает топографическую репрезентацию Я: чувство Я создает ядро, и оно (кроме случаев серьезной патологии) постоянно. Чувство фронтиров Я конституирует из него периферический орган: в отличие от того, что происходит с ядром, это второе чувство в нормальном состоянии является чувством постоянной флуктуации фронтиров.

Для системы бессознательного время не существует (отсюда чувство Я без начала и конца, бессмертного Я). Зато система сознательного имеет чувство единства Я во времени: это то, что позволяет ему, в частности, рассматривать события, которые с нами происходят, как хронологическую цепь (отсюда чувство течения прошлого к настоящему, отсюда традиционный порядок повествовательного рассказа). В предсознательном функционировании чувство единства Я во времени очень изменчиво; оно может сохраняться, но лишь частично; в сновидении, если оно не сводится к кратковременной вспышке образа, поддерживается чувство хронологического следования событий (это объясняет то, что множество персонажей как бы отражает различные части Самости субъекта и что сновидение как бы используется создателями в качестве инструмента для открытия посредством анализа структуры прежних знаний и сознательных состояний). Если чувство единства Я во времени исчезает из состояния бодрствования, это ведет к деперсонализации и явлению дежа-вю.

По отношению к своему содержимому чувство Я включает в себя психическое чувство и телесное чувство. Эта дуальность не замечается в нормальной жизни, когда они оба присутствуют; их также не удастся различать, если не обращать внимания на процессы, такие

как пробуждение или засыпание, когда они разделены (трудность заключается в том, чтобы сохранить достаточное внимание в этих психических состояниях, отмеченных снижением бдительности). В этом также существует некое третье чувство, чувство флуктуирующих фронтиров между Я-психическим и Я-телесным. В состоянии бодрствования Я-психическое ощущается внутри Я-телесного. Я-телесное, опираясь на периодичность телесных процессов, приобретает объективную оценку времени (сознательную и предсознательную, позволяющую нам, например, вовремя проснуться), зато интенсивность Я-психического в наших сновидениях, соединенная с отсутствием опыта времени в бессознательном, объясняет аномальное ощущение скорости и растянутости времени в сновидении. Психическое ощущение Я (или чувства Я-психического) имеет рациональную формулировку «я мыслю, значит, существую». Оно обеспечивает субъекту сохранность и чувство собственной идентичности. Оно часто ассоциируется со Сверх-Я и остается чисто психическим (так как Сверх-Я, не имеющее выхода на мобильность, может воздействовать на внимание, но не на волю). Например, влечения и навязчивые идеи идут от Сверх-Я и сопровождаются чувством (изменяющимся в зависимости от количества бессознательной загрузки) того, что они находятся на стадии достижения моторной разрядки, к которой они в реальности никогда не придут (отсюда такое острое чувство Я-психического у одержимого человека). Психическое чувство Я — это чувство «некоего внутреннего Я». Это чувство флуктуирующее: психические процессы могут перестать относиться к внутреннему Я-психическому, то есть не признаваться как психические; при истерическом неврозе они конвертируются в телесные феномены; при психозе они проецируются во внешнюю реальность.

Телесное чувство Я — «это унифицированное чувство либидинозных нагрузок моторных и сенсорных аппаратов» (Ibid., p. 33). Оно «разнородно»: включает в себя различные чувства, не идентифицируясь ни с одним из них; например, сенсорные и моторные воспоминания относительно нашей собственной персоны, единство восприятия нашего собственного тела относительно соматической организации.

ЧУВСТВА ФРОНТИРОВ Я

Человеческое существо имеет бессознательное чувство фронта между Я-психическим и Я-телесным. Впрочем, оно имеет бессознательное

чувство фронта между Я и Сверх-Я. Рассмотрим с помощью Фелдмана, каким образом чувства этих фронтов вклиниваются в переходные состояния.

Засыпание диссоциирует, с одной стороны, психическое и телесное чувство Я, с другой — Я и Сверх-Я:

«При уходе от нагрузок, сопровождающих внезапное засыпание, телесное чувство Я исчезает быстрее психического чувства Я или чувства Сверх-Я. Я-телесное может полностью исчезнуть во время засыпания, и его можно заново нагрузить и разбудить с помощью остающегося бодрствующим Я-психического. Таким образом нам удастся сознательно отодвинуть сон. Вероятно, у большинства резко засыпающих людей Сверх-Я теряет свою загрузку перед Я» (Ibid., p. 34).

В случае нормального процесса пробуждения 1) Я-телесное и Я-психическое просыпаются одновременно, с небольшим опережением психического чувства Я, но без всякого чувства чуждости: мы себя с удовольствием обнаруживаем в начале нового дня и 2) Сверх-Я просыпается только после Я. Когда же пробуждение происходит на выходе из сновидения, Я-психическое просыпается первым, а Я-телесное находится в отрыве от него; собственное тело может даже галлюцинировать как чужое.

Именно *потеря сознания* является кульминацией в разрыве связи между двумя чувствами; разрыв, лежащий в основе иллюзии раздельного существования души и тела.

Нормальные сновидения, воскрешенные в памяти как полные и стойкие, бывают двух видов:

а) большинство из них выявляет отсутствие любого телесного чувства; Я в сновидении сводится к Я-психическому; тело лишено либидо, регрессировавшего к Оно и не направляющегося снова к Я-телесному; в ходе регрессии Я встречается с объектными представлениями, а загрузка либидо активизирует их до такой степени, что иллюзия кажется реальностью; хотя сновидение и яркое, спящий все не чувствует своего тела;

б) иногда, напротив, психическое чувство Я отсутствует, и тело испытывает живые ощущения; это «типичные» сновидения полета, плавания, обнаженности; в них спящий репрезентирует самого себя, а фрагментарные объекты только случайно фигурируют в его сновидении; оживляются именно детали декора, пейзажа, людей (цвет, яркость), то есть внешней реальности.

Наблюдение за Эдгаром¹

В сновидении либидинозная загрузка недостаточна для того, чтобы одновременно имела место репрезентация и желаемого объекта, и тела; если нагружены оба чувства Я, психическое и телесное, спящий просыпается.

«Один пациент, не страдающий деперсонализацией в состоянии бодрствования, дал мне замечательный пример различия между Я-психическим и Я-телесным. Ему приснилось сексуальное сновидение, необычайно полное и яркое, с весьма живой объектной презентацией и чувством Я приятного сексуального характера. Действие в сновидении происходило в его спальне, но не в его кровати. Он резко проснулся и обнаружил себя в своей постели в состоянии полной деперсонализации; у него было чувство, что его тело лежало рядом с ним и не принадлежало ему. Его психическое Я проснулось первым. Телесное чувство Я не проснулось вместе с Я-психическим, потому что для пробуждения телесного чувства Я необходимо либидо, пригодное для нарциссического использования, а в описанном сновидении все либидо было загружено в очень яркую презентацию объекта. Этот необычный случай ясно демонстрирует, что загрузка Я находится в компенсаторной связи с загрузкой сексуального объекта» (Ibid., p. 38).

ЧУВСТВА ФЛУКТУАЦИИ ФРОНТИРОВ Я

Рассмотрим теперь вариации загрузки либидо для чувства фронтиров Я и их последствия — *чувства чуждости или экстаза*.

«Каждый раз, когда имеется изменение загрузки чувства Я, у нас появляется чувство “фронтиров” нашего Я. Каждый раз, когда возникает впечатление, соматическое или психическое, оно нарушает некий фронт Я, обычно нагруженный чувством Я. Если нет никакого чувства Я на этом фронтире, у нас появляется чувство того, что впечатление, о котором идет речь, нам чуждо. И пока впечатление не посягнет на фронт чувства Я, мы не осознаем границ Я. И психическое, и телесное чувство Я может быть активным или пассивным» (Ibid., p. 70).

¹ Это я дал такое имя неизвестному пациенту Федерна.

Чувство Я является первоначальной нарциссической загрузкой Я. В самом начале у него нет никакого объекта. Позднее, когда объектные загрузки либидо достигают фронта Я с внешним миром или нагружают ее, а затем отступают, возникает вторичный нарциссизм.

«Степень состояния загрузки, конституирующей Я, варьируется; ее фронтир в какой-то определенный момент выступает фронтиром Я и в качестве такового проникает в сознание. Когда фронтир Я нагружен интенсивным либидинозным переживанием, но его содержимое не постигается разумом, результатом будет чувство экстаза; когда же, с другой стороны, она постигается только разумом, но не переживает-ся, возникает чувство чуждости» (Ibid., p. 102).

Когда внешний фронтир Я теряет свою загрузку, внешние объекты, продолжая четко восприниматься субъектом, даже интересуя его, переживаются как чуждые, незнакомые и даже нереальные (это то, что приводит к потере чувства реальности). В процессе выздоровления увеличение загрузки либидо на фронтире делает восприятие объектов более теплым и ярким. Объект воспринимается как реальный, не требуя какой-либо проверки на реальность, когда а) он исключен из Я; б) производимые им впечатления вторгаются в хорошо нагруженный фронтир Я.

ВЫТЭСНЕНИЕ СОСТОЯНИЙ Я

Вытеснение касается не только фантазматических представлений. Оно также воздействует на состояния Я. Бессознательная часть Я формируется как бы из стратифицированных состояний Я, которые можно разбудить, например, гипнозом или сновидением (а также, на мой взгляд, и креативной регрессией), с их когортой опыта, воспоминаний, тенденций, с которыми они связаны.

При достаточности загрузки Я очень развитое и организованное Я не может поддерживать надлежащую загрузку всех своих фронтиров и поддается захвату со стороны бессознательного и его ложных реалий.

Возврат к прежнему состоянию Я, требуя меньших затрат по загрузке Я, может оказаться средством защиты. Тогда фронтиры Я приводятся к фронтам этого состояния. Отсюда захват сознания со стороны ложных реалий и потеря способности мыслить, что является основными чертами шизофрении.

Лечить психотика, по мнению Федерна, значит помогать ему не тратить, а сохранять свою психическую энергию. Не устранять его вытеснения, а создавать их. Не вести анамнез, поскольку воспоминание о прежних психотических эпизодах может спровоцировать рецидив. Укреплять ослабленный фронтир Я между психической и внешней реальностью. Исправлять ложные реалии и готовить больного к правильному прохождению испытания реальностью. Подвести его к осознанию тройного статуса своего тела: как части Я, как части внешнего мира и как фронта между Я и миром.

ФУНКЦИИ Я-КОЖИ

Я полагаюсь на два основных принципа. Один специфически фрейдистский: любая психическая функция развивается с помощью упора в телесную функцию, деятельность которой она перемещает в психическую плоскость. Хотя Жан Лапланш (Laplanche, 1970) рекомендует сохранять концепцию опоры к обнаруженным сексуальными влечениями упору в органические функции самосохранения, я сторонник более широкого понятия, так как развитие психического аппарата осуществляется по последовательным ступеням отрыва от своей биологической основы, отрывы, которые позволяют ему обходить биологические законы, а с другой стороны, способствуют поиску опоры на функции тела для всех психических функций. Второй принцип, с которым Фрейд также был знаком, — джексоновский: развитие нервной системы в процессе эволюции имеет одну особенность, не встречающуюся среди других органических систем, а именно то, что орган, формирующийся в самую последнюю очередь и ближе всего расположенный к поверхности — кора головного мозга, — стремится к созданию системы, интегрируя другие нейробиологические подсистемы. То же самое происходит и с сознательным Я, стремящимся занять в психическом аппарате поверхность, находящуюся в контакте с внешним миром, и контролировать функционирование этого аппарата. Известно также, что кожа (поверхность тела) и мозг (поверхность нервной системы) берут начало из одной эмбрионной структуры — эктодермы.

Для такого психоаналитика, как я, кожа имеет основополагающее значение: она поставляет психическому аппарату конституирующие

репрезентации Я и его основных функций. Данная констатация вписывается, в свою очередь, в рамки общей теории эволюции. Речь идет не только об увеличении и усложнении мозга от млекопитающих до человека. Кожа утрачивает свою грубость и мех. Волосы сохраняются только на черепе, увеличивая его защитную функцию для мозга, а также вокруг отверстий на лице и туловище, усиливая тем самым чувствительность и даже чувственность. Как продемонстрировал Имре Херманн (Herzmann, 1930), удовлетворение влечения цепляния детеныша к своей матери у человеческого рода становится более затруднительным, обрекая его представителей на ранний и стойкий страх потери защиты, отсутствия поддерживающего объекта, а также на беспомощность, квалифицирующуюся первородной. В противовес этому у человеческого детеныша большую важность приобретает влечение привязанности, тем более что детство человека пропорционально продолжительнее, чем у других видов. Это влечение имеет целью фиксацию у матери, а впоследствии и у семейной группы, сигналов — улыбка, нежность контакта, физическая теплота объятий, разнообразие сонорной передачи, крепкое держание при ношении, убаюкивание, готовность к кормлению, уход, сопровождение, — которые, с одной стороны, подают знаки о внешней реальности и контакте с ней, с другой, об аффектах, испытываемых партнером, в частности в ответ на аффекты младенца. Здесь мы уже не в регистре удовлетворения жизненных потребностей самосохранения (питание, дыхание, сон), на которых сексуальные и агрессивные желания будут строиться путем установления опоры, а в регистре коммуникации (довербальной и инфралингвистической), в которой речевой обмен находит подходящий момент для опоры.

Оба регистра нередко функционируют одновременно: например, сосание дает возможность для тактильной, визуальной, сонорной, обонятельной коммуникации. Однако известно, что материальное удовлетворение жизненных потребностей, систематически лишенное этих чувственных и аффективных обменов, может привести к госпитализму или аутизму. Фактом является также и то, что с ростом малыша доля общения, отводимая им и его коммуникативным окружением независимо от влияния самосохранения, увеличивается. Первоначальная коммуникация в реальности, а еще более в фантазме, — коммуникация прямая, без посредников, кожа к коже.

Фрейд в работе «Я и Оно» (Freud, 1923b) показал, что не только механизмы защиты и черты характера берут начало из деятельности тела посредством упора и трансформации, то же самое относится

и к психическим инстанциям: психические влечения, образующие Оно, зарождаются в биологических инстинктах; то, что он называет Сверх-Я, «имеет акустические корни», а Я образуется прежде всего из тактильного опыта. К чему, мне кажется, необходимо добавить, что предсуществует некая архаическая, может быть, первоначальная топика с ощущением существования Самости: Самость, соответствующая сонорной и обонятельной оболочкам, Самость, вокруг которой проецируются стимуляции как внешнего, так и внутреннего происхождения. Вторичная топика (Оно, Я с приложением Я-идеального, Сверх-Я, образующее пару с Идеалом-Я) организуется, когда визуальная оболочка — в частности, под влиянием первичного запрета прикосновения, — заменяется на тактильную оболочку, чтобы предоставить основную опору для Я, когда предметные представления (главным образом визуальные) связываются в развивающемся предсознании со словесными представлениями (приобретаемыми с освоением речи) и приобретаются дифференциации Я и Сверх-Я, с одной стороны, и внешней стимуляции и возбуждения влечений, с другой.

В своей основной статье 1974 г. о Я-коже я определил три ее функции: функцию контейнирующей и объединяющей оболочки Самости, функцию защитного барьера психики и ведущую к представлению функцию фильтра для обменов и записывания первых следов. Этим трем функциям соответствуют три конфигурации: мешок, экран, решето. Работа Паш «Щит Персея» (Pasche, 1971) привела меня к мысли о четвертой функции — зеркале реальности.

ВОСЕМЬ ФУНКЦИЙ Я-КОЖИ

Теперь я приступаю к выстраиванию более систематизированной параллели между функциями кожи и функциями Я, стараюсь уточнить для каждой способ соответствия между органическим и психическим, типы страхов, связанных с патологиями функции, и конфигурации нарушений Я-кожи, которые нам демонстрирует клиническая картина. Порядок, которого я буду придерживаться, не подчиняется никакому строгому принципу классификации. Я также не претендую на исчерпывающий перечень этих функций, их список остается открытым.

1. Подобно коже, выполняющей функцию поддержания скелета и мышц, Я-кожа выполняет функцию *поддержки* психики. Биологическая функция осуществляется за счет того, что Винникотт (Winnicott, 1962, p. 12—13) назвал *holding*, то есть тем способом, каким мать поддерживает тело ребенка. Психическая функция развивается

через интериоризацию материнского удерживания. Я-кожа — это часть матери, в частности ее руки, — интериоризированная и поддерживающая психику в функциональном состоянии, по крайней мере во время бодрствования, подобно тому, как мать все это время поддерживает тело ребенка в состоянии единства и прочности. Способность ребенка поддерживать себя физически обуславливает его переход к сидению, затем стоянию и ходьбе. Внешний упор в материнское тело дает младенцу возможность приобрести внутренний упор в свой позвоночник как прочную основу, позволяющую ему выпрямиться. Одно из ядер предвосхищения Я заключается в ощущении-образе фаллоса внутри матери или чаще, как правило, родительского фаллоса, которое обеспечивает психическое пространство в процессе выстраивания первой оси вертикального порядка и борьбы против силы тяжести и которое подготавливает к опыту самостоятельной психической жизни. Опираясь именно на эту ось, Я может применять самые архаичные механизмы защиты, такие как расщепление и проективная идентификация. Но использовать это подспорье с полной надежностью оно может только в том случае, если уверено, что через свое тело будет иметь зоны тесного и стабильного контакта с кожей, мышцами и ладонями матери (и людей первичного окружения), а через психику своей матери будет иметь взаимное окружение на периферии своей психики (то, что Сами-Али (Sami-Ali, 1974) определил как «взаимную инклюзию»).

Блез Паскаль, рано оставшись сиротой без матери, активно теоретизировал в области физики, затем психологии и религиозной апологетики на предмет ужаса внутренней пустоты, долго приписываемой Природе, от недостатка поддерживающего объекта, необходимого психике, для того чтобы найти свой центр тяжести. Фрэнсис Бэкон в своих картинах изображает растекающиеся тела, для которых кожа и одежда представляют единство поверхности, но они лишены спинной основы, поддерживающей тело и мышление: кожа заполнена субстанциями скорее жидкими, чем твердыми, таково изображение тела алкоголика¹.

Здесь задействована не фантазматическая инкорпорация кормящей груди, а первичная идентификация с поддерживающим объектом, к которому ребенок прижимается и который держит его; это скорее

---

¹ См. две мои монографии «От ужаса пустоты к мышлению: Паскаль» и «Кожа, мать и зеркало на картинах Фрэнсиса Бэкона», опубликованные в работе «Тело произведения» («Corps de l'oeuvre») (D. Anzieu, 1981a).

удовлетворяющееся влечение цепляния или привязанности, а не либидо. Прижатие тела ребенка к телу матери связано с сексуальным влечением, удовлетворяемым на оральном уровне с помощью сосания и такого проявления любви, как объятие. Взрослые, любящие друг друга, как правило, приходят к этому типу прижимания, чтобы удовлетворить сексуальные влечения на генитальном уровне. Однако первичная идентификация с поддерживающим объектом предполагает другой пространственный порядок, представленный в виде двух дополнительных вариантов; Гротштейн (Grotstein, 1981), калифорнийский ученик Биона, первый дал им уточнение: спина ребенка прижата к животу человека-поддерживающего объекта (*back-ground object*), живот ребенка прижат к спине человека-поддерживающего объекта.

В первом варианте ребенок прижат спиной к поддерживающему объекту, который облегает ребенка. Он чувствует защищенным свой тыл, спина — единственная часть его собственного тела, которую невозможно ни потрогать, ни увидеть. Часто у детей с температурой кошмар о поверхности, плиссирующей, выпучивающей, разрывающей, покрытой шишками и ямками, в фигуративной форме свидетельствует об атаках против защитной репрезентации общей кожи с опорным поддерживающим объектом. Эта разрывающаяся поверхность может интерпретироваться спящим как извивание змей, и было бы ошибкой интерпретации видеть в этом лишь фаллический символ. Множество ползающих змей не имеет одинакового смысла с одной вертикально стоящей змеей. Гротштейн приводит пример подобного сновидения одной маленькой девочки, пересказанного ее матерью на аналитическом сеансе.

«Ее дочь проснулась посреди ночи, ей повсюду мерещились змеи, даже на полу, по которому она ходила. Она бежит в комнату матери и ныряет к ней под одеяло, повернувшись спиной к ее животу. Это было единственное место, где она могла найти спасение, хотя пациенткой была именно мать, а не ребенок, ее ассоциации с этим событием вскоре установились, и она отождествила себя со своим ребенком. Она превратилась в маленькую девочку, желающую вытянуться на мне, чтобы получить для себя «подпорку» (*backing*), защиту и «тыл» (*rearing*), она чувствовала себя лишенной всего этого своими собственными родителями»¹.

¹ Я признателен Анник Мофре дю Шатёлье за то, что она познакомила меня с этим текстом и сделала для меня перевод на французский язык.

Вторая позиция, позиция вытянувшегося ребенка, прижатого передней частью тела к спине человека, выполняющего для него функцию поддерживающего объекта, приносит заинтересованному лицу ощущение-чувство того, что самая ценная и самая хрупкая часть его тела, а именно живот, защищен с задней стороны защитного экрана, при этом тело поддерживающего является первоначальным слоем защиты от раздражителей. Этот опыт начинается главным образом с одним или другим родителем (даже с обоими); опыт может длиться довольно долго с братом или сестрой, с которыми ребенок делит кровать. (До начала психоанализа с Бионом Самюэль Бекетт преодолевал страх бессонницы, только прижавшись к своему старшему брату.) Одна из моих пациенток, воспитанная грубыми и разобщенными родителями, вплоть до предпубертатного периода находила свою внутреннюю защиту в том, что, засыпая, прижималась к своей младшей сестре, с которой делила кровать. Та из девочек, которая боялась больше, «делала стульчик» (это было их выражение), принимая и прижимая к себе обнадеживающее тело другой. На протяжении всей фазы анализа ее перенос, в свою очередь, имплицитно приглашал меня на роль стульчика: она требовала от меня чередования моих свободных ассоциаций со своими, признания в моих мыслях и чувствах, в моих страхах; она приближала свое тело и усаживалась мне на колени, не понимая мой отказ. Мне потребовалось сначала проанализировать истерическое соблазнение, в которое она облачала свою просьбу, как защитную сексуализацию; затем мы смогли проанализировать ее страх потери поддерживающего объекта.

Гротштейн описывает другой тип показательного примера: «Пациенты, проходящие анализ, часто рассказывают о сновидениях, в которых они ведут машину, управляя ею с заднего сидения. Ассоциации к этим сновидениям почти неизменно ведут к понятию поврежденной «подпорки» (*backing*) и, как следствие, к сложности автономии». Гротштейн даже предлагает игру слов, непереводимую на французский язык, так как поддерживающий объект, находясь «сзади» или «внизу» (*he under stands*), дает парадигму «понимания» (*understanding*).

2. Коже, покрывающей всю поверхность тела, в которую помещены все органы внешних чувств, соответствует *контейнирующая функция Я-кожи*. Эта функция выполняется главным образом за счет материнского *ухаживания* (*handling*). Ощущение-образ кожи в виде мешка пробуждается у малыша посредством ухода за телом, соответствующего его потребностям и осуществляемого матерью. Я-кожа в качестве психической репрезентации проявляется в телесных играх

матери и ребенка, равно как и в предоставленных матерью откликах на ощущения и эмоции младенца, откликах жестикуляционных и вокальных, поскольку в этом случае сонорная оболочка усиливает тактильную оболочку, откликах циркулярного характера, где эхолалии и эхопраксии одного имитируют те же самые проявления другого, откликах, позволяющих младенцу постепенно испытать свои собственные ощущения и эмоции, не чувствуя себя разрушенным. Р. Каес (Kaës, 1979a) различает два аспекта этой функции. «Контенант», собственно говоря, стабильный, неподвижный, представлен в качестве пассивного сосуда для складирования нейтрализованных и законсервированных ощущений-образов-аффектов младенца. «Контейнер» соответствует активному аспекту, материнской мечтательности, по Биону, проективной идентификации, действию альфа-функции, развивающей, трансформирующей и восстанавливающей у рассматриваемого лица его ощущения-образы-аффекты, ставшие репрезентабельными.

Подобно коже, обволакивающей все тело, Я-кожа имеет целью окружить весь психический аппарат, притязание, впоследствии оказывающееся неправомерным, однако являющееся необходимой точкой отсчета. Я-кожа таким образом изображается как кора, влечения Оно — как ядро, каждый из двух терминов нуждается друг в друге. Я-кожа является контенантом только в том случае, если она имеет влечения к контейнированию, локализации, а впоследствии и дифференциации телесных источников. Влечение переживается как толчок, как движущая сила, только если оно сталкивается с границами и специфическими точками включения в психическое пространство, где оно разворачивается, и если его источник спроецирован на участки тела, обладающие особенной возбудимостью. Эта комплементарность кожи и ядра дает фундамент чувству непрерывности Самости.

За несостоятельность этой контейнирующей функции Я-кожи отвечают две формы страха. Страх возбуждения влечений, неопределенный, постоянный, расплывчатый, не поддающийся локализации, идентификации, рассеиванию, передает психическую топографию, конституированную из ядра без коры; индивид ищет замену коре в физической боли или психическом страхе: он закутывает себя в страдание. Во втором случае оболочка существует, но ее непрерывность нарушена дырами. Это — Я-кожа-дуршлаг; мысли, воспоминания с трудом сохраняются, они улетучиваются (см. выше наблюдение за Элеонорой, с. 73). Страх возрастает от опустошения внутренней части, особенно из-за агрессивности, необходимой для любого утверждения Самости.

Эти психические дыры могут опереться на поры кожи: в качестве примера — наблюдение за Гефсимани (с. 199), демонстрирующее одного пациента, потевшего во время сеансов и направлявшего на психоаналитика свою тошнотворную агрессивность, которую он не в силах был ни сдерживать, ни прорабатывать до тех пор, пока не было проинтерпретировано его бессознательное представление о Я-коже-дуршлаге.

3. Поверхностный слой эпидермы защищает ее чувствительный слой (там, где находятся свободные нервные окончания и корпскулы осязания) и организм в целом против физических агрессий, радиации, избытка стимуляций. Со времени «Наброска психологии» 1895 г. Фрейд параллельно признавал у Я функцию *защиты от раздражителей*. В «Заметках о “чудо-блокноте”» (Freud, 1925a) он четко говорит о том, что Я (то есть эпидерма, но Фрейд, однако, не делает этого уточнения) представляет собой двухслойную структуру. В «Наброске...» 1895 г. Фрейд дает понять, что мать служит для ребенка вспомогательным слоем защиты от раздражителей, и это, добавлю я, до тех пор, пока растущее Я ребенка находит на своей собственной коже подпорки, достаточные для обеспечения данной функции. В общем, Я-кожа — это виртуальная структура при рождении, актуализирующаяся в ходе отношений между грудным младенцем и первичным окружением; отдаленное происхождение этой структуры восходит даже к появлению живых организмов.

Избыток и дефицит защиты от раздражителей приводят к очень разнообразным формам. Фрэнсис Тастин (Tustin, 1972) описала два образа тела, относящихся соответственно к первичному и вторичному аутизму: Я-осьминог (когда ни одна из функций Я-кожи — подпорки, контенанта, защиты от раздражителей — не приобретает, а двойной слой не намечен), Я-рак с твердым панцирем, заменяющим отсутствующий контейнер и запрещающим запуск последующих функций Я-кожи.

Параноидный страх психического вторжения представлен двумя формами: а) у меня крадут мысли (преследование); б) мне дают мысли (аппарат влияния). Здесь функции защиты от раздражителей и контейнирования существуют врозь, но в недостаточной мере.

Страх потери объекта, выполняющего вспомогательную роль защиты от раздражителей, увеличен до максимума, когда мать отдает ребенка на воспитание своей собственной матери (то есть бабушке ребенка по материнской линии) и когда та занимается им с таким качественным и количественным рвением, что тот не видит ни возможности, ни необходимости идти к самоукреплению. В таком случае

может появиться токсикомания как решение для создания туманного или дымного барьера между Я и внешними стимуляциями.

За неимением эпидермы слой защиты от раздражителей в качестве упора можно найти на дерме: это вторая мускульная кожа (Э. Бик), характерный панцирь (В. Райх).

4. Мембрана органических клеток защищает индивидуальность клетки, распознавая чужеродные тела, которые она не пропускает, и сходные или комплементарные субстанции, которые она принимает или связывает. По своей гранулированности, цвету, текстуре, запаху человеческая кожа предоставляет значительные индивидуальные различия. Эти различия могут быть нарциссически, даже социально перенагружены. Они дают возможность другим людям различать объекты привязанности и любви и самоутверждаться в качестве индивидуума, обладающего своей личной кожей. В свою очередь Я-кожа обеспечивает функцию *индивидуации* Самости, приносящей Я-коже чувство бытия в качестве уникального существа. Описанный Фрейдом (Freud, 1919h) страх «жуткого» связан с угрозой, нацеленной на индивидуальность Самости путем ослабления чувства фронтиров Самости.

При шизофрении вся внешняя реальность (плохо отличимая от внутренней) рассматривается как нечто опасное для ассимиляции, и потеря чувства реальности любой ценой обеспечивает поддержку чувства уникальности Самости.

5. Кожа — это поверхность, имеющая углубления, где расположены органы чувств, отличные от органов осязания (включенных в саму эпидерму). Я-кожа — это психическая поверхность, связывающая между собой ощущения различной природы и выводящая их различные формы на первоначальный фон, коим является тактильная оболочка: это функция *интерсенсорности* Я-кожи, завершающаяся конституированием «общего чувства» (*sensorium commune* в средневековой философии), основное проявление которого всегда происходит при осязании. При несостоятельности этой функции появляется страх расчленения тела, точнее, страх снятия верхнего слоя (Meltzer, 1975), то есть страх независимого, анархичного функционирования различных органов чувств. Далее я покажу решающую роль запрета прикосновения при переходе от контейнирующей тактильной оболочки к интерсенсорному пространству, ведущему к символизации. В нейрофизиологической реальности именно в головном мозге происходит интеграция информации, поступающей от различных органов чувств; таким образом, интерсенсорность — функция

центральной нервной системы или, глобальнее, эктодермы (производными которой являются и кожа, и центральная нервная система). Однако в психической реальности эта роль игнорируется, там имеет место воображаемая репрезентация кожи в виде фонового полотна как исходной поверхности, на которой разворачиваются сенсорные взаимосвязи.

6. Кожа младенца является объектом либидинозной загрузки матери. Кормление и уход сопровождаются контактами кожа к коже, как правило, приятными, подготавливающими почву для аутоэротизма, они располагают кожные удовольствия как привычное фоновое полотно сексуальных удовольствий. Сексуальные удовольствия локализуются в определенных эректильных зонах или некоторых отверстиях (выпуклостях и углублениях), где поверхностный слой эпидермы тонок и где прямой контакт со слизистой ведет к перевозбуждению. Я-кожа выполняет функцию поверхности *оплота сексуального возбуждения*, поверхности, на которой в случае нормального развития эрогенные зоны могут быть локализованы с учетом половых различий и желаемых дополнений. Действие этой функции может обойтись собственными средствами: Я-кожа считывает на всей своей поверхности либидинозную загрузку и становится оболочкой глобального сексуального возбуждения. Эта конфигурация лежит в основе детской сексуальной теории, без сомнения, самой архаичной, согласно которой сексуальность сводится к удовольствиям контакта кожа с кожей и беременность является результатом объятия тел и поцелуя. За неимением достаточной разрядки данная оболочка эрогенного возбуждения может трансформироваться в оболочку страха (см. далее наблюдение за Зенобией, с. 243).

Если загрузка на кожу скорее нарциссическая, нежели либидинозная, оболочка возбуждения может быть заменена на оболочку нарциссическую, блистательную и яркую, призванную сделать своего владельца неуязвимым и бессмертным героем.

Если оплота сексуального возбуждения нет, индивид, став взрослым, не чувствует себя в достаточной безопасности, для того чтобы вступить в полноценные сексуальные отношения с взаимным генитальным удовлетворением.

Если сексуальные выпуклости и отверстия скорее болевые, нежели эрогенные точки, конфигурация продырявленной Я-кожи становится более стойкой, навязчивый страх увеличивается, растет предрасположенность к сексуальным извращениям с целью превратить боль в удовольствие.

7. Коже как поверхности с постоянной стимуляцией сенсорно-моторного тонуса посредством внешних возбудителей соответствует функция Я-кожи *либидинозной перезарядки* психического функционирования, поддержки внутреннего энергетического напряжения и его неравного распределения по психическим подсистемам (ср. «контактные барьеры» во фрейдовском «Наброске...» 1895 г.). Нарушения этой функции ведут к двум типам антагонистических страхов: страх взрыва психического аппарата из-за сверхзаряда возбуждения (например, эпилептический припадок, см. Н. Beauchesne (1980)), страх нирваны, то есть страх перед тем, что желание свести напряжение к нулю исполнится.

8. Кожа с тактильными органами чувств, которые она содержит (прикосновение, боль, тепло—холод, дерматооптическая чувствительность) подает прямую информацию о внешнем мире (впоследствии с помощью «общего чувства» она вновь перемешивается с информацией сонорной, визуальной и т. д.). Я-кожа выполняет функцию *записывания следов* сенсорно-тактильных, функцию пиктограммы, по словам Пьеры Касториадис-Оланье (Castoriadis-Aulagnier, 1975), функцию щита Персея, согласно Ф. Паш (Pasche, 1971) отражающего образ реальности подобно зеркалу. Эта функция усилена материнским окружением в той мере, в которой оно исполняет перед младенцем свою роль «презентации объекта» (Winnicott, 1962). Данная функция Я-кожи развивается с помощью двойного упора, биологического и социального. Биологический: первый рисунок реальности отпечатывается на коже. Социальный: принадлежность индивида к какой-либо социальной группе отмечается надрезами, насечками, разрисовками, татуировками, макияжем, прическами и их дублетами, коими является одежда. Я-кожа — это исходный пергамент, хранящий, как палимпсест¹, перечеркнутые, подчищенные, перегруженные черновики «исходного» довербального документа, выполненного из линий на коже.

Первая форма страха, относящегося к этой функции, заключается в том, чтобы не иметь на поверхности тела и Я позорных и нестираемых записей, исходящих от Сверх-Я (краснота, экзема, символические раны, по Беттельхейму (Bettelheim, 1954), адская машина в «В исправительной колонии» Кафки (Kafka, 1914—1919) вплоть до смертельного исхода гравироват готическими буквами на коже осужденного статью кодекса, которую он нарушил). Противоположный

¹ [Палимпсест — рукопись на пергаменте поверх смытого текста.]

ему страх заключается либо в опасности стирания записей из-за их сверхзарядки, либо в потере способности фиксировать следы, например во сне.

АТАКИ ПРОТИВ Я-КОЖИ

Все предыдущие функции находятся на службе влечения привязанности, в дальнейшем либидинозного влечения. Не находится ли здесь Я-кожа под негативным влиянием Танатоса, нацеленного на *самодеструкцию* кожи и Я? Прогресс в иммунологии, начатый с изучения резистентности организма при пересадке органов, направляет нас к живому организму. Несовместимость донора и реципиента органов хотя и подтвердила факт того, что на Земле нет двух идентичных людей (за исключением истинных близнецов), тем не менее позволила осознать важность молекулярных маркеров «биологической личности»; чем больше схожести этих маркеров у донора и реципиента, тем больше у пересадки шансов на успех (Жан Амбургер); и эти сходства начинаются с существования множества различных групп белых кровяных телец, при этом кажется, что это группы, маркирующие не только вышеупомянутые тельца, но и личность в целом (Жан Доссе).

Биологи, не осознавая того, были вынуждены прибегнуть к аналогичным понятиям — Самость, Не-Я, сформулированным некоторыми последователями Фрейда для завершения второй топической концепции психического аппарата. При многих болезнях система иммунной защиты может атаковать как попало орган собственного тела, так же как и чужеродный орган. Это явления аутоиммунитета, что этимологически означает, что живой организм направляет иммунологическую или иммунную реакцию против себя самого. Клеточная армия создана для отторжения чужеродных тканей — *не-Самости*, говорят биологи, — но иногда она достаточно слепа и атакует свою Самость, хотя в здоровом состоянии она ее полностью принимает: отсюда появляются тяжелые заболевания аутоиммунитета.

Как аналитик я поражен аналогией между аутоиммунной реакцией, с одной стороны, и, с другой, поворотом влечения на себя, терапевтической негативной реакцией, а также атаками против связей в целом и против психических контента в частности. Отмечу также, что различие между своим и чужим (Шпиц) или между Я и не-Я (*me и not me*, по Винникотту) имеет биологические корни даже на уровне клетки, и я выдвигаю гипотезу о том, что кожа как оболочка тела создает промежуточную реальность между клеточной

мембраной (собирающей, сортирующей и передающей информацию относительно чужеродности или нечужеродности ионов) и психическим интерфейсом, которым является система восприятия-сознание Я.

Психосоматики описали в аллергической структуре одну инверсию сигналов безопасности и опасности: близость вместо защиты и надежности воспринимается как неблагоприятная, тогда как чужеродность вместо беспокойства вызывает притяжение: отсюда парадоксальная реакция аллергика, а также токсикомана, избегающего того, что ему может принести пользу, и увлеченного тем, что ему вредно. Факт того, что аллергическая структура зачастую представлена в форме чередования астма — экзема, позволяет уточнить действующую конфигурацию Я-кожи. Изначально речь идет о том, чтобы восполнить недостаточность Я-кожи-мешка для отграничения внутренней психической сферы в плане объема, то есть перейти от двухмерной репрезентации психического аппарата к трехмерной (см. Houzel, 1984a). Оба заболевания соответствуют двум возможным типам подхода к поверхности этой сферы: изнутри и извне. Астма — это попытка почувствовать нутром оболочку, составляющую телесное Я: больной накачивается воздухом до тех пор, пока не испытает изнутри фронтиров своего тела и не обеспечит себе расширенные границы своей Самости; чтобы сохранить это ощущение некоей Самости-надутого мешка, он находится в апноэ¹ с риском блокировки ритма дыхательного обмена со средой и удушения. Наблюдение за Пандорой иллюстрирует это (см. с. 129). Экзема — это попытка в болезненных расчесах ощутить с внешней стороны телесную поверхность Самости, ее шершавый контакт, ее неприглядный вид, а также ощутить ее как оболочку тепла и расплывчатых эрогенных возбуждений.

В психозе, в частности в шизофрении, проявляющийся при аллергии парадокс оказывается направленным на его пароксизм. Над психическим функционированием господствует то, что Поль Винер (Wiener, 1983) назвал антифизиологической реакцией. Доверие к естественному функционированию организма подорвано или утрачено. Естественное воспринимается как искусственное, живое ассимилируется под механическое, благоприятное для жизни в жизни воспринимается как смертельная опасность. Подобное парадоксальное психическое функционирование путем круговой реакции вызывает жажду восприятия телесного функционирования и возвращается

¹ [Апноэ — временная остановка дыхательных движений.]

с усиленными парадоксами. Здесь парадоксальная конфигурация, лежащая в основе Я-кожи, приводит к неприобретению фундаментальных различий: бодрствование — сон, мечта — реальность, одушевленное — неодушевленное. Наблюдение за Евридикой (D. Anzieu, 1982b) приводит неполный пример пациентки не психотической, но чувствующей себя под угрозой психического расстройства. Установление доверия к естественному функционированию, благоприятному для организма (при условии, что организм находит в среде достаточный отклик на свои потребности), является одной из основных задач психоаналитика в отношении таких пациентов, задача эта трудная и кропотливая ввиду бессознательных попыток пациента парализовать психоаналитика, захватив его в ловушку парадоксального переноса (см. D. Anzieu, 1975b), и довести его до собственной несостоятельности.

Мне представляется, что бессознательные атаки против психического контенанта, опирающиеся, видимо, на органические явления аутоиммунитета, рождаются из частей Самости, слившихся с репрезентантами свойственного Оно влечения к самодеструкции, вынесенных на периферию Самости, заключенных в поверхностный слой, коим является Я-кожа, непрерывность которого они подрывают на месте, спаянность которого они разрушают, в котором они порождают функции, инверсируя свои цели. Воображаемая кожа, которой покрыто Я, становится отравленной туникой, удушающей, жгущей, разрушающей. Здесь можно говорить о *токсическом действии Я-кожи*.

ДРУГИЕ ФУНКЦИИ

Данный список из восьми психических функций Я, схожих с биологическими функциями кожи, предоставляет серию фактов для апробирования и остается открытым.

Что касается функций кожи, которых я еще не перечислил¹, к ним можно добавить и другие функции Я:

— функция накапливания (например жира), которую можно соотнести с мнемонической функцией, однако она берет начало в зоне предсознания психического аппарата и не принадлежит — Фрейд настаивает на этом — к «поверхности» аппарата, характеризующейся системой восприятие-сознание;

---

¹ Я благодарю своего коллегу Франсуа Винсента, психофизиолога, за то, что он обратил на них мое внимание.

— функция производства (например волос, ногтей), ее можно соотнести с производством механизмов защиты с помощью зоны (здесь также предсознательной, даже бессознательной) Я;

— функция передачи (например пота, феромонов), которую можно соотнести с предыдущей функцией, проекция на самом деле образует один из самых архаичных механизмов защиты Я; но ее необходимо соединить с особенной топической конфигурацией, которую я описал как Я-кожа-дуршлаг (см. наблюдения за Элеонорой, с. 73, и за Гефсимани, с. 199).

Можно было бы также привести в соотношение если не функции, то по крайней мере некоторые тенденции Я-кожи со структурными (а не с функциональными) характеристиками кожи. Например, факту того, что кожа имеет самую большую поверхность и самый большой вес из всех органов тела, соответствовало бы притязание Я на обволакивание всего психического аппарата и на самую влиятельную роль в его функционировании. Также тенденция к соединению внешнего и внутреннего слоев Я-кожи, равно как и психических оболочек (сенсорных, мускульных, ритмических), не проявляется без переплетения (описанного на с. 20) слоев, составляющих эпидерму, дерму, гиподерму. Сложность Я и множественность его функций можно в равной степени приблизить к существованию многих и важных структурных и функциональных различий одной точки кожи от другой (например, плотность разных видов желез, чувствительных телец и т. д.).

СЛУЧАЙ ИЗВРАЩЕННОГО МАЗОХИЗМА

Наблюдение за господином М.

Исключительный случай господина М., изложенный Мишелем де М'Юзаном (M'Uzan, 1972 и 1977) до публикации моей первой статьи по Я-коже (D. Anzieu, 1974), не является сеансом психоаналитического лечения, а только предметом двух встреч моего коллеги. Мой взгляд на восемь функций Я-кожи позволяет сразу же произвести новую интерпретацию, делая очевидным изменение практически во всем перечне функций Я-кожи (перечень этот таким образом косвенно подтвердился) при тяжелых проявлениях мазохизма и необходимости мазохистов прибегать к извращенным действиям для установления этих функций.

Господин М., не случайно ставший радиоэлектриком, искусственно обеспечивает функцию крепления путем введения кусков металла

и стекла под свою кожу (вторая кожа в данном случае не мускульная, а металлическая), в частности, он вводит иголки в мошонку и пенис, устанавливает два стальных кольца, один — на кончик пениса, второй — на основание мошонки, срезает лоскуты кожи со спины, чтобы подвешивать себя на крюки мясника во время садомизации какого-нибудь садиста (актуализация мифологемы подвешенного бога, приведенной выше, на с. 55, в связи с греческим мифом о Марсии).

Нарушения контейнирующей функции Я-кожи материализуются не только за счет многочисленных шрамов от ожогов и разрывов, присутствующих на всем теле, но и за счет срезания некоторых выступающих частей тела (правый сосок вырван, маленькая артерия на правой ноге перерезана пилой для металла), за счет заполнения некоторых углублений (пупок залит плавленным свинцом), за счет искусственного расширения некоторых отверстий (ануса, щели головки полового члена). Эта контейнирующая функция устанавливается путем повторных действий по образованию оболочки страдания благодаря большому разнообразию, изобретательности и жестокости инструментов и технических приемов пытки: фантазм содранной кожи у извращенного мазохиста должен переживаться постоянно, дабы заново присваивать себе некую Я-кожу.

Функция защиты от раздражителей срабатывает плохо, доходя до крайней точки необратимости, когда опасность становится смертельной для организма. Господин М. всегда оставался при этом целым и невредимым (у него никогда не возникало ни тяжелой болезни, ни безумия), зато его молодая жена, с которой он по обоюдному согласию занимался мазохистическими извращениями, умерла от истощения, явившегося следствием жестокого обращения, которому она подверглась. Господин М. загнул слишком высокую цену, увлекшись игрой «обмани смерть».

Функция индивидуации Самости оказывается выполненной только через физическое (пытки) и моральное (унижения) страдание; систематическое введение неорганических веществ под кожу, принятие в пищу отвратительных субстанций (мочи, экскрементов партнера) демонстрируют хрупкость данной функции; различие между собственным и посторонним телом без конца ставится под вопрос.

Функция интерсенсорности, без сомнения, соблюдалась лучше всего (что объясняется превосходной профессиональной и социальной адаптацией господина М.).

Функции оплота сексуального возбуждения и либидинозной перезарядки Я-кожи также были сохранены и активированы,

но ценой только что упомянутых крайних страданий. После сеансов извращения господин М. не чувствует себя убитым, или депрессивным, или даже просто усталым: они придают ему тонус. Не проникая и не будучи проникнутым, он получает сексуальное удовольствие вначале от мастурбации, затем от одного только вида извращенного акта (например, от того, как его жена подвергается жестоким действиям какого-нибудь садиста), от которого возбуждается вся его кожа, также, в свою очередь, подвергающаяся жестокому обращению. «Вся поверхность моего тела возбуждается с помощью боли». «Эякуляция произошла в момент, когда боль была наиболее невыносимой... После эякуляции я просто страдал» (Ibid., 1977, р. 133–134).

Функция записывания знаков сверхактивирована. Все тело, кроме лица, в многочисленных татуировках: например, надпись на ягодицах гласит «Встреча красивых членов», на бедрах и животе: «Да здравствует мазохизм», «Я живая сучка», «Пользуйтесь мною как самкой, вам будет хорошо» и т. д. (Ibid., р. 127). Все эти надписи свидетельствуют об особой идентификации с женской анатомией, обладающей эрогенностью всей поверхности кожи, и о приглашении партнера испытать удовольствие через различные отверстия (рот, анус), которыми он сам не наслаждается.

Наконец, пароксизма достигает действие Я-кожи, которое я назвал токсичным (то есть самодеструктивным). Кожа становится источником и объектом разрушительных процессов. Однако расщепление на влечения к жизни и влечения к смерти лишь мимолетно в отличие от психозов, где оно играет решающую роль. В момент, когда игра со смертью становится суицидальной, партнер прекращает жестокие действия, либидо возвращается с «необузданной» силой, и господин М. испытывает оргазм.

По крайней мере у него всегда было достаточно психологического чутья для выбора подобных партнеров: «В последний момент садист всегда отступает», — откровенно говорит он (Ibid., р. 137). Желание всемогущества, комментирует Мишель де М'Юзан. Я бы хотел уточнить: поиск всемогущества в деструкции для извращенного мазохиста является условием доступа к фантазму эротического всемогущества, необходимого для включения удовольствия: нет, кожа не полностью содрана, функции Я-кожи не разрушаются необратимым образом, их восстановление *in extremis*¹ в момент их потери приводит к «пику

¹ [In extremis (лат.) — при экстремальных обстоятельствах.]

ликования», гораздо более интенсивному (потому что он и телесный, и психический одновременно), чем тот, что описан Лаканом в стадии зеркала, хотя его нарциссическая экономика также абсолютно очевидна.

Надеюсь, я показал, что эти известные механизмы защиты (расщепление влечения, обращение на себя, возврат расщепленного, нарциссическая сверхзагрузка психических и органических поврежденных функций) функционируют с такой эффективностью только в некой отдельно взятой Я-коже, предварительно обретшей восемь фундаментальных функций, периодически проживающей фантазм содранной кожи и драму почти полной потери этих функций, дабы также сильно насладиться экзальтацией от новой встречи с ними. Фантазм иметь свою кожу (необходимый для эволюции к психической автономии) радикально осуждается предварительным фантазмом о том, что, для того чтобы иметь свою кожу, нужно забрать ее у другого, а еще лучше позволить забрать свою кожу другому, дабы доставить тому удовольствие и в итоге самому насладиться этим.

ВЛАЖНОЕ ОБЕРТЫВАНИЕ

ПАК

Пак — это процедура по уходу за тяжелыми психотическими больными, заключающаяся во влажном обертывании, практиковавшемся во французской психиатрии в XIX в., он аналогичен африканскому ритуалу терапевтического погребения или ледяному купанию тибетских монахов. Во Франции пак был введен в 1960 г. американским психиатром Вудбери, добавившим к собственно физическому обертыванию в простыни тесное окружение больного группой лечащих лиц. Это добавление приносит невольное подтверждение гипотезы, выдвинутой в начале данной работы, о двойной опоре Я-кожи: биологической — на поверхность тела и социальной — на присутствие сплоченного окружения, внимательного к переживанию пациента в данный момент.

Больного, одетого в белье или обнаженного, по его выбору, лечащий персонал обертывает во влажные холодные простыни. Сначала туго перетягивается по отдельности каждая из четырех конечностей, затем тело в целом с конечностями, кроме головы. Затем больного укутывают в одеяло, которое более-менее быстро его согревает. Он остается лежать $\frac{3}{4}$ часа, имея возможность свободно

вербализовывать или нет свои ощущения (в любом случае, по мнению лечащего персонала, на себе испытывавшего действие пака, ощущения-аффекты, переживаемые в тот момент, настолько сильны и настолько необычны, что словами этого не передать). Врачи касаются своими руками обернутого больного, спрашивают глазами, отвечают ему; они живо интересуются и озабочены тем, что происходит внутри него. Практика пака устанавливает между ними настолько сильный групповой дух, что он способен вызывать зависть со стороны остального персонала. Здесь я нахожу подтверждение другой моей гипотезе, согласно которой телесная оболочка является одним из психических бессознательных организаторов групп (D. Anzieu, 1981b). По истечении относительно короткой фазы страха, связанного с наполнением глобальной среды холодом, обернутый пациент переживает чувство всемогущества, физической и психической гармонии. То, что я понимаю как регрессию к этой первородной неограниченной психической Самости, о которой некоторые психоаналитики создали гипотезу и которая якобы соответствует некоему опыту диссоциации психического и телесного Я, так как именно это и происходит среди участников какой-нибудь группы, мистиков или творцов (см. D. Anzieu, 1980a). Это блаженство не сохраняется, но оно становится стойким при повторных паках (на полный курс лечения по модели психоанализа могут уйти годы при трех обертываниях в неделю).

Пак дает пациенту ощущение двойной телесной оболочки: оболочка термическая (холодная, затем теплая вследствие периферического расширения сосудов, являющегося реакцией на контакт с холодом), оболочка, управляющая внутренней терморегуляцией; тактильная оболочка (мокрые и тугие простыни, прилипающие ко всей поверхности кожи). Это на короткое время вновь воссоздает свое Я как отделенное от других, остающееся при этом связанным с ними, то, что является одной из топографических характеристик Я-кожи. Клод Кашар (Cachard, 1981), врач, практикующий пак, говорил по этому поводу о «мембранах жизни» (см. также D. de Loisy, 1981).

Пак применим по отношению к психотическим детям и слепоглохим детям, для которых единственно возможным выходом к значащей коммуникации с окружением находится в тактильном регистре. Пак предоставляет им структурные «оболочки безопасности», которые на какое-то время занимают место их патологических оболочек и благодаря которым они могут оставить часть своих защит через моторную и сонорную ажитацию и почувствовать свою уникальность и неподвижность. Однако в самом начале обертывание вызывает

некое сопротивление: эти дети впадают в смертельную панику и необыкновенную ярость, когда их хотят полностью обездвигить.

ТРИ ПРИМЕЧАНИЯ

Опыт пака привел меня к формулировке трех примечаний. Во-первых, представляется, что тело грудного младенца запрограммировано на переживание контейнирующей оболочки; при нехватке адекватного сенсорного материала ему необходимо приобрести этот опыт с помощью того, что имеется в его распоряжении: отсюда возникают патологические оболочки, образованные барьером из несвязных шумов и моторной подвижности; они обеспечивают не контролируемую разрядку влечения, а адаптацию организма к выживанию. Во-вторых, парадоксальное сопротивление воспитателей идет от разницы структурных уровней телесного Я воспитателей и детей и от опасности — для первых регрессии, уничтожающей эту разницу и устанавливающей психическую путаницу. В-третьих, терапия «оболочек безопасности» (паки, а также массаж, биоэнергетика, группы по интересам) имеет только временный эффект. Именно в этом заключается рост феномена, констатируемого у нормальных людей, нуждающихся в периодическом переутверждении своего базового чувства Я-кожи с помощью конкретных переживаний. Это также иллюстрация испытываемой нами при тяжелых случаях отсутствия любви необходимости разрабатывать замещающие и компенсаторные конфигурации.

НАРУШЕНИЯ БАЗОВЫХ СЕНСОРНО-МОТОРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

В данной главе я рассмотрю только одно базовое сенсорно-моторное различие, а именно различие между респираторной заполненностью и пустотой. Другие оппозиции будут изучены в третьей части. Я также отправляю читателя к своей статье «О первичной путанице одушевленного и неодушевленного. Случай тройной ошибки» (D. Anzieu, 1982b).

О ПУТАНИЦЕ РЕСПИРАТОРНОЙ ЗАПОЛНЕННОСТИ И ПУСТОТЫ

Когда-то Прометей похитил с неба огонь, чтобы подарить его людям. В отместку боги Олимпа послали его брату Эпитемею в жены Пандору, женщину, отличающуюся красотой, очарованием, соблазнительными речами и ловкостью рук, боги сотворили ее по подобию богинь и наделили всеми чарами и премудростями. Эпитемей доверил своей супруге сундук, наполненный воздухом, где были заточены несчастья, и запретил открывать его. Но любопытная Пандора приподняла крышку, несчастья разлетелись, и их дыхание по сей день распространяется по земле. Этот миф, по названию которого я дал имя одной пациентке, и о ее случае я вам расскажу, не учит ли он нас необходимости, испытываемой некоторыми пациентами, задерживать в своих легких выдох в моменты ненависти, испытываемой ими и разрушительной для их окружения? Первоначально эта ненависть направлена на депрессивную молчаливую мать, с которой в раннем детстве у них не было ни респираторного жизненного обмена, ни обмена словами, для которых воздух служит подспорьем.

Впрочем, известно, что запуск респираторного рефлекса при рождении происходит в результате общего массажа тела ребенка посредством сокращений матки и сжатия вагины; для обслуживания этого рефлекса требуются повторяющиеся глобальные стимуляции тела во время сосания и ухода. Респираторный обмен с физической средой зависит от тактильного обмена с человеческой средой. Эта зависимость трансформируется во время сонорных обменов, при которых воздух используется в качестве подпорья для речи. Концепция «респираторной интроекции» развивалась в различных направлениях, которые я не буду здесь исследовать, в 1931 г. Отто Фенихелем, затем кляйнианцем Клиффордом Скоттом. На функцию самосохранения респирации опирается функция первоначальной коммуникации, совпадающей с началом конституирования Я-кожи. Прочитируем один из результатов Маргарет Риббл (Ribble, 1944) после наблюдения за 600 новорожденными: «В течение нескольких недель после рождения респирация новорожденного очень слабая, нестабильная и недостаточная. Она стимулируется автоматически и определенным образом с помощью сосания и физического контакта с матерью. Младенцы, которые сосут слабо, не дышат глубоко, а у тех детей, которых недостаточно часто берут на руки, особенно если их кормят из соски, нередко наблюдаются респираторные и желудочно-кишечные нарушения. В результате чего они начинают заглатывать воздух и болеть оттого, что обычно называют коликами. У них наблюдаются проблемы с испражнением и случается рвота».

Детальный, но, к сожалению, устаревший перечень работ психосоматиков и психоаналитиков по респираторным проблемам приведен в статье Ж.-А. Жандро и П.-С. Ракамье «Респираторная функция и оральность» (Gendrot & Racamier, 1951). Без сомнения, по причинам психоаналитической ортодоксии эти два автора акцентируют внимание на связи между нервным регулированием респирации и пищеварительным регулированием; они отдают предпочтение оральной связи в ущерб тактильным обменам и пренебрегают принятием во внимание раннего телесного пред-Я (которое я предпочитаю называть Я-кожей) в основе респираторных нарушений. Зато они разумно различают нарушения абсорбции и респираторного изгнания. Они указывают, что блокировка выдоха связана с плохо интегрированным объектом: «астматик обречен на невозможность извергнуть то, что он агрессивно абсорбировал» (р. 470). Они заявляют, что во всех случаях респираторной задержки у больных

есть необходимость ощущать себя наполненным и страх перед опустошением.

В своей работе «Стадия вдоха», скорее теоретической, чем клинической, Ж.-Л. Тристани (Tristani, 1978) упрекает Фрейда в том, что тот в своих теоретических разработках не признает респирацию, тогда как респираторные проявления хорошо отмечены в его клинических наблюдениях (нервный кашель Доры; примитивная сцена, понимаемая одновременно как одышка и как «грудное вскармливание»; ссылка на крик как на первую межличностную связь в «Наброске...» 1895 г.). Тристани выдвигает множество интересных гипотез:

— вдох наряду с питанием входит в состав влечений самосохранения, а значит, влечений Я, на которые впоследствии опираются сексуальные влечения (но у Тристани отсутствует описание носовой слизистой оболочки как эрогенной зоны);

— хныкание опирается на вдох, тогда как причмокивание лежит в основе орального принятия пищи;

— жизненная дилемма «или он, или я» лежит в основе некоторых серьезных респираторных нарушений (Тристани цитирует одну психотичную пациентку Ф. Рустанга: «Я вдыхаю минимум воздуха, чтобы не забрать его у моих родителей. Надо, чтобы я задыхалась, чтобы они могли дышать»);

— существует два типа смещения между респираторной и пищеварительной системами. Вдох соответствует оральному поглощению, выдох — анальному изгнанию, но вдох и выдох осуществляются через одно и то же отверстие, служащее то для входа, то для выхода (респираторное функционирование циркулярно по типу туда-обратно, тогда как пищеварительное функционирование линейно, так как вход и выход находятся на двух противоположных концах). Первый тип смещения — это рвота, пищеварительная система функционирует по респираторному типу: рот поглощает, затем отторгает продукты, как будто бы он дышит пищей. Второй тип смещения — аэрофагия¹, респираторная система функционирует по пищеварительному типу: воздух захватывается, заглатывается, переваривается (отсюда боли в желудке, колики). На самом деле имеется два респираторных отверстия — нос и рот: можно дышать одним из них или можно захватить воздух одним, а выпустить через другое (как это делают, например, закоренелые курильщики).

¹ [Аэрофагия — заглатывание воздуха.]

Наблюдение за Пандорой

Пандора обратилась ко мне с письмом-криком о помощи. Она в отчаянии, если психоанализ не сможет ей помочь, ситуация безвыходная. Она чужая в своей собственной жизни. Она очень боится своих суицидальных приступов, ей снятся чудовищные сны, в которых она знает о том, что будет убита или изнасилована, задушена, утоплена, но не предпринимает ничего, чтобы помешать этому.

Во время первого визита передо мной предстала высокая красивая женщина. Она осмотрела мой кабинет с невысоким потолком, заставленный стеллажами с книгами, заваленный папками. Сказала, что ей здесь тесно, «что здесь не хватает объема», хотя в другом смысле в этом месте есть избыток объема: так, с ходу она выдала мне свою проблему фундаментальной различительной оппозиции пустоты и излишней переполненности. Она решила, что со мной «дело не пойдет». Ей явно не хватало воздуха, но она это не сформулировала. Я ей тут же привел довольно длинную конструктивную интерпретацию: в моем кабинете она вновь проживает свою первую разочаровавшую ее встречу с человеком, от которого она когда-то ждала многого, и, если она чувствует себя зажатой, это значит, что человек, занимавшийся с ней в детстве, либо не давал ей достаточно большого свободного пространства, либо игнорировал ее желания, ее мысли, ее страхи; и как долго она сама находится в поиске границ, внутри которых могла бы найти и признать себя. При моих словах дыхание ее расслабляется. Она подтверждает мою интерпретацию: обе только что приведенные установки правдивы; первая установка принадлежала ее бабушке, вторая — матери. В конце беседы она согласна работать со мной. Я предлагаю, и она соглашается на психоаналитическую терапию один на один в ритме одного сеанса в неделю. Во время этих сеансов Пандора долго хранит молчание и неподвижна, отводит взгляд в сторону, но как бы невзначай проверяет, следят ли мои глаза за нею и всегда ли она находится в центре моего внимания. Когда я уставал и замолкал, прекращая делать гипотезы о том, что с ней не так (страшные сны, конфликты на работе, любовные неудачи за прошедшую неделю), если я больше не смотрел на нее и не думал о ней, она резко вставала и уходила, хлопая дверью. Из этого я сделал вывод, что мать, должно быть, была равнодушной к ней, не разговаривала и не смотрела на нее. Она подтвердила, что мать кормила и подобающим образом заботилась о ней при помощи собственной матери (бабушки Пандоры по материнской линии), но в остальное время мать не общалась с ней,

поворачивалась спиной и просиживала часами в молчании на балконе квартиры, уставившись в одну точку. Оказывается, нынешний страх Пандоры в моменты, когда она охвачена сильным желанием самодеструкции (посредством лекарств, револьвера своего дяди, атак на свои гениталии острыми кусками стекла), воспроизводит ее былой ужас, как бы мать не увела ее за собой в пустоту: «безымянный ужас», как это называет Блон (Blon, 1967); идентификация с «мертвой матерью», как уточняет Андре Грин (Green, 1984, ch. 6), и поиск союза с ней для взаимного осуществления не влечений к жизни, а принципа нирваны. Пандора держит со мной пари, что я ее не пойму, и стремится втянуть меня в дилемму: если я молчу, ожидая от нее материала, который направил бы меня в нужное русло, значит, я не способен догадаться о том, что в ней очевидно; если я говорю, она упрекает меня в том, что я всегда немного ошибаюсь. Тем не менее рабочий альянс устанавливается по мере того, как она приобретает двойную уверенность в том, что мы можем совместно дышать и разговаривать.

Если Пандора не могла говорить во время сеанса, то после него она писала мне или звонила по телефону, чтобы объясниться. Позже я пойму, что для нее воздух — это перемещение плохих частей Самости, расщепленных и спроецированных: таким образом, она охотнее пишет, чем говорит. Я всегда давал ей ответ либо письмом, либо вербально на следующем сеансе. Со своей стороны мало-помалу путем приближений и угадываний вслепую я поддерживал купель интерпретаций, в которых для нее, мне кажется, жизненно важным было то, чтобы она была окружена вниманием и чтобы мне удавалось попасть в точку. Вскоре она признала это и через воспоминания, сновидения, рассказы о недавнем разочаровании воспроизвела значительную серию травм, сыгравших роль в ее раннем детстве, приведших ее к созданию воображаемого полного счастья мира и к наблюдению за реальным миром будто через стекло и с ненавистью, даже к вторжению в него путем провокаций и насмешек. Все чаще на сеансе у нее случаются затруднения с дыханием.

Физиологи рассматривают *смех*, *рыдание* и *рвоту* как модификации респираторного движения. Наблюдение за физиотерапевтическими пациентами подтверждает важность этих реакций как трех разновидностей респираторной идентификации. В лечении Пандоры для меня выявились первые две, я также подозреваю, что она скрыла от меня и третью. Начнем со смеха. Часто в конце сеанса, когда Пандора с помощью моих интерпретаций могла постепенно преодолевать респираторную блокировку астматического типа и блокировку речи, она

взрывалась от смеха, говоря, например, что чувствует себя вполне живой, что все эти блокировки не мешают ей наслаждаться своим телом, своими друзьями, своим артистическим досугом, что она находится под впечатлением и т. д., — взрыв смеха, который я обычно поддерживал, при разрядке обретенной респираторной регуляции. Здесь речь идет об отождествлении пациента с другим человеком, посылающим ему образ «натурального» психофизиологического функционирования, пациент таким образом может обрести уверенность в собственной возможности естественного функционирования. Теперь перейдем к рыданию.

Во время одного сеанса, где психоаналитическую работу я направил на ее защиту за счет отказа от коммуникации, мускулатурной неподвижности, возведения стены для своих аффектов, Пандора вспомнила об одной конфликтной сцене с отцом, о котором ранее рассказывала немногословно и равнодушно. Я сделал ей замечание о том, что она рассказывает о фактах, а не о пережитых эмоциях. Внезапно она расплакалась, чуть ли не разрыдалась. Она призналась в двух задействованных аффектах: сильное унижение, охватившее ее тогда, и чувство того, что она преступница, движимая влечением к отцеубийству, которое она тогда четко осознала. Это аффективное воспоминание сопровождалось интенсификацией переноса. Пандора обвиняла меня в том, что я заставляю ее вновь переживать невыносимые эмоции, что я плохо с ней обращаюсь, заставляю ее нарушать фундаментальный семейный запрет: детям запрещалось плакать. Нет ничего опаснее свободных ассоциаций, рекомендуемых психоанализом, так как они рискуют вывести криминальные влечения на свободу, где они могут, как содержимое сундучка, открытого Пандорой, разлететься и свершить вокруг свои злодеяния. И другие пациенты доходили до рыданий. В моем опыте эта реакция связана с мобилизацией двойного фантазма, согласно которому психоанализ может принести только вред, а воздух — это среда, способствующая распространению желаний убийства.

Лечение Пандоры понемногу продвигалось. Установился психотерапевтический процесс. Но сеансы все еще были трудными. Вот пример одного «сеанса», исключительного одновременно из-за его драматической интенсивности и из-за отклонения, которое мне пришлось допустить в отношении классических канонов психоанализа. Однажды в воскресенье утром Пандора звонит мне по телефону со своего места отдыха. Ее голос еле слышен. Перед своим отъездом она объявила мне о начале своей беременности, которую она и ее муж очень ждали (прогресс в лечении дал ей возможность выйти замуж и стать

матерью). Утомленная своим состоянием, она взяла на работе двухнедельный отпуск при настоятельных советах находиться на свежем воздухе и на солнце. Но со вчерашнего дня у нее начались усиливающие приступы астмы. Респираторный страх усугублялся от страха принятия решения: используемые в этом случае средства не были ей предписаны, так как они представляли опасность для здоровья, даже для жизни ребенка, а если она их не принимала, под угрозой оказывалась ее жизнь: она задыхалась. Врач поставил ее перед этой дилеммой, принуждая к госпитализации и даже допуская прерывание беременности. Она была растеряна. Я вынужден был ее переспрашивать, так как ее едва было слышно. Затем я проинтерпретировал структуру дилеммы: «или мать, или ребенок», «или она выживет, а другой умрет, или другой выживет, а она погибнет», подобно отношению связи ребенка со своей матерью «если я живу, я провоцирую смерть матери». Пандора поправила меня: «Было наоборот. Годами я загадывала желание, чтобы исчезнуть вместо матери, без конца говорившей о смерти. Я думала, если кто-то и хочет умереть, это я, и я должна умереть во имя ее жизни». Тогда не дышать значило оставлять воздух для матери. Тут мы переходим к сеансу по телефону. Я говорю ей об этом, указывая на то, что я в ее полном распоряжении (в противоположность матери, которая не была к ней расположена). Вспоминая о том, насколько трудным было ее собственное рождение, и приближая ее к будущему рождению ребенка, я излагаю гипотезу о некоем принуждении, в котором она как мать повторяет в отношении этого желанного ребенка, который скоро должен появиться на свет, сопротивление своей матери родить нежеланного ребенка. Пандора отвечает: «В этом есть истина. Ночью я думаю, что не смогу справиться так же хорошо, как моя мать, и что я не способна дать жизнь ребенку». Тогда я предлагаю ей подробно рассказать о том, что она знает о своем рождении. Она говорит, что не может говорить так много. При моем постоянном ободрении она вынуждена признать, что именно после того, как она высказывается о своей неспособности к вынашиванию в противовес своей матери, выдвигает мне свою неспособность коммуникации по отношению ко мне. Уже более громким голосом Пандора говорит: «Я попробую».

Она приступает к непривычному для нее обстоятельному рассказу и дает мне новые детали о событии, до сего момента описанном ею кратко. Она родилась, обвитая пуповиной, все думали, что она мертва, она почернела, и нужно было срочно усилить резкие встряски и шлепки, чтобы активировать дыхание. Этот рассказ — по сути,

диалог, в котором я повторяю эхом каждую из ее фраз и в который я вовлекаю ее снова и снова путем встрясок и стимуляций, создающих вербальные эквиваленты тактильных стимуляций, не хватавших ей в раннем детстве (но я не говорю ей об этом сопоставлении). Я заставляю ее отметить, что ее респираторный аппарат функционирует только при условии получения адекватного импульса и что факт того, что она выжила, доказывает, что она была и всегда остается способной дышать, как тогда, так и теперь.

По мере нашего разговора я расслабился (должен вам признаться, ее звонок меня сильно встревожил) и почувствовал, как она тоже расслабилась. Я обращаю действие на себя, продолжая громким голосом разматывать нить интерпретаций, и подаю ей фантазм о том, что я — мать, рождающая девочку и дающая ей воздух для дыхания.

Через час я спрашиваю у Пандоры, как обстоит дело с ее дыханием («Я дышу лучше»), можем ли мы остановиться («Да»), и о том, что она собирается делать («Я только что приняла решение. На всякий случай я лягу в больницу, но не буду принимать лекарства, которые навредили бы моему ребенку»).

Во время беременности у нее случилось еще два или три острых эпизода, при которых Пандора считала себя неспособной довести дело до конца, но я располагал достаточным материалом, чтобы возобновить, развернуть и дополнить свои интерпретации в следующих направлениях: она была под влиянием материнского проклятия, запрещающего ей быть женщиной и матерью; она совершала преступление в виде оскорбления величия в желании сравняться с матерью и скрыть от нее свою беременность; она боялась не справиться с импульсом отторжения ребенка, подобно своей матери, имевшей такой импульс отторжения ее, ребенка, от себя. Эти навязчивые эпизоды были задействованы через сновидения, которые я быстро научился предугадывать, добиваться пересказывания и интерпретировать содержание. Роды были легкими. Пандора пережила со своим ребенком, которого кормила грудью, настоящий медовый месяц, прерывавшийся внезапными бурями, предостерегавшими ее от худших катастроф, которые, однако, каждый раз после кропотливой психотерапевтической работы удавалось рассеивать. Приступы астмы также случались, но менее интенсивные и не такие тяжелые. Отныне я им противостоял с помощью таблицы интерпретаций. Перенос эволюционировал от параноидного недоверия и шизоидного отстранения к полунарциссическому полуэдипову соблазнению и прогрессивному нелегкому установлению любви с помощью переноса на меня отцовского образа.

Этот фрагмент лечения иллюстрирует один момент психогенеза: недостаточность либидинозной и нарциссической загрузки новорожденного из-за матери, когда эта загрузка выражается в избегании физических контактов, предрасполагает его к респираторным нарушениям, респираторная система недостаточно простимулирована при рождении и в течение первых недель посредством возбуждения кожи ребенка. Наблюдение за Пандорой выявляет также один технический момент. Психоаналитик должен воздерживаться от прикосновений к своим пациентам и от того, чтобы те касались его¹, за исключением традиционного рукопожатия. Но он должен находить слова, которые создавали бы символические эквиваленты прикосновения и выполняли бы функции Я-телесного и Я-психического, не получившие в прошлом достаточных стимуляций для своего развития. Это восстановление в символической форме первичной тактильной коммуникации позволяет пациенту вновь обрести доверие к возможному коммуникативному опыту, не со всеми, что было бы иллюзией всемогущества и взаимозменяемости, но с собеседниками, избранными разумно и привлеченными подобающим образом. На самом деле навязчивое повторение нередко приводит к привязыванию к партнерам хрупких субъектов, повторяющих по отношению к ним лишения любви, травмы, парадоксы, примененные первичным окружением и которые так примитивно продлевают действие патогенных ситуаций. Я предложил назвать этот процесс *негативной привязанностью*. Психоаналитику надлежит не заполнять нарциссические изъяны, не давать реальный объект любви, а развивать у пациента достаточное сознание себя и других, дабы он научился искать, находить и удерживать вне анализа протагонистов, способных удовлетворить его телесные потребности и психические желания. Психическое здоровье, говорил Боулби, это выбор жизни с теми людьми, которые не делают нас больными...

---

¹ В некоторых особых случаях можно допускать минимум прикосновений исключительно в качестве перехода к установлению опоры Я на кожу, например, пациент в момент расставания на короткое мгновение упирается своей головой в плечо психоаналитика (ср. лечение мадам Оджи, описанное Р. Каспи (Kaspi, 1979)).

ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ Я-КОЖИ У НАРЦИССИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ И ПРИ ПОГРАНИЧНЫХ СОСТОЯНИЯХ

СТРУКТУРНОЕ РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ НАРЦИССИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТЬЮ И ПОГРАНИЧНЫМ СОСТОЯНИЕМ

Трудность, обнаруженная в нозологии, психоаналитической клинике и психоаналитической работе начиная с 1960-х гг., заключается в целесообразности различения или неразличения, с одной стороны, «нарциссических нарушений личности» (самих по себе более или менее смешивающихся с «неврозами характера»), с другой стороны, «пограничных состояний» (они как таковые иногда смешиваются с «предпсихотическими» организациями). В Соединенных Штатах оживленные дебаты возникли между Кохутом (Kohut, 1971) и Кернбергом (Kernberg, 1975): один — сторонник, другой — противник этого различия.

Если в общих чертах резюмировать их дискуссию, то она, кажется, сводится к следующему¹. Пограничные состояния подвергнуты воз-

---

¹ Во Франции подробный доклад об этой дискуссии представлен в двух трудах Бержера (Bergeret, 1974, р. 52–59 и р. 76; 1975, р. 283–285). Бержере в большей мере склоняется к Кохуту, нежели к Кернбергу. Он показывает, что пограничное состояние не может рассматриваться как «невроз» (даже нарциссический) и что уровень нарциссической недостаточности возрастает от нарциссической личности к пограничному состоянию, затем к предпсихотической организации (кстати говоря, эта организация охватывает психотическую еще недокомпенсированную структуру). Для Бержера настоящая болезнь первичного нарциссизма — психоз; настоящая болезнь вторичного нарциссизма (касательно отношений) — пограничное состояние; невроз, конечно же, включает в себя нарциссические слабости, но это не «болезнь нарциссизма» сама по себе. Впрочем, я благодарю Жака Паласи за помощь, которую он мне оказал в разъяснении этих вопросов.

действию аналогичных регрессий во время психотических переходных эпизодов, от которых всегда можно, но зачастую трудно вылечиться, для выздоровления требуется встреча в жизни и/или на психоаналитических сеансах с неким вспомогательным Я. Это Я будет поддерживать нормальное действие психических функций, нарушенных и даже временно разрушенных бессознательными приступами, берущих начало в недрах собственной злобной стороны природы пациента, которые он, однако, считает чуждой своей Самости. Ощущение непрерывности Самости в пограничных состояниях легко теряется.

Нарциссические нарушения личности затрагивают более развитое чувство, чувство связанности Самости. Это зависит от недостаточного развития Самости. Для Кернберга Самость берет начало в интериоризации ранних объектных отношений. Для Кохута она является результатом внутренних превратностей нарциссизма, продолжающего эволюционную линию, относительно независимую от линии отношений «Самость — объекты», где дифференциация Самости и объекта недостаточна: эти отношения нагружены нарциссически (тогда как объектные отношения нагружены либидинозно): они поддаются анализу благодаря распознаванию двух специфически нарциссических типов переноса: зеркального и идеализирующего. У таких пациентов, страдающих от нарциссических расстройств, сохраняется относительно самостоятельное психическое функционирование со способностями — утраченными в моменты нанесения нарциссических ран, но обратимыми, особенно когда другой человек проявляет эмпатию по отношению к ним — примиряться со сроком удовлетворения желания, переносить моральную боль, идентифицироваться с объектом.

Зато Кернберг различает большое разнообразие пограничных состояний по тяжести патологии характера. Эти различные степени пограничных состояний к тому же содержат связанные с ними нарциссические нарушения, сами по себе сильно варьирующиеся, идущие от нормального нарциссизма к нарциссической личности, нарциссическим неврозам и доходящие до патологических нарциссических структур, определенных как структуры с либидинозной загрузкой патологической Самости, а именно грандиозной Самости, слияния идеальной Самости, идеального объекта и актуальных образов Самости. Функция грандиозной Самости — защитная — против архаичных образов внутренней фрагментации деструктивной Самости и преследующего объекта, задействованного в ранних объектных отношениях, нагруженных либидинозно и агрессивно.

Топографическая перспектива, в которую вписывается моя концепция Я-кожи, могла бы внести дополнительный аргумент в разграничение нарциссических личностей и пограничных состояний. «Нормальная» Я-кожа не охватывает весь психический аппарат целиком, а представляет двойную поверхность, внешнюю и внутреннюю, с зазором между ними, дающим свободное место для определенной игры. У нарциссических личностей эта ограниченность и этот зазор имеют тенденцию к исчезновению. Пациент нуждается в том, чтобы обходиться собственной психической оболочкой, не иметь с другим человеком общей кожи, которая, устанавливаясь, ведет его к зависимости от другого. Но он вовсе не имеет средств для своей амбиции: его Я-кожа, начавшая формирование, остается хрупкой. Ему нужно ее укреплять. Для этого существует два пути. Первый заключается в устранении зазора между двумя поверхностями Я-кожи, между внешними стимуляциями и внутренним возбуждением, между образом, который он создает о себе, и образом, который получает в ответ. Его оболочка твердеет, превращаясь в центр и даже двойной центр интересов: для себя самого и для других, и она стремится охватить всю психику. Развернутая и затвердевшая таким образом оболочка дает психике уверенность, но она, однако, лишена гибкости, и малейшая нарциссическая рана разрывает ее. Другой путь нацелен на укрепление с внешней стороны этой зацементированной с помощью символической материнской кожи персональной Я-кожи, аналогичной эгиде Зевса или ослепительной мишуре, в которую облачаются молодые манекенщицы, зачастую больные анорексией, великолепие которых их на какое-то время нарциссирует, но они находятся перед бессознательной угрозой истощения психического контенанта. В нарциссическом фантазме мать не имеет с ребенком общей кожи, она ему ее отдает, он облачается в нее с триумфом; этот щедрый материнский дар (она снимает с себя кожу, дабы обеспечить ему защиту и жизненную силу) имеет благотворный потенциал: ребенок воображает, что ему предначертана героическая судьба (что действительно может привести его к такому воплощению). Эта двойная оболочка (его собственная, объединенная с оболочкой матери) великолепна, идеальна: она дает нарциссической личности иллюзию неуязвимости и бессмертности. В психическом аппарате она изображается с помощью феномена, который я собираюсь проиллюстрировать, — «двойной перегородки». В мазохистическом фантазме жестокая мать только делает вид, что отдает свою кожу ребенку, это отравленный подарок, коварное намерение которого заключается в том, чтобы забрать обратно

единственную Я-кожу ребенка, которая приклеится к коже матери, болезненно вырвать ее у него с целью создания фантазма об общей с ним коже, с вытекающей отсюда зависимостью, с любовью, приобретенной ценой потерянной независимости взамен добровольных моральных и физических ран.

У нарциссических личностей благодаря организации Я-кожи с двойной перегородкой сохраняется отношение контенант — содержимое, Я-психическое остается интегрированным в Я-телесное. Активность мышления, вернее творческая работа психики, все еще возможна.

В пограничных же состояниях повреждение не ограничивается периферией: нарушается вся структура Я-кожи. Две поверхности Я-кожи образуют всего лишь одну, но эта единственная поверхность скручена в виде описанного математиком Мёбиусом кольца, с которым Лакан¹ первый сравнил Я: отсюда появляются нарушения в различии между тем, что идет внутри, и тем, что происходит снаружи. Одна часть системы восприятие-сознание, обычно расположенная в интерфейсе между внешним миром и внутренней действительностью, отрывается с этого места и отбрасывается на позицию внешнего наблюдателя (пациент с пограничным состоянием внешне присутствует при функционировании своего тела и разума как безучастный зритель собственной жизни). Однако часть системы восприятие-сознание, существующая как интерфейс, обеспечивает субъекту достаточную адаптацию к реальности, для того чтобы он не стал психотичным. Фантазматическая продукция и ее запуск в действие в ближайшем окружении уменьшается. Что касается аффектов, образующих экзистенциальное ядро человека, ввиду трудности их контейнирования (из-за искаженного характера Я-кожи) они вынуждены эмигрировать из центра к периферии, куда они прибывают, чтобы занять свободные места, оставшиеся из-за смещения наружу одной части системы восприятие-сознание, где, став бессознательными, они инкапсулируются и фрагментируются на кусочки скрытой Самости, нерегулярный возврат которой к сознанию страшен как появление привидений. Отсюда появляется второй парадокс, имеющий ту же структуру, что и кольцо Мёбиуса: подобно тому как внешнее становится внутренним, которое, в свою очередь, снова превращается

---

¹ Для Лакана Я обычно имеет структуру, которая его искажает и отчуждает. Согласно моему опыту для пограничных состояний характерна эта конфигурация в виде кольца Мёбиуса.

в нечто внешнее и т. д., плохо контейнируемое содержимое становится контенантом, которое плохо контейнирует. Наконец, центральное место Самости, покинутое этими слишком сильными первичными аффектами (беспомощность, ужас, ненависть), становится пустым, и страх от этой внутренней пустоты центра — предмет основной жалобы таких пациентов, если только им не удалось заполнить ее вообразимым присутствием объекта или идеальной сущности (дело, учитель, любовь/дикая страсть, идеология и т. п.).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРИМЕР НАРЦИССИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

В качестве иллюстрации нарциссической личности я взял бы не клинический случай, а одну литературную аллегорическую историю, созданную в повести «Изобретение Мореля» (1940), написанной аргентинским писателем, другом и сотрудником Борхеса, Бьёем Касаресом¹. Рассказчик, укрывшись на необитаемом острове, записывает в своем дневнике слухи о нем: «Остров является очагом болезни, пока еще загадочной, убивающей снаружи вовнутрь. Ногти и волосы выпадают, отмирает кожа и роговица, затем через неделю или две погибает и само тело. С членов экипажа одного парохода, ставшего на якорь около острова, сошла кожа, они были лысыми, без ногтей — все были мертвы, когда японский крейсер “Намура” обнаружил их тела» (р. 12). В конце эта болезнь телесной оболочки поражает — во всех смыслах этого слова — и рассказчика. Он делает запись об этом на предпоследней странице своего дневника: «Я теряю зрение. Осязание стало для меня невозможным; у меня отпадает кожа; ощущения неясные, болезненные; я силюсь избегать их. Глядя на себя в зеркальную ширму, я констатировал, что у меня нет волос, ногтей, я розового цвета» (р. 120). Коррозия происходит в два этапа: сначала эпидерма, затем она поражает дерму.

Это подтверждает мою идею о существовании двойной психической кожи — кожа внешняя, кожа внутренняя, связь которых позволит добавить ясности в отношения. Именно все более и более глубокое поражение кожи задает лейтмотив, вокруг которого в повести Бьёя Касареса образуется серия вариаций. Первая вариация: рассказчик, жертва одной судебной ошибки, бежит от пожизненного заключения на этот маленький необитаемый остров, который отныне служит ему

¹ Ссылки относятся к переизданию в собрании 10/18 (UGE, 1976) перевода на французский язык повести «Изобретение Мореля», первоначально опубликованной у Робера Лаффона в 1973 г.

вечной тюрьмой. Он предстает как человек преследуемый, с которого постоянно живьем сдирают кожу. Фрустрации и травмы, накапливаемые в нем в этом негостеприимном местечке, вторгаются в его хрупкую Я-кожу. Сам остров, вторая вариация, описан как символическая несостоявшаяся вторая кожа, которой недостаточно обволакивать, контейнировать, защищать своего обитателя: приливы его заливают, болота превращают в вязкую топь, комары доводят до исступления, деревья гниют, бассейн кишит гадюками, жабами, водяными насекомыми, сама растительность гибнет от собственного изобилия, субстанции, обнаруженные в том месте, которое рассказчик называет музеем (по сути это была гостиница), повреждены. Третье упоминание о кожном разложении, постепенно угрожающем жизни тела и духа, принимает философско-теологическую форму. Проблема, занимающая мысли рассказчика, когда он не занят борьбой за каждодневное выживание, это проблема вечной жизни: сознание, являющееся внутренней жизнью тела, может ли оно остаться после смерти, хотя бы частично, на поверхности этого тела? Как ограничить разложение сознания?

Это поражение внешней Я-кожи в повести Бьоя Касареса связано с опытом волнительного общения, с ошибкой восприятия и путаницей убеждений у рассказчика. Он думал, что находится в укрывице на своем необитаемом острове. С первых страниц дневника, а потому что он и решил его завести, его удивление перерастает в ужас. Внезапно на острове стали раздаваться старые популярные песенки, воспроизводимые невидимым фонографом. «Музей» заполнился служащими и отдыхающими, необычными и высокомерными, одетыми по моде двадцатилетней давности. Бассейн, на первый взгляд непригодный для купания, оживляется от их забав. Они гуляют по верхней части острова. Постоянно скрываясь от постороннего взора, он слышит и записывает отрывки их разговоров. Этому негостеприимному для рассказчика острову со странными конструкциями противопоставляются эти мужчины и женщины, ведущие себя здесь вольготно и непринужденно. Поначалу он боится, что его заметят, поймут и предадут суду. Но на него явно никто не обращает внимания. Тогда его охватывает куда более фундаментальное беспокойство: несмотря на его оплошности, которые должны были бы выдать его присутствие, несмотря на его попытки заговорить с выделявшейся из толпы женщиной-цыганкой, в которую он влюбляется, все эти вполне реальные проявления свидетельствуют лишь о безразличии к нему. «Ее взгляд прошел сквозь меня, как будто я был невидимкой» (р. 32). Чем больше

они становились ему близки, тем более казались странными. Он верит в их существование. Но эти «привидения» не верят в его существование до такой степени, что он боится покончить убийством или дойти до безумия.

Наконец рассказчик понимает, что это путаница убеждений принадлежит ему. «Теперь кажется, настоящая ситуация не та, что была описана на первых страницах; что ситуация, которую я проживаю, не та, которую я думаю, что проживаю» (р. 68). На самом деле он присутствует при сцене, когда накануне отплытия Морель объясняет всем смысл своего изобретения. Он их снимал и записывал без их ведома на этом острове, который он приказал оборудовать тремя видами аппаратов: для считывания изображений, их сохранения и проецирования, — не только их визуальные и слуховые образы, как это делается в кино или на телевидении, но и тактильные, термические, обонятельные и вкусовые образы. Если, как заявляют английские философы-эмпиристы, сознание — это не что иное как сумма наших ощущений (постулат, как мне кажется, заложенный в рассуждениях Мореля), эти образы, воспроизведи они чувственную совокупность одного индивидуума, обретут душу. Не только зритель, который будет присутствовать на их проецировании, воспримет рассматриваемого индивида как реального, но и снятые таким образом актеры во время этих проецирований взаимно ощутят себя живыми и в сознании. Морель, женщина, которую он безответно любил, и компаньоны, проведшие на острове неделю, останутся жить вечно. Каждый большой прилив перезаряжает моторы, надежно укрытые в подвалах музея, и начинается проецирование фильма об их пребывании в натуральном формате. Таким образом, явления, так взбудоражившие рассказчика, были только образами, фантомами реальных существ, привидениями людей, которые, несомненно, существовали во времена его детства, двадцать лет назад, одним словом, идола¹. Изобретение Мореля аллегорично в двойном смысле. Литературная аллегория: роман — тоже своего рода машина для производства персонажей, наделяющая их такими чувственными качествами, что читатель воспринимает их как живые существа. Метапсихологическая аллегория: машина Мореля с тремя типами аппаратов для восприятия, записи и проецирования является метафористичным вариантом фрейдистского психического

¹ Древние греки объясняли видения предметов фактом того, что некая невидимая пленка отрывается от объектов и переносит их форму на глаз человека, воспринимающего таким образом отпечаток. Идол (от глагола *idein* — «видеть») — это двойная бесплотность объекта, позволяющая его увидеть.

аппарата — система восприятие-сознание раздвоена, запись соответствует предсознательному, а бессознательное... забыто. В противовес хрупкой человеческой коже, съедаемой, продырявленной, машина Мореля изображает утопию нетленной кожи. Очарованный идеальностью их пленки рассказчик с такой хрупкой Я-кожей, вместо того чтобы любить реальные существа, предпочитает обожание их идолов — то, что, собственно, и называется идолопоклонничеством.

Машина Мореля снимала на пленку и Мореля, и его компаньонов в течение одной недели, эпизоды которой она будет воспроизводить бесконечно. Эта запись забирает у реальных существ параметры их жизни и сознания, дабы передать их спроецированным образам. «Я вспомнил, что ужас, который некоторые народы испытывают от того, что их образ может быть запечатлен, основан на веровании, согласно которому во время рисования человека его душа переходит в его образ и человек умирает: <...> для гипотезы о том, что образы обладают душой, кажется, в качестве основания требуется, чтобы источники передачи теряли душу, когда на них нацелены аппараты» (р. 111—112). По «неосторожности», говорит он (р. 110), но скорее по присущей его убеждению логической необходимости рассказчик приступает к верификации самого себя. Он размещает свою левую руку перед записывающим аппаратом, и вскоре после этого его реальная рука лишается мягких тканей, тогда как образ его невредимой руки хранится в архивах музея, куда он ходит время от времени, чтобы воспроизводить ее для себя на экране. Так он понимает, каким образом погибли Морель и его друзья: снявшись на вечную память. Цинизм Мореля привел к тому, что он — единственный из группы, кто знал об этом и хотел этого: «Именно в этом чудовищность, кажущаяся вполне гармоничной человеку, преследующему свою идею, организовавшему групповую смерть и собственной властью решившему вовлечь в это всех своих друзей» (р. 112). Иллюзия бессмертности сопровождается — и это меня не удивляет — групповой иллюзией: благодаря изобретению Мореля «человек выбирает место уединенное и приятное, собирает вокруг себя людей, которых любит больше всего, и увековечивает себя на лоне истинного рая. Такой же сад, если сцены для увековечения снимаются в разные моменты, включит в себя огромное количество индивидуальных раев, с помощью которых общества, не зная друг друга, выполняют одновременно свою функцию, без конфликтов, почти в одних и тех же местах» (р. 97—98).

Рассказчик — некая копия Мореля — доводит логику его изобретения и этой иллюзии до крайности. Он влюблен в бессмертную

Фостину, не способную его воспринимать. Тогда ценой огромных усилий он учится управлять работой машины. Он проецирует сцены, где присутствует Фостина, перезаписывает их, включая в них себя, будто он гуляет с женщиной и ведет с ней любовный диалог. Это может принести ему только гибель, его кожа уже начинает разрушаться. Но вместо старой записи он закладывает в проекционную машину эту новую, которая отныне будет воспроизводиться вечно. Его дневник и жизнь останавливаются на пожелании того, что кто-нибудь другой изобретет более совершенную машину, которая поместит его в сознание Фостины, — машину, которая покончит со стиранием разницы между восприятием и фантазмом, между репрезентацией внешнего свойства и репрезентацией внутреннего происхождения.

ФАНТАЗМ О ДВОЙНОЙ ПЕРЕГОРОДКЕ

Иллюзия бессмертности, групповая иллюзия, иллюзия влюбленности, иллюзия реальности романтических персонажей — таким образом мы оказываемся в нарциссической проблематике. И необходимость перегрузить таким путем нарциссическую оболочку кажется защитной компенсацией фантазма об удаленной коже: перед лицом постоянной опасности внешних/внутренних атак необходимо вновь позолотить герб Я-кожи, плохо укрепленный в своих функциях защиты от раздражителей и психического контента. В таком случае топографическое решение заключается в том, чтобы устранить зазор между двумя поверхностями Я-кожи, внешней и внутренней, и представить интерфейс как двойную перегородку. Пока такое решение остается в прямом смысле «образным» (то есть производящим образ себя, обманчивый, но убедительный), пациент попадает в список больных неврозом, но если это решение заключается в реальной трансформации Я-кожи, это аутизм, или психогенный мутизм, как это попыталась объяснить Анни Анзье в работе «От плоти к слову» (А. Anzieu, 1978, р. 129): «Внешняя кожная оболочка тела реально “пронизана” органами чувств, анусом и уретральным отверстием. Можно выдвинуть гипотезу о том, что чувствительность этих отверстий, направленных наружу тела, посредством проходящего через них объекта вызывает у маленького ребенка путаницу: внутренний контакт тела и его содержимого с кожной перегородкой, который дает ему свои границы, не различается от внешнего кожного контакта с окружающими предметами. Это значит, что ребенок охвачен визуальными образами, звуками, запахами, и он становится контентам всего этого и местом

прохода, как это происходит с калом, мочой, молоком или собственным криком. Таким образом, внутренняя оболочка тоже может быть атакованной и проткнутой восприятиями-объектами. Некоторые тревожные ситуации превращают это фантазматическое явление в манию преследования, будоражащую и совершающую насилие над внутренней частью тела младенца, против чего необходимо действовать путем закрывания всех контролируемых отверстий любым способом».

Таким образом, любопытно констатировать, что рассказчик в «Изобретении Мореля» ввиду недостаточной дифференциации внешней поверхности от внутренней испытывает иллюзию двойной перегородки. После того как ему удалось с помощью люка обнаружить месторасположение герметично закрытого подвала с машинами, он смог проникнуть в него через брешь, выдолбленную железной палкой. Более, чем от вида стоявших машин, он пришел «в восторг и безграничное восхищение от стен, потолка, пола, которые были из голубого фарфора, и все, вплоть до самого воздуха <...> имело ту небесную и глубокую прозрачность, которую можно увидеть в пене водопадов» (р. 20). Как только он догадывается о намерении Мореля, он возвращается к машинам, для того чтобы понять и научиться управлять ими. И в то время как машины начинают работу, он их исследует, но тщетно, так как механизм остается недоступным. Он оглядывает зал вокруг себя и внезапно чувствует себя сбитым с толку. «Я поискал щель, которую выдолбил ранее. Ее больше не было <...>. Я сделал шаг в сторону, чтобы проверить продолжение иллюзии <...>. Я ощупал все стены, собрал с полу кусочки фарфора, кирпича, разлетевшиеся, когда я пролезал через отверстие. Я очень долго ощупывал стенку в том самом месте. Я вынужден был признать, что она была восстановлена» (р. 103—104). Он снова воспользовался железной палкой, но куски стены, которые он крошил, тут же собирались воедино. «В видении, таком ясном, что оно казалось эфемерным и сверхъестественным, мои глаза увидели небесную сплошность фарфора, целую и невредимую перегородку, замкнутую комнату» (р. 105). Никакого выхода больше не было, он почувствовал себя загнанным зверем, жертвой колдовских чар и потерял самообладание. Затем он понял: «Эти стены <...> являются проекциями машин. Они совпадают со стенами, выложенными каменщиками (это те самые стены, заснятые машинами, а затем спроецированные на них же самих). Там, где я пробил или удалил первую стену, остается спроецированная стена. Поскольку речь идет о проецировании, никакая сила не способна ее преодолеть или убрать (пока работают

моторы) <...>. Морель, должно быть, представлял это проецирование за двойной перегородкой так, чтобы никто не смог подступиться к машинам, поддерживавшим его бессмертие» (р. 106).

Для более глубокого исследования нарциссической оболочки и ее роли для авиатора, героя, творца я отправил читателя к работе Андре Миссенара «Нарциссизм и разрыв» (Missenard, 1979).

НАРУШЕНИЯ УБЕЖДЕНИЙ И ПОГРАНИЧНОЕ СОСТОЯНИЕ

Убеждение — жизненная потребность человека. Невозможно жить без убеждения, что мы живые. Невозможно воспринимать внешний мир, не веря в его реальность. Невозможно стать человеком, если не верить в идентичность и непрерывность Самости. Невозможно находиться в состоянии бодрствования, если не верить в то, что ты проснулся. Естественно, эти убеждения, результатом которых служит наше приобщение к бытию и которые позволяют проживать нашу жизнь, не являются знаниями. Когда начинаешь изучать их под углом истинного или ложного, они оказываются спорными, и философия, литература, религия, психология немало потрудились либо во имя их оправдания, либо во имя своих амбиций.

Человеческое существо, обладающее убеждениями, конечно же, должно подвергать их сомнению. Но тот, кто ими не обладает, должен их обрести, дабы почувствовать свое существование, к тому же комфортное существование. Без убеждений он страдает и жалуется на их отсутствие. На этот счет показательна клиника уже не нарциссических личностей, а пограничных состояний, депрессий, некоторых психосоматических неорганизованностей (то есть состояний, отмеченных либо частым, либо продолжительным повреждением психического контенанта). Один из теоретических фактов, позволяющий понять этот дефект убеждения, был представлен Винникоттом (Winnicott, 1969). Я-психическое развивается как путем установки опоры, так и путем дифференциации и расщепления, начиная с Я-телесного. У человеческого существа имеется тенденция к интеграции, к «достижению единства психического и телесного, основанному на жизненном опыте тождеству между разумом и психикой и тотальности психического функционирования». Эта тенденция, скрытая с самого начала развития грудного ребенка, укрепляется или нарушается при взаимодействии с окружающей средой. За неким первичным не интегрированным состоянием следует интеграция: тогда психика вселяется в сому с наслаждением психосоматического единства,

соответствующего тому, что Винникотт назвал Самостью. Добавим, в этот самый момент у малыша устанавливается тройное убеждение в непрерывности своего существования, в своей осознанной идентичности и в естественном функционировании своего тела. Это убеждение, лежащее в основе главнейшего удовольствия жизни, подчиняется принципу удовольствия. Но одна из характеристик этого принципа заключается в том, что при некоторых условиях тенденция избегать неудовольствия становится сильнее (как это показал Блон) поиска удовольствия: слабость врожденного оснащения, недостаточно доброе окружение, ранние чрезмерные или накапливающиеся травмы. В таком случае субъект устанавливает защитную диссоциацию против боли от бессилия, фрустрации или беспомощности, рискуя получить свои испорченные базовые убеждения или потерять в целом или частично свое главнейшее удовольствие жить. Таким образом, согласно Винникотту, не является ли психосоматическая диссоциация у взрослого регрессивным феноменом, использующим остатки раннего расщепления между психикой и сомой? Расщепление между психическим и соматическим защищает от опасности тотальной деструкции, которая дала бы психосоматическому больному убеждение в том, что он — унифицированный человек, объединяющий тело с психической жизнью, так как если бы один из этих аспектов подвергся атаке, целостность его личности была бы разрушена. Расщепление составляет часть игры, при которой, жертвуя одним аспектом, сохраняют другой. Если в первое время эта защита обеспечивается осуществляющими уход людьми в достаточной мере, психосоматический больной сможет почувствовать себя внутренне достаточно уверенным, для того чтобы в нем появилась и заработала тенденция к интеграции. Там, где вследствие этого расщепления убеждение не появляется, устанавливается страх пустоты.

Наблюдение за Себастьяной

Себастьяна, в отличие от нарциссической личности, описанной в повести Бьойя Касареса, являет пример пограничной организации, которую повторный анализ лицом к лицу со мной смог улучшить после продолжительного неудачного первого анализа, проведенного неким «психоаналитиком», жадным до интерпретаций и любителем слишком коротких сеансов. Она предстала предо мной в состоянии тяжелой депрессии, явившейся результатом этого недавно остановленного лечения и усугубленной резкой потерей идеала в своем психоаналитике.

Вот выписки из последнего сеанса накануне гнетущего ее перерыва в летние каникулы, вызывающего страх за нарушение непрерывности Самости.

«Кое-что происходит, налаживается и... бац! Только я начинаю в это верить, каникулы тут как тут... Вопрос относительно “только я начинаю в это верить” встает прямо посреди каникул. Я боюсь. С кем я сейчас разговариваю? Что происходит? Что со мной делают? Последний раз, когда вы со мной разговаривали о том эпизоде из моего детства (речь шла о неприятных сексуальных играх, в которые она была вовлечена со своим старшим сводным братом и в которых сдерживала себя от удовольствия и отлучала от своего тела), я почувствовала большую ложь. Вы заставляли меня говорить о том, чего я не знала, чего не испытала (я припомнил ее головокружение перед ощущениями, которые она должна была испытать тогда). Однако есть вещи и похуже. Говоря вам это, я вам это говорю, не говоря этого, я себя ненавижу, я вас ненавижу. Я устала от всего <...> Почему я все еще здесь? Несомненно для того, чтобы вы оказались на месте, отличном от того, которое я для вас насильно проецирую в этот момент. Чтобы вопреки всему иметь возможность говорить с вами. Чтобы вы все же отвечали мне, и чтобы я могла жить».

Ее чувство вины поверхностно, а стыд глубок, он связан с некой Я-кожей, не выполняющей свою функцию защиты от раздражителей в достаточной мере, из-за дефектов которой ощущения, эмоции и влечения этой Я-кожи, которые Себастьяна хотела бы скрыть, подвергаются риску стать видимыми для других. Падение во внутреннюю пустоту — способ укрыться от возможных взглядов. Возбуждение не связано с эдиповыми фантазмами; не только не признается ее сексуальное чувство, но и возбуждение переживается как нечто чисто механическое и радикально лишенное всякого чувства. Попытки его разрядить, то есть дать ему количественное разрешение, приводят к неудачам: мастурбация в подростковом возрасте и коитус теперь приводят ее к оргазмам, но они не снимают все еще неясного напряжения в ее теле. Дело в том, что ощущение претерпело некую качественную трансформацию; приятное качество ощущений было оторвано от них и стало причиной расщепления на множество распавшихся кусочков, разрушивших это приятное качество. Себастьяна отдает предпочтение принципу избегания неприятного любой ценой, а не принципу поиска удовольствия, поиска, от которого она

предпочитает отказаться во имя того, чтобы обойти свое либидо загрузки в объекты и поставить его на службу нарциссическим целям Я и защитам Самости. Согласно Биону такое предпочтение присуще психотической части психического аппарата, той, что не контейнируется окружающей средой или мышлением. Опустошать чувственные качества — способ если не устранения неприятного (так как оно продлевает чувство дискомфорта), то по крайней мере способ удерживания его вне системы восприятие-сознание. Это пустота-санитар, создающаяся психическим аппаратом как эрзац контейнирующей и обхватывающей оболочки, которую поврежденная Я-кожа обеспечить не в состоянии. Именно эту образованную таким путем пустоту чувственных качеств (в то время как другие ее телесные и интеллектуальные функции остаются в основном нетронутыми) Себастьяна испытывает, но без веры в то, что она испытывает, без веры в возможность естественного функционирования. Ее жизнь проходит в стороне от нее. Она присутствует дистанционно при механическом функционировании своего тела и духа — то существенное, что мы установили с ней в результате трех лет нашего психоанализа. На мой взгляд, растущую ненависть она выражает по трем причинам: потому что она недовольна этим улучшением, которое обрекает ее на автоматическое функционирование без удовольствия и уменьшает ее значительные в прошлом интуитивные способности; потому что ее либидо, восстановленное с помощью лечения, вновь ориентируется на объекты и вновь загружает свои эрогенные зоны, что угрожает достигнутому равновесию, образуя пустоту, к которой она остается привязанной; и, наконец, потому что эволюция переноса освобождает ее от поиска во мне анаклитического оплота достаточно понимающего окружения и сталкивает ее с пугающим образом соблазняющего и преследующего мужского пениса. В то же время вопреки этому просыпается и надежда на другой режим функционирования, основанный на принципе удовольствия и способный сделать ее счастливой: летние каникулы приходится как раз на тот момент, когда она начинает «в это верить». Таким образом, мне следует проинтерпретировать навязчивое желание повторения неприятного, то есть ожидание, а именно провоцирующее предвосхищение возврата разочарования, пережитого когда-то в результате ранних вторжений и парадоксальных требований матери: щедрая и излишне заботливая мать, что касается ухода за телом и проявления сильной любви к дочери, резко меняла свое поведение и становилась жесткой, нравоучительной и непреклонной, сталкиваясь с выразившимися ребенком потребностями Я.

Но дело не только в этом. Мать, светская женщина, связанная с религией, если можно позволить подобное сочетание, посвящала себя общественным делам. На время своих частых отъездов присмотр за Себастьяной она поручала одной соседке, коренастой крестьянке, простой и преданной, которая, активно занимаясь хозяйством правой рукой, левой держала малышку, более или менее крепко прижав к своему телу. К тому же эта женщина носила огромный кожаный фартук, заляпанный жиром, он никогда не стирался, и ножки малышки, обутые в шерстяные пинетки, скользили по нему. Так, страх потери матери усугублялся безнадежным поиском физического упора, первоначальной подпорки, и страхом отсутствия поддерживающего объекта. Мне потребовалось определенное время, чтобы приблизить повторение в переносе этого изъяна, воспрепятствовавшего первой функции Я-кожи: у меня на самом деле было неприятное впечатление оттого, что, какой бы ни была моя самоотверженность, моя искусность в интерпретации, пациент ускользал из моих рук.

На протяжении долгого времени меня интриговало положение тела Себастьяны: она садилась в кресло передо мной, но ее тело не находилось напротив моего; она отклонялась в правую сторону примерно под углом двадцать градусов относительно меня и оставалась в этой позе в течение всего сеанса; когда же она говорила со мной или слушала меня, на меня смотрел только ее левый глаз. Я говорил себе, что она устанавливает со мной «облическую¹» коммуникацию; впрочем, и мои интерпретации она нередко понимала вкривь и вкось: у меня складывалось впечатление, что во время разговора с ней я — игрок в бильярд, который должен целиться в красный шар не прямо, а от борта. Такое положение тела по сути было обусловлено рядом факторов: с эдиповой точки зрения она защищала тело от воспоминания о сексуальном совокуплении со старшим сводным братом; с точки зрения нарциссизма своим телом она выражала перекручивание своей Я-кожи по аналогии с кольцом Мёбиуса, о котором я писал выше как о типичном явлении для пограничных состояний. Это перекручивание интерфейса, образованное системой восприятие-сознание, привело ее к ошибкам в восприятии эмоциональных и жестикуляционных сигналов, переданных окружением, далее к углублению непонимания и фрустрации, наконец, взрыву гнева, изнурительного для нее и ее близких.

Себастьяна сделала для себя вывод, что ее психоанализ закончился в тот день, когда она села ко мне лицом, а не профилем, чтобы сказать

¹ [Облический — от *lat. obliquus* — кривой.]

мне в глаза две вещи, которые она хотела донести: с одной стороны, ей необходимо прервать этот психоанализ, забравший у нее слишком много времени и денег, вновь погружавший ее в чересчур большие страдания и ненависть, излишне затягивавший ее прошлое в настоящее, способствовавший тому, чтобы она медлила с жизнью. С другой стороны, у нее нет больше перекрученного разума, будто посредством какого-то нового щелчка ее позвоночник встал на место, так что теперь она чувствует себя способной справляться со своими реакциями разочарования и ненависти, приводя их в четкие рамки и самостоятельно освобождаясь от них.

Примеры с другими пациентами убедили меня в возможности внезапной реструктуризации Я и Самости, если при переносе устанавливается не облическая коммуникация с другим человеком. При лечении нарциссических личностей обычно хватает восстановления контейнирующей функции Я-кожи. Но лечение пограничных состояний, как это показано на примере с Себастьяной, помимо этого требует восстановления функций поддержки, защиты от раздражителей и либидинозной перезарядки Я-кожи.

ДВОЙНОЙ ЗАПРЕТ ПРИКОСНОВЕНИЯ, УСЛОВИЕ ВЫХОДА ЗА ПРЕДЕЛЫ Я-КОЖИ

Четыре причины побуждают меня выдвинуть гипотезу о запрете прикосновения. Одна причина — историческая и эпистемологическая: Фрейд открыл психоанализ (последовательную терапию, эдипову организацию невротиков) лишь после того, как в ходе практики имплицитно определил для себя подобный запрет (не прибегнув при этом к созданию теории).

Причина психогенетическая: первые запреты, исходящие от семейного окружения по отношению к ребенку, когда он начинает ходить (передвигаться) и вступает в коммуникацию (инфравербальную и долингвистическую), касаются главным образом тактильных контактов; именно при опоре на многочисленные изменчивые запреты экзогенного характера и возникает некий запрет, имеющий внутреннюю природу, относительно перманентный и автономный, не однородную, но двойственную природу которого я уточню.

Причина структурная: если Я, следуя определению Фрейда, функционально есть поверхность (психического аппарата) и проекция поверхности (тела), если Я функционирует прежде всего в соответствии со структурностью Я-кожи, то как же оно может перейти к другой системе функционирования (а именно мышления, свойственного Я-психическому, отличному от Я-телесного и по-иному связанного с ним), в противном случае, оказываясь под влиянием двойного запрета прикосновения, отказываясь от приоритета удовольствий кожи, а затем и руки, и трансформируя конкретный тактильный опыт в базовые репрезентации, на основе которых и могут устанавливаться системы интерсенсорных соответствий (сначала на конфигуративном

уровне, поддерживающем символическую референцию при контакте и прикосновении, затем на чисто абстрактном уровне, освобожденном от этой референции)?

И наконец причина полемическая: быстрое развитие психотерапии, именуемой «гуманистической» или «эмоциональной», конкуренция «групп общения», содействующих, даже навязывающих телесные контакты между участниками, и таким образом возникающая на протяжении этих последних десятилетий угроза по отношению к строгости психоаналитической техники и ее правила абстиненции вызывают со стороны психоаналитиков иную реакцию, а не слепое и глухое безразличие, или негодующее презрение, или страстную увлеченность «новыми» методами (зачастую представляющими собой изменение и вариации допсихоаналитических методов «суггестии»).

Каковы же с точки зрения способов организации психической экономики эффекты тактильной стимуляции: восстановление нарциссизма, эrogenное возбуждение, травматическое насилие? В чем же заключается игра тактильных интеракций в первичной коммуникации? Каковы типичные случаи, в которых возобновление подобной игры предопределено и даже необходимо или бесполезно и даже вредно? Будь то стимулирующие или тормозящие дальнейшую сексуальную жизнь последствия, берут ли они начало из успеха или сбоев психического аппарата для конституирования Я-кожи, а затем для выхода за его пределы в Я-мыслящее? Почему современная психоаналитическая рефлексия очень часто теряет из вида фрейдовскую (и клиническую) констатацию, согласно которой психическая жизнь базируется на чувственных характеристиках? Таковы вопросы, связанные воедино с необходимостью признания запрета прикосновения.

ИМПЛИЦИТНЫЙ ЗАПРЕТ ПРИКОСНОВЕНИЯ ПО ФРЕЙДУ¹

В животном магнетизме Месмер вступает в «отношение» с пациентом, касаясь его рукой, взглядом, голосом до тех пор, пока не введет того в состояние аффективной зависимости, анестезии сознания и готовности к возбуждению, где под воздействием непосредственного контакта руки или опосредованного контакта через прикосновение

¹ В настоящей редакции этого параграфа я принял во внимание многочисленные замечания, сформулированные Ж. Бонне (Bonnet, 1985) по поводу моей статьи «О двойном запрете прикосновения», опубликованной в 1984 г.

пациента к железному стержню, погруженному в намагниченный чан с водой, передается катарсический импульс. После чего рука гипнотизера лишь изображает прикосновение, производя пассы перед глазами больного, сидящего или лежащего, погружающегося в искусственный сон. Для лучшего применения своей техники контр-суггестии, направленной на устранение истерических симптомов, Шарко просит пациентов, которых он вводит в гипноз, закрыть глаза. Именно теплота, настойчивость и твердость голоса гипнотизера усыпляют и устраняют симптом. Но, пальпируя истерогенные зоны, рука Шарко остается лечащей и экспериментальной, устраняя перед публикой истерический криз. Вслед за голосом, который не просто говорит, и, возможно, взглядом, который не просто созерцает (взгляд и речь обволакивают, овладевают, ласкают, то есть взгляд, голос обладают тактильными возможностями), следует рука гипнотизера (преимущественно мужская), выполняющая реальную или символическую функцию воздействия на взрослых, особенно на молодых женщин, а еще больше на истериков, она выполняет дополнительную функцию соблазнения: вторичный положительный (или, скорее, отрицательный) эффект операции.

В течение 10—12 лет, предшествующих самоанализу своих сновидений и открытию психоанализа, Фрейд-гипнотерапевт — скорее, человек, воздействующий взглядом и рукой, а не словом. Инцидент, ретроспективно объясняющий ему недоразумение, произошедшее между Брейером и Анной О., предупреждает его о рисках, а именно о риске соблазнения. Некая медицинская сестра, которую Фрейд излечил от ее симптомов посредством гипноза, бросилась ему на шею, чтобы поцеловать, и была готова кинуться в его объятия. Фрейд не поддался и не испугался: он обнаружил, доверительно сообщает он, феномен переноса. О чем он умолчал, что само по себе понятно, так это о том, что психотерапевту следует запретить себе любое телесное сближение со своими пациентами. Тем не менее, если контакт между телами не допускается во избежание риска эротизации, рука продолжает аускультировать больные точки — яичники фрау Эмми фон Н., бедро фрейлины Элизабет фон Р., — где накапливается возбуждение и неожиданно может привести к разрядке удовольствия. Затем, когда Фрейд убирает из практики гипнотический сон и переходит к психоанализу, его рука идет вверх от истерогенных зон, где происходит соматическая конверсия, к голове, где действуют патологические воспоминания бессознательного. Он предлагает своим пациентам лечь, закрыть глаза, сконцентрировать внимание

на своих воспоминаниях (визуальных, разумеется, но также и на слуховых, когда речь идет о фразах, которые символизация буквально вписала в тело) и на соответствующих эмоциях, возникающих в ответ на вопрос о причине происхождения их симптомов. В случаях сопротивления (когда пациенту ничего не приходит на ум) Фрейд прибегает к прикладыванию своей руки к их лбу, объявляя о том, что отнятие его руки вызовет появление желаемых и вытесненных образов. Итак, пациенту для его облегчения остается сообщить о том, что он видит и слышит в себе. Речь всегда идет о суггестии, даже если она ограничена и локализована. И о том же латентном сексуальном заряде. О чем свидетельствует толкование сновидения одного из моих пациентов. Этот молодой человек увидел во сне, что я провожу с ним сеанс не у себя в кабинете, а в ином месте, предположительно, в моем загородном доме, что я занимаю по отношению к нему дружескую позицию. Я сижу в большом ротанговом кресле. Я приглашаю его сесть к себе на колени. События стремительно ускоряются, я целую его в рот, смотрю ему пристально в глаза, кладу свою руку ему на лоб и шепчу ему на ухо: «Скажите мне, что вы обо всем этом думаете?» Пациент просыпается в ярости от моего поведения или, скорее, от моего беспутства, приняв за свершившийся факт сновидение, автором которого он является.

Пациенткой, благодаря которой Фрейд больше всего постиг основные характеристики будущего аналитического распорядка, несомненно, явилась фрау Эмми фон Н. С 1 мая 1889 г. она заклинает его: «Не двигайтесь — ничего не говорите — не прикасайтесь ко мне!» — заклинание, которое она часто повторяет впоследствии¹ (Freud, Breuer, 1895d, tr. fr., p. 36). Другая пациентка Ирма, которую Фрейд наблюдал вместе с Флиссом, вызвала у него 24 июля 1895 г. первое сновидение, подвергнутое им самоанализу. Итак, в сновидении он аускультирует ее горло, грудь, вагину и констатирует, что рецидив ее симптомов связан со сделанной «необдуманно» «инъекцией» препарата, трехкомпонентное соединение которого имеет отношение к сексуальной «химии». Медицинская аускультация тела больной и ее болезненных и истерогенных зон может быть только физической. Психоаналитическая аускультация эрогенных зон может быть лишь ментальной и символической. Фрейд (Freud, 1900a) слышит предостережение. Он отказывается от ментальной концентрации,

¹ [Freud, S., Breuer, J. Studien über Hysterie (1895d). // G. W. — Bd. I. — S. 100 {S. 75–312}.]

вводит термин «психоанализ» и основывает порядок терапии на двух непреложных и необходимых правилах: правило неутаивания и правило абстиненции, он приостанавливает всякий тактильный обмен с пациентом в пользу единственного обмена — языкового, обмена все же диссимметричного, поскольку пациент может позволить себе говорить свободно, в то время как психоаналитик должен говорить лишь тогда, когда это уместно. Еще большая диссимметрия касается взгляда: психоаналитик видит пациента, пациент не может и не должен видеть психоаналитика (даже когда Фрейд не заставляет его закрывать глаза).

В такой ситуации пациенты, а вслед за ними и Фрейд все более и более погружаются в сновидение. Методический анализ этих сновидений — собственных и его пациентов — привел его в октябре 1897 г. к основополагающему открытию эдипова комплекса. Итак, возможность объяснения структурирующей роли запрета инцеста появилась лишь после того, как запрет прикосновения был признан имплицитным образом. Персональная история фрейдовского открытия обобщает в этом вопросе универсальную инфантильную историю. Запрет прикосновения как акта физического насилия или сексуального соблазна предшествует, предвосхищает, делает возможным эдипов запрет, воспрещающий инцест и паррицид.

Вербальный обмен, отграничивающий поле терапии, эффективен только потому, что он продолжается на новом символическом уровне, касаясь того, что ранее было предметом обмена визуального и тактильного регистров. Свидетельством тому является примечание 79 Фрейда к статье «Три очерка по теории сексуальности» (Freud, 1905d, p. 186):

«Пояснением о происхождении детского страха я обязан одному трехлетнему мальчику, который однажды, лежа один в темной комнате, попросил: “Тетя, поговори со мной; темно, и мне страшно”. Тетя откликнулась: “Какая ж тебе от этого польза? Ты ведь меня не видишь”. — “Ну и что, — ответил ребенок, — когда кто-то говорит, становится светло”»¹.

И Фрейд в другом отрывке, касающемся различных типов сексуальных прелюдий, в которых задействованы прикосновение или взгляд, уточняет:

---

¹ [Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d). // G. W. — Bd. V. — S. 126 {S. 27, 33–145}.]

«То же самое и с разглядыванием, вышедшим в конечном счете из ощупывания»¹ (Ibid., p. 41).

Осязание является основополагающим лишь при условии, если оно в нужный момент оказывается под запретом. Неотъемлемым дополнением предписания на любое высказывание является запрещение не только действия, но в особенности прикосновения. Тактильный запрет, распространяющийся как на пациента, так и на психоаналитика, усиливается визуальным запретом, особенно это касается пациента: тот не должен стремиться «увидеться» с психоаналитиком вне сеанса, не должен иметь с ним «контактов».

Психоаналитический распорядок отделяет скоптофильское влечение от его телесной опоры, взгляда (речь идет о том, чтобы знать, отказываясь от того, чтобы видеть); влечение к овладению отделено от телесной опоры, руки (речь идет о прикосновении пальцем к истине, но уже не к телу, это означает переход от категории удовольствие-боль к категории истинно-ложно). Это позволяет этим двум влечениям, присоединенным к эпистемофильскому влечению, конституировать, по выражению Гибелло (Gibello, 1984), «эпистемические объекты», отличающиеся от либидинозных объектов.

Подобный запрет со стороны Фрейда был более чем оправдан, поскольку его клиентура в основном состояла из девушек и истеричных женщин, эротизировавших видение (устраивая спектакль, инсценируя сексуальные фантазмы) и стремившихся к физическому сближению (к прикосновениям, ласкам, объятиям). Стало быть, с ними надо было держать требуемую дистанцию, для того чтобы в одной части самонаблюдения установилась некая мыслительная связь, некое психическое пространство, некое раздвоение Я. С больными, страдающими неврозами навязчивости, Фрейд сталкивается с другими трудностями, у них психоаналитический порядок способствует дистанционному объектному отношению (по последующему выражению Буве), расщеплению Я-психического и Я-телесного, эротизации мышления, фобии контакта, страху заражения, ужасу от того, что к ним прикоснутся.

Еще большая трудность встает перед нами относительно тех, кого определяют в категорию пограничных состояний и нарциссических личностей. Их переживания скорее болезненны, чем эрогенны; избегание неудовольствия мобилизует их больше, чем поиск удовольствия; они находятся на шизоидной позиции, максимизирующей удаленность

¹ [Ibid. S. 55.]

от объекта, уход от Я, ненависть к реальности, бегство в воображаемое пространство. Фрейд объявлял их неанализабельными, поскольку они не вписываются в психоаналитический процесс, находящийся под влиянием невроза переноса и прогрессом символизации. Но так ли часто нужны им изменения в психоаналитическом порядке? Пациент может быть принят лицом к лицу, что устанавливает с ним визуальный, постурально-тонический, мимический, дыхательный контакт: визуальный запрет снят, а запрет прикосновения остается неизменным. Психоаналитическая работа направлена уже не на интерпретацию фантазмов, а на реконструкцию травм, на осуществление невостробованных ранее психических функций; эти пациенты нуждаются в том, чтобы им была произведена интроекция некоей Я-кожи, достаточно контейнирующей глобальной поверхности, на базе которой затем эрогенные зоны смогут появиться как фигуры. Психоаналитическая техника, к которой я прибегаю, состоит в восстановлении сонорной оболочки, самой по себе дублирующей первичную тактильную оболочку; показать пациенту, что он может «прикасаться» ко мне эмоционально; реализовать символические эквиваленты отсутствующих тактильных контактов, «касаясь» его с помощью настоящих и весомых слов, даже с помощью значимых жестов симулирующего порядка. Запрет раздеваться, выставлять себя напоказ обнаженным, касаться тела психоаналитика, быть задетым его рукой или любой другой частью его тела остается неизменным: это минимальное требование психоанализа. Практику психоанализа никому не навязывают, и для каждого случая надо искать свой тип терапии, наиболее для него подходящий. Но если все-таки психоанализ предписан и именно его хотят применить, тогда в нем следует уважать дух и букву — здесь: запрет прикосновения. И со стороны некоторых терапевтов, работающих с телом, является злоупотреблением выдавать свою работу за психоанализ, для того чтобы поддерживать свои методики, в то время как они не соблюдают основное правило психоанализа.

ЭКСПЛИЦИТНЫЙ ХРИСТОВЫЙ ЗАПРЕТ

Запреты, «изобретенные» Фрейдом (в смысле изобретателя сокровища, спрятанного в тайник), были известны и прежде; существование этого отметило коллективное бессознательное во многих культурах: Софокл, Шекспир воспользовались эдиповым запретом как драматической рессорой, Дидро описал его. Фрейд дал ему название, опираясь на это «неясное восприятие» психической реальности,

содержащейся в мифах, религиях, великих литературных и художественных произведениях. Должно быть, точно так же дело обстоит и с запретом прикосновения. Его можно обнаружить, разумеется, в измененном виде, в зависимости от той или иной культуры, но более или менее представленным повсюду. Нет ли здесь некоего общеизвестного обстоятельства, в котором данный запрет мог бы быть выражен эксплицитно?

Во время посещения музея Прадо в Мадриде я остановился, заинтригованный и взволнованный, перед полотном Корреджо, написанным художником в 30 лет, в 1522—1523 гт. Волнообразная ритмичность, приданная двум телам, их одежде, деревьям, облакам, дневному свету, рождается на заднем плане, обеспечивая полотну оригинальную композицию. Представлены все основные цвета, за исключением фиолетового: белизна металла садового инструмента, чернота тени, коричневая шевелюра и голубая тога мужчины, широко открывающая его белый бледный обнаженный торс, — но мужчина ли это? Белокурая женщина с бледной кожей, в широком золотистом платье, в едва различимом красном покрове, откинута назад, а небо и зелень дарят все оттенки желтого и зеленого. Это больше не мужчина, но это еще не Бог, это Христос, победивший смерть, восстающий в день своего воскресения в саду Голгофы и готовящийся к вознесению к Отцу; указательный палец левой руки устремлен в небо, правая рука опущена, пальцы расправлены и растопырены в знак запрещения, но с нюансом нежности и понимания, что подтверждается и совпадением ритмов тел и гармонией тонов пейзажа. Стоя на коленях, Магдалина с мольбой на лице охвачена волнением; она отводит назад к бедру свою правую руку, которую Христос отклоняет жестом, а ее левая рука покоится на другом бедре, придерживая подол покрова, или, скорее, держится за его складку. Внимание посетителя концентрируется на тройном обмене: взглядом, жестом и словами, угадывающимися по движению губ; обмен интенсивный, восхитительно передаваемый этим полотном. Названием, которое художник дал своему полотну, является фраза, произнесенная Христом: «*Noli me tangere*»¹.

Это цитата из Евангелия от Иоанна (XX, 17). На третий день Пасхи, после отдыха Шаббат, на заре появляется Мария из Магдалы, по названию населенного пункта на берегу озера Тибериада, откуда она родом и откуда происходит ее второе имя Магдалина. По Евангелию от Иоанна она была одна; по Евангелию от Матфея (XXVIII, 1)

¹ [*Noli me tangere* (лат.) — не трогай меня.]

она была в сопровождении другой Марии, матери Иакова и Иосифа; а по Евангелию от Марка (XVI, 1) с ними была еще и третья женщина, Саломея; и по Евангелию от Луки (XXIV, 1–12) вместе со всей группой святых женщин «она отправляется к гробу и видит, что камень сдвинут». Она боится, что мертвое тело могло быть похищено. Мария поднимает тревогу и зовет Симона-Петра и Иоанна, которые, проникнув в пещеру, констатируют, что гроб пуст, и догадываются о том, что Христос воскрес. Оставляя Марию плачущей в одиночестве в погребальном саду, мужчины удаляются. Она замечает двух ангелов, обращающихся к ней, затем силуэт, который она принимает за хранителя сада, вопрошающий ее: «Почему ты плачешь, женщина? Кого ты ищешь?» Она спрашивает у предполагаемого садовника, куда тот переложил тело. «Иисус ей говорит: “Мария”. Она узнает его и отвечает на древнееврейском: “Rabbouni” (что означает “Учитель”))». В этот момент Иисус произносит интересующие нас слова: «*Noli me tangere*», затем он поручает Марии из Магдалы, поскольку она была первой, перед кем он появился после своего воскресения, объявить об этой благой вести его ученикам.

Перевод христового высказывания с Вульгаты на французский язык — одновременно и простой, и сложный. Простой, поскольку буквально он означает: «Не прикасайся ко мне». Сложный, если пытаться постичь его разумом. «Не удерживай меня» — вот формулировка, принятая редакторами так называемого экуменического перевода Библии, опубликованного издательством «Seif» со следующей пометкой: «Иисус сообщает Марии, что изменение, произошедшее в нем в процессе вознесения к Отцу, приведет к новому типу отношений». Итак, я констатирую, что запрет прикосновения в первоначальной формулировке Христа ставится то в зависимость от расставания с любимым объектом («Не удерживай меня»), то соотносится с отказом от языка жестов в пользу духовной коммуникации, основанной на единственном высказывании («Не прикасайся ко мне», что подразумевает «Лишь слушай и говори»). Воскресший Иисус — больше не человеческое существо, чье тело можно пощупать: он снова становится тем, кем был до своей инкарнации, — чистым Словом. Бонне (Bonnet, 1984) отмечает, что Новый Завет, излагая запрет прикосновения, противопоставляется Ветхому Завету, чья привилегия — запрет репрезентации.

Tangere имеет в латыни такое же разнообразие смыслов, телесных и аффективных, что и французский глагол «касаться», начиная со значения «класть руку на» до «растрогать». Впрочем, если

все эти четыре евангелиста намекают на встречу Марии из Магдалы и воскресшего Христа, то Иоанн — единственный, кто говорит о заступающем предписании Христа. Разумеется, не случайно запрет прикосновения соотносится с женщиной, а не с мужчиной. Сексуальный запрет, конечно же, ведет либидо к тормозящей цели, а «сублимацию» сексуальной любви к партнеру — к десексуализированной любви к ближнему в целом. То же самое с табу прикосновения: цитата из Евангелия, которую я комментирую, могла бы подтвердить аналогию, предложенную Фрейдом между религией и неврозом навязчивости.

Тем не менее христовый запрет прикосновения — вещь непростая. Он неоднократно рассматривался противоречивым образом, каждое последующее рассмотрение не менее противоречиво предыдущего: по общей констатации, запрет, едва оглашенный, тут же преступается, со ссылкой на немедленно последовавший текст Св. Иоанна. В вечер своего воскресения Христос явился перед своими тайно собравшимися учениками-мужчинами. Но отсутствовавший Фома неверующий отказывается верить в воскресшего Христа, поскольку он не видел его своими глазами, не касался его ран своими руками. «Однако спустя неделю ученики вновь собрались в доме, и Фома был с ними». Иисус явился вновь и обратился к Фоме: «Протяни сюда свой перст и посмотри на руки мои; протяни свою руку и вложи в ребра мои <...>» (Ев. от Св. Иоанна XX, 27). Так, Фоме как мужчине было предложено прикоснуться к тому, что Мария Магдалина как женщина могла увидеть только мельком. Как только Фома убедился, Христос добавил: «Поскольку ты увидел меня, ты поверил. Блаженны те, кто не видя уверовали». Экзегеты замалчивают тот факт, что это заключение путает прикосновение и видение. Более того, они формальны относительно этого вопроса: «Отныне вера базируется не на видении, но на свидетельстве тех, кто увидел». Скрытую эпистемологическую проблему можно было бы обозначить следующим образом: истина, видима ли она, осязаема ли она, слышима ли она? Я привлекаю внимание к одному вопросу, в трактовании которого не компетентен: для христианских культур запрет прикосновения более специфичен, чем для других? В любом случае есть факт того, что психоаналитическая практика в особенности развивалась в странах с христианской культурой: она имеет с ней общее убеждение о духовном превосходстве коммуникации посредством слова над коммуникацией посредством взаимодействия тела с телом.

ТРИ ПРОБЛЕМАТИКИ ПРИКОСНОВЕНИЯ

Под именем Марии-Магдалины традиционно путают трех разных женщин Нового Завета.

Мария из Магдалы — это бывшая больная, страдающая одержимостью, которую Иисус исцелил, изгнав из нее «семерых демонов» (Ев. от Св. Луки VIII, 2; Ев. от Св. Марка XVI, 9); с тех пор она сопровождает его повсюду вместе со святыми женщинами и двенадцатью мужчинами-апостолами.

Мария из Вифании помазала дорогиими благовониями ноги и волосы Иисуса во время трапезы, устроенной ею и ее сестрой Марфой в честь воскрешения их брата Лазаря. Иуда сожалеет о расходах, и Марфа жалуется на то, что сестра взвалила на нее все заботы. Иисус отвечает, что Мария, заранее намазав благоуханиями его тело, предвосхитила его смерть (подразумевается и его воскрешение) и что, усаживаясь возле его ног, дабы послушать его речь, она выбрала лучшую долю (Ев. от Св. Иоанна XII, 3; Ев. от Св. Луки X, 38—42).

Некая никому не известная грешница, также родом из Вифании, проникла в трапезную, где Симон фарисей устроил ужин в честь Иисуса, исцелившего его от лепры; она омыла слезами ноги Иисуса, обтерла их своими волосами, покрыв их поцелуями, пролила на них благовония; хозяин дома удивился тому, что Иисус не догадался, «что женщина, касающаяся его», — проститутка; Иисус ответил, что она оказала ему большее уважение, чем он, и что она выразила искреннюю любовь, за это он прощает ей ее грехи (Ев. от Св. Луки VII, 37—47). Без всякого филологического, сколько-нибудь приемлемого теологического основания идентифицируя эту раскаявшуюся куртизанку с Марией из Магдалы, традиция последовала за народным верованием, согласно которому акт прикосновения между людьми противоположного пола в обязательном порядке имеет сексуальную коннотацию.

В действительности же тремя женщинами из Евангелия представлены три проблематики прикосновения: проблематика сексуального соблазна грешницей, проблематика ухода, оказанного Марией из Вифании телу Иисуса в качестве составной части Я-кожи и аутоэротизма, с Марией же из Магдалы связана проблематика прикосновения как подтверждения существования объекта, к которому прикасаются.

Эдипов запрет (ты не женишься на своей матери, ты не убьешь своего отца) создается из метонимической деривации запрета при-

косновения. Запрет прикосновения подготавливает и делает возможным эдипов запрет, снабжая его своей досексуальной основой. Психоаналитическое лечение позволяет особым образом улавливать, ценой каких трудностей, каких упущений, каких контрзагрузок или сверхзагрузок данная деривация возникает в каждом случае.

ЗАПРЕТЫ И ЧЕТЫРЕ ИХ ДУАЛЬНОСТИ

Всякий запрет двойственен по природе. Это система напряжений между противоположными полюсами; эти напряжения развивают в психическом аппарате силовые поля, тормозящие одни функционирования и обязывающие видоизменяться другие.

Первая дуальность: запрет затрагивает одновременно и сексуальные, и агрессивные влечения. Он направляет порыв влечений, ограничивает их телесные источники, реорганизует их объекты и цели, структурирует отношения между двумя большими видами влечений. Это очевидно для эдипова запрета. Запрет прикосновения затрагивает равным образом оба фундаментальных влечения: не прикасайся к неодушевленным объектам, ты можешь повредить их или они могут причинить тебе зло; не применяй чрезмерную силу по отношению к частям тела других людей (этот запрет имеет целью защитить ребенка от агрессивности, его собственной и других). Не домогайся настойчиво своего тела и тел других, не касайся зон, чувствительных к удовольствию, поскольку можешь быть охвачен возбуждением, которое не в состоянии понять и удовлетворить (этот запрет направлен на защиту ребенка от сексуальности, его собственной и других). В обоих случаях запрет прикосновения поставлен на защиту от чрезмерного возбуждения и его следствия — необузданности влечения.

Для запрета прикосновения сексуальность и агрессивность структурно не различаются; они ассимилируются в качестве проявления насилия влечений в целом. Напротив, запрет инцеста различает и помещает их в отношения инверсированной симметрии, но не сходства.

Вторая дуальность: всякий запрет двусторонен, одна сторона обращена вовне (которая получает, принимает, фильтрует запрещения, обозначенные окружением), другая сторона обращена к внутренней реальности (которая обрабатывает репрезентативные и аффективные репрезентанты влечений). Внутриспсихический запрет опирается на внешние запреты, но последние есть возможность, но не причина его установления. Причина эндогенна: потребность психического аппарата — отличаться. Запрет прикосновения способствует

установлению фронта интерфейса между Я и Оно. Эдипов запрет завершает установление фронта интерфейса между Я и Сверх-Я. Обе цензуры, рассмотренные Фрейдом в его первой теории (одна — между бессознательным и предсознательным, другая — между предсознательным и сознанием), мне кажется, в этом смысле могли бы быть раскрыты с наибольшей пользой.

Первые запрещения прикосновения, формулируемые окружением, находятся на службе принципа самосохранения: не прикасайся к огню, ножам, острым предметам, лекарствам, иначе ты подвергаешься опасности целостности своего тела, даже свою жизнь. Однако в качестве необходимого следствия эти первые запрещения настоятельно предписывают наличие контакта: не отпускай руку, когда высовываешься из окна или переходишь дорогу. Запрещения определяют внешнюю опасность, а запреты сигнализируют о внутренних угрозах. В обоих случаях различие внешнего и внутреннего рассматривается как нечто приобретенное (запрет без этого не имеет никакого смысла), и это различие еще более усиливается запретом. Всякий запрет есть интерфейс, разделяющий две области психического пространства, снабженные разными психическими качествами. Запрет прикосновения отделяет область знакомого, область защищенную и защищающую, и область неизвестного, тревожную и опасную. На мой взгляд, этот запрет — действительный организатор мутации, возникающей к девятому месяцу, которую Шпиц упростил до простого различия знакомого облика и незнакомого облика. Не оставайся приклеенным к телам своих родителей, возьми на себя ответственность отделить свое тело, дабы познать внешний мир: так должна выглядеть наиболее примитивная форма тактильного запрета. Но также — и в этом заключается более выраженная форма — не касайся неосторожно руками неизвестных предметов, ты не знаешь, какой вред это может тебе причинить. Запрет разрешает касаться только знакомых домашних предметов, прикасаться к ним, дабы познать их. Запрещение оберегает от незнания и импульсивности: не касайся неизвестно чего, неизвестно как. Хватание предмета оправдано в том случае, если это необходимо для опыта, чтобы понять, из чего он состоит, но не для того, чтобы взять его в рот и проглотить, потому что он нравится, и не для того, чтобы сломать его и раздробить на кусочки в животе то, что кажется ненавистным. В первичном тактильном опыте тела с телом типы реальностей остаются спутанными, а запрет прикосновения способствует их различению: твое тело отличается от других тел; пространство

не зависит от объектов, наполняющих его; одушевленные объекты соотносятся между собой иначе, чем неодушевленные.

Эдипов запрет меняет направление запрета прикосновения: знакомое, в первичном смысле семейное, становится опасным по отношению к двойной влеченческой загрузке любви и ненависти, это двойная угроза инцеста и паррицида (или фратрицида); цена, которую за это платят, — страх кастрации. Зато когда мальчик вырастет, при некоторых условиях он будет иметь право и даже обязанность бороться против мужчин-чужаков в семье, клане, нации и выбирать в свою семью женщину-чужеземку.

Третья дуальность: всякий запрет строится в два периода. Эдипов запрет, такой, каким его представил Фрейд, центрированный на угрозе генитальной кастрации, ограничивает любовные отношения в зависимости от пола и поколения. Исследованная Мелани Кляйн ранняя прегенитальная эдипова стадия предшествует ему и подготавливает его: отсюда антиканнибалистический запрет съесть желанную грудь, отсюда и фантазм уничтожить младенцев-соперников и пенис отца в животе матери; отсюда и отлучение от груди, переживаемое как наказание за желание пожирания. Запрет прикосновения тоже имеет двойную разрядку. Безусловно, имеет место различие между двумя структурами тактильного опыта: а) контакт через крепкое телесное объятие, соприкосновение с большим участком кожи, включая сжатие, тепло или холод, приятное чувство или боль, кинестетические и вестибулярные ощущения, контакт, предполагающий фантазм об общей коже; и б) прикосновение рукой, поддерживающее тело грудного ребенка, к которому впоследствии контакт стремится быть сведенным, когда ребенок осваивает жесты обозначения и хватания предметов и когда контакт кожи с кожей, расцениваемый как слишком инфантильный, или слишком эрогенный, или слишком грубый, ограничивается в проявлениях нежности или физической силы, которые должны контролироваться воспитанием. Не заключены ли здесь один запрет в другом? Первый запрет глобального контакта, то есть контакта прижимания, слияния и путаницы тел; и второй запрет, отличающийся от прикосновения рукой: не прикасаться к генитальным органам и, главным образом, к эрогенным зонам и их производным; не прикасаться насильственным образом к людям, объектам; при этом прикосновение ограничено в оперативных модальностях адаптации к внешнему миру, а удовольствия, которые оно доставляет, сохраняются лишь будучи зависимыми от принципа реальности. Тот или другой из двух запретов усиливается либо ослабляется в зависимости

от культур. Возраст ребенка, в котором все оказывают на него влияние, протяженность этого периода варьируется. Нет ни одного общества, где бы не было запретов. Разнообразны также и санкции в случае нарушения: от физических наказаний до угрозы, даже простого морального порицания, выраженного тоном голоса.

Первичный запрет прикосновения перемещает на психический план то, что было заложено биологическим рождением. Он вынуждает живое существо вести отдельное существование на пути становления индивидуума. Он запрещает возврат в материнское лоно, возврат, который можно лишь вообразить (этот запрет не возникает у аутиста, психически продолжающего жить в утробе матери). Мать имплицитно придает значение запрещению, предъявляемому ребенку в активной форме через установление физической дистанции: она отдаляется от него, она отдаляет его от себя, отнимая от груди, отводя свое лицо, которое он пытается схватить, когда мать укладывает его в колыбель. В случае если мать не реализует запрещение, в окружении всегда найдется кто-то способный осуществить это, на этот раз на вербальном уровне, словесный выразитель запрета. Отец, свекровь, соседка, педиатр напоминают матери о ее обязанности отделиться телесно от ребенка, чтобы тот уснул, не был слишком возбужден, не набрался плохих привычек, научился играть в одиночестве, ходил самостоятельно, вместо того чтобы его носили на руках, рос, оставляя окружению его собственное время и место. Первичный запрет прикосновения специфически противопоставляется влечению привязанности или цеплянию. Угроза соответствующего физического наказания в известных случаях фантазируется в форме сдирания, оставляющего кровоточить поверхность кожи, общей для ребенка и матери (или ее заместителя, которым может быть отец¹), сдирание, как мы это видели, эхом отразилось в мифологии и религиях.

Второй запрет прикосновения применяется к влечению к отчуждению: нельзя прикоснуться ко всему, овладеть всем, быть хозяином всего. Запрет формулируется языком жестов или вербально. Семейное/знакомое окружение останавливает ребенка, приготовившегося к прикосновению, словом «нет», изреченным как таковое или

---

¹ Уже целое поколение «молодых» отцов в западной культуре охотно разделяет наравне с матерью заботы по кормлению и уходу за младенцем (за исключением беременности и кормления грудью), они во многом помогают матери и доставляют удовольствие самим себе, но они усложняют тем самым задачу младенца, который должен теперь освобождаться не от односторонних, а от двух дуалистических отношений, что ослабляет или тормозит установление эндогенного запрета.

обозначенным движением головы или руки. Имплицитный смысл таков: не бери, сначала спрашивай и будь готов к отказу или отсрочке. Этот смысл разъясняется, когда ребенок в достаточной мере осваивает речь, именно этот запрет побуждает его к такому освоению: не показывай пальцем на интересующие тебя предметы, обозначай их именами. Угроза физического наказания, соответствующая второму запрету прикосновения, по возможности выражается посредством семейного и социального дискурса в следующей форме: рука, которая крадет, бьет, мастурбирует, будет связана или отрублена.

Четвертая дуальность: всякий запрет характеризуется своей двусторонностью. Он распространяется как на самого выразителя запретов, так и в равной степени на того, кому они адресованы. Какова бы ни была живость эдиповых желаний индеста и враждебности, проснувшихся у родителей по причине сексуальной зрелости их детей, они должны сдерживать эти желания по отношению к ним. Запрет прикосновения равным образом должен соблюдаться родителями и воспитателями, дабы произвести эффект реструктуризации психического функционирования. Серьезные и повторяющиеся нарушения приводят к кумулятивной травме, которая в свою очередь имеет немаловажные психопатологические последствия.

Наблюдение за Жанетт

Таков был случай Жанетт, наблюдаемой мною в течение 30 лет то в психоанализе, то в психотерапии. Я на протяжении этих лет противостоял ее очень сильному навязчивому страху. Она не чувствовала себя защищенной ни в своем теле, ни в своем доме. Она вторгалась в мою жизнь телефонными звонками в любое время дня и ночи, в будние дни или в выходные с просьбами о безотлагательных встречах, отказываясь в конце некоторых сеансов покидать мой кабинет. Постепенное регулярное установление психотерапевтической среды и реконструкция основных травм детства и отрочества позволили ей мало-помалу конституировать Я-кожу, найти профессиональную деятельность, делавшую ее независимой от родителей, и посвятить свободное время сочинению литературных текстов, завершавших символическую переработку ее конфликтов. Преобразовав в вымышленный персонаж приобретенный со мной опыт вербальных обменов, она описала слова этого персонажа в виде неких рук, которые держали, удерживали, заключали ее в себя, которые вернули ей лицо и позволили распознать свою боль: некая рука, протянутая к ней издалека, издалека через

пропасть, ей удастся схватить эту руку своей рукой как некий мост по ту сторону времени (в то время как в реальности у нас не было телесного контакта за исключением традиционного рукопожатия); некая рука, согревающая обе ее руки, эта рука, которая наконец освобождается, в то время когда голос персонажа тихо говорит, что ему нужно уйти и что он вернется, и, глядя на него удаляющегося, она впервые за долгое время продолжительно рыдает. Другой показательный отрывок касается развязки одной новеллы, где героиню, возвращавшуюся к себе домой ночью, сбивает на дороге машина. Пока она агонизирует, некий голос рядом поддерживает какое-то время в ней жизнь, голос, который четырежды повторяет в четырех разных вариантах: «Не прикасайтесь к ней». Итак, она входит в солнце — солнце смерти, изображающее психическую смерть моей пациентки, произошедшую в результате такого количества разрывов, это также солнце истины. То, что она никогда не могла выразить без защиты, иначе как только косвенным образом, подавая знаки безумия, — а именно так, чтобы к ней не прикасались, — наконец выражено ясно, спокойно, мощно как незыблемый закон психической вселенной, нарушения которого могут случайным образом затуманить, но не исказить в нем фундаментальную структурирующую реальность.

ОТ Я-КОЖИ К Я-МЫСЛЯЩЕМУ

Необходимо внести два уточнения: запрет прикосновения благоприятствует реструктуриации Я только при условии достаточного накопления Я-кожи; и эта последняя продолжает существовать после реструктуриации на фоне функционирования мышления. Резюме одного научно-фантастического рассказа включает мое рассуждение по этим двум пунктам: «Глаза ночи» Джона Варлея¹. Американский маргинал, уставший от индустриальной цивилизации, скитается по южным штатам. Случайно он проникает в удивительное сообщество, которое, как он обнаруживает, состоит исключительно из слепоглухих людей. Его члены вступают в браки между собой и рожают потомство, вырастают и производят то, что им необходимо для жизни, ограничивая контакты с внешним миром лишь некоторыми обмена первой необходимости. Путешественник встречает четырнадцатилетнюю девушку, она обнажена, как все жители этой территории, где преобладает

¹ Это последняя новелла сборника под названием «Стойкость зрения» (1978), (Varley, J. *Persistance de la vision*, tr. fr. Denoël: *Présence du Futur*, 1979). Я благодарю Франсуазу Люгасси за то, что она привлекла мое внимание к этому тексту.

теплый климат. Она — одна из тех редких детей, кто рожден зрячим и слышащим, и она научилась говорить еще до того, как ее родители эмигрировали на эту территорию сенсорных инвалидов. Она оказывает молодому человеку услуги переводчицы с английского языка, которым тот владеет, на тактильный язык, который используется в этом сообществе. Территория вдоль и поперек пересечена дорогами с предупредительными тактильными знаками. Обмен информацией происходит через прикосновение, а большая чувствительность коренных жителей к вибрациям среды позволяет им обнаруживать на расстоянии вторжение посторонних людей или необычные события. Прием пищи, которую они поглощают тесно сидя друг к другу в одной и той же столовой, есть повод собраться и обменяться новостями. После чего наступает вечер в большой общей спальне, где, до того как каждая семья разойдется по своим уголкам, происходит невербальное общение, более интенсивное, более личное, более аффективное. Каждый прижимается к телу своего партнера, даже нескольких, чтобы задать ему свои вопросы, ответить ему, передать свои впечатления и чувства неким способом, не опосредованным и поддающимся немедленному пониманию. Отсюда обязательная обнаженность жителей. Отсюда их имплицитная философия: поверхность тела, если его чувствительность была рано культивирована и если ни одежда, ни моральные предрассудки не тормозят ее развитие, обладает мощным потенциалом, а именно способностью напрямую внушать другому свои собственные чувства, мысли, желания, замыслы. Естественно, если третий человек захочет узнать то, что говорят друг другу два собеседника, он прикладывает к ним руку или другую часть своего тела. Однако он может быть на время отстранен, если он тех стесняет. Естественно также, если двое хотят пообщаться друг с другом на любовном регистре, то все натуральным образом заканчивается тесным и ликующим единением, к чему четырнадцатилетняя переводчица, далеко не наивная, приглашает пришельца. Свобода и взаимность, с которыми каждый и каждая отдаются друг другу начиная с периода половой зрелости, не оставляют, таким образом, никакого места для фрустрации или ревности — такова по крайней мере философия этого сообщества. Между тем любовь между двумя индивидуумами есть лишь ступень к высшей любви, обращенной на само сообщество. Раз в год, в конце лета, на лужайке, отведенной специально для этого ритуала, собираются все: мужчины, женщины, дети, они обнимают друг друга и сливаются в одно единое тело, для того чтобы разделить чувства, — здесь рассказчику становится сложно судить, поскольку он воспринимается

только как гость и не может принимать в этом участие и разделить с ними те же идеалы и верования или ощущения в осязаемой и пароксистической форме.

Все более и более очарованный этим сообществом, рассказчик постигает тактильный язык благодаря урокам своей наставницы. Но он сталкивается с препятствиями, идущими от его прежнего воспитания. То, что он осмысливает в вербальной форме, он может передать в тактильной форме, а то, что ему передают в тактильной форме, он может для себя сформулировать вербально. Что касается некоторых привычных аффектов, таких как нежность, страх, недовольство, ему удается выразить и понять их напрямую. Однако другие степени тактильного языка, которые более или менее может объяснить ему его молодая наставница, соответствующие абстрактным реальностям и базовым психическим состояниям, не поддаются его усвоению. Его привычка вербального общения создает для него ментальное препятствие, зато сенсорные инвалиды сообщества свободны от него. Кто же из двоих больший инвалид, тот, кого принято считать таковым?... В конечном итоге ему было отказано в аффилиации. Его партнерша, обвиненная в том, что она говорит на двойном языке, решает общаться с ним только тактильно. Даже если бы он повредил себе глаза или барабанные перепонки, в любом случае это было бы слишком поздно: он никогда не постигнет первородной исключительной простоты и полноты тактильного общения. Он покидает это сообщество, унося в своем сердце неизгладимое ностальгическое чувство.

Не имеют значения «научные» резервы, которые вызывает этот «легендарный» рассказ: в нем нет мира обоняния; ненависть, отделенная от любви, отрицается; тактильный язык, которым пользовались слепоглухие люди, мог быть придуман лишь зрячими и слышащими, уже постигшими через это несомненное преимущество понимания символического измерения, и т. д. Интерес научной фантастики исходит из того, что она изолирует почти экспериментально некую переменную величину, из которой извлекает максимум логических или психологических последствий. Переменная величина здесь такова: существует некое раннее сообщество кожа к коже; кожа — первый орган значащего обмена; эхопраксия и эхолалия могут развиваться лишь на первоначальном фоне эхоритмии, эхотермии и эхотактилизма. Разумеется, новелла Варлея описывает некую фантазматическую защитную конструкцию, историю об истоках коммуникации, созданную вслед за противозедиповым движением, когда свое значение получил путь к более развитым семиотическим системам. Тем временем

эта загрузка стала возможной и необходимой вследствие вытеснения первичных тактильных коммуникаций, вытеснения, воплощенного в жизнь с помощью запрета прикосновения.

Что же происходит, когда этот запрет исчезает? Какой ценой дается его нарушение? Рассказ Варлея представляется показательным по этим двум аспектам. С одной стороны, там, где первичный запрет прикосновения, запрещающий контакт тела с телом, не был установлен, не устанавливается и эдипов запрет, организующий сексуальность генитального, равно как и социального порядка. С другой стороны, угроза фаллической кастрации, придающая важность плоти и страху возможного нарушения запрета инцеста, имеет неизбежным следствием страх сенсорной кастрации в случае нарушения запрета прикосновения. Явное содержание новеллы Варлея заключается в том, что жители пренебрегают запретом прикосновения, потому что они глухи и слепы. Латентное содержание заключается в понимании противоположного смысла: они поражены глухотой и слепотой, поскольку пренебрегают запретом прикосновения. Там, где отсутствует тот и другой запрет, а именно запрет прикосновения и запрет инцеста, у индивидуума появляется тенденция к состоянию постоянного любовного слияния, а у коллектива — к состоянию постоянной групповой иллюзии.

Как минимум из этого остаются вытесненными лишь первичные тактильные коммуникации, но они не разрушены (за исключением патологии), они сохраняются как фон, на который записываются системы интерсенсорных соответствий; они конституируют первичное психическое пространство, в которое могут вкладываться другие сенсорные и моторные пространства; они образуют некую воображаемую поверхность, где располагаются результаты последующих операций мышления. Дистантная коммуникация через жесты, затем через слова нуждается не только в специфических кодах, но также в диалоге этого первоначального эхотактильного фона коммуникации и ее реактуализации, ее более или менее частого обновления. По моему мнению, гегелевский концепт *Aufhebung*¹ отчасти подходит к описанию статуса этих эхотактильных следов, которые одновременно отрицаются, выходят за пределы и сохраняются.

Так же запрет инцеста, преждевременный или жесткий, может выйти за пределы цели, заключающейся в том, чтобы перевести любовное и сексуальное желание на чужих, не членов семьи, и вызвать

¹ [*Aufhebung* (нем.) — отмена, упразднение.]

торможение любого генитального гетеросексуального действия с каким бы то ни было партнером; так же и первичный запрет прикосновения, если он запрещает тесные контакты слишком рано или слишком жестко, вместо того чтобы запустить механизм вытеснения, относительно легко устранимого при некоторых социально кодированных обстоятельствах: сексуальных, игровых, спортивных и т. д., способен вызвать серьезное торможение физического сближения, что значительно усложняет любовную жизнь, контакты с детьми, способность защититься против агрессии...

Напротив, в случае серьезных нарушений коммуникации, связанных со значительным недугом, ментальным (аутизм) или физическим (глухонемые от рождения), семиотическая функция требует реализации начиная с ее первоначальной формы, контакта тела с телом и эхотактильных обменов. Пример тому, и мы это видели (с. 123), — техника «пак».

Запрет прикосновения в отличие от эдипова запрета не требует категоричного отказа от объекта любви, но отказа от эхотактильной коммуникации как основного способа коммуникации с другими. Эта эхотактильная коммуникация существует как первоначальный семиотический источник, она вновь становится активной в эмпатии, креативной работе, при аллергии, в любви.

ПОДХОД К ИНТЕРСЕНСОРНОСТИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕГО ЧУВСТВА

После обретения своей базовой организации в качестве Я-кожи Я может перейти к новой структуризации лишь посредством разрыва с приматом тактильного опыта и своей трансформации в пространство интерсенсорного записывания, в *sensorium commune* (так называемое «общее чувство» у философов-эмпириков). Эта реструктуризация недостаточно объясняется ни посредством интегративного взлета Я (Luquet, 1962), ни посредством желания роста и адаптации, коррелятивного прогрессу созревания нервной системы. Действенное вмешательство любого запрета прикосновения, предтечи и провозвестника эдипова комплекса, мне кажется, должно быть постулировано по тройной причине: теоретическая последовательность, клиническое освидетельствование и техническая строгость.

После довольно полного обзора психоаналитической литературы относительно роли раннего телесного опыта в генезе когнитивных расстройств у шизофреника Стенли Грэнд (Grand, 1982) из Нью-Йорка

сделал заключение о том, что дисфункционирование мышления при шизофрении содержит в себе значительное изменение в организации (сочленении) Я-телесного. Это изменение проистекает из раннего поражения адекватного «сочленения» разнообразных сенсорных данных (то есть конституирования только что упомянутого мною мультисенсорного пространства с требуемыми соединениями-вложениями различных отдельных сенсорных оболочек) и их интеграции в коэнестетический опыт и опыт по сохранению равновесия, формирующих основу чувства ориентации и ядро опыта реальности (стало быть, изначально речь здесь идет о дефиците первой функции Я-кожи, а именно функции holding, или поддержки). Недостаток чувства, организованный связанностью и фронтами тела, четкое различие между внутренним и внешним опытом, между Самостью и репрезентациями объекта не могут проявиться. Ядро опыта Самости и личная идентичность не могут полностью дифференцироваться от двойственного единства мать-дитя. Шизофреник не способен в полной мере использовать самокоррективный опыт, приобретенный им благодаря обратной связи, возвращающейся к нему, когда он воздействует на внешний мир, так как подобное преимущество может извлечь лишь тот, кто подвергает испытанию самого себя как инициатора собственных действий. Иметь Я значит располагать инициативой, способной влиять не только на какое-то одно простое событие, но на целую серию событий, разворачивающихся то последовательно, то циклично. Механизмы компенсации могут отчасти восполнить недостаточную целостность Я-телесного, в частности, в области сенсорного коэнестетического и термического опыта: они поддерживают связанность психического аппарата и предупреждают полное разложение при регрессивных эпизодах.

Психоанализ возможен лишь при соблюдении запрета прикосновения. Все можно выразить словами при условии подбора слов, подходящих ситуации переноса и передающих мысли, соответствующие тому, от чего действительно страдает пациент. Слова психоаналитика символизируют, замещают, воссоздают тактильные контакты, не прибегая к ним конкретно, поскольку в этом нет необходимости: символическая реальность обмена действеннее физической реальности.

III

ОСНОВНЫЕ КОНФИГУРАЦИИ

СОНОРНАЯ ОБОЛОЧКА

Параллельно с установлением фронтиров и границ Я как двухмерно-го интерфейса, опирающегося на тактильные ощущения, посредством интроекции сонорного (равно как и вкусового и обонятельного) пространства конституируется Самость как предындивидуальная психическая полость с едва намеченными единством и идентичностью. Связываясь при сонорной передаче с респираторными ощущениями, придающими ей эффект объема, который опустошается и наполняется, слуховые ощущения подготавливают Самость к самоструктуризации, принимая в расчет третье пространственное измерение (ориентацию, расстояние) и временные параметры.

Англосаксонская психоаналитическая литература за последние десятилетия привнесла три важных понятия. У.Р. Блон (Bion, 1962) продемонстрировал то, что переход от не-мышления к «мышлению», а также от бета-элементов к альфа-элементам базируется на способности, необходимой для психического развития младенца для того, чтобы тот имел реальный опыт познания у материнской груди самой способности «контейнировать» в ограниченное психическое пространство ощущения, аффекты, мнестические следы, вторгающиеся в его рождающееся сознание; грудь-контейнер останавливает агрессивно-деструктивную ретропроекцию изгнанных и разбросанных частей Самости и дает им возможность для конфигураций, связи и интроекций. Х. Кохут (Kohut, 1971) попытался дифференцировать два антагонистических движения, чередующихся и дополняющих друг друга: движение, посредством которого конституируется Самость, преломляясь в объектах, с которыми она осуществляет парциально-нарциссические

слияния («объекты Самости»), и другое, посредством которого Самость осуществляет «грандиозное» слияние с неким идеальным объектом. Наконец, возвращаясь к стадии зеркала, к той, которую изложил Лакан, где Я строится как другое по модели зеркального отображения единого целого тела, Д.В. Винникотт (Winnicott, 1971) описал раннюю фазу, в которой лицо матери и реакции окружения служат для ребенка первым зеркалом, конституирующим его Самость, опираясь на то, что ему было таким образом отражено. Но так же как и Лакан, Винникотт акцентирует внимание на визуальных сигналах. Я бы хотел продемонстрировать еще более раннее существование сорного зеркала, или аудитивно-фонической кожи, и затем символизировать ее функции в приобретении психическим аппаратом способности означать¹.

Наблюдение за Марсием

Я изложу два показательных сеанса психоаналитического лечения. Назову пациента Марсием в память о силене, обескоженном Аполлоном.

Марсий наблюдается у психоаналитиков многие годы. Ввиду того что в результате лечения в положении лежа на кушетке у него возникла затянувшаяся негативная терапевтическая реакция, я вынужден работать с ним в течение часа сидя лицом к лицу. Благодаря этому новому порядку психоаналитическая работа возобновилась, и в жизни субъекта произошли некоторые улучшения, однако перерывы в терапии из-за каникул по-прежнему переносятся им плохо.

Это его новый сеанс после непродолжительных весенних каникул. Марсий, находясь скорее в депрессивном состоянии, описывает себя опустошенным. Он чувствует себя отсутствующим при контактах с другими людьми с момента возобновления своей профессиональной деятельности. Он находит, что и у меня тоже отсутствующий вид. Он меня теряет. Затем он замечает, что обе затяжные депрессии, которые он пережил в ходе своей терапии, пришлось на период летних каникул, несмотря на то что одна из них явилась следствием профессиональной неудачи, оказавшей на него сильное впечатление. На длительные пасхальные выходные он сам смог отлучиться. Он отправился в одну южную страну, в комфортабельную гостиницу с обогреваемым бассейном, расположенную на берегу великолепного моря. Он очень

¹ См. Rosolato, G. La Voie. // Essais sur le symbolique. 1969. — P. 287–305.

любит плавание и экскурсии. Однако каникулы прошли плохо. У него сложились плохие отношения с людьми из маленькой группы, в составе которой он поехал, с друзьями или коллегами по работе, мужчинами и женщинами, его частыми компаньонами в выходные дни. Он почувствовал, что им пренебрегают, почувствовал себя покинутым и отвергнутым. Его жена вынуждена была остаться дома с больным ребенком. Ходьба его утомляла, а коллективные плавания в бассейне оказались особенно неприятными: он задыхался, терял ритм и совершал все больше хаотичных движений; он боялся погружаться в воду, из-за ощущения влажности ему был неприятен контакт с водой; несмотря на солнце, он дрожал от холода; и дважды, проходя по краю бассейна, даже поскользнулся на мокрой плитке и довольно болезненно ударился головой.

Меня осенила мысль, что Марсий приходит на мои сеансы не столько для того, чтобы я подпитывал его, как мне думалось, чем я и занимаюсь с тех пор, как принимаю его в условиях нашего нового расположения, но для того, чтобы получить доступ ко мне, мое тепло, чтобы я производил над ним какие-то действия и посредством занятий возвращал ему его телесные и мыслительные способности. В первый раз я говорю ему о его теле как о емкости в пространстве, как об источнике ощущения движения, как о страхе падения, добиваясь в ответ от Марсия лишь вежливого одобрения. Тогда я решаюсь задать ему прямой вопрос: не как мать вскармливала его грудью, а именно каким образом она держала его на руках, когда он был маленьким? Он тут же вспомнил об одном эпизоде, на который уже намекал дважды или трижды и о котором сама мать любила ему рассказывать. Некоторое время спустя после рождения Марсия, уже занятая своими четырьмя первыми детьми — старшим сыном и тремя дочерьми, — мать чувствует, что она разрывается между новорожденным и родившейся годом ранее и серьезно заболевшей маленькой дочкой. Она доверяет Марсия служанке, более сведущей в хозяйстве, нежели в уходе за младенцем, но считает своим долгом самой кормить грудью своего мальчика, ее приходы и моменты кормления переполняли его радостью. Мать кормила его грудью обильно, но второпях, и как только кормление заканчивалось, она спешила к сестре Марсия, здоровье которой на протяжении долгих недель оставалось настолько ослабленным, что опасались за ее жизнь, мальчика же вновь перепоручали служанке. Между этими быстрыми порциями материнского молока, которые Марсий жадно поглощал, он одновременно находился под присмотром и без внимания со стороны служанки — незамужней суровой пожилой женщины

со своими принципами, трудолюбивой, но исполняющей свои обязанности по долгу службы, а не для того, чтобы получать или доставлять удовольствие и к тому же поддерживающей с хозяйкой дома садомазохистические отношения. Тело Марсия было лишь объектом для спешной муштровки, и весь ее уход за ним был чисто механическим: она не играла с ним. Он был заброшен и пребывал в пассивно-апатичном состоянии. Несколько месяцев спустя было замечено, что его реакции не совсем нормальны, и служанка вынуждена была сказать, что он плохо слышит и рожден с задержкой в развитии. Мать, пришедшая в ужас от этого заявления, хватается за Марсия, встряхивает его, тормошит, стимулирует, говорит с ним, и ребенок смотрит, улыбается, лепечет, ликует к удовлетворению своей матери, которая убеждается в его нормальности. Она многократно производит эту проверку и некоторое время спустя приходит к решению поменять сиделку.

Этот рассказ позволяет мне сделать многочисленные сравнения, о которых я отчасти и по мере возможного сообщаю Марсию. Во-первых, он ждет сеансов со мной так же, как поглощал визиты-кормления своей матери: боится опоздания с моей стороны, отмены сеанса, боится того, что мать больше не придет, а сам он зачахнет подобно своей сестре, за чью жизнь так опасались.

Второе сравнение пришло мне уже в начале сеанса и в настоящий момент подтвердилось: он был достаточно подпитан, он ожидает от меня именно того, чего не получал от служанки, он ждет, чтобы я стимулировал его и работал с его психикой (у него были моменты внутренней опустошенности, придававшие ему ощущение психической смерти). С тех пор как я его принимаю лицом к лицу, у нас возникают частые диалоги, значимые обмены взглядами и мимикой, поструральная коммуникация. На расстоянии и посредством этих обменов я его как будто приподнимаю, держу на руках, согреваю, привожу в движение, при необходимости встряхиваю, заставляю реагировать, жестикулировать и говорить: об этом я ему и сообщаю.

В-третьих, я лучше уловил образ тела Марсия. Для его матери он был пищеварительным трактом, сверхзагруженным и эротизированным ею с обоих концов (от малейшей эмоции его охватывает неконтролируемая потребность в мочеиспускании и один из его страхов — обмочиться во время сексуальных отношений). Его тело как глобальность плоти, как емкость и как движение не было стимулировано служанкой. Отсюда и его страх пустоты. У нас с ним состоялся активный теплый вербальный обмен относительно этих трех тем. Покидая меня, вместо привычного вялого рукопожатия он твердо пожал мою руку.

Мой контрперенос подчинился чувству удовлетворения от проделанной работы.

Тем бóльшим было мое разочарование при следующей встрече. Марсий пришел подавленный и, к моему крайнему удивлению, сразу посоветовал на негативный характер предыдущего сеанса, который мне, напротив, показался полезным для него (и благодаря которому, кстати говоря, я смог лучше понять его). Параллельно его разочарованию я поддаюсь своему внутреннему движению, о чем, естественно, ему не сообщаю. Я думаю: после шага вперед он делает два шага назад, отказываясь от совершенного прогресса. Я понимаю, что, когда он выигрывает в одном, он опасается потерять в другом, я говорю ему об этом, у меня всплывает в памяти закон «все или ничего», о котором я ему уже говорил как о законе, управляющем его внутренними реакциями. И я уточняю: в прошлый раз он вместе со мной нашел «телесный» контакт, которого ему не хватало с няней; у него тут же возникло чувство потери взамен другого способа контакта, до сего момента более привычного между нами, а именно краткого и интенсивного кормления матерью. Эффективность моего высказывания проявляется незамедлительно — психическая работа в нем возобновляется. Он связывает эту меняющуюся потерю с продолжительным страхом, который он никогда прежде так ясно не выражал, страхом того, как бы психоанализ не забрал у него что-то, — вовсе не в смысле кастрации, спонтанно уточняет он, — как бы он не лишил его умственных способностей. Проблема Марсия действительно имеет отношение к дефициту его нарциссического либидо и воздействия лишения любви со стороны первичного окружения для удовлетворения нужд его Я, которые Винникотт определил как потребности тела. Но куда же поместить потребности Я в только что изложенной мной последовательности? Установившийся между мной и Марсием терапевтический альянс позволяет нам продвинуться дальше в аналитической работе и ведет к появлению другого параметра в его восприимчивости к фрустрации (иначе говоря, к нарциссической ране): все, что исходило не от матери, а от кого-то другого, не имело значения, именно мать должна была дать ему это. И он удерживает в своей голове бесконечный, непрерывный процесс: его мать, его психоаналитик признают наконец ошибки, с самого начала допущенные ими по отношению к нему! Марсий не психотик, поскольку его ментальное функционирование не было искажено в детстве: всегда находился кто-то, его брат, сестры или сменяющие друг друга служанки, затем священники, те, кто мог бы восполнить эту роль, и Марсий впервые

припомнил о соседке, которую навещал практически ежедневно как только научился говорить и до того как начал ходить в школу. Он болтал с ней без умолку и очень свободно — вещь невозможная с матерью, которая была не только слишком занята, но которая принимала не все, что он выражал, а лишь то, что было сообразно ее моральному коду и идеальному представлению о маленьком совершенном мальчике. Марсий констатирует, что со мной его общение протекает то как с соседкой, то как с матерью.

Наконец его отношения со мной восстанавливаются. Он находит, что я ему много даю, он получает больше удовольствия от жизни и отмечает, что никогда ни за что не пропустил бы своих сеансов. Но между нами существует значительная трудность: часто он не понимает того, что я ему говорю, это было особенно остро в последний раз, он ни о чем не вспомнил, он меня даже не «слышал» в акустическом значении этого слова. К тому же, если он обдумывает проблемы вне наших сеансов и вдруг у него возникает интересная идея, он не может изложить ее передо мной. Внезапно он становится молчаливым, у него пустота в голове.

Это сопротивление вначале застигает меня врасплох. Затем в моей голове возникает сопоставление, и я его спрашиваю: как с ним разговаривала мать, когда он был маленьким? Он описывает ситуацию, о которой, несмотря на многие годы психоанализа, еще ни разу не обмолвился и в которой я, письменно излагая наблюдение за этим сеансом вечером, под купелью слов обнаружил негатив.

С одной стороны, его мать имела рычащие и жесткие интонации, соответствующие внезапным, неожиданным и частым приступам плохого настроения: отношение Марсия-младенца к материнской мелодии как носительнице глобального смысла, стало быть, приостановилось и оборвалось, точно так же как отношения интенсивного и удовлетворительного телесного обмена с матерью во время кормлений обрывались вторжением механических забот со стороны служанки. Таким образом, две главные инфраструктуры значения (инфралингвистическое значение, приобретаемое в заботах и играх тела, долингвистическое значение глобального слушания фоном) находились под воздействием одного и того же нарушения. С другой стороны, мать Марсия не умела хорошо излагать то, что она чувствовала или желала. Впрочем, это было поводом для раздражения или иронии со стороны ее окружения. Вероятно, она также не умела ни догадываться о том, что испытывают ее близкие, ни помочь им сформулировать это. Она не умела общаться со своим младшим сыном на понятном для него

языке. Отсюда впечатление Марсия о том, что его мать и я общаемся с ним на иностранном языке.

Последовательность этих двух сеансов подтвердила мое мнение о том, что в случае пренебрежения окружением нуждами Я младенца субъект не получает достаточной гетеростимуляции некоторых из своих психических функций, но при достаточно хорошем окружении все же позволяющей прийти затем посредством интроективной идентификации к самостимуляции этих функций. Итак, цель терапии в данном случае: а) дать эту гетеростимуляцию посредством подходящих модификаций аналитического порядка, посредством решения психоаналитика символизировать вместо пациента всякий раз, когда последнему на ум ничего не приходит; б) выявить в переносе прошлые недостатки Самости и непостоянства в связности, выявить границы Я таким способом, чтобы оба партнера могли проработать их в психоанализе (на самом деле пациент, лишенный необходимой подпитки и не нервный, в любом случае будет глубоко не удовлетворен психоаналитиком и психоанализом, однако символическая связь, которая должна была установиться между его аутентичной частью Самости и психоаналитиком, все же позволит ему через его неудовлетворения мало-помалу распознать наличие некоторых дефицитов, определенных, специфических, уточненных, обозначенных и выходящих на первый план в ситуациях нового окружения).

АУДИРОВАНИЕ И ФОНАЦИЯ У ГРУДНОГО РЕБЕНКА

Необходимо напомнить об установившихся фактах в области аудирования и фонации у грудного ребенка¹, сводящихся к данному заключению: младенец действительно связан со своими родителями аудиофонической системой коммуникаций; ротоглоточная полость производит необходимые форманты для коммуникации и контролируется с ранних стадий эмбриональной ментальной жизни, в то же время она играет основную роль в выражении эмоций.

Помимо специфических шумов, производимых кашлем, пищевой и пищеварительной деятельностью (превращающих само тело в сонорную пещеру, и чем менее локализован источник звуков, тем

---

¹ Резюме работ, преимущественно англосаксонских, но также немецких и французских, представлены в статье Х. Херрена «Голос в психосоматическом развитии ребенка» (Herren, 1971). Я у него много позаимствовал. Авторы, которых я цитирую на следующих страницах, отсылают к библиографии этой статьи. См. также работу П. Олерона «Обретение языка» (Oléron, 1976).

более они тревожны для младенца), крик есть наиболее характерный звук, издаваемый новорожденными от рождения. Физический анализ акустических параметров позволил англичанину Вульффу в период с 1963 по 1966 г. выделить у младенца младше трехнедельного возраста четыре структурно и функционально различимых крика: крик голода, крик гнева (например, когда он раздет), крик боли внешнего происхождения (например, в момент забора крови из пятки) или висцеральный крик и крик реакции на фрустрацию (например, в случае изъятия соска, который он активно сосал). Эти четыре крика обладают темпоральным развертыванием, длительностью частых повторений и специфическими спектрографическими характеристиками. Крик голода (хотя он не обязательно связан с этим физиологическим состоянием) представляется фундаментальным, он всегда следует за тремя другими, которые могут быть его вариациями. Все эти крики — чистые физиологические рефлексы.

Эти крики вызывают у матерей — которые, впрочем, довольно быстро научаются их распознавать, причем с их вариантами, в зависимости от опыта и характера — специфические реакции, направленные на прекращение крика. Самым же действенным способом прекращения крика является материнский голос: начиная с конца второй недели он останавливает крик младенца гораздо лучше какого-либо другого звука или визуального присутствия человеческого лица. Начиная с третьей недели, как минимум в нормальной семейной среде, появляется «ложный крик бедствия, для того чтобы привлечь внимание» (Вульф): это жалобные вздохи, заканчивающиеся криками; его физическая структура сильно отличается от четырех основных криков. Это первая сонорная интенциональная передача, иначе говоря, первая коммуникация. В пять недель младенец отличает материнский голос от других голосов, в то время как он еще не отличает материнское лицо от других лиц. Таким образом, начиная с конца первого месяца младенец становится способным распознавать экспрессивное значение акустических действий взрослого. Именно в этот период первая из его констатируемых циркулярных реакций значительно опережает те, что относятся к взгляду и психомоторике, это начальная стадия и, возможно, прототип последующего избирательного обучения.

Между третьим и шестым месяцем младенец всю лепечет. Он играет со звуками, которые издает. Сначала это «гоготание, щелканье, карканье» (Омбретан). Затем он постепенно упражняется в различении, произвольном продуцировании и закреплении в варьирующейся гамме фонем, фиксируя те звуки, что составляют его

родной язык. Таким образом, он достигает того, что лингвист Мартин обозначил второй артикуляцией речи (артикуляция от означающего до точных звуков или частичной комбинации звуков). Одни исследователи считают, что младенец спонтанно издает почти все возможные звуки и что настройка на окружающую систему приводит к сужению его гаммы. Другие авторы, напротив, рассматривают издаваемые младенцем на данной стадии звуки как имитируемый материал и полагают, что развитие осуществляется посредством постепенного его обогащения. Что не вызывает сомнения, так это то, что к трем месяцам вследствие созревания родничка устанавливается визуально-моторная циркулярная реакция: рука тянется к рожку. И к материнскому голосу! Ребенок на этой стадии способен лишь к воспроизведению жестов, которые он наблюдает у себя самого (жесты, стало быть, как предел конечностей), в аудиофонологическом же плане имитация более разнообразна: в своем лепетании младенец в равной степени имитирует то, что слышит от другого, и самого себя; в три месяца, к примеру, появляются заразительные крики.

Интерес представляют два исследования. Трудно знать, что младенец слышит за неимением наблюдаемой реакции, подтверждающей то, что он услышал. Эта методологическая проблема была прекрасно изложена Каффи (Caffey, 1967) и Моффит (Moffit, 1968), сделавших электрокардиограмму десятидневных младенцев, после привыкания к некоторым фонетическим сигналам, которые они были способны производить, им представляли то искаженные сигналы, то сигналы собственно фонетического репертуара взрослого. Результаты подтвердили, что младенец обладает значительным перцептивным потенциалом, намного превосходящим его способность к фонетическому воспроизведению звуков, предвосхищая тем самым предшествование хорошо известного, устанавливающегося несколько месяцев спустя семантического понимания в отношении способа выражения.

Другой способ решить проблему обязан своим появлением Баттерфелду (Butterfield, 1968): младенцы, которым несколько дней отроду, активнее сосут сосок в часы кормления, сопровождаемого музыкой, по сравнению с обычным кормлением. Судя по их рвению сосать грудь, некоторые субъекты даже проявляли предпочтение классической либо популярной музыке, или напеваемой мелодии! После некоторых упражнений такого рода эти младенцы-меломаны, разбуженные за час до кормления, независимо от пищевого удовлетворения становятся способными соотносить ход или остановку записанных мелодий с розданными им пустыми рожками. Эти работы

подтверждают теорию Боулби, согласно которой первичное влечение привязанности функционирует одновременно с оральным сексуальным влечением и независимо от него. Но они вносят также дополнение или важную поправку: ментальные способности проявляются сначала на акустическом материале (я бы даже попытался добавить, без сомнения, и на обонятельном). Это ставит под сомнение точку зрения Анри Валлона, чье мнение авторитетно во Франции и согласно которому дифференциация жестов и мимики, то есть тонических и постуральных факторов, находится в основе социальной коммуникации и ментальной репрезентации. Это свидетельствует о гораздо более ранних обратных связях, возникающих у младенца с окружением: по природе своей они аудиофонологичны и относятся сначала к крикам, а затем к вокализациям (но с явными функциональными и морфологическими аналогиями между ними), и они лежат в основе овладения первичным семиотическим поведением. Иначе говоря, приобретение долингвистического значения (значения криков, затем звуков при лепетании) предшествует приобретению инфралингвистического значения (значения мимики и жестов).

Разумеется, хронологическая последовательность не заключает в себе структурной родственной связи: вокально-моторные и визуально-моторные координации имеют каждая свою относительную автономию и специфику; первые подготавливают приобретение свойства второй артикуляции (соединение означающего со звуками), вторые подготавливают приобретение свойства первой артикуляции (соединение означающего с означаемым). Можно даже предположить, что развитие лингвистической функции и начало присвоения ребенком на протяжении второго года жизни кода родного человеческого языка требует допущения различия между структурами вокальной и жестикуляторной коммуникаций и его преодоления в конституировании более сложной и более абстрактной по уровню структуры символизации. Остается как минимум первая проблема, поставленная перед зарождающимся интеллектом, — проблема дифференциальной организации шумов тела, криков и фонем, фоноповедение устанавливается на протяжении всего первого года жизни как первичный фактор ментального развития.

Последний факт подтверждает это. Между восьмым и одиннадцатым месяцем вокальная активность, имитация услышанных форм, частота лепетания замедляется. Это возраст, когда ребенок пугается незнакомых людей (их лица и голоса), возраст, когда также с приобретением к десяти месяцам оппозиции большого и указательного

пальцев он может вслед за кем-то воспроизвести жесты, не наблюдая при этом за собственным выполнением жестов, или может равным образом ментально представить себе предметы или события за пределами воспринимаемого поля. Одновременно и, возможно, вследствие этого он больше анализирует фоноповедение других, нежели собственное.

СОНОРНОСТЬ ПО ФРЕЙДУ

В работе Фрейда отсутствует понятие словесной купели, исходящей от опекающего окружения. Зато в «Наброске психологии» 1895 г. (Freud, 1950c, tr. fr., p. 336, 348, 377) он придает большое значение крику, издаваемому младенцем. Крик в соответствии с рефлекторной схемой, составляющей первую структуру психического аппарата, есть прежде всего чистая двигательная разрядка внутреннего возбуждения. В дальнейшем он понимается ребенком и его окружением как просьба и первый способ коммуникации между ними, что влечет переход ко второй структуре психического аппарата, где к циркулярной реакции добавляется сигнал, первичная форма коммуникации.

«Этот путь [разрядки] обретает вторичную функцию <...> и служит теперь взаимопониманию»¹.

Уровень степени сложности, согласно психическому аппарату, и это известно, есть уровень *желания*, направленного к мнестическому образу субъекта, доставившего удовольствие. Этот образ в основном визуальный или моторный (речь уже не идет о сонорном регистре); он создает первичный психический процесс, имеющий целью галлюцинаторное осуществление желания (это опыт самоудовлетворения в противоположность предшествующему удовлетворению, зависящему от окружения); наконец, связь ментальных образов с влечениями составляет первую форму символизации (речь более не идет о простом сигнале). Эта третья структура психического аппарата усложняется, в свою очередь, соединением вербальных следов (или словесных представлений) с предметными представлениями, что делает возможным вторичные психические процессы и мышление. Однако интересно отметить, что Фрейд описывает то, что я назвал бы нулевым уровнем этой артикуляции, — соединение звуков с восприятиями.

¹ [Freud, S. Entwurf einer Psychologie (1950c [1895]). // G. W. — Nachtr. — S. 456–457 {387–477}.]

«Во-первых, обнаруживаются объекты — восприятия, заставляющие *кричать*, поскольку они причиняют боль, и оказывается, имеет огромную значимость то, что эта ассоциация звучания <...> выделяет данный объект как *враждебный* и служит обращению внимания на восприятие. Там, где в ином случае из-за боли мы не получили бы хороших качественных признаков объекта, характеристике объекта служит *собственное сообщение в крике*»¹.

Из этого следует, что первые сознательные воспоминания — тяжелые воспоминания.

Теперь я могу уточнить пределы моего согласия с Фрейдом² и привести к нему дополнения: 1) с освоением первой артикуляции речи (ассимиляция правил, управляющих лексическими, грамматическими, синтаксическими навыками) архаическое садистическое Сверх-Я начинает трансформироваться в регулирующее мышление и поведение Сверх-Я; 2) ранее Я конституировалось как относительно автономная инстанция посредством опоры на кожу, с приобретением второй артикуляции (фиксация потока вокальной передачи в фонамах, являющихся формантами родного языка), с приобретением равным образом статуса экстерриториальности объекта; 3) еще ранее Самость образуется как сонорная оболочка³ в опыте купели звуков, сопутствующей опыту кормления грудью. Эта купель звуков предвосхищает Я-кожу и ее двойную поверхность, обращенную внутрь и наружу, поскольку сонорная оболочка состоит из звуков, издаваемых попеременно окружением и младенцем. Комбинация этих звуков производит таким образом: а) общее пространство-емкость, обеспечивающее двусторонний обмен (тогда как кормление грудью и отнятие груди производят движение в одностороннем порядке); б) первый образ (пространственно-слуховой) собственно тела; в) реальную реализацию синкретичной связи с матерью (без чего воображаемое соединение с ней в дальнейшем было бы невозможным).

¹ [Ibid. S. 457.]

² Проблемы голоса и аудирования несколько не интересовали тех, кто комментировал Фрейда. Издатели «Standard Edition» даже не обозначили в своем указателе термины «голос», «звук», «аудирование». Они лишь оставили ссылки на крик и сходство используемых звуков при оговорках и играх слов. Систематический анализ был проведен Э. Лекур в работе «Фрейд и сонорный звук: тик-так желания» (Lecourt, E. Freud et le sonore: le tic-tac du désir. — Paris: l'Harmattan, 1992).

³ Э. Лекур (Lecourt, 1987) исследовала сонорную оболочку, музыкально-вербальную.

СЕМИОФОНΙΑ

Новинки технологии и изобретения мифологии и научной фантастики снабдили меня дополнительными доводами.

Идея погружения детей, имеющих речевые нарушения, до начала любого восстановления в сонорную купель была введена во Франции в практику под названием семиофонии¹. Субъект помещается во вместительную звуконепропускаемую кабину, оснащенную микрофоном и наушниками, настоящее «фантазматическое яйцо», в котором ребенок может вновь нарциссически свернуться и регрессировать. В первой фазе, чисто пассивной, он свободно играет (рисунки, пазлы и т. д.), слушая при этом в течение получаса проникающую музыку, богатую на высокие частоты, затем в следующие полчаса слушает поступающий, предварительно записанный голос. Он, таким образом, подвергается воздействию сонорной купели, ограниченной ритмом, мелодией и модуляцией. Вторая фаза реабилитации приходится на вторую артикуляцию; она требует от субъекта после прослушивания поступающей музыки активного повторения означаемых, также предварительно записанных на пленку и пропущенных сквозь мягкий фильтр, что прекрасно позволяет воспринимать голос как внятный и приятный для слушания и создает благоприятные условия для регистра высоких частот; одновременно с тем как субъект повторяет слово, он слышит себя самого в наушники, он открывает свой собственный голос и приобретает опыт обратной аудитивно-фонаторной связи. Следующая фаза, более банальная, предполагает исчезновение как предшествующей музыкальной купели, так и отфильтрованных звуков, а повторение фраз организуется в рассказ. Если ребенок повторяет плохо, если он по собственному желанию вставляет выдуманные или грубо воспроизведенные варианты, никаких замечаний и уж тем более упрека ему не делается. Он также может продолжать рисовать, при этом слушая и говоря. Чтобы суметь освоить код, не следует ли сначала поиграть с ним, а также иметь свободу нарушить, преступить его? «Полагая, что он общается с другим, ребенок таким образом довольно быстро научается общаться с самим собой, с этой другой

---

¹ И. Беллер «Семиофония» (Beller, 1973). Автор оттолкнулся от эксперимента Бирч и Ли (Birch & Lee, 1955): бинауральные слуховые стимуляции 60-ю децибелами в течение 60 секунд на субъектов, дошедших до экспрессивной афазии по причине постоянного кортикального торможения, вызывают немедленное улучшение их вербальной эффективности, длящееся 5–10 минут. Вдохновленный также методом Томатиса «электронное ухо», автор переработал эту концепцию, адаптировав ее.

частью самого себя, неведомого ранее и в точности проецируемого им на другого, отчуждаясь таким образом от всякой возможности реального диалога» (Ibid., p. 64).

Автор опирается в этом на чисто дидактическую позицию, выводя наружу не только перенос и интерпретацию, но также ориентировку и понимание влияния упущений, допущенных окружением в отношении лингвистических недостатков ребенка. По крайней мере автор ищет способы заставить функционировать механизм выздоровления. Но интуиция, от которой он отталкивается, обильна на идеи.

«В первый период реабилитации, именуемый пассивным, в ходе которого весьма интенсивно проникают внешние звуки, передаваемые таким способом как незначущие, пережитое субъектом можно определить как приятное чувство необычности... Эта эмоция вызывает состояние эйфории, воспринимаемое даже в самой личности, то есть в репрезентации, которую субъект имеет о самом себе» (Ibid., p. 75). Необычность беспокоит лишь тогда, когда окружение не «контейнирует» (в понимании Биона) психически пережитое субъектом.

СОНОРНОЕ ЗЕРКАЛО

Звуки, которые слышит младенец сначала от других, обволакивают Самость в гармонии (какое другое слово, как не музыкальное, подошло бы здесь лучше?), затем, повторяя их, как бы отвечая эхом на то, что прозвучало, малыш стимулируется звуками, которые вводят его в мир иллюзий. Винникотт (Winnicott, 1951) обозначил лепет среди переходных феноменов, но поместил его на тот же план, что и другие проявления подобного рода. Теперь малыш побуждает себя к имитированию, слыша самого себя, лишь если окружение заблаговременно и качественно подготовило его к этому благодаря обильной сонорной купели. До тех пор пока взгляд и улыбка матери, вскармливающей и заботящейся о нем, не возвращают ребенку образ о нем, визуально воспринимаемый и интериоризируемый им для усиления своей Самости и формирования своего Я, мелодическая купель (голос матери, ее песни, музыка, которую она заставляет слушать) остается для малыша первым сонорным зеркалом, которым он пользуется сначала через свои крики (чтобы материнский голос успокоил в ответ), затем через свое щебетание, а после — через свои фонематически-артикуляционные игры.

Греческая мифология не упустила возможности отметить смешение визуального и сонорного зеркал в становлении нарциссизма.

Легенда о нимфе Эхо не случайно связана с легендой о Нарциссе. Молодой человек Нарцисс вызывает со стороны многочисленных нимф и девушек страсти, к которым остается нечувствительным. Нимфа Эхо в свою очередь влюбляется в него и ничего не добивается взамен. Разуверившаяся, она блуждает в одиночестве, теряя аппетит и худея; от ее исчезающей личности вскоре не остается ничего, кроме жалобного голоса, повторяющего последние слоги произносимых кем-то слов. В это время девушки, которыми пренебрег Нарцисс, добиваются от Немезиса мести для него. После охоты в один жаркий день Нарцисс наклоняется к источнику, чтобы утолить жажду, замечает свое отражение, столь прекрасное, что влюбляется в него. В симметрии с Эхо и ее сонорным образом Нарцисс отрывается от мира, больше ничем не занимаясь, кроме как склоняется над своим визуальным образом, позволяя себе чахнуть. Даже в похоронной переправе по водам Стикса он все еще будет пытаться различить собственные черты... Эта легенда хорошо маркирует присутствие сонорного зеркала на зеркале визуальном, равно как и изначально женский характер голоса и связь между сонорной передачей и требованием любви. Но легенда позволяет также понять патогенный смысл: если зеркало — сонорное или визуальное — возвращает субъекту лишь его самого, так сказать его требование, его беду (Эхо) или его искания идеального (Нарцисс), результатом будет разобщение влечений, высвобождающее влечения к смерти и укрепляющее их в экономическом примате над влечениями к жизни.

Общеизвестно, что зачастую мать шизофреника распознается по ощущению дискомфорта: ее голос вонзается в практикующего врача, к которому она пришла проконсультироваться, голос монотонный (плохо ритмизированный), металлический (без мелодии), рычащий (с преобладанием низких звуковых частот, что вызывает у слушающего путаницу звуков и ощущение вторжения, вызванного этими звуками). Подобный голос нарушает установление Самости, сонорная купель, более не обволакивающая, становится неприятной (в терминах Я-кожи сказали бы шершавой), она «продырявлено-продырявливающая». Без предвосхищения того, что последует за этим, такая ситуация, с момента приобретения первичной речевой артикуляции, есть беспорядок логического мышления ребенка, причина которого — мать ввиду ее парадоксальных распоряжений и дисквалификации высказываний, выдаваемых ребенком о самом себе (ср. D. Anzieu, 1975b). Только соединение этих нарушений — фонематического и семантического — вызовет шизофрению. Если оба нарушения были легкими,

мы бы имели дело с нарциссическими личностями. Если присутствует только первое, но нет второго, образовалась бы предрасположенность к психосоматическим реакциям. Если второе имеет место без первого, мы столкнулись бы с большим количеством затруднений в адаптации к школе, интеллектуальных и социальных.

Дефекты патогенного сонорного зеркала таковы:

— его несоответствие, ведь оно вторгается помехой в то, что чувствует, ожидает и выражает младенец;

— его неожиданность, так как оно то недостаточно, то чрезмерно и переходит из одной крайности в другую произвольным и непонятным для младенца образом; оно множит микротравмы на зарождающейся защите от раздражителей (после прочитанного мной доклада о «сонорной оболочке Самости» один из слушателей пришел рассказать мне о своих проблемах, касающихся «сонорного разрыва Самости»);

— его обезличенность: сонорное зеркало не осведомляет младенца ни о том, что тот ощущает сам, ни о том, что мать чувствует по отношению к нему. Младенец будет плохо подстрахован своей Самостью, если он для матери — машина для содержания в порядке, в которую вводят программу. Она также часто говорит перед ним сама с собой, но не о нем, то громким голосом, то в мутизме внутренней речи, и эта купель слов или тишины подпитывает мысль, что он — ничто для нее. Сонорное, затем визуальное зеркало является структурой для Самости, после — для Я лишь при условии, что мать выражает ребенку одновременно что-то о себе и о нем и что-то, имеющее отношение к первым психическим качествам, испытываемым рождающейся Самостью младенца.

Сонорное пространство — это первое психическое пространство: внешние шумы болезненны, когда они внезапные и сильные: беспокоящее урчание тела, но не локализованное внутри, сопровождающийся активными движениями крик, автоматически издаваемый с рождением, затем с голодом, болью, гневом, лишением объекта. Все эти шумы составляют нечто, как то, что Ксенакис, безусловно, хотел воспроизвести через музыкальные вариации и игру света лазерных лучей своего политопа: не организованное в пространстве и времени пересечение сигналов с первичными психическими качествами, или как то, что философ Мишель Серр пытался сказать о потоке, дисперсии, о первом облаке расстройства, где обжигают и мелькают сигналы тумана. Из этого фона шумов может выделиться мелодия классической или более популярной музыки, то есть музыки, состоящей из звуков, богатых высокими частотами, просто музыка,

человеческий голос, говорящий или поющий, со своими модуляциями, инвариантами, служащими опорами для быстрой характеристики индивидуальности. Момент, состояние, в которых младенец ощущает первую гармонию (упреждая единство самого себя как Самости сквозь разнообразие своих ощущений) и первый восторг (иллюзия пространства, где не существует различия между Самостью и окружением и где Самость может быть сильной от стимуляции и спокойствия окружения, с которым она едина). Сонорное пространство — если необходимо посредством метафоры представить его видимый облик — имеет форму пещеры. Пространство полое как утроба, как ротоглоточная полость. Пространство защищенное, но не герметично закрытое. Емкость, внутри которой циркулирует легкий шум, эхо, резонансы. Не случайно концепт акустического резонанса снабдил ученых моделью любого физического резонанса, а психологов и групповых психоаналитиков — моделью бессознательной коммуникации между людьми. Пространства, исходящие из ребенка, визуальное, затем визуально-тактильное, потом двигательное и, наконец, графическое, вводят его в различия между моим и незнакомым, между Самостью и окружением, различия внутри Самости, различия в окружении. Сами-Али продолжил исследование в этом ключе в своей книге, названной «Воображаемое пространство» (Sami-Ali, 1974). Однако дефициты, исходящие из сонорной оболочки Самости, являются помехой развития этой серии.

Наблюдение за Марсием (окончание)

Каким именно образом функционировал у пациента подобный недостаток, можно было прояснить много месяцев спустя, после двух режюмированных выше сеансов, благодаря существенным ориентирам, которые эти сеансы нам принесли и на которые я не раз мог эксплицитно опереться (доказательство того, что эти недостатки можно значительно смягчить с помощью психоанализа при условии, что на это отводится время, воля, адекватное пространственно-временное расположение, и принять во внимание, что интерпретации проистекают из корректной теории).

Несмотря на несомненные прогрессы во внутренней и внешней жизни, что ему следовало принять к сведению, Марсий находился в новом кризисе, не столько депрессивного страха, сколько скептицизма: ему никак не удавалось измениться настолько, насколько ему бы хотелось, он чувствовал, что слишком отличается от других, он был

обескуражен, он полагал, что я считаю его неспособным завершить свой психоанализ и что было бы безусловно лучше по обоюдному согласию прервать его. Марсий не различал с уверенностью, что происходило в его Самости и что происходило в его окружении. Часто аффекты его близких вторгались в него и дезорганизовывали его; он, конечно же, старался дистанцироваться от этого вторжения, но в силу самокритики отказывал себе во всех практических способах достижения этого дистанцирования; то, что он испытывал сам, он либо хранил в себе, жалуясь на то, что окружение не догадывается о его намерениях, либо выражал это с такой живостью, что это возвращалось ему вспышками насилия. И по-прежнему одно и то же заключение: это мне, Марсию, надлежит измениться, и я на это не способен. Я смог интерпретировать ему в переносе, что он организовал свои взаимоотношения с приватным и профессиональным окружением точно так же, как со мной — на модели неизбежного несоответствия между Самостью и окружением, и я предложил для формулировки этого базового несоответствия следующее: счастье одного имеет противоположность несчастью другого.

Другой пациент, представляющий с Марсием аналогии, касающиеся раннего детства и недостатков функционирования Самости и Я, принял симметрично противоположное заключение: он полагал, что именно окружению и психоаналитику надлежит измениться, и им одним, но они на это не способны. Суть проблемы остается прежней: дифференциация между сенсорно и аффективно пережитым субъектом и его окружением не осуществляется или осуществляется невпопад, если субъект не смог прожить достаточным образом первоначальный период, где окружение отвечает на его удовольствие удовольствием, на боль — успокоением, на пустоту — заполнением, на разобщенность — гармонизацией. Именно об этом психоаналитик и должен сказать ему — не обязательно погружая его в семиофоническую кабинку, — дабы создать окружение, резонирующее на уровне голоса так же хорошо, как и на уровне смысла.

Ролан Гори в размышлении, развивавшемся параллельно с моим и зачастую в обоюдном взаимодействии, разработал сходные понятия «зеркально отражающего сонорного образа», «сонорной стены ограждения», «телесного якорения дискурса», «отчуждения субъективности кода». Я обязан ему знакомством с новой научной фантастикой Жерара Клейна «Долина эхо» (Klein, 1966), предполагающей существование сонорных ископаемых:

«На планете Марс исследователи ищут в пустыне след исчезнувшей жизни. Однажды они проникают между прибрежными отвесными забуренными скалами, ничем не похожими на выветренные пейзажи, распростертые вдоль всей песчаной планеты,.. и встречают эхо: “Я почувствовал голос или, скорее, шепот миллионов голосов. Волнение целого народа, произносящего невероятные, непонятные слова, <...> звук осаждал нас кружащимся водоворотом волн”. <...> В этой долине Эхо собраны звуки исчезнувшего народа; это единственное место в пространстве, где залежи представляют собой вовсе не минеральные ископаемые, а сонорные массы. Один из исследователей, подстегиваемый удовольствием от своего открытия, осторожно продвигается, и голоса перекрещиваются очень тихо, до агонии тишины, “поскольку тело его было экраном. Он был слишком тяжелый, слишком материальный, для того чтобы эти легкие голоса могли вынести этот контакт”» (Gog, 1975, 1976).

Красивая метафора сонорного материала, чуждого живому телу, поддерживающегося собственным тщетным навязчивым повторением, доисторическим воспоминанием и смертельным предзнаменованием аудиофонического савана, раскиданного лохмотьями, который больше не окутывает и не поддерживает в Самости ни психической жизни, ни смысла.

ТЕРМИЧЕСКАЯ ОБОЛОЧКА

ОБОЛОЧКА ТЕПЛА

Показательно достаточно часто встречающееся во время релаксации наблюдение. Релаксant, пришедший заранее и устроившийся один в комнате, начинает упражнение. Довольно быстро он ощущает приятное тепло во всем своем теле. Приходит релаксатор, которого он ожидает, — ощущение тепла тотчас же исчезает. Он делится этим с релаксатором — его психоаналитиком, тот в процессе диалога пытается разъяснить и устранить причину этого исчезновения, но напрасно. Тогда психотерапевт принимает решение оставаться молчаливым и расслабиться, дав возможность пациенту, следуя описанию Д.В. Винникотта (Winnicott, 1958), испытать опыт одиночества в присутствии кого-то, кто уважительно относится к его уединению, защищая это уединение своим присутствием. Тогда релаксant постепенно вновь обретает ощущение всеобъемлющего тепла.

Как следует понимать это наблюдение? Пациент один в знакомой комнате, значимой для него, проживает опыт накопления и экзальтации Самости, с расширением границ Я телесного вплоть до размеров комнаты. Блаженство, с одной стороны, от обладания Я-кожей в ее протяжении, с другой стороны, от того, что она принадлежит ему по праву, возрождает первичное впечатление оболочки тепла. Вход психотерапевта представляет травматическое вторжение в эту оболочку, такую широкую и такую хрупкую (барьер тепла — незначительная защита от раздражителей). Как только тепло исчезает, пациент начинает искать во взаимодействии с психотерапевтом новой

опоры, на которой могла бы функционировать его Я-кожа. Может ли это быть архаическим фантазмом об общей коже, принадлежащей обоим партнерам? Однако релаксатор говорит, вместо того чтобы прикасаться к телу, и релаксант сопротивляется подобной регрессии. Он находит ощущение охватывающего тепла тогда, когда страх вторжения рассеивается и его Я-телесное возвращается к границам, более приближенным к собственно границам его тела. Незаметное защищающее присутствие релаксатора (аналог спокойного доброжелательного нейтралитета психоаналитика) позволяет пациенту снова свободно присвоить некую Я-кожу, отождествляя самого себя с терапевтом, поддерживаемым собственной Я-кожей. Пациент избегает тройного риска: украсть кожу другого, или опасаться, что украдут его кожу, или быть обряженным в зараженный подарок — в кожу другого, которая не позволит обрести независимую кожу. Ощущение тепла простирается от Я-телесного к Я-психическому и окутывает Самость.

Оболочка тепла (если она, очевидно, остается умеренной) свидетельствует о нарциссической безопасности и нагрузке влечения привязанности, достаточных для того, чтобы войти в отношения обмена с другим, при условии, что это будет на основе взаимного уважения, с учетом своеобразия и автономии каждого: разговорный язык довольно многозначительно говорит о «теплых контактах». Эта оболочка ограничивает мирную территорию с постами фронтиров, разрешив вход и выход путешественникам, которых проверяют лишь на предмет отсутствия у них недоброжелательного намерения и оружия.

ОБОЛОЧКА ХОЛОДА

Я-телесное, испытывая физическое ощущение холода, сопряженное с холодностью в моральном смысле, противопоставленное исходящим от другого побуждениям к контакту, посредством Я-психического стремится к установлению или восстановлению более герметичной защитной оболочки, более замыкающейся в самой себе, более нарциссически защищающей, и к установлению или восстановлению защиты от раздражителей, держащей другого на расстоянии. Я-кожа, и я об этом говорил, состоит из двух слоев, более или менее отделенных друг от друга: один обращен к экзогенным стимуляциям, другой — к внутренним возбуждениям влечений. В зависимости от того, затрагивает ли холодная оболочка один лишь внешний слой, один лишь внутренний слой либо оба этих слоя, что может привести к кататонии, — последствия будут разными.

Я ограничусь лишь писательским примером. Первая фаза креативной психической работы есть не только фаза регрессии к бессознательному ощущению-эмоции-образу, призванная обозначить тему или направляющий тон произведения, но и фаза потрясения, метафоризированная погружением в холод, зимним высотным восхождением, изнуряющей ходьбой по снегу (см. лебедь Малларме¹, попавший в ледяную ловушку застывающего озера), сопровождаемая ознобом и прибеганием к физическому заболеванию и лихорадке как средству разогреться, со смертельным ощущением потери ориентиров в белизне вызывающего изморозь тумана, с «охлаждением» дружеских и любовных отношений². Внешняя сторона Я-кожи становится холодной оболочкой, которая приостанавливает, парализует отношения с внешней реальностью. Внутренняя сторона Я-кожи, таким образом, находится под защитой с чрезмерной психической нагрузкой — в максимально свободном состоянии, для того чтобы «улавливать» репрезентанты влечений, вытесненные по обыкновению и даже еще не символизированные, обработка которых станет оригинальностью произведения.

Оппозиция тепла и холода — одно из базовых различий, которое Я-кожа позволяет обрести и которое играет заметную роль в адаптации к физической реальности, в колебаниях сближения и отдаления, в способности мыслить через самого себя. Напомню о случае парадоксального переноса (который я приводил в своей статье на эту тему: см. D. Anzieu, 1975b), где в ходе психоаналитической работы нарушения равновесия настроения, мазохистическое упорство поддерживать несостоятельную супружескую жизнь, некоторая несостоятельность рассудка могли быть связаны как раз с ранним искажением различия тепла и холода.

Наблюдение за Ошибочной

Речь идет о женщине, для которой я не нашел лучшего псевдонима как Ошибочная, принимая во внимание то обстоятельство, с какой драматической частотой и интенсивностью на протяжении всего ее детства, а также зачастую и в зрелости ей противопоставлялось, что то, что она ощущает — ошибочно. Ребенком ее купали не вместе с младшим

¹ [Малларме, Стефан [Mallarmé, Stéphane] (1842–1898) — французский поэт. Речь идет о его стихотворении «Лебедь» (Le cygne).]

² Более подробное описание этой леденящей дрожи я дал в своей книге «Тело произведения» (D. Anzieu, 1981a, p. 102–104).

братом, что было бы неприличным, но прямо непосредственно перед ним. Для того чтобы купальня была подходящей температуры для мальчика, для Ошибочной готовили обжигающую ванну, в которую ее погружали с силой. Если она жаловалась на чрезмерный жар, тетья, занимавшаяся детьми, поскольку оба родителя работали, называла ее лгуньей. Если она кричала от дурноты, мать, призванная для совета, обвиняла ее в притворстве. Когда она выходила из ванны, красная как рак, пошатывающаяся и готовая упасть в обморок, отец, появляющийся время от времени в качестве подкрепления, укорял ее в том, что у нее нет ни тонуса, ни характера. Ее восприняли всерьез лишь в день, когда она потеряла сознание. Из-за глубокого безразличия матери, озабоченной лишь своей работой, из-за садизма отца, ревности злоупотребляющей своими правами тети ей пришлось пережить бесконечные аналогичные ситуации. В этом заключается характерная черта двойного предписания (*double bind*¹). Будучи совсем маленькой, обреченная своей тетей и матерью на обжигающие купания, повзрослев, она подверглась запрету купаний со стороны отца — горячие ванны действуют на тело и характер изнеживающе — и была обречена на холодный душ, который должна была отныне принимать как зимой, так и летом в необогреваемом подвале дома, где специально был установлен аппарат.

Отец приходил контролировать ее на месте, даже когда дочка достигла пубертата.

На своих сеансах психоанализа Ошибочная вновь пережила бесконечное число раз трудность в сообщении мне своих мыслей и аффектов в ужасе, что я не признаю их правоту. Она внезапно ощутила на диване чувство ледяного холода. Часто она стонала и импульсивно рыдала навзрыд. Много раз ей случалось испытать во время сеанса состояние, промежуточное между галлюцинацией и деперсонализацией: реальность больше не была реальностью, ее восприятие предметов запотевало, три измерения пространства были колеблющимися, сама она продолжала существовать, но отдельно от своего тела, вне него. Опыт, который она уяснила о себе самой, достаточно детально вербализовав его как возрождение своей инфантильной ситуации в ванной комнате, когда ее организм был на грани обморока.

Я счел возможным заняться с Ошибочной экономикой парадоксального переноса: на этот раз была моя очередь ошибаться. Она довольно быстро подтвердила мне позитивный перенос, и, опираясь на него,

¹ [Double bind (англ.) — двойное послание, взаимно противоречащие указания.]

я смог разложить для нее на части парадоксальную систему, в которую ее поместили родители и о чем она не прекращала мне говорить. Этот позитивный терапевтический альянс оказал благотворный эффект на ее социальную и профессиональную жизнь и отношения с детьми. Однако она оставалась гиперчувствительной и хрупкой: малейшее замечание собеседника из ее окружения или меня самого погружало ее в глубокую растерянность, где она уже не была уверена в своих собственных ощущениях, идеях и желаниях, где границы ее Я расплывались. Внезапно она впала в парадоксальный перенос, связывая свои трудности в терапии со мной, воспринимая меня как того, кого она не могла заставить себя услышать и чьи интерпретации (которые она мне приписывала или смысл которых искажала) были направлены якобы на систематическое отрицание ее самой. Ее лечение начало прогрессировать лишь после того, как

- я полностью согласился быть объектом парадоксального переноса;
- она одновременно получила подтверждение того, что может задевать меня эмоционально, но я остаюсь твердым в своих убеждениях.

Не признавая того, что ребенок чувствует на самом деле то, что она чувствовала: «твое ощущение, что слишком горячо, ложное, это то, что ты говоришь, но то, что ты это испытываешь, неправда; родители лучше детей знают, что дети ощущают, — ни твое тело, ни твоя правда тебе не принадлежат»; родители в большей мере руководствовались не моралью добра или зла, а логикой, путаницей истинного и ложного, и их парадокс обязывал ребенка выступать посредником между истинным и ложным. Отсюда следующие одно за другим нарушения в установлении границ Я и реальности, в сообщении другому своей точки зрения. Так устанавливается то, что Арно Леви, говоря об оставшемся невысказанным сообщении, описал как ниспровержение логики, как перверсивность мышления, как новую форму перверсивной патологии, присоединяющейся к сексуальным перверсиям и моральной перверсии.

ОБОНЯТЕЛЬНАЯ ОБОЛОЧКА

СЕКРЕЦИЯ АГРЕССИВНОСТИ ЧЕРЕЗ ПОРЫ КОЖИ

Наблюдение за Гефсимани

Я выбрал этот псевдоним по названию Оливкового сада (Гефсиманский сад на арамейском языке), где, по третьему автору Евангелия (единственному, сделавшему это уточнение), Иисус был в кровавом поту в ночь, предшествующую его аресту. Его последователи заснули. Он напрасно молил Бога, Отца своего, избавить его от последнего испытания — приговора к смерти. Он страдает от глубокой «печали»: «И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лук., XXII, 44).

Гефсимани — итальянец по происхождению. Будучи билингвом, он проходит свой курс психоанализа на французском языке. Он отказывается записаться на семинар, чтобы начать посещать занятия по инженерному делу, затем по праву. У него достаточно конфликтные отношения с коллегами по многонациональному предприятию, где он работает, и он чувствует себя не в своей тарелке.

Если придерживаться явного содержания ассоциаций идей и чувств, проявляющихся во время сеанса, могу сказать, что в первые три года своей терапии Гефсимани проявлял лишь агрессивные чувства: сначала по отношению к одной женщине зрелого возраста, преподавателю естествознания в частном престижном лицее, куда он, будучи скромного происхождения, был принят и даже получал стипендию (эта женщина грозила ему отчислением, что было бы катастрофой);

затем против пожилой авторитарной дамы, которую он называет своей крестной, проживавшей до своей смерти в доме его родителей; наконец, против младшего брата, которого мать кормила грудью, а Гефсимани — нет, отчего тому казалось, что он лишен любви и заботы матери и отчего мой пациент испытывал чувство глубокой несправедливости, сохраненное им и поныне. К этим трем аспектам своего прошлого Гефсимани возвращался весьма эмоционально. Я следовал за его медленным прогрессом в проявлении агрессивности и за его регрессией к все более и более архаичным объектам ненависти. Я вмешивался через сопоставления. Я принимал эту огромную озлобленность, как если бы был вместилищем, в которое ему нужно было переместить это. Его профессиональная ситуация улучшалась. Его семейные отношения с французенкой налаживались. У него появился желанный ребенок (однако о нем он сказал мне лишь единожды, когда тот родился). Но то были эффекты по большей мере психотерапевтические, нежели психоаналитические. Чем больше внешне он продолжал оставаться мстительным, тем больше во время сеансов он демонстрировал свою покорность и добрую волю, почтительно добиваясь моих интерпретаций, одобряя их сразу же безоговорочно и без размышлений. Вот то, что мне казалось реальностью его психоанализа здесь и сейчас: позитивный перенос, идеализированный и зависимый, а не подлинный невроз переноса. Там было другое очень явное проявление, касающееся его сенсорной живости, но с которым я не знал что делать с точки зрения психоанализа: Гефсимани в некоторые моменты источал сильный запах, и этот запах был еще более неприятным, поскольку смешивался с парфюмом туалетной воды, которой он заливал свои волосы, — безусловно, предположил я, для того чтобы уравновесить эффекты сильного потоотделения. Я приписывал эту особенность моего пациента то его биологической конституции, то социальной среде его происхождения. Мое первое контрпереносное сопротивление было следующим: считать материал, в значительной мере присутствующий на сеансах, неуместным для психоанализа, поскольку он не был вербализирован и не обладал явной коммуникативной ценностью.

Моим вторым контрпереносным сопротивлением была досада. Гефсимани источал запах все сильнее и сильнее, многократно повторяя одни и те же рассказы, касающиеся преследователей из его детства. Мой мозг, захваченный его рассуждениями и запахом, был парализован. Никакая новая интерпретация больше не приходила мне в голову. В то же время я испытывал чувство вины из-за отсутствия внимания

к нему. Я пытался оправдать себя, говоря себе, что он переносно вызывал повтор своей детской ситуации, где стал сыном, которым пренебрегали и которого мало любили.

Именно вторжение третьего лица пробудило мою способность мыслить. Эпизодическая пациентка, которую мне довелось принимать непосредственно после Гефсимани, однажды сделала вид, что не желает оставаться в моем кабинете. Она высказала мне упрек относительно моего предыдущего пациента, отравлявшего атмосферу в комнате, иронично спросив меня, не имел ли там место счастливый эффект психоанализа. Инцидент заставил меня вернуться к самому себе, и я заметил, что был уже больше не способен... чувствовать его во всех смыслах этого слова. Не мог ли это быть невроз переноса, одновременно таившийся и проявлявшийся исподтишка через эти агрессивные по отношению ко мне зловонные выделения? Моментально я вновь обрел интерес к продолжению этого курса терапии. Но как ему сказать о запахе, чтобы при этом самому не быть агрессивным или не обидеть его? Мое образование и психоаналитическая начитанность ничему меня не научили относительно обнятельных форм переноса, за исключением понятия ротоносовой «примитивной полости» у младенца, описанного Шпицем (Spitz, 1965).

Я нашел промежуточную интерпретацию достаточно общего понимания, интерпретацию, которая была первой, исключительно центрированной на настоящем и которую я повторял на протяжении нескольких сеансов в разных вариантах: «Вы больше говорите мне о ваших чувствах, нежели о ваших ощущениях»; «Мне кажется, вы пытаетесь захватить меня не только вашими агрессивными волнениями, но и некоторыми сенсорными впечатлениями». После этого Гефсимани принялся вспоминать обстоятельство прошлого, которого не касался до сего момента. Его крестная имела репутацию нечистоплотной женщины. Родом из деревни, она мылась редко, за исключением лица и рук. Перед тем как затеять стирку, она в течение многих недель складывала в кучу свое грязное белье в ванной комнате, куда мой пациент тайно ходил вдыхать крепкий запах ее нижнего белья — процедура, нарциссически приносившая ему обнадеживающее чувство защищенности от всего, даже от смерти. Так обнаружился скрытый в этом фантазм, в основе которого — фузионный контакт с дурнопахнущей и защищающей кожей крестной. В то же время я узнал, что его мать считала делом чести быть всегда очень чистой и обильно душилась одеколоном. Итак — но я оставил это замечание при себе, — два противоречивых запаха, которыми он наполнял мой кабинет,

представляли собой фантазматическую попытку объединить в нем кожу крестной и кожу матери. Стало быть, он не имел своей собственной кожи? Я предложил ему вернуться к драматическим обстоятельствам его рождения, о которых ему часто рассказывали и о которых он мне наспех сообщил во время предварительных собеседований. Роды затягивались. Повивальная бабка и крестная во имя христового принципа отказывались вмешиваться под предлогом того, что мать должна рожать в муках. Врач, вызванный поздно, сообщает отцу, что необходимо выбирать между жизнью жены и жизнью ребенка, затем он предпринимает щипцами отчаянный маневр, и тот удается. Гефсимани рождается с ободранной кожей, окровавленный во многих местах, и несколько дней остается между жизнью и смертью. Крестная, присматривая за ним, держит его рядом с собой в своей кровати, тем самым, должно быть, спасает его. Все это стимулирует мои размышления и побуждает вторгнуться более специфическим образом.

Поскольку он первым заговорил о дурном запахе, я почувствовал себя правомочным вернуться к этому. В дни, когда он вновь являл сильное потоотделение, я подчеркивал ему важность для него запаха как такового. На мое третье или четвертое замечание в этом смысле впервые в ходе его психоанализа он изменил интенсивность (речь до сего момента обильная, безостановочная и сильная, захватывающая меня и не оставляющая мне ни малейшего места для вторжения), голосом тихим и размеренным, тоном конфиденциальным и более не требовательным, как если бы он вел уединенную беседу, он сообщил, что чувствовал себя очень неловко по отношению ко мне, когда потел на сеансах, — реакция, возникающая у него, впрочем, всякий раз в моменты волнения; при расставании со мной он стыдился своего мокрого рукопожатия. Таким образом, я воспроизводил для него в неврозе переноса крестную, не только ненавидимую, но и защищающую, с которой до своего отъезда из Италии он поддерживал фузионную коммуникацию. Я открывал, какое другое контрпереносное сопротивление действовало у меня: мое Я бессознательно отказывалось принимать на себя роль не просто неправильной и симбиотической, но к тому же еще и вызывающей тошноту крестьянки. Если в своем внутреннем суде я привязывал его симптом к его прошлому одновременно для того чтобы лучше понять его и лучше от него защититься, Гефсимани проживал этот симптом в настоящем моменте, но расщепляясь, — чувства, испытываемые его Я-психическим, и ощущения, испытываемые его Я-телесным, — механизм, который я сформулировал ему позднее. Фрагментируя свой настоящий опыт, он тем самым

усложнял мою задачу: уловить его в целостности. Предстоявшая мне с ним психоаналитическая работа состояла в установлении связей мышления, не только между прошлым и настоящим, но прежде всего между фрагментами настоящего.

Несколько сеансов спустя Гефсимани объявляет мне о том, что находится под действием одного яркого переживания. Я напоминаю ему о связи, которую он до этого установил между эмоцией и потоотделением, и спрашиваю его о том, какое переживание вызвало в нем эту реакцию потоотделения. Гефсимани делает мыслительное усилие, совершенно новое для него: расщепление надвое и наблюдение за своим Я-телесным посредством Я-психического, и отвечает — он становился агрессивным, когда чувствовал себя фрустрированным. Я тут же добавляю интерпретацию, делая акцент на психическом контенанте: «Чтобы не страдать от этой агрессивности, вы выделяете ее испариной через вашу кожу».

Примерно год мы работали над тем, чтобы выявить особенности его Я-кожи. Казалось, она подкреплялась фантазмом об общей коже маленького мальчика и его крестной, кожи, которая спасла ему жизнь и продолжает защищать его от смерти. Я-кожа опирается главным образом на оболочку, особенно тактильного и сонорного происхождения. У Гефсимани оболочка принципиально обонятельная: эта общая кожа объединяет специфические запахи генитальных и анальных отверстий с запахами секретий кожи. Один консультируемый коллега, психофизиолог, уточнил мне, что выделяемый через потоотделяющие железы пот сам по себе лишен запаха, но он наносит на кожу тонким слоем пахнущие молочные секретии апокриновых¹ желез, секретий, провоцируемых сексуальным возбуждением или эмоциональными стрессами. Я понимаю таким образом, что у Гефсимани функция защиты от раздражителей (термическая и гигрометрическая) пота перепутана с функцией эмоциональной сигнализации пахучих секретий². Подобная обонятельная оболочка осуществляет недифференцированное суммирование кожи и эрогенных зон. Она равным образом

¹ [Апокриновые — потовые.]

² Психофизиологи описали четыре типа обонятельных сигналов: любовное желание, страх, гнев, запах смерти людей, знающих о том, что они приговорены. Мне не удалось различить эти четыре сигнала у Гефсимани либо в силу того, что обонятельный мир у меня сильно угнетен, либо оттого, что в целом фузионная коммуникация Гефсимани с крестной не позволяла моему пациенту различать их. Возможно, интуиция и эмпатия психоаналитика покоятся как раз на сложной для изучения обонятельной основе.

объединяет противоположные характеристики влечений: контакт с телом крестной, с одной стороны, нарциссически обнадеживающий и либидинозно привлекательный, с другой, доминирующий, вторгающийся и раздражающий. Та же самая амбивалентность — но у девочки по отношению к отцу — описана в сказке «Ослиная шкура»¹, повторное чтение которой окончательно проясняет понимание моего пациента. Эта Я-кожа, принципиально обонятельная, образует оболочку, которая и не продолжается, и не замыкается. Она пронизана множеством дыр, соответствующих порам кожи и лишенных контролируемых сфинктеров; эти дыры позволяют внутренней агрессии просачиваться слишком обильно посредством рефлекторной автоматической разрядки, не оставляющей места мысли для вмешательства, стало быть, речь идет о Я-коже-дуршлагае. Впрочем, эта оболочка запахов туманная, неясная, пористая, она не допускает сенсорных дифференциаций, лежащих в основе деятельности мышления. Посредством этой разрядки на уровне Я-телесного и через эту недифференцированность на уровне Я-психического Я-сознательное Гейфсимани никоим образом не было скомпрометировано агрессивными влечениями. Агрессивность для Гейфсимани была идеей сознательной, о чем он мог говорить бесконечно. Но он оставался несведущим о природе телесной и психической оболочки, не способной контейнировать агрессивный напор. Отсюда следующий парадокс: он осознавал, что происходило в глубине (влечение), и бессознательно воспринимал то, что функционировало на поверхности (дырявый психический контейнер). Выделение неприятных запахов во время сеансов имело как непосредственно агрессивный, так и соблазняющий характер без всякой символичности: он провоцировал, настойчиво побуждал, марал меня. Но поскольку это было «непроизвольно», это избавляло его, с одной стороны, от усилия мысли, с другой стороны — от очень сильного чувства вины.

В ходе последующего разворачивания этого лечения дурнопахнущее потоотделение смягчилось. Оно появлялось вновь лишь при тяжелых обстоятельствах его жизни, что тогда я мог интерпретировать как повторение некоторых прежних травм, о которых он вспомнил ценой огромного усилия внимания, памяти и способности суждения. Действительно, он должен был научиться развивать вторичные

¹ [Стихотворная сказка Ш. Перро (1694). В ней рассказывается о том, как вдовец-король решил жениться на своей дочери, но та из страха перед инцестом бежала из дворца, одевшись в ослиную шкуру.]

психические процессы, активности автоматической разрядки влечений которых ему не хватало до настоящего момента, и отныне становилось возможным прогрессирующее структурирование его Я-кожи как психического контейнера, более гибкого и более прочного. Ему также предстояло превозмочь чувства вины и смертоносной ненависти прежде всего по отношению к матери, затем к отцу, ценой интенсивного страха, внезапно появившегося в виде сердечных болей. Так же постепенно он преодолел расщепление Я-психического и Я-телесного, которое парализовало психоаналитический процесс в начале его терапии.

Фрейд и Бийон опубликовали несколько очень кратких наблюдений за пациентами, нарушавшими цельность своей собственной кожи, выдавливая прыщи или удаляя угри, по их мнению, это открытое проявление архаического комплекса кастрации, угрожающего целостности кожи в целом, а не специфично генитальных органов. Обонятельная оболочка Гефсимани с бесконечным количеством дыр отличается от этого. Во-первых, она представляет собой фундаментальный дефект контенанта. Во-вторых, она служит усилением комплекса кастрации, что стало очевидным в ходе продолжения терапии.

Работа по формированию его обонятельной Я-кожи, над чем мы с Гефсимани активно трудимся, занимает многие недели. Я вновь становлюсь очень активным на сеансах. Гефсимани потеет не так часто и не так сильно. Когда это вот-вот должно с ним произойти или уже случилось, он об этом объявляет, и мы вместе ищем эмоцию, ставшую тому причиной.

Со своей стороны, я размышляю о собственном контрпереносе и считаю возможным выявить следующее:

1) личное сопротивление, связанное с медицинскими вмешательствами в носу, которые я претерпел в детстве, притупили и ослабили мою обонятельную активность;

2) эпистемологическое сопротивление, вызванное отсутствием психоаналитической теории обонятельного мира, на которую я мог бы опереться;

3) сопротивление против формы переноса, направленной на то, чтобы я включился в оболочку запаха, общую для меня и моего пациента, как он сам был включен когда-то в обонятельную оболочку, общую для его крестной и его самого.

Как я мог освободиться от этого контрпереноса? Прежде всего признавая тот факт, что речь идет именно о контрпереносе. Затем,

разработав необходимый мне фрагмент психоаналитической теории, а именно концепции непрерывной обонятельной оболочки — поглощающей, пористой, секреторной, амбивалентной — как частного случая этого значения Я-кожи — понятия, изобретенного мною ранее в ответ на проблемы тоже контрпереносного плана, с которыми я столкнулся в случаях, именуемых пограничными.

Следующим летом Гефсимани отправляется на машине провести летние каникулы в Италии, в семье, откуда он родом. Сильный страх сковывает его на протяжении всего пути, его неотступно преследует опасение спровоцировать дорожную аварию, которая повлечет за собой смерть, его собственную или его жены и их сына. На обратном пути начинается то же самое мучение. Однако страх ослабевает после пересечения границы, и в конечном итоге он доволен тем, что смог одержать победу над подобным испытанием. Таков его рассказ на нашем сеансе после возобновления терапии.

Устанавливается сближение. Когда ему было примерно 18 месяцев, с его беременной матерью случился несчастный случай, о котором он мне часто говорил. Она спускалась по каменной лестнице, которая вела из квартиры на улицу; она несла Гефсимани на руках и поскользнулась. У нее был выбор — выронить ребенка, рискуя при этом тем, что в случае падения головой на камень тот может убится, либо упасть самой на спину так, чтобы своим телом послужить младенцу как защитным матрацем, рискуя при этом причинить себе сильную боль и спровоцировать преждевременные роды. По озарению она выбрала второе. Гефсимани уцелел, но, из-за того что мать постоянно рассказывала эту историю, в нем закрепилось чувство, что он выжил лишь благодаря случаю. У матери действительно случились преждевременные роды и она осталась хромой. И лишь спустя несколько лет она родила мальчика, которого Гефсимани воспринял как ненавистного соперника. Страх, испытываемый Гефсимани на дороге, где он погибает сам или убивает жену и ребенка, воспроизводил материнскую дилемму несчастного случая на лестнице: или она убивает уже рожденного сына, или ранит саму себя и убивает ребенка, которому предстоит родиться. Гефсимани чувствовал себя виновным за то, что уцелел, он обязан своей жизнью другому; другой должен был бы жить на его месте. Факт последующего рождения младшего брата и ревность по отношению к нему реактивировали дилемму и отяготили ее с невыносимой интенсивностью. Стало быть, именно он мог убить другого и фантазматически должен был это сделать, если хотел

выжить. Гефсимани не мог избежать тогда, в прошлом, этой жесткой ситуации и решился отправиться в деревню в сопровождении своей крестной на длительное время. Подобная дилемма лежит в основе того, что Жан Бержере (Bergeret, 1984) исследовал под названием фундаментального насилия. Предложенное мною Гефсимани сопоставление далеко от того, чтобы ослабить страх, но все же оно его возрождает. Он ужасается тому, что находится в ситуации, при которой может жить лишь во вред другому либо другой может жить лишь в ущерб ему. Его реакция меня затруднила. Я больше не знаю, что интерпретировать. Я говорю себе, что он вновь начнет потеть и скверно пахнуть. Эта ассоциация внезапно озаряет меня. Я его спрашиваю, потел ли он во время каникул. Он удивлен. Действительно, он не потел все лето. Он даже не обратил на это внимание, пока я не заговорил об этом. Это тем более удивительно, добавил он, поскольку путь по автотрассе совершался под знойным солнцем. И я могу дать ему на это свое объяснение. До лета мы выяснили его бессознательную реакцию экскреции, его агрессивности посредством поверхности кожи. Итак, он уже не может к этому прибегать, чтобы избавиться от агрессивных моментов, но последние тем не менее не исчезли. Напротив, они стали тревожащими для его сознания, которое отныне должно было противостоять этому, опираясь само на себя, вместо того чтобы прибегнуть к автоматическому телесному выхлопному клапану. И не боится ли он больше не сумеет контейнировать их, поскольку его мышление не было в достаточной мере подготовлено к этому? Но, добавил я, можно спросить себя, не было ли его мышление способнее кожи, позволявшей им просачиваться. Вместо того чтобы разгрузить количественный избыток заполонившей его агрессивности, отныне ему предстоит качественно обдумывать эту агрессивность, распознавать свою собственную часть и отделять ее от того, что исходило от матери, крестной и младшего брата. Это длительное вмешательство с моей стороны приносит Гефсимани внезапное облегчение. Последующий материал демонстрирует, что, опираясь именно на отцовский образ, Гефсимани смог практиковаться в активации обдумывания своих мыслей: из всех членов его семьи отец действительно лучше остальных переносил приступы гнева и провокации Гефсимани.

Этот перенос управления агрессивностью от кожи к Я позволил мне уточнить процесс генезиса Я-кожи, устанавливающейся временно через опору и через трансформацию. Перед лицом агрессивных влечений Я Гефсимани оставалось настолько тесно слившимся

с его кожей, что функционировало как чистое Я-тело без участия системы восприятие-сознание. Лишь при разъединении его Я и кожи психоаналитическая работа позволила Гефсимани закрепить за кожей функцию психического контейнера; она сама — условие функционирования системы восприятие-сознание. Но это высвобождение Я в его способности осознавать, удерживать, различать, понимать (и одновременно превозмогать страх относительно присутствия агрессивных представлений) могло осуществиться лишь ценой изменения принципа функционирования: отказа от принципа автоматической разрядки напряжения влечений в пользу принципа связи натиска влечений с психическими представлениями и связи между аффектами и представлениями.

Опираясь на мои интерпретации, Гефсимани заметил расщепление между Я-психическим и Я-телесным: то, что происходило на уровне его кожи и главным образом в его теле, ускользало от него, и ему нужно было сделать усилие и проявить внимание, чтобы воспринять это; усилие, которое он решил приложить, но которое требовало от него обучения (в соответствии с фрейдовской формулировкой, согласно которой вторичные психические процессы, то есть мышление, начинаются с внимания). Это было предварительным условием для того, чтобы он смог начать представлять себе свою агрессивность и размышлять над ней, вместо того чтобы избавляться от нее через потоотделение.

За этим следует период, в ходе которого Гефсимани осведомляется о своем переносе. Мало-помалу он открывает свой негативный перенос на анализ, а не только на психоаналитика: он не ждет, говорит он, ничего хорошего от психоанализа; то, что он разоблачает свои чувства по отношению к родителям, — опасно; впрочем, с самого начала он упорно настаивает на том, что анализ повредит ему. Я даю ему следующее объяснение: у него бессознательная мысль о том, что анализ погубит его. Эта интерпретация вызывает у него значительное эмоциональное волнение, однако не нуждающееся более в истекании ни через пот, ни через слезы, ни в проявлении через сердечные симптомы. Отныне недомогание целиком в его мышлении. На протяжении многих недель Гефсимани проживает это опасение, что анализ может быть смертельным для него. Затем, вслед за моими замечаниями он допускает, что это фантазм. И он может найти его первопричину. Его родители были очень враждебно настроены по отношению к психологическим рассуждениям. «Не всякую правду

следует говорить», — повторяли они. И они плохо восприняли решение Гефсимани начать курс психоанализа: «Это не принесет тебе ничего хорошего». С этого момента за психоанализом для Гефсимани был бессознательно закреплен знак воображаемого осуществления этой угрозы: он откроет правду, которая может навредить ему и которая может убить его.

Видно, как осуществилась взаимосвязь внешней и внутренней причин его невроза переноса. Внутренняя причина коренится в возврате к нему его пожелания смерти по отношению к матери и детям, которыми она могла быть беременна. Внешняя причина, а именно антипсихологические рассуждения родителей, снабдила его необходимым текстом-манифестом (эквивалент, подобный тому, как дневные переживания проявляются во время ночного сна), позволяя латентной мысли найти выход. До тех пор пока эта специфическая взаимосвязь с индивидуальной историей пациента не понята и не разобрана на составляющие, невроз переноса остается безмолвно действующим и анализ не прогрессирует уверенным образом. Таким образом, не был ли психоанализ Гефсимани в целом охвачен негативной терапевтической реакцией?

Так мне удалось лучше понять одну из особенностей своего контрпереноса. Идея о том, что анализ в целом может быть вредоносным и, в частности, может убить Гефсимани, так сильно задела мою идентичность и мой идеал психоаналитика, что я вытеснял ее на протяжении нескольких недель, пока не предположил, что это были основные фантазмы моего пациента.

Несколько месяцев спустя анализ Гефсимани концентрируется ценой огромного страха и сильного чувства вины, чередуясь с эпизодически выбросами зловонного потоотделения на сексуальных фантазмах, развившихся в пубертате. В этих фантазмах он больше не пытался представлять себе, как это было тогда, когда он был молодым, что происходило в кровати между матерью и отцом. Вместо этого обдумывания отныне он позволил себе обладание собственной женой. Зато он воображал себя инициированным крестной — в некотором роде имплицитный пакт с отцом: я отдаю тебе мать, но взамен ты позволяешь мне близкое знакомство с крестной (эта женщина изначально была крестной отца, но вся семья звала ее «крестной»). Этот фантазм был отчасти реализован в действительности. Когда он просыпался от плохого сновидения и когда ему не удавалось заснуть, Гефсимани ложился в кровать к крестной, засыпая рядом с ней, предприняв

несколько осторожных прикосновений. Но он удерживался от того, чтобы пойти еще дальше в другом своем фантазме, только что обнаруженном и вышедшем на поверхность благодаря анализу его недавнего сновидения: женский половой орган казался ему опасным, как пустой и пожирающий рот. Это исходило от него самого, когда однажды подростком он сформулировал себе запрет инцеста и прекратил посещать ложе крестной, сожалея о том, что отец не проявил в этом смысле решительной твердости.

Таким образом, захватывая меня своим запахом, не один только Гефсимани подавал мне сигналы: внимание, опасность стресса в сочетании с агрессивностью, кроме этого, он обволакивал меня тем же самым запахом сексуального соблазнения, который приписывал нижнему белью крестной и который испускал, присоединяясь к ней в кровати. Я понимал, что так нам никогда не покончить с контрпереносом, и, зажав себе нос и забыв об интеллигентности на этот слишком конкретный сенсорный сигнал, я сопротивлялся тому, чтобы впустить в мое сознание представление, внушавшее мне отвращение, — представление подростка, пытающегося слиться со мной в купели сомнительных запахов и заставляющего меня взять на себя роль старой похотливой девы; я сопротивлялся до того, как понял, что в этом заключается вторичная эротизация контакта с примордиальным поддерживающим объектом, первоначальным гарантом возможности жить.

Я обязан Гефсимани, помимо того что он позволил мне открыть особенности обонятельной Я-кожи, этому уроку об изменчивом характере контрпереноса и его бесконечных уловках.

СПУТАННОСТЬ ВКУСОВЫХ КАЧЕСТВ

ПРИСТРАСТИЕ К ГОРЬКОМУ ВКУСУ И ПУТАНИЦА ПИЩЕВАРИТЕЛЬНОГО И ДЫХАТЕЛЬНОГО КАНАЛОВ

Наблюдение за Родольфом

Родольф, с представительностью эрцгерцога и умом, страшщийся смертельной угрозы на нашем с ним втором сеансе психоанализа. Его первый анализ в основном содержал в себе эдиповы проблемы. Он раскрыл передо мной свои нарциссические изъяны, часть из которых проявляется через психосоматические симптомы. Тошнота и рвота могут быть следствием парадоксальных отношений с родителями: горечь внушалась как приятная, и ею пичкали до рефлекторного отторжения организмом; от сладкого его предостерегали как от плохого; вино, кровь, рвотная масса плохо различались. Отсюда у Родольфа рання и повторяющаяся дисквалификация естественных для организма вкусовых качеств (ср. с. 64). Родольф страдает от постоянной путаницы в мышлении и коммуникации. Его сновидения часто представляют сцены, разворачивающиеся в тумане. В работе ему случается перепутывать заданные ему вопросы: он напускает туман, дым, чтобы утопить проблемы. Впрочем, курит он много. Кажется, курить для него — способ напустить туману по отношению к парадоксальным приказаниям, которые ему навязывались его родителями, отчасти в моменты приема пищи на кухне, заполненной туманным паром кипящегося белья и томящихся блюд.

На одном сеансе он изложил мне профессиональный инцидент туманного порядка, этот случай мог бы быть соотнесен с переносом.

На предыдущем сеансе Родольф действительно видел сновидение, заняв при этом круговую оборону, не оставив мне ни малейшего интервала не только для того, чтобы вторгнуться, но и даже для того, чтобы подумать. Я интерпретирую это так: он мне затуманил взор, выстраивая между нами барьер из тумана. Он дополняет, что таким образом смешался со мной. Но вместо того чтобы осознать это, на следующий день, общаясь с коллегой, он действует неопределенно. Сеанс продолжается. Он чувствует себя менее туманным, более устойчивым, более способным мыслить. Но ему понадобилось выкурить сигарету до того, как прийти на сеанс. Он уточняет свою дилемму: или он думает и при этом испытывает сильный страх, или получает удовольствие (сигарета — транквилизатор) и больше не думает. Именно это произошло в его первый сеанс психоанализа.

Я интерпретирую, что нет дыма без огня, что курить (с респираторными и пищеварительными затруднениями, на которые он жалуется, особенно на болезненное ощущение жжения в легких) означает для него делать часть огня. Для того чтобы дальше все шло хорошо, он полагает необходимым пожертвовать органом, контролировать смертельную опасность, локализуя ее в конкретном органе тела.

Несколько сеансов спустя Родольф возвращается к табачному симптому, который связывает со своими пищевыми симптомами. Он уточняет, как курит: он наполняет легкие дымом и задерживает его там до того момента, что не может больше дышать. Это альтернатива, другая сторона которой заключается в невозможности удерживать еду и ее обратном исторжении при выдохе воздуха. Отсюда его рвота с икотой. Его описание процессов рвоты настолько реалистично и живо, что мне приходится сопротивляться охватывающей меня тошноте. Я предпринимаю усилие, чтобы связать симптом, вызванный им у меня, с обстоятельствами, в которых он возник у него: его отец вставал из-за стола, чтобы его стошнило или чтобы помочиться в раковину, телевизор орал, запахи кухни окружали Родольфа вызывающей тошноту оболочкой, усиленные частыми «головомойками», объектом которых он являлся. Я интерпретирую его идентификацию с блюющим отцом и попытку вовлечь меня в то же самое загрязнение, что испытал он.

По поводу блюда спагетти с томатом, которым он недавно пообедал и которое закончилось несварением, Родольф осознает ошибку, совершенную им в детстве: он полагал, что отца рвало кровью, на самом деле это был томат. Я подчеркиваю чрезмерность кислотности томата и неопределенность границ между Самостью и другим, символизированной формой спагетти.

Родольф возвращается к первому сеансу, который я здесь изложил. Он настолько заполнил собой пространство сеансов, что я не могу ни иметь мысль, ни «вставить хотя бы одну из них», хотя он так жаждет моих слов. Он наполняется воздухом и извергает из себя пищу.

Я интерпретирую его путаницу между дыхательным и пищеварительным каналами и уточняю образ его тела: сплюснутое, проходящее сквозь этот единственный канал, с необходимостью надуваться воздухом и дымом, дабы достичь густоты, объема, дабы перейти от двухмерности к трехмерности.

Родольф ассоциирует по поводу этого факта: ребенком он заглатывал воздух во время еды, и родители грозили ему аэрофагией¹, что с ним случается и до сих пор. Он подчеркивает эрогенное качество дыма в своих легких: обжигание, которое он чувствует, для его разума — знак угрозы заболевания легких (и указание на то, что ему следовало бы прекратить курить); но для его ощущений это приятное чувство: «Это согревает меня внутри».

Я интерпретирую: с одной стороны, перемещение удовольствия поглощения из желудка (где это удовольствие недостаточно) в легкие (где он может его контролировать и самостоятельно провоцировать); с другой стороны, парадокс, заставляющий принимать его нечто плохое для организма за хорошее; наконец я навожу его на мысль о связи между двумя этими данными: когда мать кормила его обильно, но плохо, образ матери, который он поглощал с пищей, не особенно согревал его тело.

Родольф дополняет, что это касается и отца, и он понимает, почему испытывает тошноту: отец заставлял его есть шпинат, горечь которого внушала Родольфу отвращение, утверждая, что это хорошо для здоровья, поскольку шпинат содержит железо и это укрепит его.

Я интерпретирую это так: то, что ваше тело спонтанно воспринимало как плохое, а именно горький вкус этого блюда, вашему уму представляли как хорошее. Отсюда ваша тенденция искать удовольствие в противоположном. Для детей сладкое — хорошо, горькое — плохо. Соленое — промежуточное, поначалу они находят его плохим, затем научаются любить его в определенной пропорции.

Родольф отвечает, что для него фундаментальная оппозиция в области вкусовых ощущений есть оппозиция сладкого и соленого, он испытывает отвращение, когда их смешивают в блюдах. Но зато по-прежнему он ест много горьких продуктов, которые ему нравятся

¹ [Аэрофагия — заглатывание воздуха.]

и которые в действительности (и он отдает себе в этом отчет) причиняют ему вред, отсюда его приступы тошноты, расстройство пищеварения и рвота в общественном транспорте, во время приглашений к друзьям и даже несколько раз на сеансах со мной.

На последующих сеансах Родольф вернулся к теме тумана. У него не только проблемы с мутным пищеварением, в нем также есть ядро туманности, которое он обозначает как свое безумное ядро. Оно связано с фантазмом первичной сцены: Родольф по случаю извлекает сновидение, воспоминание (экранирующее воспоминание?) часто повторяющейся сцены, в которой его отец, мужчина в возрасте и ревнивый, приглядывая через окно за своей молодой женой, заподозрил ту во флирте с соседом. Родольф, оказавшись свидетелем сцены, пытается защитить мать. Отец шпионит сквозь матовое стекло кухонной двери или сквозь завесу дыма либо пара, образующуюся, когда мать готовит еду или занимается кипячением белья. Отец взбешен, он берет в руку кухонный нож, именно так взгляд Родольфа ухватил его сквозь туман сновидения, туман, образующий экран в двух смыслах этого слова: устанавливающий барьер и обеспечивающий пространство проекции. Я подчеркиваю сопряжение двух смыслов слова «туманный», которые он последовательно пережил в переносе: он туманил мне взор, он становился туманным со мной. Это сопряжение действует посредством обработки эдипова фантазма: отец «видел» сквозь туман неверность своей жены, а также инцестуозные желания Родольфа, создававшего воображаемое тело с матерью против отца; в свою очередь Родольф «видел» сквозь туман смертельную угрозу, исходящую от отца: отец может убить мать (явное означаемое); он может убить отца (скрытое означаемое).

Начиная с этого ряд сеансов посвящен анализу «безумного» ядра Родольфа, безумного в том, что в нем соединяется, запутывается и затуманивается нарциссическая и эдипова проблематика, каждая из которых имеет свою логику или свое собственное «безумие».

Пищеварительные и дыхательные парадоксы, которым Родольф был подвержен ранее, во втором детстве¹ усилились семантическими парадоксами, которые он продолжал слышать в своей голове, не осознавая до сего момента их происхождения (подтверждение фрейдовской гипотезы об акустической основе Сверх-Я). Эти акустические парадоксы, осложненные пищеварительными и дыхательными, усилили туманность его логического мышления и распространили эту

¹ [Под вторым детством понимается период от 8 до 12 лет.]

туманность от первичного перцептивного мышления к вторичному — вербальному. Двойная нарциссическая сверхзагрузка у Родольфа логического мышления и его образа, разглагольствующего и дискутирующего, который он приписывал другим, в подростковом возрасте явилась для того, чтобы заполнить брешь с непостоянным успехом, нарциссической небезопасностью, неуверенностью во фронтах между Я и Сверх-Я, с одной стороны, и Я психическим и Я телесным, с другой.

Когда ему в определенном периоде пришлось столкнуться с эдиповой проблематикой (Родольф противостоял ей и по большей части преодолел при помощи первой терапии), его нарциссические изъяны (обозначенные туманом) ухудшили это противостояние и еще больше затемнили его. Восприятие чрезмерного насилия влечений, сексуального и агрессивного у родителей, стала помехой для распознавания и использования им своих влеченческих сил. Он располагал лишь оболочкой тумана, дабы защититься от этого, — ошибка Я-кожи, достаточно контейнирующей, чтобы присвоить их себе. Отсюда его ужас перед порывами влечений, воспринимаемыми им как угроза безумия. Вместо того чтобы признаться самому себе в своих желаниях, соответственно инцестуозных и паррицидных по отношению к матери и отцу, Родольф видит в тумане (что означает, что его Самость плохо ограничена) любовное безумие матери и смертоносное безумие отца (то есть влечения других, но не собственные).

Этот фрагмент терапии Родольфа побудил меня к трем комментариям.

1) Анализировать — это всегда анализировать эдипов комплекс, но это не значит, что приходится анализировать только его. Всякая эдипова проблематика осложнена, затуманена нарциссической проблематикой. Рано или поздно ее нужно прояснить. В зависимости от случаев это происходит через работу интерпретации с гибким чередованием (когда основное из постэдиповых идентификаций уже достигнуто) или в соответствии с разделенными фазами (когда были и остаются значительными нарциссические изъяны). В последнем случае необходимо время на регрессию пациента к этим изъянам, на их исследование, их проработку до того момента, пока пациент сам по себе не перейдет от зеркального (у нарциссических личностей) или идеализирующего (в пограничных состояниях) переноса к эдипову переносу. Догматизм некоторых психоаналитиков, желающих свести все к эдиповым проблемам, подобен желанию запрячь телегу впереди лошади. Они интерпретируют нарциссический перенос своих пациентов

как сопротивление, возникающее при необходимости достичь эдипова комплекса (что, впрочем, таковым и является, и его необходимо интерпретировать, но лишь в надлежащий момент), по сути, это их собственное сопротивление работать над тем, что Розолато (Rosolato, 1978) назвал нарциссической осью депрессий, проецируемых ими на пациента. Поворот в этом втором курсе терапии Родольфа возник из его осознания, при содействии моих топографических (а не только экономических и генетических) интерпретаций, из частичной конфигурации его Я-кожи: оболочки тумана, внутреннего сплюснутого, раздавленного пространства, отсутствия различения пищеварительного тракта и дыхательного канала.

2) У Родольфа были хорошие контакты кожа с кожей и значимые тактильные обмены с матерью и он приобрел базовую структуру Я-кожи. То, что было недостаточным, вытекало из плохих соединений-вложений тактильной оболочки с пищеварительной, а затем сонорной оболочками. Один из основных эффектов второго курса психоанализа состоял в восстановлении соединений-вложений.

3) Эдиповы сценарии, как и большая часть фантазмов, — визуального плана. Перейти от нарциссической проблематики к эдиповой значит перейти от тактильного, пищеварительного, обонятельного, дыхательного к визуальному (образуя сонорное, под двумя разными формами, часть двух уровней): этот переход требует применения того, что я выше назвал двойным запретом прикосновения.

ВТОРАЯ МУСКУЛЬНАЯ КОЖА

ОТКРЫТИЕ ЭСТЕР БИК

Благодаря систематическим наблюдениям за младенцами английский психоаналитик, последовательница Кляйн и Биона, Эстер Бик разработала методологию и в краткой статье, опубликованной в 1968 г., высказала гипотезу о некоей «второй мускульной коже». Она показала, что в своей самой примитивной форме части психики еще не дифференцированы от частей тела, и они испытывают недостаток связующей силы (*binding force*), способной обеспечить сцепление между ними. Они должны удерживаться вместе пассивным образом благодаря коже, функционирующей как периферическое ограничение. Внутренняя функция контейнирования частей Самости происходит из интроекции внешнего объекта, способного контейнировать части тела. Этот контейнирующий объект обычно конституируется в ходе грудного вскармливания, посредством двойного опыта, одновременно переживаемого младенцем — через материнский сосок, помещенный в его рот, и через собственную кожу, соприкасающуюся с кожей матери, поддерживающей его тело своим теплом, голосом, знакомым запахом. Контейнирующий объект переживается конкретно как кожа. Если при интроекции контейнирующей функции младенец способен приобрести представление о внутреннем пространстве Самости и достичь расщепления Самости и объекта в процессе контейнирования каждого из них посредством соответствующих им кож. Если контейнирующая функция не осуществлена адекватным образом матерью или если ей причинены повреждения деструктивными фантазматическими

атаками младенца, из-за чего функция не интроецирована, нормальную интроекцию заменяет беспрестанная проективная патологическая идентификация, влекущая за собой спутанность идентичности. Сохраняются состояния отсутствия интеграции. Младенец неистово ищет объект — свет, голос, запах и т. д., который поддерживал бы объединяющее внимание над частями его тела и позволял бы ему таким образом, по крайней мере на короткое время, переживать его как объект, удерживающий части Самости вместе. Нарушение функции «первичной кожи» может привести младенца к образованию формации «второй кожи» — своеобразный замещающий протез, мускульный эрзац, заменяющий обычную зависимость по отношению к контейнирующему объекту на псевдонезависимость.

Эта «вторая кожа» напоминает мышечный панцирь характера, описанный В. Райхом. Что касается «первичной кожи» Бик, она соответствует моему собственному концепту Я-кожи. Я сформулировал его в 1974 г., стало быть, после нее, но о ее статье узнал лишь после публикации своей: свидетельство точности одного и того же факта, описанного двумя исследователями, работающими независимо друг от друга. Резюмирую некоторые из наблюдений, изложенных Бик.

Наблюдение за Алисой

Алиса — первая новорожденная молодой мамы, незрелой и неопытной, невпадет стимулирующей жизнеспособность младенца, которой, однако, удастся постепенно усовершенствоваться в ходе первых трех месяцев функцию первичной контейнирующей кожи, благодаря чему у дочери наблюдается уменьшение состояний отсутствия интеграции, сопровождавшихся чередой дрожи, чихания и дезорганизованных движений. В конце первых трех месяцев мать переезжает в новый дом с незавершенными строительными работами. Это обстоятельство ослабляет поддерживающую способность (*holding*) матери и отдаляет ее от младенца. Она вынуждает Алису к преждевременному мускульному освоению (пить самостоятельно из чашки с закрывающейся крышкой, подпрыгивать в детском манеже) и к псевдонезависимости (мать сурово пресекает ночные крики и плач). Она возвращается к своей первой тактике гиперстимуляции, поощряя и восхищаясь гиперактивностью и агрессивностью Алисы, называя ее «боксером» за привычку бить окружающих кулаком в лицо. Вместо того чтобы найти в своей матери настоящий кожный контенант, Алиса находит контенант замещения в своей собственной мускулатуре.

Наблюдение за Мэри

Мэри — маленькая шизофреничка, несколько лет анализа которой начиная с возраста трех с половиной лет обнаружили серьезную нетерпимость к разлуке с матерью, связанную с нарушениями ее детской истории: осложнение при рождении, ленивое сосание соска, появление экземы в четырехмесячном возрасте с расчесыванием кожи до крови, чрезмерное цепляние за мать, плохо переносимое ожидание момента кормления, отставание в развитии в целом. Она приходила на сеансы сгорбленная, с напряженной артикуляцией, гротескной походкой, напоминающей «мешок с картошкой», как она сама смогла назвать себя позднее. Этот «мешок картофеля» находился в постоянном страхе растерять свое содержимое — проективная идентификация с материнским объектом, не способствовавшим контейнированию ее частей, и представление о собственной коже как о протяженности, пронизанной отверстиями. Мэри удалось достичь относительной независимости и обрести прямую осанку благодаря извлечению лучшей возможной части из ее второй мускульной кожи, ставшей к тому же благодаря терапии более прочной и гибкой.

Относительно взрослого пациента с неврозом Бик описала две чередующиеся и дополняющие друг друга конфигурации второй мускульной кожи. Анализант описывает себя то в состоянии «гиппопотам» (это взгляд на вторую кожу с внешней стороны; в этом состоянии он агрессивный, тираничный, язвительный, эгоцентричный), то в состоянии «мешок яблок» (речь идет о фруктах, обычно символизирующих лоно, кожа которых тонкая и нежная; вторая кожа защищает и укрывает внутреннюю поверхность Самости, идентифицированную в качестве «мешка», и контейнирует поврежденные части его психики — яблоки; нарушения возникли как последствия архаических нарушений в период вскармливания; в этом состоянии пациент восприимчив, беспокоен, настойчиво требует внимания и похвал, опасается катастроф и крушений).

Очень сжатые и порой немногословные наблюдения Э. Бик вызывают с моей стороны многочисленные дополнительные замечания.

1) Вторая мускульная кожа сверхразвилась ненормальным образом, поскольку явилась компенсировать серьезную недостаточность Я-кожи и ликвидировать изъяны, разрывы и дыры первичной контейнирующей кожи. Но все нуждаются во второй мускульной коже как активной защите от раздражителей, призванной усилить пассивную защиту от раздражителей за счет нормально сформированного

внешнего слоя Я-кожи. Спорт и одежда часто выполняют функцию второй кожи. Пациенты защищают себя от психоаналитической регрессии и обнажения поврежденных частей и/или плохо интегрированных частей Самости, занимаясь физической культурой до или после сеанса или оставаясь в пальто, даже укутываясь покрывалом, устроившись на диване во время сеанса.

2) Специфическая влеченческая нагрузка мускульного аппарата и, стало быть, второй кожи оснащена агрессивностью (в то время как первичная тактильная Я-кожа загружена влечением привязанности или цеплянием, или разговором с самим собой): атаковать — эффективный способ защиты; это способ опередить события, предохраниться от опасности, удерживая ее на расстоянии.

3) Психическая аномальность, присущая второй мускульной коже, не позволяет отличать оболочку защиты от раздражителей от оболочки поверхности записывания, отсюда нарушения в коммуникации и мышлении. Объяснение, мне кажется, может быть следующим. Если возбуждения, полученные от гипертонической матери и/или от первичного окружения, были слишком интенсивными, непоследовательными, резкими, психический аппарат, вместо того чтобы качественно фильтровать их, начинает искать возможности количественной защиты. Если экзогенные возбуждения были слишком слабыми, поскольку исходили от депрессивной матери, замкнутой на самой себе, в таком случае практически нечего фильтровать и возникает необходимость в поиске эндогенных возбуждений. В обоих случаях вторая кожа полезна, будь то для усиления внешней защиты или активации внутренней.

ДВЕ НОВЕЛЛЫ ШЕКЛИ

Феномен второй мускульной кожи как защищающего протеза, как субститута недостаточно развившейся Я-кожи, призванного обеспечить ее функцию установления контактов, фильтрации обменов и регистрации коммуникации, проиллюстрирован в одной научно-фантастической новелле Роберта Шекли «Опытный образец» (Scheckley, 1956)¹. Бентли — главный персонаж, астронавт, посланный земным правительством для установления дружественного контакта с жителями планеты Тельс IV. Сатира американской

¹ Эта новелла появилась в американском иллюстрированном журнале «Galaxy». Я благодарю Ролана Гори за знакомство с ней. См. Р. Гори и М. Таон (Gori, Thoon, 1975).

коммерческой и технической политики очевидна: этот дружественный контакт преследует корыстные цели — подписать с аборигенами выгодные финансовые соглашения, протестировать средство защиты, привезенное туда Бентли. Профессор Слиггерт действительно избрал «Протект», аппарат, призванный защитить исследователей космоса от всех возможных опасностей: при малейшей тревоге он автоматически включает непроницаемое силовое поле вокруг того, кто несет его на спине, и тот таким образом становится неуязвимым. Но он тяжелый (40 кг) и громоздкий, что придает Бентли при высадке вид странной массы, сходной по описанию со второй мускульной кожей, исследованной Эстер Бик в ходе наблюдений за младенцами, представляющими сходство с гиппопотамом или «мешком яблок». Шекли действительно описывает своего героя то как крепость, то как человека с сидящей на спине обезьяной, то как «очень старого слона, обутого в очень тесную обувь». Тельсиане, несмотря на их природную открытость и гостеприимство, при виде этого неуклюжего и изогнутого под нелепым снаряжением существа, из-за чего его сложно идентифицировать, проявили недоверие. «Протект», зарегистрировав сигналы этого недоверия, включился. Он автоматически отразил приближение шедших навстречу ему с распростертыми объятиями, с дарами священного оружия и угощениями тельсиан и прилагаемые ими, несмотря на действие этого аппарата, усилия к установлению контакта. «Протект» отеснил возможную угрозу, таившуюся за неизвестными дарами. Он сконцентрировал защиту на Бентли, отчего тот более не был способен ни на малейший физический контакт с аборигенами. Те, еще более удивленные странным поведением земного астронавта, заключили, что имеют дело с демоном. Они организовали церемонию заклинания злых духов и окружили «Протект» стеной огня, отчего активность агрегата активировалась настолько, что он все сильнее и сильнее концентрировал свое защитное поле на том, кто несет его. Бентли оказался заключенным в сферу, не пропускавшую ни света, ни кислорода. Ослепленный, испытывая удушье, он начал барахтаться. Напрасно умолял он беспощадного профессора Слиггерта, с которым оставался в постоянной радиосвязи через имплантированный в его ухо микрофон (материализация акустического Сверх-Я, о котором говорил Фрейд), избавить его от «Протекта». Голос настаивал на том, чтобы тот продолжал свою миссию в интересах науки, без изменения экспериментального протокола: и речи быть не могло о том, чтобы «довериться <...> имея на спине оборудованные стоимостью в один миллиард». Из последних сил (и, наконец,

для *happy end*¹) Бентли удалось распилить ремни, прикреплявшие его к «Протекту», и избавиться от него. Он смог принять дружбу тельсиан, поняв, что те были настроены враждебно не к человеку, а к машине-демону, составлявшей с ним единое тело, а на самом деле не являвшейся им самим. И те убедились в этом, увидев первый жест человечности со стороны Бентли: освободившись от «Протекта», он сделал волевое усилие, дабы ненароком не раздавить насекомое.

Эта тема фальшивой кожи уже была затронута в другой новелле Шекли «Проблемы охоты» (Scheckley, 1935). Инопланетяне отправляются на охоту и обещают своему правителю привезти кожу землянина. Они выслеживают одного из землян на астероиде, захватывают его, сдирают с него кожу и победоносно возвращаются назад. Но жертва остается целой и невредимой, поскольку те содрали с нее лишь скафандр. Возвращаясь к новелле «Опытный образец», можно перечислить следующие затронутые там темы, показательные относительно пациентов, наделенных этой фальшивой кожей, замещающей неполноценную Я-кожу: фантазм неуязвимости, автоматическое поведение человека-машины, походка получеловека-полуживотного, уход в герметичный кокон с целью самозащиты, недоверие по отношению к тому, что другие предлагают как хорошее, что на деле может оказаться плохим, отщепление Я-телесного от Я-психического, купель слов, не создающая сонорной оболочки понимания, но сводящаяся к повторяющемуся голосу Сверх-Я, насаждающего свои приказания непосредственно в ухо, недостаточное количество и неудовлетворительное качество предпринятых коммуникаций, сложность, возникающая для других при вступлении в контакт с подобными субъектами.

Наблюдение за Жераром

Жерар — тридцатилетний социальный работник. Поворотный момент его психоанализа со мной — ужасное сновидение, в котором его уносит стремительным потоком и ему удается зацепиться за арку моста. До этого момента он справедливо жаловался то на мое молчание, оставляющее его барахтаться, то на мои слишком пространные, слишком общие, чтобы ему помочь, интерпретации. Жерар укоряет самого себя за это сновидение, явившее ему стремительный поток, льющийся из щедрой груди матери во время грудного вскармливания, поток, переливающийся через край, чрезмерный. Я поясню ему: мать

¹ [Happy end (англ.) — счастливый конец.]

слишком щедро удовлетворяла желания его рта (он был наводнен оральным удовольствием, тем самым она чрезмерно стимулировала в нем приступ алчности), но когда тот повзрослел и уже не вскармливался грудью, она перестала удовлетворять в достаточной степени нужды его кожи; она говорила с ним о нем пространным образом, обобщенно (как это повторялось в отношениях переноса — контрпереноса); из страха, что вещи прослужат недостаточно долго, она всегда покупала ему одежду большего размера. Отчего ни Я-телесное, ни Я-психическое не были контейнированы в должной мере. Немного позднее Жерар припомнил, что в подростковом возрасте начал покупать себе брюки слишком маленького размера, дабы уравновесить слишком большой размер одежды (стало быть, контейнирующей кожи), приобретаемой для него матерью. Отец — хороший технарь, но неразговорчивый, обучил его мастерству обращения с неодушевленными предметами, но не научил, как общаться с живыми существами: в своей первой части психоанализа он перенес на меня этот образ отца — хорошо одаренного технически, но молчаливого; после сновидения о бурном потоке перенос переключился в материнский регистр. Чем больше он исследовал этот регистр на сеансах, тем больше у него возникала необходимость в интенсивной физической активности вне сеансов, дабы поддерживать свое дыхание (подвергавшееся опасности из-за жадного сосания в период грудного вскармливания) и укрепить свои мускулы (вместо того чтобы втискивать себя в слишком узкие костюмы). Он начал упражняться в поднятии штанги, лежа на спине, все больше и больше добавляя вес. Я продолжительное время задавался вопросом, что тем самым он хотел мне сказать, растянувшись на моем диване; мое затруднение было вызвано личным неприятием подобного рода физических «подвигов». Наконец Жерар связал это со своим самым давним ужасным воспоминанием из раннего детства, о котором до сего момента говорил слишком пространно и обобщенно, чтобы из этого можно было извлечь хоть какой-нибудь смысл. Пытаясь уснуть, он лежал бесконечно долго в своей маленькой кроватке; в буфете, что стоял напротив, лежало яблоко, которое он видел и хотел, чтобы ему его дали, при этом никому ничего не говоря о своем желании. Не понимая причины его плача, мать никак не реагировала, оставляя его продолжать плакать до тех пор, пока он не уснет от усталости. Прекрасный пример того, как запрет прикосновения остается слишком запутанным, а контейнирующая функция матери — слишком неопределенной, для того чтобы психика ребенка, укрепленная в своей Я-коже, могла бы легко и эффективно отказаться

от тактильной коммуникации в пользу языкового обмена как подспорья взаимного постижения. Упражняться со штангой означало усилить и увеличить свои руки достаточно для того, чтобы они смогли самостоятельно достать яблоко: таков был заключающийся в этом бессознательный сценарий развития второй мускульной кожи (локализованный в одной части тела).

Справедливо или нет, я посчитал, что было бы неуместно интерпретировать цепляние за арку моста в его сновидении. Я не хотел ни того, чтобы излишняя интерпретационная нагрузка изменила бы мои слова в бурном потоке, и ни того, чтобы Жерар преждевременно лишился арки, которую перенес на меня. Возможно, эта сдержанность с моей стороны могла без слов подействовать укреплению его второй мускульной кожи. Нужно принять во внимание то, что страх невозможности зацепиться за объект привязанности (то есть за грудь-кожу-контенант) проявляется тем сильнее, чем в противоположность этому интенсивнее удовлетворяется либидинозное влечение в отношении объекта грудь-рот. Мне казалось, моя интерпретационная работа довольно последовательна и важна по другим моментам и могла быть достаточной для восстановления у Жерара способности интроецировать грудь-кожу-контенант. Насколько возможно судить о результатах анализа, этот эффект, кажется, был достигнут позднее посредством спонтанной мутации Я, аналогичной той, что описана выше у Себастьяны (см. с. 150).

ОБОЛОЧКА СТРАДАНИЯ

ПСИХОАНАЛИЗ И БОЛЬ¹

Я заостряю свое внимание на физической боли по двум причинам. Причина первая была отмечена Э. Фрейдом в работе «Набросок психологии»² (Freud, 1950c). Поскольку это может случиться с каждым из нас, сильная и длительная боль дезорганизует психический аппарат, угрожает целостности психики в теле, действует на способность продуцировать желание и на активность мышления. Боль не есть противоположность или обратная сторона желания: их связь асимметрична. Удовлетворение есть «опыт», страдание — «испытание». Удовольствие означает освобождение от напряжения, восстановление экономического равновесия. Боль усиливает сеть контактных барьеров, нарушает передачу нервных импульсов, направляющих циркуляцию возбуждения, замыкает реле, трансформирующие количество в качество, приостанавливает дифференциации, снижает перепады между психическими подсистемами и имеет тенденцию к распространению во всех направлениях. Удовольствие означает процесс экономический, при котором Я остается одновременно неповрежденным в своих функциях и границы которого увеличиваются посредством слияния с объектом: мне приятно и мне еще приятнее оттого, что я доставляю тебе

¹ Боль менее исследована психоаналитической литературой. Кроме работ, цитируемых в данной главе, отметим труды Понталиса (Pontalis, 1977) и МакДугалла (MacDougall, 1978), уделяющих внимание боли, написавшие каждый по одной главе в своей работе.

² [Freud, S. Entwurf einer Psychologie (1950c [1895]). // G. W. — Nachtr. — S. 387–477.]

это удовольствие. Боль провоцирует топическое нарушение, и вследствие циркулярной реакции осознание стирания основополагающих и структурирующих различий между Я-психическим и Я-телесным, между Оно, Я и Сверх-Я делает состояние еще болезненнее. Боль невозможно разделить с кем-то, за исключением того случая, когда она эротизируется в садомазохистических отношениях. Каждый одинок перед лицом боли. Она занимает все пространство, и я больше не существую как Я, есть только боль. Удовольствие есть опыт комплементарности различий, опыт, управляемый принципом постоянства, нацеленный на поддержание стабильного энергетического уровня посредством колебаний вокруг этого уровня. Боль есть испытание дедифференциации: она мобилизует принцип нирваны, уменьшения напряжений — и различий — на нулевом уровне: скорее умереть, чем продолжать страдать. Отдаваться удовольствию предполагает безопасность нарциссической оболочки, предварительное приобретение Я-кожи. Боль в случае безуспешного ее лечения и/или эротизации угрожает самой структуре Я-кожи, то есть зазору между ее внешней и внутренней стороной, а также различию между ее функциями защиты от раздражителей и записывания значимых следов.

Вторая причина моего интереса вызвана тем обстоятельством, что именно мать лучше и точнее других воспринимает как минимум физические страдания младенца, даже если она невнимательна и заблуждается в определении и расшифровке других чувственных качеств; исключением являются психически больные матери или женщины, повторяющие генеалогическую судьбу, рождая из поколения в поколение¹ мертвых детей. Матери свойственно оказывать не только соответствующий уход за ребенком: уложить младенца, вызвать врача, дать болеутоляющее, перевязать ранки, но она также берет его на руки, когда он кричит, плачет, задыхается; она прижимает его к своему телу, согревает, укачивает, говорит с ним, улыбается ему, убеждает его; иными словами, она удовлетворяет его потребность в привязанности, защите, цеплянии; она максимизирует поддерживающую и контейнирующую функции кожи с тем, чтобы ребенок повторно интроецировал ее в достаточной степени как поддерживающий объект, восстанавливал свою Я-кожу, усиливал свою защиту от раздражителей, мог бы

---

¹ См. исследование Одиль Бургиньон «Смерть детей и семейные структуры» о семьях, имеющих много мертворожденных детей (Borguignon, 1984). Трансгенерационная тема исследована в коллективной монографии «Трансмиссия психической жизни между поколениями» под редакцией Р. Каеса (Transmission de la vie psychique entre générations, Dunod, 1993).

терпеть возвращающуюся боль на приемлемом уровне и сохранял надежду на возможность выздоровления. То, что можно разделить, это не саму боль, а противостояние ей: пример боли у сильно обожженных является тому подтверждением. Если мать из-за безразличия, игнорирования или депрессии не общается привычным образом с ребенком, его боль может быть своеобразной игрой ва-банк для привлечения внимания, для того чтобы почувствовать себя окутанным ее заботами, ощутить открытые проявления материнской любви. Именно так ведут себя такие пациенты: едва расположившись на диване, они тут же принимаются бесконечно перечислять ипохондрические жалобы или начинают остро испытывать целую серию телесных недомоганий. В крайнем случае включить в себя реальную оболочку страдания есть попытка восстановления контейнирующей функции кожи, не получившей развития от матери или окружения; то, что мы пронаблюдаем: я страдаю, стало быть, я существую. В этом случае, по словам Пьеры Оланье (Aulagnier, 1979), тело через страдание идентифицирует себя как реальный объект.

СИЛЬНО ОБОЖЖЕННЫЕ

Сильно обожженные представляют серьезные поражения кожи: при повреждении более одной седьмой части ее поверхности риск смертельного исхода значительно возрастает; это состояние длится от трех недель до одного месяца, остановка иммунной функции может вызвать сепсис. При современных методах ухода случается, что пациенты с тяжелыми ожогами выживают, но развитие всего ожога — вещь сложная, непредвиденная и может таить неприятные сюрпризы. Уход болезненный, тяжелый как для персонала, так и для пациента. Через день либо каждый день при особо сложных моментах и с последующим надлежащим уходом больного погружают обнаженным в дезинфицированную сильной концентрацией жавеля¹ ванну, где начинают обработку его ран. Эта ванна провоцирует состояние шока, особенно если она проводится лишь под местной анестезией, которая в данной ситуации может оказаться необходимой. Медики удаляют поврежденные участки кожи, для того чтобы дать ей возможность полностью регенерироваться, бессознательно перевоплощая греческий миф о Марсии. Они обязаны раздеваться и переодеваться в стерильную одежду, под которой практически ничего нет, всякий раз, когда входят

¹ [Жавель — раствор гипохлорита и хлорида натрия, применяется для дезинфекции.]

в процедурные кабинеты, прогретые до высокой температуры, даже если вышли лишь на несколько минут. Регрессия больного к обнаженности сродни беззащитности новорожденного, подвергнутого агрессиям внешнего мира и возможному насилию со стороны взрослых: это состояние трудно переносится не только обожженными, но и персоналом, механизм защиты которого заключается в эротизации отношений, устанавливаемых между ним и пациентами; другим механизмом является отказ от идентификации с больными, лишенными практически любой возможности удовольствия.

Ожог представляет собой эквивалент экспериментальной ситуации, при которой некоторые функции кожи нарушаются или повреждаются и где возможно наблюдать последствия, отражающиеся на некоторых психических функциях. Лишенная своей телесной опоры, Я-кожа представляет, таким образом, определенное количество функциональной недостаточности, которую все же возможно отчасти устранить психическими средствами.

Одной из моих докторанток третьего цикла обучения, Эмманюэль Мутен, удалось некоторое время поработать клиническим психологом в подобном учреждении. Чем, собственно говоря, психолог может быть полезен там, — возразили ей, — где речь идет о боли и чисто физическом уходе? Медицинский персонал, в том числе и среднее звено, систематически недооценивал ее, направляя на нее скрытую агрессивность, испытываемую по отношению к больным, и враждебно реагируя на проявляемый посторонним лицом интерес к функционированию данного отделения. Зато она пользовалась полной свободой относительно психологических контактов с пациентами. Она могла иметь постоянные продолжительные и при необходимости повторяющиеся беседы со многими сильно обожженными и смогла помочь агонизирующим пациентам. Запрет, обозначенный для нее, касался контактов с персоналом, осуществляющим уход за больными; ей не следовало «нарушать» нормальную работу персонала: «психический» уход должен был отойти на второй план перед приоритетом физического ухода. С данным запретом сложно было согласиться, поскольку драматическое напряжение, возникавшее всякий раз в ходе физических процедур, действовало на больных и ставило под угрозу благоприятный ход ее терапии из-за несоответствующего психологического отношения врача или среднего медперсонала к больному.

Вот первое наблюдение, и я благодарю Эмманюэль Мутен за то, что она предоставила его в мое распоряжение.

Наблюдение за Арманом

«Однажды я находилась в палате у одного своего пациента, с которым у меня установились хорошие продолжительные отношения. Этот человек, в полном расцвете сил, содержался под стражей, поскольку предпринял попытку саможжения. У него были ожоги средней степени тяжести, и его жизни уже ничто не угрожало, но пациент находился в болевой фазе. Когда я увидела его впервые, он мог лишь жаловаться на свои острые физические страдания, не дававшие ему ни малейшей передышки. Он позвал медсестру и умолял ее дать ему дополнительную дозу обезболивающего, поскольку действие предыдущей дозы уже было неэффективным. Этот больной не жаловался без причины, медсестра согласилась дать ему успокаивающее, но занятая каким-то срочным делом, она вернулась лишь спустя полчаса. Все это время я оставалась возле него, и спонтанная теплая беседа, которую мы завели относительно его прошлой жизни и личных проблем, была ему по душе. Когда наконец медсестра вернулась с болеутоляющими препаратами, он с улыбкой отказался от них: “Уже не болит, боли больше нет”. Он и сам был этому удивлен. Беседа продолжилась, после чего он мирно заснул без медикаментозной помощи».

Присутствие рядом с ним молодой женщины, не испытывающей неприязни к его телу и занимающейся только его психическими нуждами, установившийся между ними живой и достаточно продолжительный диалог, восстановление способности общаться с другим (а через это и с самим собой) позволили этому больному восстановить Я-кожу в достаточной мере, для того чтобы его кожа, несмотря на физическое повреждение, смогла осуществлять свои функции защиты от раздражителей по отношению к внешним агрессиям и функцию контейнера болезненных аффектов. Я-кожа утратила свою биологическую опору на кожу. Вместо нее через разговор, через внутреннюю речь и последовательные символизации она нашла другую опору — социокультурного типа (Я-кожа на самом деле функционирует через разнообразные опоры). Кожа слов берет свое начало из словесной купели младенца, с которым его окружение говорит или для которого оно напеваает. Затем, с развитием вербального мышления, она обеспечивает его символическими эквивалентами мягкости, гибкости и уместности контакта, когда возникает необходимость отказать от прикосновения, становящегося невозможным, запрещенным, или болезненным.

Восстановление кожи слов способно успокоить боль сильно обожженного вне зависимости от возраста и пола больного. Вот второе наблюдение, которым мы также обязаны Эмманюэль Мутен, на этот раз касающееся девушки.

Наблюдение за Полетт

«Я присутствовала во время погружения в ванну с дезинфицирующим раствором девушки-подростка, ожоги которой были незначительными, но девушка была очень чувствительной. Процедура была болезненной, но проходила не в напряженной обстановке. Нас было лишь трое: пациентка, медсестра и я. Поведение медсестры, энергичной, но успокаивающей и сердечной, естественно, должно было облегчить уход. Заботясь о том, чтобы не мешать работе медсестры, доверяя ей и относясь к ней достаточно уважительно, я редко вмешивалась. Однако Полетт реагировала плохо, выказывая не только боль, но и огромную нервозность. Она мне бросила неожиданно, почти агрессивно: «Ты не видишь, мне больно! Что угодно говори, я тебя умоляю, только говори, говори!» По собственному опыту я уже знала, что есть взаимосвязь между купелью слов и прекращением боли. Скрытым жестом, давая медсестре понять, что необходимо хранить молчание, я настойчиво добивалась того, чтобы разговорить девушку, заставляя ее говорить о себе самой, ведя ее к тому, что могло бы ее ободрить: ее семья, окружение, словом, к ее аффективным опорам. Это немного запоздалое усилие увенчалось лишь частичным успехом, но по крайней мере оно позволило процедуре стерилизации пройти без проблем и практически безболезненно».

Уход за сильно обожженными физиологически может осуществляться лишь при установлении механизмов коллективной защиты против фантазма о содранной коже, которую ситуация неизбежно извлекает из каждого. На самом деле хрупка грань между удалением у больного для его же блага кусков отмершей кожи и сдиранием кожи живьем из чистой жестокости. Сексуализированная сверхзагрузка отношений между больными и теми, кто осуществляет уход, для персонала, имеет целью сохранение различения фантазма и реальности, опасной реальности, поскольку она слишком напоминает фантазм. Что касается пациентов, то только через выслушивание их историй, их проблем, через живой диалог с ними можно рассчитывать на понимание с их стороны разницы, существующей между фантазмом жестокого, насильственного сдирания кожи живьем и терапевтическим

удалением кожи. Фантазм о том, что их хотят заставить страдать, дополнительно добавляет к их и без того уже сильным физическим страданиям еще и психические страдания, в результате чего положение становится настолько невыносимым, что функция психического контенанта аффектов больше не может опираться на контейнирующую функцию неповрежденной кожи. Тем не менее кожа слов, ткущаяся между больным и понимающим собеседником, может символически восстановить контейнирующую психическую кожу, способствуя тому, чтобы реально поврежденную кожу сделать более выносливой по отношению к боли.

ОТ НЕВОСТРЕБОВАННОГО ТЕЛА К ТЕЛУ СТРАДАНИЯ

Обе принципиальные характеристики мазохистической оболочки были уточнены Мишлин Энрикез¹, у которой я заимствовал понятие оболочки страдания.

1) Идентификационное нарушение: дефицит идентификационного удовольствия, обретаемый в ранних обменах с матерью, аффект, поддерживающий психику младенца живой, есть «опыт страдания»: его тело может быть в лучшем случае лишь телом «страдания».

2) Недостаточность общей кожи: «Ни один субъект не может жить при ошибке загрузки минимума подтвержденных и значимых для другого ориентиров, принятых в общем языке. В лучшем случае он сможет выжить, прозябать и *оставаться не востребуемым*. Он не сможет вкладывать свои силы самостоятельно и будет находиться в зависимом от хозяина состоянии». Его тело есть тело «не востребуемое, неспособное к удовольствию и репрезентативной активности, используемое не по назначению, необитаемое, смысл которого для другого (чаще всего для матери или ее субститута) будет оставаться <...> более чем загадочным». Этим объясняется непрекращающееся колебание его идентификационных процессов; этим же объясняется и применение первоначальных единичных действий, при которых тело страдает (op. cit., p. 179).

Не востребуемое тело появилось в терапии некоторых пограничных состояний. Тело заполняет все пространство, у него нет хозяина: задача психоаналитика — по возможности дать жизнь этому

¹ «Du corps en souffrance au corps de souffrance [От не востребуемого тела к телу страдания]», в: A ux carrefours de la haine [Перекрестки ненависти], 2^e partie, ch. 4 (Enriquez, 1984).

телу и вернуть его пациенту. В ходе терапии выясняется, что мать занималась им вынужденно, а не в удовольствие. Тело используется не по назначению, сводится к механическому функционированию, довольствуется самим собой, не получая удовлетворения. Пациент представляет собой лишь тело потребности, исковерканной потребности. И как следствие, функционирование тела не воспринимается как свое, то есть как возможный объект знакомства и наслаждения; не обретено различие между тем, что есть мое, и тем, что исходит от окружения; он способен лишь на жалобу, даже не на обвинение, нацеленное на причину, виновника, которое обличало бы преследователя; пациент под угрозой противостояния непреодолимому идентификационному конфликту не может отдаваться ни репрезентативной активности, ни активности, относящейся к фантазму желаний и удовольствий, которые были бы свойственны ему.

В то же время пациент вымалывает малейший знак признательности, рискуя пойти путем насилия и раболепства, дабы достичь этого: вот чем объясняются эти сценарии мазохистических извращений в его сексуальной жизни. Признаки насилия, практикуемые над своим телом, доставляют ему не только определенное удовлетворение, но и ощущение присвоения самого себя; он может владеть своим телом, лишь маскируя его позицией жертвы, по-видимому, лишенной средств защиты. Вторичный мазохизм позволяет ему заново присваивать свое тело через опыт чистого страдания, от которого он может испытывать наслаждение и через которое может доставлять наслаждение партнеру, то есть вкладывать силы своего страдающего тела в либидо объекта. Но существует и первичный нижележащий мазохизм: несчастные случаи, серьезные заболевания, экстренные хирургические операции — все это оставляет последствия, вызывающие инвалидность, болезненность и видимые рубцы. Пациент с жадностью усваивает эту боль и ее следы, дабы сделать из этого нарциссическую эмблему. Здесь загрузка страдающего тела заключается в нарциссическом либидо.

Чтобы понять переход от невостребованного тела к телу страдания, следует подчеркнуть, — уточняет Мишлян Энрикез, — что при утрате привязанностей и идентичности тело подчинено не законам (желания и удовольствия), а произволу права другого по отношению к нему. Это невостребованное тело несет в себе два потенциала:

— «преследующий потенциал» (П. Оланье) парадоксальной природы: загрузка преследуемого объекта, его присутствие и связь, объединяющая их, необходимы субъекту для того, чтобы он чувствовал

себя живым; в то же время субъект признает за ним право и допускает желание смерти по отношению к себе;

— чрезмерная склонность к приведению в действие, наглядному изображению и воплощению страдания. Это воплощение есть голгофа, жертвоприношение, Страсти. Но это также проживание данного опыта в прямом смысле этого слова.

Наблюдение за Фаншон

Резюмирую длительное наблюдение подобного случая, опубликованное Мишлин Энрикез.

Брошенная при рождении и воспитанная приемными родителями Фаншон находилась под воздействием постоянно рассказываемой грандиозной семейной истории, вызывающей беспокойство относительно происхождения девочки и заботы по уходу за телом падчерицы, которому приемная мать придавала исключительное значение и которое она осуществляла с пристрастием: идеальное тело должно быть всегда чистым, чем объясняются ритуалы мытья и очищения, оставляющие мало места для удовольствия (как для безопасности обретения наконец чистой кожи, так и собственно кожи, добавил я). Это закрытое материнское пространство (которое я сравниваю с *оградой*, описанной Мельцером) не открывало ни малейшей возможности для фантазмов, кроме тех, что начертаны историей ее происхождения. Фаншон, таким образом, находилась в состоянии невостремованного тела и невостремованной идентичности и, оставаясь в таком состоянии, не страдала от этого: ее пассивность, инерция избавляли ее от конфликтов и страха смерти и разлуки; исключением явились несколько приступов деструктивной ярости. В пубертате она впала в психоз с болезненными симптомами, превратившими ее в субъект огромного страдания и разбившими комфортное состояние отчуждения по отношению к матери: возникли пищевые нарушения с колебанием веса, сделавшие ее неузнаваемой, но в то же время позволившие ей начать освоение собственного тела и получать оральное удовольствие; уродование груди; слуховые галлюцинации, ей казалось, что ее называют «шлюхой», «вышедшей из низов».

Затем (как в легенде о Марсии) она отдает тело мифу возрождения. Она дает себе новое имя (я сопоставляю это с актом работы создателя, дающего тело закону, в соответствии с которым строится производство, и воплощающего творение своего произведения как воссоздание себя самого посредством самозарождения). Фаншон выработала

ритуал мытья любого объекта или белья, бывшего в контакте с ее кожей и оскверненного ею, с тем чтобы удалить с них загрязнение, связанное с ее происхождением и изъяном, имеющим отношение к ее биологической матери. Она моется и натирается до обдирания кожи, до крови; она портит свои волосы, втирая в них лосьоны и шампуни и выдирая их.

Появившаяся у нее к 16–17 годам привычка записывать все, что с ней происходит, спасает ее. Каждое утро при пробуждении, дабы бороться с психозом и суицидом, она излагает на бумаге фиксированные фразы, касающиеся конкретных фактов относительно исполнения телесных функций в данный момент времени (питание, гигиена...) и меняющиеся фразы типа личного дневника, содержащие суждения, интерпретации, смыслы. Но этот последний (ее личный дневник) мог поддерживаться и реализовываться лишь благодаря незыблемому каркасу тела текста, предписывающего пространство и время, очерчивающего границы между Самостью и за ее пределами. Так, «благодаря ведению записей, располагающихся вокруг тела текста», становится возможным отграничить место для репрезентативной активности и мышления (я продолжаю свое сопоставление: тело текста часто являет собой для его создателя субститут собственного тела, которого ему недостает). Эти «фразы» образуют антидот, который она может противопоставить преследующим ее голосам. (Я уточняю, что подобные телесные высказывания подтверждают существование Я-кожи и подтверждают ее непрерывность, стабильность, постоянство: лишь на базе этой телесной Я-кожи, ограниченной первичной сенсорностью, Я-психическое может всплыть как субъект, говорящий «я» и осуществляющий ментальные функции: нужно, чтобы оно жило в этом теле в своей непрерывности, дабы оно могло обрести себя, распознать свою идентичность.)

Что касается чрезмерных забот об очищении кожи, я добавлю два качественных замечания: 1) их чрезмерность в деструктивном плане воспроизводит обратный смысл, иначе говоря, аннулирует, уравнивает избыток получаемой от матери заботы, исходящей от нее как проявление материнской страсти; 2) Фаншон носит на себе кожу, не принадлежащую ей, кожу другой, намеренно идеальную кожу, данную, навязанную ей приемной матерью: нужно тереть до полного сдирания этой туники, этого отравляющего подарка приемной *тираничной матери; туники, сжимающей ее и отталкивающей. Вместо этого*, она может найти кожу страдания, уродства, позора, то есть кожу,

общую с родной матерью, единственную кожу, которая может быть в основе Я-кожи самой Фаншон.

Психоаналитическая практика лицом к лицу, которую проводила с ней Мишлин Энрикез, прошла через драматизацию и повтор в переносе психотического эпизода подростка: за одну ночь Фаншон выдрала половину волос и изуродовала кожу на лице, расчесав гнойные прыщи, что обезобразило ее; ею вновь завладели голоса, повторявшие ей: «Ее злость настолько глубока, что она считывается по ее лицу. У нее проказа <...>. За ней придут, чтобы изолировать и запереть ее... Фаншон не принадлежит к человеческому роду. Она монстр, ее нужно уничтожить».

Между тем Фаншон неожиданно открывает своему психоаналитику, потрясенному произошедшим, истину: в данный момент она искупает вину своей матери, которую можно лишь презирать и ненавидеть, ничтожная женщина, бесчеловечный монстр, скрывающийся за продвигаемым вперед приемными родителями вымыслом, сделавшим из нее совершенное существо. Вместо того чтобы, как в волшебной сказке, ожидать ее возвращения (красивой, умной, блистательной, ей пришлось однажды увезти Фаншон в место ее происхождения), Фаншон может дать тело и жизнь этой первой матери, придумать ей оправдание с многочисленными правдоподобными версиями и представить, что эта мать могла страдать от своего решения, от рождения и отказа от ребенка.

По мере того как эта новая мать начинает принимать форму, Фаншон поворачивает ход событий вспять: сначала сумев найти парикмахера, приведшего в порядок ее прическу и посоветовавшего идущий ее лицу парик, затем найдя умеющего хранить тайну хорошего дерматолога, легко исцелившего ее раны. Фаншон целый год проявляет упорство в болезненной психоаналитической работе. Обретя человеческое лицо, следующим летом она отправляется в поездку за границу, чтобы увидеться с друзьями детства. Она возвращается, создав в буквальном смысле новую кожу, «кожа ее лица отшелушилась, освободив место для гладкой и свежей, как у ребенка, кожи». Она пришла к заключению, что завершила искупление вины первой матери и что она может иметь о ней собственное суждение и наконец навсегда распрощаться с этим. Она чувствует, что стала «нормальной».

По мнению Мишлин Энрикез, психоаналитическая работа сводилась к трем темам: 1) уход от первичной бредовой сексуальной теории, вызванной рассуждениями приемных родителей и присоединением

к общим первоначальным фантазмам; 2) сопротивление вторжению материнского голоса, нестройного по смыслу и по звучанию, дисквалифицирующего ощущения и желания ребенка, не вызывающего чувств, не способного к созданию того, что я называю сонорной оболочкой Самости; 3) разработка Я-кожи, вначале через ее значительные попытки освоения тела и его содержимого (деятельность по опорожнению-наполнению: анорексия, булимия, запор, диарея: то есть образование того, что я называю Я-кожей-мешком, контейнирующей кожей); затем через вписывание своего страдания в свою телесную оболочку (Я-кожу, накапливающую, таким образом, функцию, которую я описываю как поверхность записывания чувствительных качеств).

Это выставляемое напоказ страдание с желанием вызвать у другого очарование и ужас позволяют ей отвязаться от материнского превосходства, образоваться неприкосновенной оболочке, накопить базовое чувство безопасности в собственной коже. И тогда кожа может загрузиться аутоэротично и познать удовольствия прикосновения. Фаншон ходит в бассейн и с удовольствием плавает; она покупает себе одежду и вынимает ее из большой сумки, чтобы продемонстрировать психоаналитику; прежде чем сесть в кресло, она прикасается к нему, к предметам на письменном столе; она вдыхает запах цветов; делает замечания психоаналитику относительно ее одежды и парфюма; она плачет: «Чувствовать теплые и соленые слезы, текущие по моему лицу, это нежно...» (все это подтверждает, что Я образуется посредством тактильной опоры). Эта Я-кожа позволяет Фаншон отдавать и получать сенсорную информацию (чему способствует расположение лицом к лицу) под двойным знаком деятельности познания и опыта удовлетворения.

Переход от не востребованного тела к телу страдания, заключила Мишлан Энрикез, есть «цена, которую платят, чтобы быть для другого и иметь для себя»: это первая идентифицирующая позиция в полярности включение-исключение, обуславливающей последующие идентификации (зеркально отражающую, нарциссическую, эдипову). Забегая немного вперед, а именно к наблюдению за Зеноби-ей (с. 243), я покажу, из чего пленка сновидения может образовать дверь, ведущую к оболочке страдания.

ПЛЕНКА СНОВИДЕНИЯ

СНОВИДЕНИЕ И ЕГО ПЛЕНКА

Изначально пленка в узком значении термина — это тонкая мембрана, защищающая и обволакивающая некоторые части растительных и животных организмов; в широком толковании слово по-прежнему обозначает тонкий слой плотной материи на поверхности жидкости или на внешней поверхности другой плотной материи. В своем втором значении пленка используется в фотографии и представляет собой тонкий листочек, служащий основанием для чувствительного слоя, предназначенного для запечатления. Именно в обоих этих значениях сновидение есть пленка. Оно создает защиту от раздражителей, обволакивающее и защищающее психику сновидца от скрытой активности остатков дневных впечатлений (неудовлетворенные накануне желания в сочетании с неудовлетворенными желаниями детства) и от возбуждения, вызванного тем, что Жан Гийомен (Guillaumin, 1979) назвал «ночными остатками впечатлений» (активные во время сна световые, сонорные, термические, тактильные, кинестетические ощущения, органические потребности и т. д.). Эта защита от раздражителей является тонкой мембраной, ставящей на один уровень внешние стимулы и внутренний натиск влечений, сглаживая их различия (стало быть, это не интерфейс, способный отделить внутри и извне, как это делает Я-кожа); это хрупкая, легко разрывающаяся и рассеивающаяся мембрана (чем объясняется пробуждение в страхе), эфемерная мембрана (она существует ровно столько, сколько длится сон, можно также предположить, что наличие этой бессознательно интроецированной

мембраны в достаточной степени успокаивает сновидца, дабы он мог погрузиться в нее, регрессировать в состояние первичного нарциссизма или блаженства, сведения к нулю напряжений, спутанных со смертью, и погрузиться в глубокий сон без сновидения) (ср. Green, 1984).

С другой стороны, сновидение — это чувствительная пленка, регистрирующая ментальные образы, преимущественно зрительные, иногда с субтитрами или озвученные, иногда в фиксированном виде, как на фотографии, чаще всего в зависимости от анимационного развертывания, как в кинофильмах или, и это сравнение современнее и удачнее, как в видеоклипе. Там активизируется именно функция Я-кожи, функция чувствительной поверхности и регистрации следов и записей. В других случаях Я-кожа, оторванный от действительности, уплощенный образ тела, по крайней мере создает экран сновидения, в глубине которого всплывают наглядные изображения, символизирующие или персонифицирующие конфликтные психические силы и инстанции. Пленка может оказаться плохой, бобину может заклинить, отчего запечатление дня и сновидение будут стерты. Если все проходит хорошо, при пробуждении можно развернуть фильм, посмотреть его, перемотировать, даже облечь его в рассказ, как это делают, пересказывая сновидение другому.

Сновидение возможно лишь при условии конституирования Я-кожи (младенцы, психотики не видят сновидений в точном значении этого термина; они не достигают четкого различия бодрствования и сна, восприятия реальности и галлюцинации). Помимо других функций сон обладает еще и функцией попытки восстановления Я-кожи не только потому, что она рискует разрушиться во время сна, но особенно потому, что она была в определенной степени изрешечена дырами, образовавшимися от вторжений, которым подверглась во время бодрствования. Эта жизненно необходимая функция сновидения — ежедневная реконструкция психической оболочки — объясняет, на мой взгляд, почему все или почти все видят сновидения каждую или почти каждую ночь. По необходимости проигнорированная первой фрейдовской теорией психического аппарата, она имплицитна во второй теории: я постараюсь ее разъяснить.

ВОЗВРАТ К ФРЕЙДОВСКОЙ ТЕОРИИ СНОВИДЕНИЙ

Под очарованием своей пылкой дружбы с Флиссом и в экзальтации от своего открытия психоанализа Фрейд между 1895 и 1899 гг. интерпретирует ночные сновидения как вообразимое исполнение

желаний. Он распределяет осуществляемую сновидением психическую работу по трем уровням, образующим, по его мнению, психический аппарат. Бессознательная активность ассоциирует предметные представления и аффекты с влечениями, делая их таким образом репрезентабельными. Предсознательная активность соединяет, с одной стороны, словесные представления, с другой — механизмы защиты с этими репрезентативными и эмоциональными представлениями, образуя таким образом из них символические конфигурации и компромиссные образования. Наконец система восприятие-сознание, смещающая свое функционирование во время сна с прогрессивного полюса моторной разрядки к регрессивному полюсу восприятия, галлюцинирует эти конфигурации с сенсорной и аффективной живостью, наделяя их иллюзией реальности. Работа сновидения удается, когда она преодолевает препятствие следующих друг за другом двух цензур, сначала между бессознательным и предсознательным, затем предсознательным и сознанием. Поэтому ее могут подстергать два типа неудач. Если маскировка, за которой предстает запретное желание, не обманывает вторую цензуру, последует пробуждение в страхе. Если бессознательные представления действуют в обход предсознательного и направляются непосредственно в сознание, результатом будет ночной ужас, кошмар.

Разрабатывая свою вторую модель психического аппарата, Фрейд не располагал временем, чтобы охватить в новой перспективе всю теорию сновидения, ограничившись лишь конкретными наблюдениями. Они тем не менее приводят к более полной систематизации.

Сновидение воплощает желания Оно, одновременно распространяя всю гамму влечений, расширенную Фрейдом во время создания второй модели: сексуальные, аутоэротические, агрессивные, самодеструктивные желания; сновидение воплощает их в соответствии с принципом удовольствия, управляющим психическим функционированием Оно и настаивающим на немедленном и безусловном удовлетворении требований влечений, а также в соответствии с тенденцией вытесненного возвращаться. Сновидение воплощает потребности Сверх-Я: в этом смысле одни сновидения появляются в большей мере как исполнение желания, другие — как осуществление угрозы. Сновидение воплощает желание Я — желание спать, и оно воплощает его в услугу двум господам одновременно: доставляя воображаемое удовлетворение Оно и Сверх-Я. Сновидение также воплощает желание, присущее тому, что некоторые из преемников Фрейда назвали «Я-идеальным», заключающееся в восстановлении

примитивного слияния Я с объектом и возврата к счастливому состоянию органического внутриутробного симбиоза ребенка с матерью. Если в состоянии бодрствования психический аппарат подчиняется принципу реальности и поддерживает границы между Самостью и не-Самостью, между телом и психикой, допускает ограничение своих возможностей, утверждает свое притязание на индивидуальную автономию, то в сновидении, наоборот, он отстаивает право на всемогущество, выражает стремление к безграничности. В одной из своих сказок, описывающей «Город бессмертных», Борхес изображает персонажей, проводящих время в сновидениях. Видеть сновидения на самом деле значит отрицать, что мы смертны. Разве можно было бы вынести дневную жизнь без этой ночной веры в бессмертие, пусть даже и части Самости?

В посттравматических сновидениях, исследованных Фрейдом (Freud, 1920g) во введении к своей второй психической топике, сновидец повторно переживает обстоятельства, предшествовавшие несчастному случаю. Это страшные сновидения, но всегда останавливающиеся именно в момент представления происшествия, как если бы оно могло «зависнуть» или его можно было бы избежать в последний момент. Эти сновидения по сравнению с предыдущими выполняют четыре новые функции:

- заживления нарциссической раны, нанесенной фактом пережитой травмы;
- восстановления психической оболочки, поврежденной травматическим вторжением;
- овладения ретроактивным способом контроля над обстоятельствами, послужившими пусковым механизмом травмы;
- восстановления принципа удовольствия в функционировании психического аппарата, регрессировавшего вследствие травмы до навязчивого повторения.

Я задаюсь вопросом: что, таким образом, происходит со сновидениями, сопровождающими травматический невроз, не следует ли это рассматривать как частный случай? Или мы имеем дело — таково по крайней мере мое убеждение, — с общим феноменом, лежащим в основе всех сновидений, а травма действует лишь как увеличительное стекло. Вытолкнутое влечение (вне зависимости от своих цели и объекта) многократно вторгается в психическую оболочку как во время бодрствования, так и во время сна, провоцируя микротравмы, качественное разнообразие и количественная аккумуляция которых образует, проходя некоторый порог, то, что Масуд Хан (Khan,

1974) назвал кумулятивной травмой. Для психического аппарата становится необходимым, с одной стороны, найти способ устранить эту перегрузку, с другой стороны, восстановить целостность психической оболочки.

Из всей гаммы возможных средств именно конституирование оболочки страха и пленки сновидения является самым экстремным и чаще всего действующим сообща. Психический аппарат в момент травмы охвачен внезапным возникновением внешних возбуждений, прорывающихся сквозь защиту от раздражителей не только потому, что они слишком сильны, но также, и на этом настаивает Фрейд (Freud, 1920g), по причине состояния неподготовленности психического аппарата, не ожидавшего этого внезапного появления. Боль есть знак этого неожиданного прорыва. Для возникновения травмы необходим перепад между состоянием внутренней и внешней энергии. Конечно, существуют шоки вне зависимости от установки к ним субъекта, такие как неизлечимое органическое расстройство и непоправимый разрыв Я-кожи. Но обычно боль менее значительна при условии, что разрыв не был внезапным и когда быстро находится кто-то, кто своими словами и заботой действует как вспомогательная или субститутивная Я-кожа по отношению к травмированному (под этим я подразумеваю то, что это жертва нарциссической, равно как и физической травмы). В работе «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд (Freud, 1920g) описывает эту психологическую защиту от травмы посредством энергетических противовозгрузок, соответствующих интенсивности для *уравновешивания* загрузки внутренней энергии с количеством внезапно возникшей от возбуждений внешней энергии. Эта операция влечет определенное число последствий; первые три экономические — это те, что интересовали Фрейда прежде всего; четвертое — топическое и топографическое: Фрейд его лишь предчувствовал, и его предстоит развить.

а) Противоположной стороной этих контрзагрузок выступает истощение остальной психической активности, в частности любовной и/или интеллектуальной жизни.

б) В случае устойчивого поражения в результате физической травмы риски травматического невроза снижены, поскольку поражение вызывает затрату избыточной нарциссической энергии затронутого органа, что связывает чрезмерное возбуждение.

в) Чем выше уровень загрузки и чем более связанной (то есть покоящейся) энергией обладает система, тем сильнее ее способность к связыванию и, соответственно, к сопротивляемости травме; отсюда

образование того, что я называю оболочкой страха, последней линии обороны защиты от раздражителей: страх готовит психику через затрату избыточной нарциссической энергии принимающих систем, предвосхищает возможное внезапное возникновение травмы и мобилизует количество внутренней энергии, уравнивающей, насколько это возможно, внешнее возбуждение.

г) С топографической точки зрения поддерживаемая, окруженная и закупоренная постоянными контрзагрузками боль разрыва существует в форме бессознательного психического страдания, локализованного и инкапсулированного на периферии Самости (сравните с феноменом «крипта», описанным Николя Абрахамом (Abraham, 1978), или с винникоттовским понятием «скрытой Самости»).

Оболочка страха (первая защита, защита через аффект) готовит появление пленки сновидения (вторая защита, защита через репрезентацию). Дыры в Я-коже, образовавшиеся в результате серьезной травмы или вследствие накопления остаточных микротравм бодрствования либо непосредственно сна, перенесены работой репрезентации в сценические места, где, таким образом, могут развернуться сценарии сновидения. Стало быть, дыры закупориваются пленкой преимущественно визуальных образов. Первоначально Я-кожа является тактильной оболочкой с наслоением сонорной и обонятельно-вкусовой оболочек. Мышечная и визуальная оболочки развиваются позднее. Оболочка сновидения есть попытка заменить неполноценную тактильную оболочку визуальной, более тонкой, менее прочной, но также более чувствительной: функция защиты от раздражителей восстанавливается *минимально*; функция записывания следов и трансформации их в знаки, напротив, повышена. Пенелопа каждую ночь распускала саван, над которым трудилась днем, дабы избежать сексуальных притязаний поклонников. Ночное сновидение действует прямо противоположно тому, как действовала Пенелопа; оно вновь «ткет» ночью то, где Я-кожа распустилась днем под воздействием экзогенных и эндогенных стимулов.

Моя концепция пленки сновидения согласуется с опубликованным Сами-Али (Sami-Ali, 1969) наблюдением случая крапивницы: констатируя у пациентки чередование приступов крапивницы и отсутствие сновидений с отсутствием приступов крапивницы и возобновлением сновидений, Сами-Али выдвинул гипотезу о том, что сновидение скрывает неприятный образ тела. Я бы сформулировал его предположение так: иллюзорная пленка сновидения маскирует раздраженную и содранную Я-кожу.

Эти рассуждения побуждают меня также пересмотреть связь между скрытым и явным содержанием сновидения. Как независимо друг от друга отметили Николая Абрахам (Abraham, 1978) и Анни Анзьё (A. Anzieu, 1974), психический аппарат имеет структуру соединений-вложений. Действительно, чтобы было содержимое, нужен контенант, и то, что является контенантом на одном уровне, может стать содержимым на другом. Скрытое содержание сновидения, ассоциируя натиски влечений с бессознательными предметными представлениями, служит контенантом для влечений. Явное содержание стремится стать визуальным контенантом скрытого контенанта. Пересказ сновидения после пробуждения стремится быть вербальным контенантом явного содержания. Предложенная психоаналитиком интерпретация рассказа о сновидении пациента, с одной стороны, отделяет слой от слоя (как если бы последовательно снимали слои лука), с другой — восстанавливает Я, раздвоенное и осознанное в своей функции контейнера репрезентативных и аффективных представлений натисков влечений и травматичных разрывов.

Наблюдение за Зенобией

Я дал этой пациентке, старшей из детей в семье и болезненно переживающей из-за утраты своего статуса единственного ребенка, псевдоним Зенобия в память о блистательной царице древней Пальмиры Зенобии, лишенной римлянами трона.

Первый анализ, проведенный коллегой, по всей видимости, касался преимущественно ее эдиповых чувств, их истерической организации, следующих одно за другим осложнений в ее любовной жизни, ее фригидности, проявления которой уменьшились, но все же не исчезли совсем. Она пришла ко мне на консультацию по причине постоянного состояния псевдостраха, который с момента своего первого психоанализа не может больше вытеснить, и, во-вторых, из-за этой продолжающейся фригидности, которую одновременно пытается исцелить и отрицать, пускаясь во все более и более сложные связи.

Первые недели ее второго психоанализа преимущественно касаются интенсивного любовного переноса, а именно переноса в терапию ее обычных демаршей обождения в отношении мужчин старше нее. Я распознаю в этом столь явно проявляемом соблазнении истерическую уловку, не говоря ей об этом: удерживать интерес и внимание возможного партнера, предлагая ему сексуальные удовольствия, но фактически добиваясь получения от него удовлетворения потребностей Я,

недооцененных ранним окружением. Шаг за шагом я демонстрирую Зенобии, что механизмы истерической защиты плохо оберегают ее от изъязнов в базовой нарциссической безопасности, изъязнов, связанных с сильным страхом потери материнской любви и с множеством ранних фрустраций ее психических нужд. Зенобия по-прежнему находится под влиянием псевдотравматического контраста между этими фрустрациями и великодушием и удовольствием, с которыми мать удовлетворяла нужды ее тела до рождения брата-соперника.

Обольстительный перенос исчез, когда Зенобия обрела уверенность в том, что психоаналитик готов заниматься нуждами ее Я, не требуя взамен награды в виде эротического удовольствия. Одновременно меняется качество страха: депрессивный страх, связанный с переживаниями потери или с угрозой потери материнской любви, уступает место страху преследования, еще более раннему и более грозному.

По возвращении после проведенных летом за границей каникул она сообщила мне о пережитом приятном опыте, а именно об опыте проживания в более просторной, освещенной, лучше расположенной по сравнению с той, в которой она живет в Париже, квартире. Я чувствую, что все эти детали отражают эволюцию ее образа тела и Я-кожи, но не уточняю ей этого; она чувствует себя лучше в своей коже, испытывает сильную потребность в общении, но формирующаяся Я-кожа не снабжает ее ни достаточной защитой от раздражителей, ни фильтром, позволяющим ей различать происхождение и характер возбуждений. На самом деле эта квартира, что днем была мечтой, ночью становилась настоящим кошмаром. Она не только перестала видеть сновидения, но ей к тому же больше не удавалось уснуть. Она воображала, что могут проникнуть грабители. Этот страх длится с момента ее возвращения в Париж: она по-прежнему не может выспаться.

Я интерпретирую ее опасение вторжения как двоякий факт: с одной стороны, вторжения внешнего происхождения, сродни вторжению неизвестного человека в интимные части ее тела (страх насилия), но также и страх вторжения психоаналитика в сокровенные части ее психики; с другой стороны, вторжения внутреннего со стороны ее собственных влечений, которые она не признает как собственные, особенно бурное чувство, испытываемое по отношению к фрустрациям, сопряженным с ее ранним и нынешним окружением. Я объясняю ей, что интенсивность ее страха происходит от аккумуляции и путаницы вторжения внешнего и внутреннего происхождения, а также от путаницы сексуального и психического проникновения. Эта интерпретация должна была укрепить ее Я-кожу как интерфейс, отделяющий

внешнее возбуждение от внутреннего, и как вложение оболочек, дифференцирующее Я-психическое и Я-телесное в недрах одной и той же Самости. Результат был немедленным и достаточно продолжительным: она обретает сон. Но страх, который до этого она испытывала в своей реальной жизни, отныне проявляется в ее психоанализе.

Последующие сеансы характеризовались зеркальным переносом. Зенобия постоянно требовала, чтобы говорил именно я, рассказывал о том, что думаю, как я вижу, чтобы вторил ей как эхо и излагал свое мнение о сказанном ею. Мой контрперенос подвергся настойчивому бесконечному, упорному, почти физическому принуждению, лишавшему меня свободы мыслить. Я не мог ни хранить молчание, поскольку она ощущала это как агрессивное отвержение и это могло бы разрушить ее формирующуюся в данный момент Я-кожу, ни войти в ее истерическую игру с инверсией ситуации, при которой я становился пациентом, она — аналитиком. Методом проб и ошибок я выработал прием двусторонней интерпретации. С одной стороны, я напоминаю ей или уточняю ранее данную интерпретацию, отчасти отвечающую на ее притязания ко мне и демонстрирующую ей то, о чем я как психоаналитик думаю, и как то, о чем говорит она, отзывается во мне. С другой стороны, я пытаюсь истолковать смысл ее требования: я объясняю ей, что желание иметь отклик на свои слова есть выражение потребности получить свой образ от другого, с тем чтобы в свою очередь суметь составить свой собственный образ; я объясняю ей также, что знание того, о чем думала ее мать, на что была похожа ее жизнь с мужем, какие отношения поддерживала она со своим кузеном, ее предполагаемым любовником, и почему у нее были другие дети, остается для нее болезненным и безответным вопросом; или еще я поясняю ей, что, бомбардировав меня вопросами, она таким способом воссоздала ситуацию в попытке управлять ею, ситуацию, в которой она, должно быть, совсем маленькой была подвергнута бомбардировке слишком интенсивных или слишком ранних, чтобы суметь осознать их, возбуждений.

Поддерживающая аналитическая работа позволила ей до некоторой степени освободиться от ситуации преследования. Вместе со мной она обретает безопасность первого места — материнского лона, безопасность, разрушенную разочарованием последующих рождений, произведенных этим лоном.

Летние каникулы проходят для нее без осложнений и без каких-либо нарушений. При возобновлении работы у нее наступает серьезная регрессия. На протяжении 45 минут сеанса она испытывает мощное

чувство беды. Она проживает всю свою боль от того, что мать забросила ее. Детали, которые она способна таким образом повторить и сформулировать, касаются качества этого страдания и обозначают прогресс ее Я-кожи: она обрела оболочку, позволившую ей вместить ее психические состояния, а раздвоение Я-сознательного позволило ей самонаблюдение и отображение в символической форме больных частей ее самой. Она привносит три порядка деталей, которые я каждый раз объединяю в интерпретации. В первую очередь я объясняю ей, что она страдала оттого, что мать отдалилась от нее и Зенобия лишилась своего статуса единственного ребенка в семье: мы уже понимали это умом, но ей нужно было еще и заново пережить это интенсивное чувство страдания, которое она имела тогда, одновременно знакомое и отстраненное. Во вторую очередь я предлагаю умозаключение, к которому пришел в результате предшествовавшего периода зеркального переноса: даже в период, когда она была единственным ребенком, общение между ней и матерью было неполноценным; мать обильно кормила и нежила Зенобию, но недостаточно принимала в расчет внутренние переживания младенца. В ответ Зенобия уточняет, что мать кричала по поводу и без повода (что я сопоставляю с ее страхом вторжения, вызванного шумами), Зенобия не была уверена в своих ощущениях, не могла различить, что исходило от матери, а что от нее самой; шум выражал ярость, но чью, она не знала. В третью очередь я напоминаю, что эта неспособность к принятию во внимание своих первичных ощущений-аффектов-фантазмов, безусловно, была усугублена отцом, чей ревнивый и вспыльчивый характер моя пациентка отныне могла обсуждать открыто.

Этот сеанс оказался продолжительным и интенсивно эмоциональным. Зенобия рыдала на грани срыва. Я заранее предупреждаю ее о приближении завершения сеанса, чтобы она могла внутренне подготовиться к этому. Я сказал ей, что принимаю ее страдание, что в данный момент она, возможно, впервые в жизни проживает чувство настолько страшное, что до сего момента не позволяла себе испытывать его, она затыкала, смещала и инкапсулировала его на периферии самой себя. Она прекращает плакать, но, уходя, пошатывается. Ее Я находит в этом страдании, наконец ставшем ее собственным, оболочку, усиливающую чувства единства и непрерывности Самости.

На следующей неделе Зенобия вновь возвращается к своим привычным механизмам защиты: она говорит, что не хочет больше испытывать в своем психоанализе столь болезненное переживание. Затем она намекает на то, что часто видит сновидения, беспрерывно, каждую

ночь, с тех пор как вернулась из отпуска. Она не собиралась пересказывать их мне. На следующем сеансе она объявляет мне о том, что решила рассказать о своих сновидениях, но, поскольку их слишком много, она классифицировала их в три категории: категория «королева красоты», категория «шары». Название третьей категории я забыл, не имея возможности все записать на полях и будучи охваченным избытком материала. Сеанс за сеансом она пересказывает мне свои сновидения в деталях и без особого порядка. Я наводнен или, скорее, отказываюсь от того, чтобы все запомнить, понять и интерпретировать, и просто даю себе возможность плыть по течению.

В сновидениях первой категории она остается собой либо видит какую-то красивую девушку, которую мужчины хотят обнажить, дабы оценить ее красоту.

Она сама интерпретирует сновидения категории «шары», соотнося их с лоном или яичками. Вернувшись к ним, она уточняет: шар — это лоно-яичко-голова. Она вспоминает распространенное сленговое выражение *perdre la bouble*¹ в значении «потерять голову».

Сновидения Зенобии ткут для нее психическую кожу, способную заменить ее поврежденную защиту от раздражителей. Она начала воссоздавать свою Я-кожу начиная с момента, когда я интерпретировал ее сонорное преследование, подчеркивая допущенную ею путаницу между шумами, исходящими извне, и шумами в ее голове, производимыми ее внутренней яростью — расщепленной, фрагментированной и спроецированной. Ее теперешний рассказ предстал передо мной в виде дефиле сновидений, без остановок на одном из них, не давая мне ни времени, ни элементов для возможной интерпретации. Это белый обзор. Если быть точнее, у меня впечатление, что сновидения уносят и окружают ее колыбелью образов. Оболочка страдания уступает место пленке сновидений, через которую ее Я-кожа приобретает большую прочность. Ее психический аппарат может даже символизировать эту возрождающуюся активность символизации посредством метафоры шара, конденсирующего несколько представлений, а именно: психическую оболочку в процессе завершения и унификации; голову — или, по определению Биона, — аппарат для обдумывания своих собственных мыслей; материнское лоно, всемогущее и утраченное, внутри которого она до настоящего времени продолжает регрессивно и фантазматически пребывать; мужские детородные органы,

¹ [*Perdre la bouble* — буквально: потерять шар.]

от отсутствия которых она страдала, будучи вытесненной рождением брата со своего привилегированного места — объекта материнской любви. Таким образом, там пересеклись два аспекта ее психопатологии — нарциссический и объектный — прообраз пересеченных интерпретаций, которые мне предстояло дать ей в ходе последующих недель с чередованием внимания к ее сексуальной, прегенитальной и эдиповой фантазматичности, а также к изъянам и сверхзагрузкам (например обольщающего характера) ее нарциссической оболочки. В сущности для обретения субъектом своей сексуальной идентичности необходимо соблюдение двух условий. Необходимое условие — знать, что для возможности наполнения он обладает собственной кожей, внутри которой действительно ощущает себя субъектом. Достаточное условие — знать, что он подвергает эту кожу испытанию полиморфными и эдиповыми перверсными фантазмами через эрогенные зоны и зоны наслаждения.

Спустя несколько сеансов наконец появляется сновидение, над которым нам представляется возможным поработать: «Она выходит из дома, проезжая часть улицы разрушена. Виден фундамент здания. Приезжает брат со всей своей семьей. Она лежит на матрасе. Все спокойно смотрят на нее. Она же чувствует себя возмущенной, ей хочется вопить. Ее подвергают отвратительной пытке: она должна заняться любовью со своим братом на глазах у всех». Она пробуждается, чувствуя себя измотанной.

Ассоциации побуждают ее вернуться к недавнему сильно взволновавшему ее сновидению, связанному с зоофилией, и извлечь отвратительный характер сексуальности, пережитой ею в детстве и с момента первых гетеросексуальных отношений в отрочестве как оскорбительную пытку: «любовные утехи моих родителей напоминали спаривание животных ... (пауза). Я больше всего опасуюсь, чтобы доверие, которое я к вам испытываю, не подверглось сомнению».

Я: «Разрушенная часть улицы — нависшая над основами угроза. Вы ожидаете от меня, что я помогу вам контейнировать избыток сексуального возбуждения, имеющийся у вас с детства, к осознанию чего психоанализ все настойчивее побуждает вас». Таким образом, впервые в ее терапии произнесено слово «сексуальность», и произнесено оно именно мной.

Она уточняет, что все свое детство и отрочество прожила в неприятном состоянии смутного постоянного возбуждения, от которого ей не удавалось избавиться.

Я: «То было сексуальное возбуждение, но вы не могли идентифицировать его как сексуальное, поскольку никто из вашего окружения не дал вам объяснения по этому поводу. Вы также не могли локализовать, в какой части тела вы ощущали это возбуждение, поскольку не имели для этого достаточного представления о вашей женской анатомии». Она уходит успокоенной.

На следующем сеансе она возвращается к этому избыточному материалу сновидений, которым наводняет меня, опасаясь, что он ускользнул от меня со всех сторон и что мне не удастся справиться с ним.

Я: «Вы наводняете меня своими сновидениями, то есть пытаетесь поставить меня в ситуацию, аналогичную вашей, когда сами были переполнены сексуальным возбуждением».

Зенобия наконец смогла сформулировать вопрос, который сдерживала с начала сеанса: что я думаю о ее сновидениях?

Я объявил о своей готовности говорить о ее сновидениях здесь и сейчас, поскольку ее окружение не ответило в свое время на вопросы, которыми она задавалась относительно своей сексуальности, и с тех пор она имела неукротимую потребность знать, что другие сами переживают и что они думают по поводу ее переживаний. Но я даю понять, что не собираюсь давать каких бы то ни было суждений о ее сновидениях и поступках. Не мне, к примеру, решать: инцест или зоофилия — хорошо это или плохо. После чего я излагаю ей две интерпретации. Первая касается дифференциации объекта привязанности и объекта соблазнения. Прижимаясь к собаке в своем раннем сновидении, она приобретает опыт общения с объектом на примитивном, но жизненно важном уровне, посредством тактильного контакта, ощущения нежности шерсти, теплоты тела, ласки лизания. Эти приятные ощущения, которым она разрешает себя обволакивать, позволяют ей чувствовать себя достаточно хорошо в своей коже, чтобы испытывать собственное феминное сексуальное, но беспокоящее желание — как бы в нее не проникли. В последнем сновидении с братом характер сексуальности животный, но в другом смысле, поскольку он груб и потому что она ненавидела его с самого рождения, он может отомстить, овладев ею, и тогда это был бы чудовищный животный инцест. Это ужасающий возлюбленный, с которым она, будучи девочкой, представляла, что могла бы пройти свою сексуальную инициацию.

Во-вторых, я подчеркиваю препятствие, затрудняющее сексуальную телесную потребность, осуществление которой еще полностью не завершилось, и психическую потребность быть понятой. Она отдается грубому мужскому сексуальному желанию как жертва, думая,

что это необходимо, чтобы привлечь его внимание и чтобы ценой физического удовольствия, которое она ему доставляет, достичь удовлетворения нужд своего Я, — удовлетворение временами гипотетическое, временами ненасытное (здесь я намекаю на два типа переживаний, сменивших друг друга в истории ее сексуальной жизни). Отсюда оболщение, столь явное в ее отношениях с мужчинами, игра, в которой в ловушку угождает она сама: я напоминаю ей о том, что первые месяцы психоанализа со мной были посвящены проигрыванию и разрушению замысла этой игры.

Психоаналитическая работа, начатая в этой серии сеансов, продолжалась на протяжении нескольких месяцев. После ряда сбоев (в соответствии с типичным, свойственным для этой пациентки ходом развития посредством разладов и внезапных реорганизаций) психоанализ принес значительные изменения в ее любовной и профессиональной жизни. И лишь позднее стало возможным проанализировать у Зенобии прямой скачок от оральности к генитальности, минуя анальность.

ОБОЛОЧКА ВОЗБУЖДЕНИЯ, ИСТЕРИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЛЮБОГО НЕВРОЗА

Эта последовательность иллюстрирует необходимость приобретения Я-кожи и чувств, коррелятивных единству и непрерывности Самости, не только для того, чтобы достичь сексуальной идентичности и подойти к эдиповой проблематике, но прежде всего чтобы корректно локализовать эрогенное возбуждение, определить его границы и одновременно каналы разрядки, достаточной для того, чтобы освободить сексуальное желание от его роли — защиты от раздражителей ранних фрустраций, возникших из-за потребностей Я-психического и из-за влечения привязанности.

Этот случай иллюстрирует также последовательность: оболочка страдания, пленка сновидения, кожа слов необходимы для создания достаточно контейнирующей, фильтрующей и символизирующей Я-кожи у пациентов, перенесших страдания от прежних недостатков в удовлетворении потребностей Я и обнаруживающих по этой причине значительные нарциссические изъяны. Бессознательная агрессивность Зенобии по отношению к мужчинам могла быть связана со следующими друг за другом фрустрациями, причиной которых явилась сначала мать, затем отец и наконец другие дети в семье. С развитием Я-кожи в непрерывный, гибкий и прочный интерфейс влечение

(сексуальное и агрессивное) становится для нее силой, используемой ею для получения удовольствий одновременно физических и психических, которую она направляет из определенных зон тела на более или менее адекватно выбранные объекты.

Чтобы быть распознанным, то есть репрезентированным, влечение должно быть контейнировано в трехмерное психическое пространство, локализованное в определенных точках поверхности тела, и появиться как фигура на этом фоновом полотне, образующем Я-кожу. Поскольку влечение ограничено и очерчено, его напор обретаёт полную силу, способную найти себе объект и цель и привести к подлинному и живому удовлетворению.

У Зенобии наблюдается ряд черт истерической личности. Ее терапия выявляет «оболочку возбуждения» — выражение, которым я обязан Анни Анзьё (А. Anzieu, 1987). Не умея обрести свою психическую оболочку из передаваемых матерью сенсорных знаков (в частности, было существенное несоответствие теплых тактильных и жестких сонорных проявлений этой матери), Зенобия искала Я-кожу-субститут в оболочке постоянного возбуждения, загружаемого рассеянно и обобщенно как агрессивными, так и сексуальными влечениями. Эта оболочка есть следствие интроекции любящей и возбуждающей матери в моменты грудного вскармливания и ухода за телом младенца. Эта оболочка окружила Самость Зенобии поясом возбуждений, увековечивших в ее психическом функционировании двойное присутствие: матери, проявляющей внимание к ее телесным нуждам, и продолжающейся стимуляции влечений, позволяя Зенобии чувствовать себя существующей непрерывно. Но эта мать, возбуждающая ее тело, вдвойне разочаровывает, поскольку плохо отвечает психическим нуждам ребенка и резко прекращает физическое возбуждение, спровоцированное ею, когда вдруг чувствует, что они слишком длительны, или слишком приятны, или слишком двусмысленны, или слишком обременительны: мать парадоксальным образом раздражается на то, что сама же спровоцировала, и наказывает за это своего ребенка, чувствующего себя впоследствии переполненным стыдом. Последовательность возбуждение-разочарование разыгрывается одновременно на уровне сверхактивированного, но не имеющего возможности полностью достичь удовлетворительной разрядки влечения.

Анни Анзьё полагает, что подобная психическая оболочка физического возбуждения характеризует не только Я-кожу истерией, но и создает общую истерическую основу любому неврозу. Вместо того

чтобы обмениваться знаками, составляющими первоначальную коммуникацию сенсорного происхождения и создающими возможность взаимного понимания, мать и дитя обмениваются лишь стимуляциями сообразно процессу, по нарастающей, что всегда заканчивается плохо. Мать разочарована тем, что ребенок не приносит ей полного удовольствия, какое она ожидала. Ребенок разочарован вдвойне: от того, что он — источник разочарования матери, и от того, что в нем сохраняется сверхзарядка неудовлетворенного возбуждения.

Добавлю, что эта истерическая оболочка извращает третью функцию Я-кожи, инвертируя ее: вместо того чтобы нарциссически укрываться в оболочке защиты от раздражителей, истерик находит удовольствие в том, чтобы жить в оболочке возбуждения, эрогенной и агрессивной до такой степени, что страдать от этого самому, обвинять в этом других, затаить злобу против них и искать повода вовлечь их в повторение этой игры по кругу, где возбуждение порождает разочарование, делающее еще более сильным необходимость в возбуждении. Эту диалектику хорошо продемонстрировал Масуд Хан в своей статье «Недовольство истерика» (Khan, 1974).

НЕЙРОФИЗИОЛОГИЯ СНА И РАЗНООБРАЗИЕ ОНЕЙРОИДНОГО¹ МАТЕРИАЛА

Электроэнцефалограмма обнаруживает несколько уровней сна, которым соответствуют различные типы сновидений.

1. Засыпанию соответствуют гипнагогические образы, промежуточные между образами бодрствования и сновидения. Это фаза перехода от отдыха и мускульного расслабления ко сну с малым ходом волн. Сердечные ритмы и дыхание замедляются, температура и давление понижаются, метаболическая активность слабеет. Засыпающий человек изолируется от сенсорных источников возбуждения, что позволяет ему сократить защиту от раздражителей. Сенсорные оболочки, присущие разным органам чувств, сосуществуют ослабленно, более не вкладываясь друг в друга. Отсюда дезорганизация отношений фигура/фон, потеря трехмерности. Психическая оболочка отделяется. В противоположность собственно сновидениям эстетические (или лучше «эстетические») образы лишены сценария. Они представляют состояния, а не действия. Они следуют друг за другом без связи между собой, калейдоскопичным образом: гримасничающие персонажи,

¹ [Онейроидный — связанный со сновидениями.]

пассаж лошадиных скачек, разрушенный дом, облака в небе и т. д. Эти образы отражают деформации образа тела и окружающего пространства, следующие один за другим в вытянутом расположении, в безучастности к сенсорно-мускульным возбуждениям, к отделению Я-телесного от Я-психического. Пауль Федерн систематически практиковал самонаблюдение этих образов. Бертрам Левин описал *blank screen*¹ или пустой экран сновидения: сновидение сокращается до уровня своего контенанта, у него еще нет содержимого. Б. Левин видит в этом обозначение дряблой груди, опустошенной грудным вскармливанием и ставшей плоской поверхностью, фоновым полотном, на котором развернутся предстоящие действия настоящих ночных сновидений; этот кусочек белеющего тумана передаст визуально-тактильное ощущение шероховатостей кожи матери-кормилицы; его видение сопровождается приятным самоощущением, ощущением изобилия, переполнения. Исаковер описал другой феномен, аналогичный по происхождению, но кошмарный по характеру: гипнагогическое ощущение песка или каучука во рту — Роб-Грийе использовал подобный пример в начале своего романа «Цареубийство». Исаковер объясняет эту иллюзию через контакт с материнским соском, заключенным в рот младенца: засыпая пресытившимся, но не будучи более либидинозно загружаемым, он словно ощущает гранулированную или каучуковую консистенцию.

Засыпание ставит под сомнение психический распорядок состояния бодрствования, телесную схему с ее трехмерностью и внутренней симметрией — знакомый образ тела. Стало быть, возникшие тактильные и визуальные образы не организованы между собой, они появляются внезапно сериями. Основные темы: уплощение тела, сокращение объема в плоскости; неуверенность в телесных границах (раздувание или сжатие); гримасничающие, насмехающиеся и угрожающие лица (то есть репрезентации образов необработанного состояния); вращение и потеря прочности плоскостей (кошмар маленького мальчика, видевшего вместо простыни на своей кровати бесформенную поверхность, образующую впадины и бугры); внезапное и немотивированное перемещение объектов, вырывающих и разрывающих пространство, угрожающих пробить насквозь тело спящего; главным образом ощущения странности.

2. Медленный сон характеризуется замедленностью и регулярностью дыхания, почти полной неподвижностью тела (но не параличом:

¹ [Blank screen (англ.) — пустой экран.]

сновидец посапывает, переворачивается), медленной и регулярной активностью мозга, не посылающего больше приказаний, движений. Сновидец теряет контакт с окружением. Органы чувств не посылают больше мозгу ни информации, ни стимуляции. Нет больше психической оболочки ни как поверхности приема и фильтра возбуждений, ни как фонового полотна, на которое могут записываться значения. Консенсуальность разрушается. Онейроидная активность больше невозможна. Медленный и глубокий сон — это сон без сновидения, соответствующий принципу нирваны.

3. Однако прогрессирующий подход к этому сну сопровождается интенсивной онейроидной активностью. Двойная прогрессирующая потеря сенсорности и моторики — действительно беспокоящая для остатков существующего психологического сознания. Потеря контроля над моторикой может выражаться в полной расслабленности сфинктеров (энурез) или в автоматическом двигательном протесте (сомнамбулизм). Сновидец невнятно бормочет, разговаривает, кричит. Именно во время этой фазы могут возникнуть ночные кошмары. Два типа страхов мобилизуют свои ресурсы и снабжают сновидения пугающим содержанием: невротический страх кастрации, психотический страх уничтожения (всегда в соотношении с мускульной «кастрацией» и «уничтожением» психической оболочки, создающей субъекта). Готовясь к докладу о сновидении, за два дня до этого мне довелось пережить типичный кошмар: мне снилось, что я читал этот доклад и «резко обрезал» (именно так следует это назвать) обращенные в мой адрес жесткие возражения, выкрикивая на устремления моих критиков громким и внятным голосом: «Я вам яйца отрежу». На следующее утро жена рассказала мне о разбудивших ее моих злословиях, которые я совсем не помнил. Одну из моих пациенток, находящуюся под впечатлением рассказов о войне и пытках, на протяжении длительного времени преследовал повторяющийся сон: стекло разбилось (символ взлома защиты от раздражителей). Она мастурбировала осколками битого стекла, искромсала свою вагину и разрушила всякую возможность генитального удовольствия.

4. Только в последнем (в хронологическом смысле) типе сна — в парадоксальном сне — подтверждается первоначальная фрейдовская формулировка: «сновидение есть воображаемое исполнение желания», к чему следует добавить, организованное в сценарий. Резюмируя, гипнагогические образы есть точные изображения заброшенности (или потери) психического контенанта, характерного для состояния бодрствования. Сновидения вхождения в глубокий и медленный

сон есть изображения угрозы деструкции тела и психики, то есть наиболее пугающее психическое содержимое больше не контейнируется достаточным психическим распорядком; они разворачиваются в двух временах: изображение деструкции телесной и/или психической оболочки; изображение внезапного появления, «прорыва», фундаментального страха.

Парадоксальный сон в противоположность предшествующей фазе — сон активный. Тело спящего сначала остается неподвижным, но его лицо и пальцы начинают потихоньку сжиматься; дыхание прекращается и дыхание становится нерегулярным — очень быстрым, затем медленным — спящий может даже несколько секунд не дышать. Под его веками происходит быстрое движение глаз туда-обратно. Если деликатно приоткрыть веки, создается реальное впечатление того, что он за чем-то следит взглядом. Прилив крови по направлению к мозгу и температура тела возрастают, тогда как мышцы тела остаются скованными, руки, ноги и туловище неподвижны. Эрекции пениса случаются как у взрослого мужчины, так и у младенца. Существует гипотеза, согласно которой парадоксальный сон — это не настоящий сон, а его фаза, во время которой субъект возбужден, несмотря на то что неподвижен и подвержен галлюцинациям. Сопутствующие сновидения есть обычные сновидения, характеризующиеся загрузкой поверхности записывания через организованное в сценарий содержимое, через воображаемое исполнение желаний, а именно прегенитальных и генитальных сексуальных желаний (Фрейд). Беспорядочный аспект сновидения касается нарушений отношений часть/целое (тогда как гипнагогические образы касались нарушения отношений фигура/фон).

Парадоксальный сон осуществляется отрезками продолжительностью от 10 до 20 минут каждые полтора часа. Продолжительный сон свойственен млекопитающим и другим видам. Парадокс заключатся в том, что во время сна сохраняется некоторое бодрствование. Этот сон комбинирует черты состояния бодрствования (подвижность пальцев, глаз, мимических мышц лица, отсюда преобладание тактильных и визуальных образов; ускоренный сердечный ритм, эрекция) и черты сна (мышечное расслабление, делающее бесполезным загрузку защиты от раздражителей).

Три типа сновидений и сон без сновидения взаимно подчиняются одному из четырех принципов психического функционирования: утрате принципа реальности (гипнагогические образы при засыпании); навязчивому повторению (кошмар в момент перехода в медленный

сон); принципу нирваны (медленный сон без сновидения); принципу удовольствия (парадоксальный сон); иначе говоря, они находятся в зависимости от психического принципа, наиболее способного перерабатывать тип нейрофизиологического материала, поставляемого в каждую фазу сна.

Это различие трех типов сновидений дает преимущество располагать разнообразием высказанных после Фрейда психоаналитических гипотез о значении сновидений. К гипнагогическим образам применяется психосоматическая гипотеза Кристофа Дезюра: сновидение есть «попытка выразить ментально переживаемое изменение состояния тела», наступающее во время сна. Кошмары, предшествующие вхождению в сон медленной фазы, иллюстрируют кляйнианскую гипотезу Анхеля Гармы: сновидения есть «жизненный опыт испуга или паники сновидца, так сказать, травматический жизненный опыт, происходящий из устрашающего содержимого, которое Я не может изгнать и потому воспринимает как реальное». Это содержимое, репрезентирующее влечения к смерти, некогда вторгшиеся в хрупкую психику малыша, а теперь оживленные вызванной сном регрессией и входящие в резонанс с травмой рождения. Сновидения парадоксального сна нуждаются в подразделении. Одно из них, сновидение-программа, было изучено Жаном Гийоме-ном, истолковывая сновидение *princeps*¹ Фрейда о сделанной Ирме инъекции в свете нейрофизиологической гипотезы Мишеля Жюве: сновидение должно было послужить перезарядке генетической программы, активирующей функционирование влечения. Наконец, нейрофилософская гипотеза Клода Дебрю, для которого парадоксальный сон и сновидение являются стражами психической индивидуальности, имеющей схожее значение с функцией индивидуальности, присвоенной мною Я-коже².

Восемь функций Я-кожи пытаются осуществиться в сновидениях, тем более что они под угрозой срыва, имея в виду ослабление Я-бодрствующего и топическую регрессию вследствие сна.

Сновидения падения (например, падения с высоты утеса) выражают атаки против поддержки.

¹ [*Princeps* (лат.) — первый.]

² *Dejours, C. Le Corps entre biologie et psychanalyse* [Тело между биологией и психоанализом]. Paris: Payot, 1988; *Garma, A. Le Rêve. Traumatisme et hallucination* [Сновидение. Травма и галлюцинация] (1970). Tr. fr. Paris: P. U. F., 1981; *Guillau-min, J. Le Rêve et le Moi* [Сновидение и Я]. Paris: P. U. F., 1979; *Debru, C. Neurophilosophie du rêve* [Нейрофилософия сновидения]. Paris: Hermann, 1990.

Сновидения о червях, выходящих из кожи и кишасших, выражают атаки против контейнируемости.

Сновидения о собраниях, где все говорят одновременно и где сновидцу не удастся быть услышанным, выражают атаки против индивидуальности.

Мультисенсорные сновидения (где визуальный материал перемежается с сонорными, вкусовыми, тактильными элементами) выражают атаки против консенсуальности.

РЕЗЮМЕ И ДОПОЛНЕНИЯ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОНЯТИЙ «ОБОЛОЧКА»
И «ПСИХИЧЕСКАЯ КОЖА»

ТЕРМИН «ОБОЛОЧКА» У ФРЕЙДА

Термин «оболочка» и ее производные «обволакивать», «обволакивающий» впервые прозвучали в исследованиях Фрейда в 1920 г. в процессе переработки им положений о психической топике (к схеме «сознательное-предсознательное-бессознательное» добавилась схема «Оно-Я-Сверх-Я»), о психической экономике (к принципам удовольствия и реальности добавились принцип навязчивого повторения и принцип нирваны) и о дуализме влечений (оппозиция объектное либидо — нарциссическое либидо стала частью более общих влечений к жизни и к смерти).

Но, как это часто у него бывало, из-за чрезмерного богатства и многомерности новых понятий, представление о которых у него пока еще интуитивное и смутное, Фрейд решил исследовать три теоретические наработки, упомянутые мною выше, а идею оболочки он оставил, что называется, «под паром». В своих последующих текстах он не вернулся к этому понятию. Само слово «оболочка» остается у него метафорой (Я имеет конфигурацию соединяющего в единое целое мешка) и метонимией (Я есть поверхность психического аппарата и проекция поверхности тела на поверхность психики). То, что поверхность тела именуется кожей, у Фрейда остается имплицитным, эксплицитное же появляется полвека спустя из-под пера Эстер Бик («психическая кожа» (Bick, 1968)), а восемью годами после Бик

в исследовании Дидье Анзье («Я-кожа» (D. Anzieu, 1974)). Что касается понятия оболочки, я в период между 1975 и 1986 гг. приложил все усилия к тому, чтобы дать статус концепта тому, что было лишь образным термином.

Вот отрывки, где Фрейд использует термин «оболочка» (курсивом выделено мною)¹.

— Первый отрывок использует метафору оболочки, то есть интерфейса, являющегося закрытой поверхностью (по сферической модели):

«Поскольку сознание по сути поставляет нам восприятия возбуждений, исходящих из внешнего мира, и ощущения удовольствия и неудовольствия, которые могут происходить лишь изнутри душевного аппарата, системе В-Сз можно присвоить пространственное положение. Эта система должна находиться на границе внешнего и внутреннего, быть обращенной к внешнему миру и обволакивать другие психические системы». (Freud, 1920g, tr. fr., ch. IV, p. 65, G. W., XIII, s. 23).

— И чуть ниже:

«<...> мы следуем за анатомической теорией церебральных локализаций, согласно которой сознание находится в коре головного мозга — наружном *обволакивающим* (umhüllende) слое центрального органа» (Ibid., tr. fr., p. 65–66; G. W., XIII, s. 23).

— Далее следуют сравнения, эксплицитные по отношению к пузырьку и коре и имплицитные относительно наружного слоя:

«Представим себе живой организм в максимальном упрощении как недифференцированный пузырек раздражимой субстанции, тогда его обращенная к внешнему миру поверхность дифференцирована самим своим положением и служит органом-рецептором возбуждений. Эмбриология, фактически повторяя историю эволюции, подтверждает, что центральная нервная система происходит из эктодермы, серое вещество коры мозга является производным от примитивной поверхности и, возможно, унаследовало ее основные свойства. Тогда легко было бы допустить, что непрерывный натиск внешних раздражителей на поверхность пузырька основательно изменяет его субстанцию до определенной глубины, так что процесс возбуждения протекает в ней иначе, чем в более глубоких слоях. Таким образом сформировалась

¹ [Freud, S. Jenseits des Lustprinzips (1920g). // G. W. — Bd. XIII. — S. 1–69.]

кора, которую воздействие раздражителей наконец так прожигает, что она начинает предоставлять наиболее благоприятные условия для принятия раздражителей и уже не способна к дальнейшим модификациям». (Ibid., tr. fr., p. 67–68; G. W., XIII, s. 25.)

— *Оболочка и мембрана*, стало быть, рассматривались Фрейдом как синонимы:

«Он [пузырек] обретает ее [защиту от раздражителей (*Reizschutz*)] в результате того, что его наружная поверхность ... в известной мере становится неорганической и действует теперь как особая оболочка (*Hülle*) или мембрана, задерживающая раздражители». (Ibid., p. 69; G. W., XIII, s. 26.)

— «Я и Оно» (Freud, 1923b) добавляет сравнение с гомункулусом:

«Я есть прежде всего Я-телесное, оно не только существо поверхности, но само по себе проекция некоей поверхности. Если искать анатомическую аналогию, лучше всего идентифицировать Я с «мозговым человечком» анатомов, располагающимся в коре головного мозга, стоящим там на голове, вытянув кверху пятки, глядящим назад и, как известно, имеющим слева речевую зону» (p. 238)¹.

КОНЦЕПТ ПСИХИЧЕСКОЙ КОЖИ ЭСТЕР БИК

В своей короткой статье 1968 г. Эстер Бик исследовала значение психической кожи, не сформулировав его при этом окончательно. Самым лучшим, мне кажется, было бы вновь вернуться к кратко изложенным А. Чикконе и М. Лопиталем шести положениям («Зарождение психической жизни», Dunod, 1991).

Первый постулат: части личности, воспринимаемые в своей самой примитивной форме, как если бы между ними не существовало никакой связующей силы, поддерживаются вместе посредством введения внешнего объекта, способного исполнить эту функцию.

Второй постулат: интроекция оптимального объекта, матери (груди), идентифицируемого данной функцией как контейнирующий объект, дает место фантазму внутреннего и внешнего пространства.

¹ [Freud, S. Das Ich und das Es (1923b). // G. W. — Bd. XIII. — S. 253–254 {237–289}.]

Третий постулат: интроекция контейнирующего объекта, переживаемого как кожа. Он имеет функцию психической кожи.

Четвертый постулат: интроекция внешнего контейнирующего объекта, дающего коже свою функцию фронта, предшествует запуску процессов расщепления и идеализации Самости и объекта.

Пятый постулат: при отсутствии интроекции контейнирующих функций проективная идентификация продолжается без остановки со всеми вытекающими отсюда путаницами идентификации.

Шестой постулат: нарушения интроекции происходят либо из-за неадекватности реального объекта, либо из-за фантазматических атак против него, что приводит к развитию формации «второй кожи».

КОНЦЕПТ ПСИХИЧЕСКОЙ ОБОЛОЧКИ ДИДЬЕ АНЗЬЕ

Топографическая схема психического аппарата набросана Фрейдом в его работе «По ту сторону принципа удовольствия» (Freud, 1920g), затем он вернулся к ней опять, уточнил и заново представил в визуальной форме рисунок в работе «Я и Оно» (Freud, 1923b), в «Заметках о “чудо-блокноте”» (Freud, 1925a), в 31-й лекции из «Нового цикла лекций по введению в психоанализ» (Freud, 1933a), эта схема, развитая мною вслед за Фрейдом, в моем представлении есть схема асимметричная и многослойная. Психическая оболочка включает два различных по своей структуре и функциям слоя. Самый крайний, периферический, твердый и жесткий слой обращен к внешнему миру. Он образует экран от стимуляций, преимущественно физико-химических, исходящих от этого мира. Это защита от раздражителей. Внутренний слой, более тонкий, более гибкий, более чувствительный, обладает функцией получения. Он воспринимает признаки, сигналы, знаки и позволяет записывать их следы. Это одновременно пленка и интерфейс: пленка хрупкая, двусторонняя, одна сторона которой обращена к внешнему миру, другая — к внутреннему, то есть интерфейс, разделяющий два этих мира и ставящий их в отношения. Совокупность защиты от раздражителей и чувствительной пленки образует мембрану. Пленка имеет симметричную структуру; мембрана — асимметричную, существует одна лишь защита от раздражителей, обращенная вовне, нет защиты от раздражителей, обращенной внутрь; отчего личности становится очень сложно противостоять возбуждению влечений, если те исходят от экзогенных стимулов. Функционирование защиты от раздражителей следует рассматривать в терминах силы, а функционирование пленки — в терминах чувства. Эти два слоя

мембраны можно рассматривать как две оболочки, более или менее отличающиеся друг от друга, более или менее сочленяющиеся в зависимости от личностей и обстоятельств: оболочка возбуждения, оболочка коммуникации и обозначения.

Психическое функционирование зависит от различных факторов. Экономический фактор: количество соответствует взаимным нагрузкам оболочки возбуждения и оболочки обозначения. Топографический фактор: взаимная конфигурация и локализация обеих этих оболочек. Динамический фактор: природа репрезентативных репрезентаций влечений, с одной стороны, телесного и ментального плана — с другой стороны, в недрах которого эти влечения принимаются. Наконец следует принимать в расчет простой фактор, специфический как для сенсорного плана (визуальная оболочка организована не так, как сонорная оболочка, а на более элементарном уровне — оболочка светатемноты организована иначе, чем оболочка цвета), так и для процесса психопатологической игры (парадоксальная оболочка истерика структурирована не так, как оболочка кольца Мёбиуса, свойственная пограничным состояниям).

Оппозиция-комплементарность двух основных категорий оболочек — оболочки возбуждения и оболочки обозначения — подразумевается основополагающим правилом, устанавливающим психоаналитическую ситуацию. Из данной оппозиции психоаналитическое правило извлекает свою оперативность. Перед нами пример перемещения в психологию принципов соответствия и комплементарности, заявленных Н. Бором при создании квантовой теории.

Защита от раздражителей обеспечивается психоаналитическим распорядком. Кабинет психоаналитика укрывает от слишком живых впечатлений (визуальных, сонорных, обонятельных и иных). Регулярность часов приема, достаточная продолжительность сеанса смягчают прерывистость, производимую физическими и органическими ритмами.

Пленке-интерфейсу соответствуют две инструкции, часто представляемые как две версии одного и того же фундаментального правила. Эти две инструкции на самом деле комплементарны для пациента, и каждая из них имеет соответствующее правило для психотерапевта. Первая инструкция (или правило неутаивания) требует от пациента действовать по принципу свободных ассоциаций и проговаривать их; этому правилу соответствует правило, предъявляемое аналитику — такого же свободного внимания. Вторая инструкция (или правило абстиненции) требует от пациента ограничиться вербальными

отношениями со своим психоаналитиком, что включает запрет прикосновения и исключает приватные, социальные отношения, агрессивные или сексуальные акты; чему соответствует предъявляемое аналитику правило — доброжелательного нейтралитета, нейтралитета, когда аналитик воздерживается от удовлетворения желаний пациента, касающихся переноса и доброжелательности, когда аналитик пытается понять эти желания, вместо того чтобы их осуждать или отбрасывать.

Почему именно такой аналитический распорядок? Мой ответ: именно такой распорядок мог быть изобретен Фрейдом и подтвержден его последователями, поскольку он представляет гомологию с топографической структурой психического аппарата. Каждой из этих инструкций, по сути, соответствует своя психическая оболочка. Соединение двух инструкций в недрах одного фундаментального правила отражает соединения-вложения, происходящее из структурных оболочек психики, делающих из нее аппарат для обдумывания мыслей, контейнирования аффектов и преобразования экономики влечений.

Обе стороны чувствительной пленки психики — поверхность, получающая возбуждения, поверхность записывания следов и знаков — действительно обоюдно приводятся в движение посредством правила абстиненции и правила свободных ассоциаций. Воздержание от актов, отличных от семиотических или символических, защищает от внешнего возбуждения обоих участников психоанализа и направляет его в перенос. Психоаналитический распорядок позволяет минимизировать экзогенные стимуляции, внутреннему же возбуждению, напротив, уделяется максимальное внимание, что является первейшим условием для его понимания.

Правило свободных ассоциаций заключается не столько в трактовке возбуждения, сколько в продуцировании означаемого материала вследствие его сообщения (воспоминания, сновидения, происшествия повседневной жизни, двусмысленные, парадоксальные, абсурдные мысли, а также аффекты).

Психический аппарат ребенка обретает Я — остающееся еще телесным пред-Я, или, как я это называю, Я-кожей — когда намечается эта топографическая структура с двойной оболочкой: одна принимающая возбуждения, другая — обозначения (сигналы, признаки, симулякры, лингвистические означаемые).

Недифференцированность, происходящая из двух слоев психической оболочки, производит то, что Д. Мельцер назвал «эстетическим

опытом»: очаровывающая и беспокоящая интенсивность этого пер-
востепенного опыта есть результат недифференцированности ощущение/
эмоции.

ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

В геометрии поверхность вытекает из идеи границы, фронта тела или емкости. *Закрытая* поверхность понимается как оболочка емкости, прототип которой образуется посредством сферической поверхности. Этот тип поверхности разделяет пространство на две части: внутреннюю и внешнюю, способные таким способом принимать один и тот же уклад либо подчиняться разным укладам.

Отсюда репрезентации психического аппарата в виде пузыря (случай Натали), в виде шара (Зенобия): признаки формирования автономной и трехмерной Я-кожи.

Если поверхность *открытая* — как у лопнувшего шара, — она может постепенно уплодиться и приблизиться к тому, чтобы стать плоской, и поэтому значение глубины по сути не имеет смысла для субъекта, чье психическое пространство остается двухмерным. Плоскость — это поверхность, которая тоже делит пространство надвое, но эти части невозможно отличить друг от друга. Уплотнение образа тела может повлечь воображаемую путаницу между пищеварительным каналом и дыхательным поведением, с последующими соматическими нарушениями (Родольф).

Катрин Шабер воспользовалась плоской поверхностью как топографической метафорой психического пространства: граница, отделяющая от бесконечности (непроницаемость Бессознательного по отношению к системе Предсознательное-Сознание), но граница, не допускающая дифференциации между двумя пространствами, которые она определяет, что ведет к путанице (смещение «внутри» и «извне», внутреннего и внешнего мира, разрушение второй топики). Стало быть, в психозе дифференциация тормозится актами нивелирования и уплощения, управляющими отношениями между реальностью и фантазмами, внутри и извне, субъектом и объектом, в столкновении, отрицающем плотность, рельеф и третье измерение. Тест Роршаха, согласно К. Шабер, при длительной шизофрении и психозах отражает плоский образ, не открывающий по сути глубин психики: другая сторона зеркала остается закрытой тенью этих объектов. Л. Кэрролл в «Алисе в стране чудес» и «Зазеркалье» прекрасно описал открытие поверхностей у героини.

НЕКОТОРЫЕ ЗАЯВЛЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ТЕОРИИ ПСИХИЧЕСКИХ ОБОЛОЧЕК (КОНСТИТУИРОВАНИЕ, РАЗВИТИЕ, ТРАНСФОРМАЦИИ)

— Фрейдовское различие предметных и словесных представлений требует дополнений; есть трансформационные представления (Гибелло), контенантные представления (Бийон). То они являют собой предметные и словесные представления особого типа (сравните: то, что Розолато именует означающими демаркации, я называю формальными означающими), то при наличии общего корня начинают различаться.

— Базовая нарциссическая безопасность состоит в приобретении поддержки (прислонение к несущей прочной вертикальной оси), контейнирования (конституирование ограниченного горизонтального плана, обеспечивающего расположение сознания в теле, тела в пространстве и размещение Оно через Я) и консенсуальности (интроспекция внешнего объекта является объединяющим началом, из которого выделяются различного типа ощущения, испытываемые ребенком и позволяющие ему связывать их между собой).

— Возрастающая автономия психического аппарата покоится на фантазме об общей коже матери и ребенка, на последовательном разделении этой психической кожи на поверхность возбуждения и поверхность обозначения, на конструировании аппарата для обдумывания мыслей (на их контейнировании, репрезентации, символизации, концептуализации).

— Автореферентная самоорганизация психики исходит из обоюдного создания Я и объекта, осуществляемого совместно Я и объектом, где Самость и Я зависят от объекта, с тем чтобы стать взаимно автономными и взаимозависимыми инстанциями: Я становится оболочкой Самости. Автономизация зависит именно от способности первоначального объекта контейнировать движения влечений младенца и его глобальное переживание волнение-фантазм-ощущение-действие. Она также зависит от способности психики младенца интроспектировать отношение контенант — содержимое, которое объект таким способом осуществляет касательно него, и развивать свое сознание (психологическое) как контенант, способный контейнировать (а затем дифференцировать) содержимое мысли.

— Некоторое сенсорное и ритмическое сознание существует с рождения. Оно намечается у зародыша, но отсутствует у эмбриона. Наличие и расширение психологического сознания сопровождаются и/или стимулируют эволюцию от системы самоорганизации к системе

самореференции. Сенсорное сознание готовит пространственную оболочку, ритмическое сознание — темпоральную.

— Вполне вероятно, что сознание равновелико жизни. Если перевести это в более конкретные понятия, это означает, что психический аппарат, обладающий сознанием, есть проживание опыта, при котором сознание обволакивает предметы и является самим этим сознанием, обволакивающим меня; это одновременно означает осознавать свою сущность и быть представленным миру; комплементарно это — осознавать, что примордиальный объект осознает одновременно, что он представлен миру, самому себе и мне и, значит, он может и/или хочет окутать меня. До тех пор пока сознание не представляется как индивидуальная оболочка, оно существует в состоянии «взаимного включения» (Сами-Али) как одна оболочка на двоих: моя мать (или тот, кто выполняет ее функцию) окружает меня, и я одновременно окружаю ее.

— Испытанные матерью насилия могут передаваться еще неясно, но активному сознанию плода и оставить следы, которые в последующем приведут к нарушению психического функционирования, не будучи при этом репрезентированными. В этом проявляется аспект трансгенерационной передачи. Более обобщенно, всякая травма, возникшая до формирования двухслойной психической оболочки, впечатывается в тело, а не в психику. Ее психическая проработка в ходе психоанализа требует работы не интерпретаций, но конструирования.

— Первая глобальная фигура психики не является бесформенной, но представляет собой фигуру тела к телу, подтверждающую поддержку Я-кожи. Оба тела мать/дитя прижаты друг к другу, как если бы каждый из них заполнял деформацию пространства, созданную другим: соединение-вложение спина к животу. Если один пошевелится, другой не может оставить свободным высвободившееся пространство и пытается возобновить контакт (ср. с гравитационной моделью), что подтверждает психоанализ близнецов. Как показал Джек Дорон, это начало отношений синхронизации/эхопраксии между ребенком и окружением, это также геометрическая форма первого типа катастрофы, по Тому — складка. Складка, жест, установление непрочного равновесия в проблематичном функционировании, отмеченном хаосом восприятий и суммой не связанных между собой движений. Складка есть способ борьбы против инерции, повторения, демонтажа.

— Второй тип «катастрофы», в понимании Тома — сборка, представляющая собой парадоксальную форму, лишенную формы, без границ и центра, организующую психику посредством приходящих извне

ритмов, вибрации пейзажа, матери-природы: такой сборкой является уносимая водой водоросль, подчеркивающая ритм зыби (Дж. Дорон, цит. по: Кеннет Уайт). Ср. Холл: ритм — это «танец жизни». Таким способом прерывистое изменение производит установление Я-кожи как закрытой оболочки.

— Третий тип «катастрофы» — бабочка, представляет две возможности изменений. Ровное изменение, ведущее к разрыву, обрушению. Прерывистое изменение: выворачивание оболочки как перчатки. Психика — карман, место колебания между хаосом и созидательным «сверхслиянием», место, характеризующееся функционированием во всем и ни в чем, борьбой между собственной деструкцией и погружением в предметы и людей. Выворачивание ломает привычные связи между восприятием и объектами и позволяет новой идее обрести форму посредством сверхслияния. Выворачивание обеспечивает закрытой психической сфере открытость внешнему миру (Дж. Дорон).

— Я — психическая инстанция с двойной взаимосвязью с Оно и Сверх-Я. Я — агент вторичных психических процессов (преимущественно сознательных) и механизмов защиты (преимущественно бессознательных). Этот агент образует прочное ядро Я, являющееся результатом интроекции примордиального объекта: Я комплементарно обладает конфигурацией оболочки, разделяющей и связывающей внутренний и внешний мир, — это система восприятие-сознание. Эта оболочка выполняет восемь функций, список которых я изложил ранее: поддержка, контейнирование, защита от раздражителей, индивидуация, интерсенсорность, сексуальный оплот, либидинозная перезагрузка, записывание следов.

— Я-агент, только сформировавшись, стремится быть репрезентированным как центр психического аппарата нормального или нервного индивидуума. По мере продвижения в сторону пограничных состояний и психозов ядро Я все больше имеет тенденцию к локализации на периферии, то есть на оболочке даже по отношению к позиции экстерриториальности. В подобном случае Я существует не в психике. Отделившись от нее, Я наблюдает за ней со стороны; субъект — не являющийся в полной мере таковым — наблюдает себя живущим, он живет автоматически, механически, прерывисто, движимый непредвиденными приборами влечений.

— Между Я-ядром и Я-оболочкой существует психическое пространство, которое можно описать как плоть Я, по аналогии с телом, где плоть есть посредник между кожей и скелетом. Эта Я-плоть более или менее протяженная, более или менее гибкая. Ее возможное

отверждение стремится к продолжению существования в слабеющей оболочке: во второй мускульной коже (Э. Бик). Другая патология вместо психической плоти вводит пустое очень устрашающее пространство (психосоматические больные, чистые психозы и т. д.).

— Исследования, касающиеся не только новорожденных, но и плода, а также психиатрического подхода к функциональным нарушениям у них, обнаруживают, что:

- материнская матка, после того как плод займет в ней адекватное положение, приступает к массажу спины и позвоночника плода посредством сокращений, подготавливая таким образом Я-кожу будущего новорожденного к осуществлению первоначальной функции поддержки (или крепления, или прислонения);

- пять органов чувств плода получают идущие от матери стимуляции, что готовит будущую Я-кожу к осуществлению функции консенсуальности.

НАРУШЕНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ОБОЛОЧЕК

ОСНОВНЫЕ НАРУШЕНИЯ СОЕДИНЕНИЙ-ВЛОЖЕНИЙ ДВУХ ПСИХИЧЕСКИХ ОБОЛОЧЕК

Первая патология, касающаяся психических контенантов, характеризуется существующим у ребенка *отсутствием дифференциации возбуждение-коммуникация*, массивным, обобщенным и квазипостоянным способом, возрастающим и у взрослого. Такова истерическая оболочка, болезненную и парадоксальную структуру которой проанализировала Анни Анзье в своей части коллективного труда «Психические оболочки», резюме которой я собираюсь представить.

Истерик ищет защиты от раздражителей, окружая свое тело и психику оболочкой возбуждения, стало быть, парадоксальной структурой; оболочка возбуждения, никогда не разряжаясь, приводит к трансформации ее в оболочку страха. Истерик в своем детстве получил слишком много стимуляций и недостаточно объяснений относительно своих состояний и психического содержимого. Впоследствии истерик воспроизводит, навязывая другим или собственному телу, избыток получаемого возбуждения. Например, став подростком или взрослой, девушка или молодая женщина-истерик изменяется под воздействием своих генитальных влечений, выставляя напоказ гипертоническую и гипертоническую поверхность своего тела.

Она позволяет смотреть на него, реже прикасаться: «Не прикасайтесь ко мне», — начиная с первых сеансов вскрикивает специально для Фрейда фрау Эмми фон Н. Генитальное сексуальное возбуждение есть лишь приманка для привлечения и удерживания партнера, с тем чтобы добиться от него психической коммуникации с первичными объектами, недостаток которых она испытывала в детстве, а невостребованность этого возбуждения приводит к экономической перегрузке в психике. Но чаще всего, конечно, партнер, разочарованный в своем сексуальном ожидании, замыкается, будучи не готовым к психическому обмену, он более или менее жестко настаивает на имплицитно обещанном сексуальном удовлетворении. Все это лишь оживляет у истерика злопамятность, оболочку страха, и поиск возбуждения перепутывается с коммуникацией.

Вторая патология касается отношения контенант — содержимое: Блон говорил о значимости психического контенанта и об этом отношении контенант — содержимое. Тщательное изучение текстов Блона в свете клинического опыта позволило Рене Каесу различить функцию контенанта и функцию контейнера. Различение фундаментальное, поскольку — здесь я добавляю к Рене Каесу — функция контенанта есть функция защиты от раздражителей, тогда как функция контейнера есть функция записывания следов.

Контенант — преимущественно мать — собственно говоря, устойчив, неизменен, дается ребенку как пассивное вместилище для накопления ощущений-образов-эмоций, таким способом нейтрализующихся и при этом не разрушаясь. Контейнер, напротив, соответствует уже не пассивному, а активному аспекту, тому, что Блон назвал материнскими мечтаниями, проективной идентификацией, развитием альфа-функции, возвращающих ребенку переработанную и трансформированную репрезентацию ощущений-образов-эмоций, возвращенных, таким образом, в репрезентабельном, допустимом и возможном для использования для конституирования мыслей виде. Недостатку этой контейнирующей функции Я-кожи соответствуют две формы страха. Страх диффузного, постоянного, разбросанного, не локализуемого, не опознаваемого, не стихающего возбуждения влечений, передающего конституирующуюся психическую топографию ядра без коры: индивид ищет субститутивную кору в физическом страдании, которое он, к примеру, применяет по отношению к себе, — оболочка страдания в том виде, в котором ее описала Миш-лин Энрикез, или психический страх, который мы находим у Анни Анзё, названный ею истерическим. Вторая форма страха — страх

того, как бы непрерывность оболочки не была пробита дырами, что приведет к опустошению всего содержимого, не только к опустошению влечений, но и к опустошению всего того, что может составлять нарциссическую силу субъекта, то есть страх нарциссического кровотечения сквозь эти дыры.

Клиника позволяет нам наблюдать, что наличие обеих этих функций, контенанта и контейнера, подтверждается не у всех пациентов: взятая по отдельности каждая из этих функций осуществляется нормально, но при соединении-вложении развитие обеих функций по этой причине нарушается. К примеру, функция контенанта обеспечивается матерью, а функция контейнера — бабушкой или сиделкой, или тетей, или соседями. Или все-таки бабушка выполняет функцию контенанта, тогда как мать не является ни контенантом, ни контейнером, а коммуникации, которые она осуществляет с ребенком, управляются преимущественно чрезмерно суровым Сверх-Я, и, таким образом, функция контенанта развита чрезмерно, а функция контейнера недоразвита.

Третья патология — патология промежутка между двумя поверхностями: возбуждения и коммуникации. Данная патология, я о ней обмолвился выше, проявляется при отсутствии или недостаточности переходной зоны и, следовательно, при отсутствии или недостаточности ее следствия, являющегося, по сути, фантазматизацией. При условии сохранения некоторого промежутка между двумя поверхностями фантазматизация есть один из способов соединения обоих пространств.

В этой патологии отсутствия промежутка две разные оболочки остаются склеенными друг с другом без этой необходимой для фантазматического опыта свободы. В таком случае перед нами единственная оболочка с послойной структурой, с конфигурацией мешка, внутри которого психическая жизнь приводит преимущественно к многочисленным психосоматическим случаям, где обмены с другим сводятся к коммуникациям без эмоций и воображения. Часто в таких случаях первопричиной являются отношения с матерью или ее заместителем под знаком индифферентности, будь то по причине депрессии или из-за супружеских проблем с отцом, или по любой другой причине, которую Грин именует мертвой матерью. Я предпочитаю называть это индифферентной матерью, предлагая высказывание, которое, по моему мнению, есть не что иное как игра слов: индифферентная мать — это мать, препятствующая осуществлению дифференциации, препятствующая функционированию принципа дифференциации.

Перейдем к другой, *четвертой*, патологии. В предыдущей патологии, «психосоматической», коммуникация была подчинена защите от раздражителей; в патологии, которой я коснулся сейчас, возбуждение подчинено коммуникации, оно на службе у коммуникации. Приведу пример не из клинической практики, а из социальной клиники — греческой мифологии, с темой отравленной туники, пагубная прокладка которой, прилипая к естественной коже, отравляет ее, проедавая и воспаляя. Медея есть противоположность истерички. Истеричка под формой возбуждения предлагает своему партнеру то, что она хотела бы услышать от него — потребность в коммуникации и понимании. Медея, искушенная в преступлениях страсти, колдунья, действует обратным способом. В качестве свадебного подарка она посылает своей сопернице Креусе шитый плащ и златотканую повязку, едва соперница надела их, тело ее охватило пламенем. Таким своеобразным сообщением, то есть коммуникацией, нацеленной на выключение возбуждения, возбуждения интенсивного и деструктивного, воспользовалась Медея. Эта тема отравленного подарка, часто проявляющаяся через несоответствие между приятным словом и жестоким действием, мне кажется между прочими вещами типичной для того, что можно было бы назвать *перверсной оболочкой*.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ НАРУШЕНИЯ ЗАЩИТЫ ОТ РАЗДРАЖИТЕЛЕЙ И ПОВЕРХНОСТИ ЗАПИСЫВАНИЯ

Я остановлюсь на рассмотрении наиболее типичных нарушений, с одной стороны, защиты от раздражителей, с другой — поверхности записывания.

Специфические нарушения защиты от раздражителей

Здесь я ограничусь лишь ссылкой на Фрэнсис Тастин. В первичном аутизме отсутствуют обе оболочки: это Я-осьминог. Во вторичном аутизме имеется защита от раздражителей, поверхность же записывания по-прежнему отсутствует. Но защита от раздражителей присутствует в негибкой, непроницаемой форме: это Я-попона. Поверхность записывания отсутствует, это живая плоть без кожи, коммуникация с другим, стало быть, прервана либо из-за барьера, двигательной активности, то есть максимального возбуждения, либо из-за отдаления или нулевого возбуждения.

Деформации оболочки защиты от раздражителей можно наблюдать не только у аутистов, но также у нормальных или обычно невротичных субъектов, сохранивших следы этих прежних конфигураций.

Специфические нарушения поверхности записывания

Две большие формы нарушений поверхности записывания: первая, касающаяся опасения, связанного со Сверх-Я, маркированная на поверхности тела и Я посредством позорящих и нестираемых записей, вся гамма которых, начиная от покраснений, экземы до символических ранений, вплоть до знаменитой адской машины «Исправительной колонии» Кафки, гравированной на коже приговоренного готическими буквами, чтобы ему было больнее, статью закона, которую приговоренный нарушил и которую он узнает в момент окончания записывания или когда умрет от этого. Это одновременно и объяснение, и наказание.

Другой страх противоположный — это опасность стирания следов под воздействием перегрузки либо из-за утраты способности фиксации следов. Пример с девочкой Элеонорой, который я привожу на с. 73, с ее головой-дуршлагом соответствует именно утрате этой способности фиксации следов, с особыми дырами в ее Я-коже, дырами, соответствующими отсутствию некоторых функций Я.

Два слова об *аллергической структуре*, где есть нарушение поверхности записывания, проявляющееся, как мне кажется, через *инверсию знаков* безопасности и опасности. Говорят, вместо того чтобы быть успокаивающей и защищающей, привычность начинает нас пугать; желанный контакт, едва достигнутый, причиняет боль и вызывает чуждость, вместо того чтобы вызвать беспокойство, — это жуткое, о котором говорил Фрейд, напротив, воспринимается привлекательным. Отсюда парадоксальная реакция аллергика, а может быть, и токсикомана, избегающего всего, что могло бы быть полезно для него, и очарованного тем, что для него вредно. Факт того, что аллергическая структура зачастую представляется в форме чередования астма — экзема, позволяет мне уточнить топографическую конфигурацию Я-кожи в действии. Речь идет о сглаживании недостатков функционирования Я-кожи-мешка как контенанта и как контейнера. Оба заболевания соответствуют двум возможным способам подхода к поверхности мешка: через внутреннее и внешнее. Астма есть попытка почувствовать контейнирующую оболочку *изнутри*: больной надувается воздухом, дабы опробовать фронтиры своего тела с изнанки и удостовериться в расширении границ своего Я. Но, чтобы сохранить это ощущение надутого мешка-Самости, он остается в апноэ¹, рискуя блокировать ритм дыхательного обмена со средой и задохнуться.

¹ [Апноэ — остановка дыхания.]

Экзема, напротив, есть попытка восприятия этой телесной поверхности Самости *извне*, дабы почувствовать ее в болезненных разрывах, шершавом контакте, стыдливом зрелище, но это также возможность почувствовать оболочку тепла, оболочку диффузного эрогенного возбуждения.

НЕПРЕРЫВНОСТЬ/ПРЕРЫВНОСТЬ ДВУХ ОБОЛОЧЕК В ПОГРАНИЧНЫХ СОСТОЯНИЯХ

Я возвращаюсь к рапортам между двумя большими оболочками возбуждения и коммуникации, дабы рассмотреть новую патологическую конфигурацию, где обе эти оболочки не наслаиваются и не вкладываются одна в другую, но располагаются последовательно встык, в непрерывности одна с другой. Таким образом, есть только одна сплошная оболочка, замыкающаяся на самой себе, оборачивающаяся наподобие кольца Мёбиуса и представляющая из-за такой структуры то защиту от раздражителей, то поверхность записывания.

Такая психическая топография показалась мне типичной для пограничных состояний. Резюмирую здесь последствия организации и психического функционирования: существуют нарушения в различении того, что приходит изнутри, и того, что приходит извне, а также нарушения различения контенант — содержимое.

Этиология этой особенности в виде кольца Мёбиуса, на мой взгляд, обязана своим происхождением первоначальным отношениям с материнским окружением под знаком несогласия. То есть мать или тот, кто ее замещает, внезапно чередует возбуждение и коммуникацию и в обеих этих сферах резко чередует избыток возбуждения с внезапным прекращением возбуждения, отсутствие же коммуникации меняет на массивный приток коммуникации.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПСИХИЧЕСКОЙ ОБОЛОЧКИ

ФОРМАЛЬНЫЕ ОЗНАЧАЮЩИЕ

Психические оболочки — это особые типы представлений, возникающие в большей мере не по причине эволюции влечений, но из-за игр за место в пространстве и из-за степеней и форм конституирования психической территории. Это интуитивно прочувствовал Фрейд; так, в опубликованных после его смерти заметках, озаглавленных «Результаты,

идеи, проблемы»¹, мы прочли у него: «Психика растянута, но она этого не знает». Возьмем пример с приступом булимии у пациента. Классическая интерпретация делает акцент на замене физической необходимостью желанности нежности и материнского понимания (интерпретация в регистре влечений) и/или на борьбе с матерью за власть (интерпретация в терминах объектных отношений). Опыт показывает недостаточность подобных интерпретаций, если они не дополнены топологическим анализом: мать занимает психическое пространство ребенка, чтобы заново занять свое место, пациент должен потолстеть.

Другой пример. Мария испытывает ужас при виде себя в зеркале целиком или снятой на видео. Первая интерпретация влеченческого порядка: она видит себя с головой мертвеца, что означает ее смертельную ненависть к матери, поскольку по возвращении из школы она натыкалась на ее холодное, убитое выражение лица. Несколько месяцев спустя благодаря продвижению психоаналитического процесса ее ужас смягчился, но полностью не исчез; Мария, которой я предложил вернуться к симптому, сама находит топологическое объяснение: она знает, что стоит перед зеркалом, но видит себя сзади; как она одновременно может быть и здесь, и там? Отсюда сильный страх деперсонализации. Итак, формальное означающее этого творения: мое тело раздваивается. Через формальное означающее я понимаю репрезентации конфигураций тела и объектов в пространстве, равно как и их движений.

Эти формальные означающие находятся в сочленении:

— бессознательного и предсознательного, дифференциации которых они благоприятствуют;

— предметных и словесных представлений: это репрезентации оболочек; они есть составляющие субъекта в его отношениях с окружением в качестве внешнего-внутреннего пространства;

— Я и Самости, благоприятствуя установлению их границ и флуктуаций.

Вот ряд формулировок, которые я предлагаю по этому поводу:

— психические оболочки производны от фантазма об общей коже мать/дителя и ее трансформаций;

— они мгновенно распознаются пациентом, когда ему о них говорят или описывают, что отбрасывает ассоциативный процесс и установление связей;

¹ [Freud, S. Die endliche und die unendliche Analyse (1937c). // G. W. — Bd. XVI. — S. 59–99.]

— они загружаются преимущественно влечением привязанности и через него — влечением к самодеструкции;

— они изменяются под воздействием индукции метафор психоаналитика, помогая укреплению Я-мыслящего в теле и телесных ощущениях и образах;

— они находятся под угрозой архаического страха разрыва пространства объектом, меняющим место и привносящим с собой частицу пространства, которое он занимает: место — контенант объекта; содержимое, соответственно, воспринимается как разрушитель контенанта;

— психоаналитическая работа о формальных означающих способствует конструированию Я при отчетливости его изъянов в отношении искажений психоаналитического распорядка и того, что Кристиан Герен назвал переносом контейнера.

Вот пример формального означающего у пациентки, пережившей в своей жизни фазу аутизма. Натали написала мне, чтобы договориться о встрече и возобновить со мной третий психоанализ; два предыдущих анализа в значительной степени, но недостаточно, на ее взгляд, освободили ее от этой фазы, моя же работа над Я-кожей, по ее мнению, способна ей помочь.

Я отвечаю ей, предлагая встречу, чтобы переговорить об этом. Получив мое письмо, той же ночью в своем сновидении она видит себя у меня в кабинете, и я якобы даю ей скатерть и голубой шелковый платок, ей снится, что именно она излагает мне при нашей беседе, и это побуждает меня предпринять психоаналитическую психотерапию лицом к лицу, сосредоточившись на ее психических оболочках. По сути дела мы сообща интерпретируем это сновидение. Она замечает, что платок служит для укутывания тела, и я подсказываю, что слово «шелк» использовано вместо слова «Самость»¹, голубой шелк есть метафора идеальной Самости, ради которой она пришла на свой психоанализ, дабы почувствовать себя «укрытой».

Первые сеансы посвящены инвентаризации многочисленных, отличающихся друг от друга интенсивных страхов, от которых она страдает. После этого у нее возникает приводящий ее в уныние образ самой себя: плывущая в толще воды и погружающаяся водоросль. Это формальное означающее передает непрочность ее Самости, регрессию к вегетативной жизни (когда ей не надо идти на работу, она

---

¹ [Здесь имеет место игра слов во французском языке: «soie» — шелк и «Soi» — Самость.]

остаётся в лежащем положении, читая или слушая музыку), опасение крушения. Я интерпретирую также и положительные аспекты: водоросль улавливает солнечную энергию и движется по воде; я намекаю ей на две важные для нее физические активности — солнечные ванны и плавание.

После нескольких недель работы над ее страхами и формальным означающим она излагает мне свою фантазию, в которой видела кедр с мощным стволом (к которому она может основательно прислониться спиной) с широкими, параллельными почве ветвями (горизонтальность ветвей умеряется вертикальностью ствола). Ее Я выпрямляется и опирается на корни. Однако метафора по-прежнему остаётся вегетативной: ее Я ещё недостаточно дифференцировано, чтобы воспользоваться имеющимися у нее в состоянии застоя возможными силами влечений.

УРОВНИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ОБОЛОЧКИ И Я

Я-оболочка создается во взаимосвязи с первичным объектом посредством процесса, который можно описать как интерактивную спираль. Автономия Я никогда не бывает полной и окончательной, она проходит через следующие друг за другом уровни, которые, на мой взгляд, не являются исчерпывающими.

Маточная оболочка. Она соответствует выходу на поверхность сознания и наброску системы восприятие-сознание. У плода возникают фрагменты сознания. Материнская матка, являющаяся анатомическим контенантом плода, обеспечивает набросок психического контенанта. Этот недифференцированный анатомо-психический контенант есть первоначальный контенант. Матка переживается как мешок, поддерживающий совокупность фрагментов сознания. Защита от раздражителей конституируется телом матери, особенно ее животом. Развивается общее для плода и матери поле чувствительности. Отсюда ностальгия по возврату в материнское лоно, где получаешь не только опору, еду и тепло и находишься в состоянии постоянного блаженства, но еще и смутно осознаешь это блаженство, отчего и испытываешь наслаждение. Существование подобной маточной оболочки было известно еще традиционным врачевателям в так называемых примитивных сообществах (см. К. Леви-Стросс о символической эффективности шамана; Т. Натан использовал в психотерапии эмигрантов). Приданое для новорожденного, которое мать вяжет для

своего малыша, представляет собой субститут этой маточной оболочки и оплот материнских «мечтаний» (Мишель Суле).

Материнская оболочка. Она была так названа Бразелтоном: уход, оказываемый новорожденному матерью и окружением, создает оболочку ощущений и жестов, более активных, более объединяющих, чем маточная оболочка. Винникотт связывает ее с первичной материнской заботливостью, предвосхищающей и удовлетворяющей по мере необходимости нужды ребенка (слияние психик и тел мать-дитя преимущественно вкусо-обонятельным образом в двойственное единство, прерывание которого вызывает так называемую первородную беспомощность). Это слияние может блокировать сепарированное развитие Самости и Я.

Оболочка-жилище. Названная так Д. Узэлем, она приравнивается моменту достижения ребенком различения телесных и психических нужд и типов соответствующих коммуникаций (единство психической Самости и телесной Самости, дифференцированных и интегрированных, с двумя противоположными опытами моментов отсутствия интеграции и постоянного местопребывания психики в теле).

Нарциссическая оболочка сопровождает различение моих и не моих частей (общая нарциссическая Самость, формирующая однородное целое посредством сопоставления, каждая часть при этом имеет такую же структуру, что и все целое) (ср. фрактальные¹ объекты в математике или физике).

Воображаемая индивидуализирующая оболочка укрепляет формирование Я в недрах Самости, а также ощущение индивидуальности благодаря тому, что эхом передается ребенку визуальным и сонорным зеркалом от лица матери, ее жестов, от окружения и словесной купели (опыт обратной симметрии — вертикальной и горизонтальной).

Переходная оболочка — парадоксальная. Она одновременно упрочивает разъединение и единение кожи матери и кожи ребенка. Она смягчает фантазм отделения и приносит ребенку ощущение доверия своему собственному существованию и существованию управляемого внешнего мира (опыт переходного пространства); это оболочка, изменяющая направление: окружающий мир обволакивает меня, я могу обволакивать мир.

«*Охраняющая*» оболочка соответствует достижению чувства непрерывности Самости (ср. с «винникоттовским» опытом быть одному в присутствии кого-то из близких, кто уважает и охраняет мое

¹ [Фрактальные — расчлененные.]

одиночество). Впоследствии эта оболочка, интроекция такой личности, гарантирует символическое обнадеживающее, терпимое присутствие «ангела-хранителя» в недрах психического аппарата.

ПОЮЩАЯ КОЖА¹

Сказку, которую я изложу далее, можно рассматривать как арабский вариант греческого мифа о Марсии.

Было у человека две дочери, обе молодые и красивые. Однажды его жена заболела. Подвесив к потолку «аман», этот ценный талисман, который доверяют тем, кого любят, и дают с собой тому, кто отправляется надолго в дорогу, и заручившись обещанием мужа не жениться снова, пока девочки не подрастут и не смогут дотянуться до амана, она умерла.

По соседству с вдовцом жила аппетитная вдовушка, желавшая устроить свою судьбу. Каждый день она встречалась на террасах с двумя дочерьми своего соседа. Она мыла их, вычесывала им вшей, причесывала и заботилась об их фигуре. Так сиротки, находясь рядом с ней, получали материнское внимание, которого им не хватало.

Как-то вечером старшая дочь спросила отца, почему тот не женится на великодушной женщине, которая так любит их. Отец напомнил об обещании, данном их умершей матери, и о невозможности жениться.

Соседка испытала от этого горькую досаду, но виду не подала, напротив, она стала еще усерднее и услужливее. Впрочем, однажды утром она прибегла к хитрости, позволившей ей добиться своей цели. Она водрузила себе на плечи младшую из дочерей, чтобы та смогла дотянуться до талисмана.

В тот же вечер девочка торжествующе продемонстрировала отцу мешочек, который она сняла с крюка.

«Теперь ты видишь, отец, — сказала она ему, — мы уже достаточно большие. Ты можешь жениться».

Он был побежден, и свадьба состоялась.

Новая жена, женщина лукавая, продолжала какое-то время изображать любезность и преданность. Однажды, когда, по ее разумению, она уже имела достаточное влияние на своего мужа, она предложила ему:

---

¹ Я признателен мадам Лейле Шеркауи-Бенджелун, психологу из Касабланки, за знакомство с этой сказкой.

«Выбирай, мужчина! Твои дочери или я!»

Но она заговорила об этом слишком рано. Муж еще не был покорен ей, как она полагала, и отказался разлучиться со своими дочерьми и принудил жену остаться в его доме.

«Вы останетесь здесь все трое. Это приказ!» Когда он так говорил, протестовать было бесполезно.

Жена умолкла, но ее поведение изменилось. От ее вежливости не осталось и следа, она стала злой по отношению к девочкам, без конца подгоняла их, обременяла работой, а иногда даже поколачивала их в отсутствие отца. Когда же тот был дома, она продолжала играть роль нежной и заботливой матери. Дети не осмеливались жаловаться, прекрасно понимая, что им на это ответят.

Шли дни, шли ночи, они еще долго жили так...

Однажды в их крае не стало работы, и отцу пришлось отправиться в дорогу, чтобы найти себе дело и суметь заработать для семьи денег.

Жена, оставшись одна с его дочерьми, дала волю своей злобе. Она не давала им больше ни минуты покоя, поручая всю работу по дому, отправляя по воду к источнику и за дровами в лес, чтобы растопить огонь; есть им давала лишь отруби, которыми кормят кур. С каждым днем дети становились все грустнее и несчастнее. Вскоре мачеха и вообще не захотела терпеть их присутствия в доме и решила избавиться от них. Как-то ночью, когда девочки спали, она перерезала им горло. Старшую она закопала под домом, а младшей решила жестоко отомстить за то, что девочка была подвижнее и смысленнее старшей, отчего мачехе было сложнее подчинить ее себе. Она сняла с нее кожу и вставила прокладкой в разболтавшуюся дверную ось, дабы укрепить ее. Однако вечером, когда она захотела открыть дверь, ось скрипнула, задев кожу, и та принялась петь:

«Hday, hday, ya mart bâ... Hday, hday, ya mart bâ

Ana aala ourikat l'anna ... qad dmoui talou.»

«Перестань, перестань, о моя мачеха!

Я на маленьких девочках хна

И я уже слишком много плакала!»

Злобная мачеха на мгновение смутилась, решила убедиться в чуде; она открыла и заперла дверь, наклонилась, чтобы рассмотреть прокладку; всякий раз, как только дверная ось касалась кожи, та принималась петь свою песню:

«Hday, hday, ya mart bâ... Hday, hday, ya mart bâ...»

Придя в раздражение от этого назойливого припева, мачеха содрала кожу и забросила ее куда подальше.

Ветер, дувший с пустыни, вихрем поднял ее и унес в сады султана. Правитель тот — пусть Аллах даст ему долгую жизнь — имел единственного сына, которого весь народ нежно любил, это был приветливый и не спесивый юноша, не гнушавшийся входить в покои своего отца и по-дружески разделять с ним радости и горести его подданных. Все жители касбы¹ любили и почитали его.

В тот день, бродя по саду, окружавшему дворец, принц увидел простертую на зеленой траве кожу. Удивившись находке, он поднял ее; едва принц коснулся кожи пальцами, она запела:

«Hday, hday, ya ould Sältan...!»

«Перестань, перестань, о сын султана!»

Я на маленьких девочках хна

И я уже очень давно плачу!»

Очарованный и обрадованный такому чуду принц решил сохранить его втайне; он спрятал кожу под своим бурнусом² и, придя в свою комнату, тотчас же перетянул этой кожей тару³, которую отныне носил с собой повсюду; каждый раз, оставаясь наедине в своих покоях или в уединенном уголке сада, он осторожно постукивал по коже, заставляя ее петь.

В касбе все привыкли видеть его с тарой в руках, и никто уже этому не удивлялся.

Шли дни... шли ночи...

Они еще долго жили так...

Однажды отец девочек вернулся. Дети, заметившие его возвращение, побежали предупредить его жену, каждый хотел сообщить новость первым, чтобы получить большую горсть жареного турецкого гороха и конфет, полагавшихся как вознаграждение.

Жена, предупрежденная о возвращении мужа, поджидала его, заранее приготовив свой ответ. Стоило ему только осведомиться: «Так где же обе мои дочери?» — она без промедления ответила: «Старшая отправилась за водой к источнику; младшая — искать “штаб”⁴».

Отец успокоился и не стал более настаивать.

¹ [Касба — возвышенная часть арабских городов, старинные кварталы с узкими улочками.]

² [Бурнус — плащ с капюшоном из плотной шерстяной материи.]

³ [Тара — вид плоского барабана, покрытого с одной стороны козьей или овечьей кожей.]

⁴ [Штаб — выносливый травянистый куст, растущий в пустыне, используемый для корма скота или для разведения костра.]

Вскоре дом наполнился соседями и друзьями, пришедшими поприветствовать вернувшегося хозяина. Все хотели видеть его и услышать из первых уст рассказ о его приключениях.

Мужчина любезно отвечал всем на расспросы, но мысли его были далеки отсюда. Он думал о своих дочерях и беспокоился, не застав их по возвращении.

Как только он вновь обратился с расспросами к своей жене, дверь открылась, и вошел сын султана. И он пришел поприветствовать хозяина дома, поскольку хорошо знал и уважал его. Пока они обменивались привычными для этих мест приветствиями, принц неосмотрительно коснулся рукой тары: в то же мгновение послышалось чудесное пение: «*Hday, hday, ya ould Sältan...!*»

«*Перестань, перестань, о сын султана!*»

Хозяину дома показалось, что он услышал эхо знакомого голоса, угворил принца одолжить ему тару. Немного поколебавшись, молодой человек протянул ее хозяину дома. В нетерпении вновь услышать нежный голос, взволновавший его, хозяин осторожно потер ладонью кожу, и грустный плач послышался снова:

«*Hday, hday, ya biyi!*»

«*Перестань, перестань, милый папочка!*»

Я на маленьких девочках хна

И я уже очень давно плачу!»

Так отец узнал, что его дочери мертвы, он посмотрел на свою жену, прочел опасение и весь ужас в ее глазах и понял, что она виновна. Однако он ничего не сказал.

Вечером на закате солнца, когда гости разошлись, мачеха решила выйти. Муж жестко остановил ее и оттолкнул к кровати:

«Оставайся здесь, женщина, я все понял».

Растерявшись, она попыталась умиловить его. Она бросилась к его ногам в слезах, умоляя пощадить ее, но муж, целиком поглощенный чувством мести, не поддался уговорам. Недрогнувшей рукой он перерезал мегере горло и расчленил тело на куски, сложив все в корзину шуари¹, тщательно спрятав внутри корзины голову, руки, ноги, груди. На следующий день, не говоря о содержимом корзины, он попросил одного из своих друзей отвезти шуари к родителям жены и не забыть передать им:

«На *salam n'esibkoum* — ваш зять приветствует вас».

¹ [Шуари — соединенные лямкой две большие корзины, которые грузят на ослов или мулов.]

Друг выполнил поручение, и тесть с тещей, удивленные, но обрадованные таким вниманием зятя, щедро благодарили его. Затем, как требует того обычай, они принялись раздавать куски мяса своим близким.

«Кусок бабушке...

Кусок — двоюродной сестре...

Другой кусок — тете...»

Корзины постепенно пустели, и вскоре появились зловещие остатки — голова, руки, ноги, груди. Ужаснувшись, родители узнали в них свою дочь.

Радость сменилась трауром, а ликование — печалью.

Те, кто только что радовались, закричали в безутешной скорби, с криками и женскими стенаниями собрали они погребальные куски. Они благоговейно омыли их, обернули саваном и погребли по своим обычаям.

Когда все было закончено, они отправились к зятю потребовать объяснений.

«*Vach ktalt tmout a malik l'mout*», — ответил он.

«Ангел смерти, ты умрешь такой же смертью, какой убил других».

И сурово добавил:

«Больше всего следует пожалеть меня, я убил вашу дочь, но она убила моих. Если вы недовольны, обратитесь к кади¹».

Тесть с тещей, пораженные вероломством и жестокостью своей дочери, не проронив более ни слова, покинули его дом и вернулись к себе.

Так заканчивается моя сказка.

---

¹ [Кади — мусульманский судья.]

APPENDIX

ЛИСТ ПАЦИЕНТОВ

Если псевдонимы пациентов не сопровождаются именем авторов, значит, данные наблюдения взяты из моей личной практики. В остальных случаях я указываю имя автора, кому обязан или у кого заимствовал данное наблюдение.

Алиса (Э. Бик)	218
Арман (Э. Мутен)	229
Гефсимани	199
Господин М. (М. де Мюзан)	120
Жанеттт	166
Жерар	222
Зенобия	243
Ирма (Э. Фрейд)	154
Мария	274
Марсий	176
Мэри (Э. Бик)	219
Натали	275
Ошибочная	196
Пандора	129
Полетт (Э. Мутен)	230
Родольф	211
Себастьяна	146
Фаншон (М. Энрикез)	233
Фрау Эмми фон Н. (Э. Фрейд)	154
Хуанито (анонимный коллега)	72
Эдгар (П. Федерн)	103
Элеонора (С. Детомб)	73

БИБЛИОГРАФИЯ

Настоящее издание составлено примерно из половины неизданных произведений и половины ранее опубликованных статей, в большей или меньшей степени подвергнувшихся здесь переработке, перекроенных и объединенных. Я благодарен издателям журналов, позволившим мне использовать полностью или частично мои статьи.

В первой части «Открытие», в гл. 2 («Четыре серии данных») и гл. 3 («Понятие «Я-кожа»), в дополненном виде использованы следующие тексты:

— моя основная статья «Я-кожа» (*Anzieu, D. Le Moi-peau. // Nouvelle revue de psychanalyse, 1974, n° 9, p. 195–208.*)

— «От частной мифологии к любому типу мазохизма» (*Anzieu, D. De la mythologie particulière à chaque type de masochisme. // Bulletin de L'Association Psychanalytique de France, juin 1968, n° 4, p. 84–91.*)

— «Кожа: от удовольствия к мышлению» (*Anzieu, D. La peau: du plaisir à la pensée. // Anzieu, D., Zazzo, R. et coll. L'attachement, Delachaux et Niestlé, 1974.*)

Вторая часть «Структура, функция, выход за пределы» содержит более или менее полное воспроизведение следующих текстов:

— «Некоторые прототипы Я-кожи у Фрейда» (*Anzieu, D. Quelques précurseurs du Moi-peau chez Freud. // Revue Française de Psychanalyse, 1981, XLV, n° 5, p. 1163–1185*): рассмотрена в гл. 6.

— «Актуальность Федерна» (*Anzieu, D. Actualidad de Federn. // Federn, P. La psicología del yo y las psicosis. Buenos-Aires: Amortortu, 1984*): рассмотрена и развита в гл. 6.

— «Функции Я-кожи» (*Anzieu, D. Fonctions du Moi-peau. // L'information psychiatrique, 1984, n° 8, p. 869–875*): пересмотрена и дополнена в гл. 7.

— «Чередование функций Я-кожи в перверсивном мазохизме» (*Anzieu, D. Altérations des fonctions du Moi-peau dans le masochisme pervers. // Revue de médecine psychosomatique, 1985, n° 2*): рассмотрена в гл. 7.

— Наблюдение за Пандорой (гл. 8) взято (с дополнениями) из «Респираторного обмена как первичного психического процесса. К психотерапии астматического симптома» (*Anzieu, D. L'échange respiratoire comme processus psychique primaire. A propos d'une psychothérapie d'un symptôme asthmatique. // Psychothérapies, 1982, n° 1, p. 3–8.*)

— «Механизм развенчания веры: о нарушениях в веровании в пограничных состояниях» (*Anzieu, D. Machine à décroire: sur un trouble de la croyance dans les états limites. // Nouvelle revue de psychanalyse., 1978, n° 18, p. 151–167*): эта статья была полностью переосмыслена и приведена в гл. 9.

Гл. 10 сочетает в себе три статьи:

— «Тело влечения» (*Anzieu, D. Le corps de la pulsion. // Actes du Colloque: La pulsion, pour quoi faire? Association Psychanalytique de France, 1984.*)

— «Двойной запрет прикосновения» (*Anzieu, D. Le double interdit du toucher. // Nouvelle revue de psychanalyse, 1984, n° 29, p. 173–187.*)

— «В глубине Самости, прикосновение» (*Anzieu, D. Au fond du Soi, le toucher. // Revue Française de Psychanalyse, 1984, n° 6, p. 1385–1398.*)

В третьей части «Основные конфигурации», в гл. 11 использована «Сонорная оболочка Самости» (*Anzieu, D. L'enveloppe sonore du Soi. // Nouvelle revue de psychanalyse., 1976, n° 13, p. 161–179.*)

Гл. 18 содержит отрывки из «Нормального эпидермиса и психической кожи» (*Anzieu, D. L'Épiderme nomade et la peau psychique. Apsygée, 1990.*)

Abraham, N. L'Écorce et le noyau. — Paris: Aubier-Montaigne, 1978.

Angelergues, R. Réflexions critiques sur la notion de schéma corporel. // Psychologie de la connaissance de soi: Actes du symposium de Paris (septembre 1973). — Paris: P. U. F., 1975.

Anzieu, A. Emboîtements. // Nouvelle revue de psychanalyse. — 1974. — n° 9. — P. 57–71.

Anzieu, A. De la chair au verbe. // Anzieu, D. et coll. Psychanalyse et langage. — 2e éd. — Paris: Dunod, 1978.

Anzieu, A. L'enveloppe hystérique. // Anzieu, D. et coll. Les enveloppes psychiques. — Dunod, 1987. — P. 114–137.

Anzieu, A. La femme sans qualité. Esquisse psychanalytique de la féminité. — Paris: Dunod, 1989.

Anzieu, D. Freud et la mythologie. // Nouvelle revue de psychanalyse. — 1970. — n° 1. — P. 114–145.

Anzieu, D. L'Auto-analyse de Freud. — 2 vol., nouv. éd. — Paris: P. U. F., 1975a.

Anzieu, D. Le Transfert paradoxal. // Nouvelle revue de psychanalyse. — 1975b. — n° 12. — P. 49–72.

- Anzieu, D. La Démarche de l'analyse transitionnelle en psychanalyse individuelle. // Kaës, R. et coll. Crise, rupture et dépassement. — Paris: Dunod, 1979.
- Anzieu, D. Du corps et du code mystiques et de leurs paradoxes. // Nouvelle revue de psychanalyse. — 1980a. — n° 22. — P. 159–177.
- Anzieu, D. Les Antinomies du narcissisme dans la création littéraire. // Guillaumin, J. Corps Création, Entre lettres et Psychanalyse. — 2e partie. — Ch. 1. — Lyon: Presses Univ. de Lyon, 1980b.
- Anzieu, D. Le Corps de l'œuvre. — Paris: Gallimard, 1981a.
- Anzieu, D. Le Groupe et l'inconscient. L'imaginaire groupal. — Nouv. éd. — Paris: Dunod, 1981b.
- Anzieu, D. Le Psychodrame en groupe large. // Kaës, R. et coll. Le travail psychanalytique dans les groupes. — Tome 2. Les Voies de l'élaboration. — Paris: Dunod, 1982a.
- Anzieu, D. Sur la confusion primaire de l'animé et de l'inanimé. Un cas de triple méprise. // Nouvelle revue de psychanalyse. — 1982b. — n° 25. — P. 215–222.
- Anzieu, D. Le Soi disjoint, une voix liante/l'écriture narrative de Samuel Beckett. // Nouvelle revue de psychanalyse. — 1983a. — n° 28. — P. 71–85.
- Anzieu, D. À la recherche d'une nouvelle définition clinique et théorique du contre-transfert. // Sztulman, H. et coll. Le Psychanalyste et son patient. — Toulouse: Privat, 1983b.
- Anzieu, D. La Peau de l'autre, marque du destin. // Nouvelle revue de psychanalyse. — 1984. — n° 30. — P. 55–68.
- Anzieu, D. Du fonctionnement psychique particulier à l'intellectuel. // Topique. — 1985. — n° 34. — P. 75–88.
- Anzieu, D. Les signifiants formels et le moi-peau. // Anzieu, D., Houzel, D. Les enveloppes psychiques. — Paris: Dunod, 1987. — P. 1–22.
- Anzieu, D. L'épidermie nomade et la peau psychiques. — Paris: Apsygée, 1990.
- Anzieu, D. La fonction contenant de la peau, du moi et de la pensée: conteneur, contenant, contenir. // Les contenants de pensée, sous la direction de D. Anzieu. — Paris: Dunod, 1993a. — P. 15–40.
- Anzieu, D. Samuel Beckett et le psychanalyste. — Lausanne: L'Aire, 1993b.
- Anzieu, D. Le Penser. — Paris: Dunod, 1994a.
- Anzieu, D. L'esprit l'inconscient. // Nouvelle revue de psychanalyse. — 1994b. — n° 48. — P. 149–162.
- Anzieu, D., Monjauze, M. Francis Bacon ou le portrait de l'homme désespéré. — Lausanne: L'Aire/Archambaud, 1993.

- Aulagnier, P.* (см. также *Castoriadis-Aulagnier*) *Les Destins du plaisir*. — Paris: P. U. F., 1979.
- Aulagnier, P.* (см. также *Castoriadis-Aulagnier*) *L'apprenti-historien et le maître sorcier*. — Paris: P. U. F., 1984.
- Atlan, H.* *Entre le cristal et la fumée. Essai sur l'organisation du vivant*. — Paris: Seuil, 1979.
- Balint, M.* (1965) *Amour primaire et technique psychanalytique*: tr. fr. — Paris: Payot, 1972.
- Balint, M.* (1968) *Le Défaut fondamental*: tr. fr. — Paris: Payot, 1971.
- Beauchesne, H.* *L'Épileptique*. — Paris: Dunod, 1980.
- Beller, I.* *La Sémiophonie*. — Paris: Maloine, 1973.
- Berenstein, L., Puget, J.* *Considérations sur la psychothérapie du couple: de l'engagement amoureux au reproche*. // Eigner, A. et coll. *La Thérapie psychanalytique du couple*. — Paris: Dunod, 1984.
- Bergeret, J.* *La Personnalité normale et pathologique*. — Paris: Dunod, 1974.
- Bergeret, J.* *La Dépression et les états limites*. — Paris: Payot, 1975.
- Bergeret, J.* *La Violence fondamentale*. — Paris: Dunod, 1984.
- Bettelheim, B.* (1954) *Les Blessures symboliques*: tr. fr. — Paris: Gallimard, 1971.
- Bettelheim, B.* (1967) *La Forteresse vide*: tr. fr. — Paris: Gallimard, 1970.
- Bick, E.* (1968) *L'Expérience de la peau dans les relations d'objet précoces*: tr. fr. // Meltzer, D. et coll. *Explorations dans le monde de l'autisme*. — 1975. — P. 240–244.
- Bion, W.R.* (1962) *Aux sources de l'expérience*: tr. fr. — Paris: P. U. F., 1979.
- Bion, W.R.* (1963) *Éléments de psychanalyse*: tr. fr. — Paris: P. U. F., 1979.
- Bion, W.R.* (1967) *Réflexion faite*: tr. fr. — Paris: P. U. F., 1982.
- Biven, B.M.* *The role of skin in normal and abnormal development with a note on the poet Sylvia Plath*. // *International Review of Psychoanalysis*. — 1982. — Vol. 9. — P. 205–228.
- Bleger, J.* (1966) *Psychanalyse du cadre psychanalytique*: tr. fr. // Kaës, R. et coll. *Crise, rupture et dépassement*. — Paris: Dunod, 1979.
- Bonnet, G.* *Voir-Être vu*. — 2 vol. — Paris: P. U. F., 1981.
- Bonnet, G.* *De l'interdit du toucher à l'interdit de voir*. // *Psychanalyse à l'Université*. — 1985. — 10. — n° 37. — P. 111–119.
- Botella, C. et S.* *La problématique de la régression formelle de la pensée et de l'hallucinatoire*. // *La psychanalyse: questions pour demain. Monographies de la Revue française de psychanalyse*. — Paris: P. U. F., 1990. — P. 63–90.

- Boulery, L. Martin, A., Puaud, A.* Des enfants sourds-aveugles... et des grottes. // L'Évolution Psychiatrique. — 1981. — 46. — n° 4. — P. 873–892.
- Bourguignon, O.* Mort des enfants et structures familiales. — Paris: P. U. F., 1984.
- Bowlby, J.* The nature of the child's tie to mother. // International Journal of Psychoanalysis. — 1958. — Vol. 39. — P. 350–373.
- Bowlby, J.* L'Éthologie et l'évolution des relations objectales: tr. fr. // Revue Française de Psychanalyse. — 1961. — 24. — n° 4, 5, 6. — P. 623–631.
- Bowlby, J.* (1969) Attachement et perte. Tome 1. L'Attachement: tr. fr. — Paris: P. U. F., 1978.
- Bowlby, J.* (1973) Attachement et perte. Tome 2. La Séparation: tr. fr. — Paris: P. U. F., 1978.
- Bowlby, J.* (1975) Attachement et perte. Tome 3. La perte, tristesse et dépression: tr. fr. — Paris: P. U. F., 1982.
- Brazelton, T.B.* (1981) Le Bébé: partenaire dans l'interaction: tr. fr. // Brazelton, T. et coll. La Dynamique du nourrisson. — Paris: E. S. F., 1982. — P. 11–27. Эта статья содержит подробную библиографию публикаций Бразелтона на английском языке.
- Cachard, C.* Enveloppes de corps, membranes de rêve. // L'Évolution Psychiatrique. — 1981. — 46. — n° 4. — P. 847–856.
- Castoriadis-Aulagnier, P.* La Violence de l'interprétation. — Paris: P. U. F., 1975.
- Chauvin, R. et coll.* Modèles animaux du comportement humain. — Paris: Éditions du C. N. R. S., 1970.
- Chiva, M.* Le Doux et l'amer. — Paris: P. U. F., 1984.
- Ciccone, A., Lhopital, M.* Naissance à la vie psychique. — Paris: Dunod, 1991.
- Corraze, J.* De l'hystérie aux pathomimies. — Paris: Dunod, 1976.
- Denis, P.* Emprise et théorie des pulsions. // Revue française de psychanalyse. — 1992. — Tome 41. — P. 1297–1421.
- Dorey, R.* Le désir d'emprise. // Revue française de psychanalyse. — 1992. — Tome 41. — P. 1423–1432.
- Doron, J.* Les modifications de l'enveloppe psychique dans le travail créateur. // Anzieu, D. et coll. Les enveloppes psychiques. — Paris: Dunod, 1987. — P. 181–198.
- Duyckaerts, F.* L'Objet d'attachement: médiateur entre l'enfant et le milieu. // Milieu et développement. Actes du symposium de Lille (septembre 1970). — Paris: P. U. F., 1972.
- Enriquez, M.* Aux carrefours de la haine. — Paris: L'Épi, 1984.
- Federn, P.* (1952) La Psychologie du Moi et les psychoses: tr. fr. — Paris: P. U. F., 1979.

- Fischer, S., Cleveland, S.E.* Body images and personality. — Princeton, N. J.: Van Nostrand, 1958.
- Frazer, J.G.* (1890–1915) Le Rameau d'or: tr. fr., réduite en 4 vol. — Paris: R. Laffont, 1981–1984.
- Freud, S.* (1887–1902) La Naissance de la psychanalyse. Lettres à Wilhelm Fliess; notes et plans (édition orig. all. 1950): tr. fr. — Paris: P. U. F., 1956.
- Freud, S.* (1891b) Contribution à la conception des aphasies: tr. fr. — Paris: P. U. F., 1983.
- Freud, S.* (1950c [1895]) Esquisse d'une psychologie scientifique: tr. fr. // Freud, S. La Naissance de la psychanalyse. — Paris: P. U. F., 1956.
- Freud, S.* (1895d) (avec Breuer, J.) Études sur l'hystérie: tr. fr. — Paris: P. U. F., 1955.
- Freud, S.* (1900a) L'Interprétation des rêves: nouv. tr. fr. — Paris: P. U. F., 1967.
- Freud, S.* (1905d) Trois essais sur la théorie de la sexualité: nouv. tr. fr. — Paris: Gallimard, 1968.
- Freud, S.* (1914c) Pour introduire le narcissisme: tr. fr. // Freud, S. La Vie sexuelle. — Paris: P. U. F., 1969.
- Freud, S.* (1915e) L'inconscient: nouv. tr. fr. // Freud, S. Métapsychologie. — Paris: Gallimard, 1968.
- Freud, S.* (1919h) L'Inquiétante étrangeté: tr. fr. // Freud, S. Essais de Psychanalyse appliquée. — Paris: Gallimard, 1933.
- Freud, S.* (1920g) Au-delà du principe du plaisir: nouv. tr. fr. // Freud, S. Essais de Psychanalyse. — Paris: Payot, 1981.
- Freud, S.* (1923b) Le Moi et le Ça: nouv. tr. fr. // Freud, S. Essais de Psychanalyse. — Paris: Payot, 1981.
- Freud, S.* (1925a) Notice sur le bloc magique: tr. fr. // Revue Française de Psychanalyse. — 1981. — 45. — n° 5. — P. 1107–1110.
- Freud, S.* (1933a [1932]) Nouvelles conférences d'introduction à la psychanalyse: nouv. tr. fr. — Paris: Gallimard, 1984.
- Gantheret, F.* Incertitudes d'Éros. — Paris: Gallimard, 1984.
- Geissmann, P., Geissmann, C.* L'Enfant et sa psychose. — Paris: Dunod, 1984.
- Gendrot, J.A., Racamier, P.C.* Fonction respiratoire et oralité. // L'Évolution Psychiatrique. — 1951. — 16. — n° 3. — P. 457–478.
- Gibello, B.* L'Enfant à l'intelligence troublée. — Paris: Le Centurion, 1984.
- Gori, R.* Wolfson ou la parole comme objet. // Mouvement Psychiatrique. — 1972. — n° 3. — P. 19–27.
- Gori, R.* Les Murailles sonores. // L'Évolution Psychiatrique. — 1975. — n° 4. — P. 779–803.

- Gori, R. Essai sur le savoir préalable dans les groupes de formation. // Kaës, R. et coll. Désir de former et formation du savoir. — Paris: Dunod, 1976.
- Gori, R., Thaon, M. Plaidoyer pour une critique littéraire psychanalytique. // Connexions. — 1976. — n° 15. — P. 69–86.
- Grand, S. The body and its boundaries: a psychoanalytic study of cognitive process disturbances in schizophrenia. // International Review of Psycho-Analysis. — 1982. — Vol. 9. — P. 327–342.
- Graves, R. (1958) Les Mythes grecs: tr. fr. — Paris: Fayard, 1967.
- Green, A. Narcissisme de vie, narcissisme de mort. — Paris: Éditions de Minuit, 1984.
- Green, A. La folie privée, psychanalyse des cas limites. — Paris: Gallimard, 1990.
- Green, A. Le travail du négatif. — Paris: Éditions de Minuit, 1993.
- Grotstein, J.S. Splitting and projective identification. — New York: Londres, Jason Aronson, 1981.
- Grunberger, B. Le Narcissisme. — Paris: Payot, 1971.
- Guillaumin, J. Le Rêve et le Moi. — Paris: P. U. F., 1979.
- Guillaumin, J. La Peau du centaure, ou le retournement projectif de l'intérieur du corps dans la création littéraire. // Guillaumin, J. et coll. Corps Création. Entre Lettres et Psychanalyse. — 2e partie, ch. 7. — Lyon: Presses universitaires de Lyon, 1980.
- Harlow, H.F. The nature of love. // American Psychologist. — 1958. — Vol. 13. — P. 673–685.
- Jerbinet, E., Busnel, M.L. et coll. L'Aube des sens. Les Cahiers du nouveau-né. — n° 5. — Paris: Stock, 1981.
- Hermann, I. (1930) L'Instinct filial: tr. fr. — Paris: Denoël, 1973.
- Herren, H. La Voix dans le développement psychosomatique de l'enfant. / Journal Français d'Oto-Rhino-Laryngologie. — 1971. — 20. — n° 2. — P. 429–435.
- Houzel, D. L'Évolution du concept d'espace psychique dans l'œuvre de Mélanie Klein et de ses successeurs. // Mélanie Klein aujourd'hui (coll.). — Lyon: Éditions Césura, 1985a.
- Houzel, D. Le Monde tourbillonnaire de l'autisme. // Lieux de l'enfance. — 1985b — n° 3. — P. 169–183.
- Houzel, D. Le concept d'enveloppe psychique. // Anzieu, D. et coll. Les enveloppes psychiques. — Paris: Dunod, 1987. — P. 23–54.
- Houzel, D. Pensée et stabilité structurelle. // Revue internationale de psychopathologie. — 1990. — 3. — P. 97–122.

- Imberty, M.* Les Écritures du temps. Sémantique psychologique de la musique. — Tome 2. — Paris: Dunod, 1981.
- Kaës, R.* L'Appareil psychique groupai, — Paris: Dunod, 1976.
- Kaës, R.* Introduction à l'analyse transitionnelle. // Kaës, R. et coll. Crise, rupture et dépassement. — Paris: Dunod, 1979a.
- Kaës, R.* Trois repères théoriques pour le travail psychanalytique groupal: l'étayage multiple, l'appareil psychique groupai, la transitionnalité. // Perspectives Psychiatrique. — 1979b. — n° 71. — P. 145–157.
- Kaës, R.* (1982) La catégorie de l'intermédiaire chez Freud; un concept pour la psychanalyse? (inédit).
- Kaës, R.* Identification multiple, personne conglomérat, Moi groupai. Aspects de la pensée freudienne sur les groupes internes. // Bulletin de Psychologie. — 1983. — 37. — n° 363. — P. 113–120.
- Kaës, R.* Étayage et structuration du psychisme. // Connexions. — 1984. — n° 44. — P. 11–46.
- Kaës, R. et coll.* Crise, rupture et dépassement. — Paris: Dunod, 1979.
- Kafka, F.* (1914–1919) La Colonie pénitentiaire: tr. fr. // Kafka, F. Œuvres complètes. — Tome 2. — Paris: Gallimard, 1980.
- Kaufman, I.C.* (1961) Quelques implications théoriques tirées de l'étude du fonctionnement des animaux et pouvant faciliter la conception de l'instinct, de l'énergie et de la pulsion. // Revue Française de Psychanalyse. — 24. — nos 4, 5, 6. — P. 633–649.
- Kernberg, O.* (1975). Borderline conditions and pathological narcissism: tr. fr. — Tome 1. Les Troubles limites de la personnalité, 1979; Tome 2, Les Personnalités narcissiques. — Toulouse: Privat, 1981.
- Klein, M.* (1948) Essais de psychanalyse: tr. fr. — Paris: Payot, 1968.
- Kohut, H.* (1971) Le Soi. La psychanalyse des transferts narcissiques: tr. fr. — Paris: P. U. F., 1974.
- Lacombe, P.* Du rôle de la peau dans l'attachement mère-enfant. // Revue Française de Psychanalyse. — 1959 — 23. — n° 1. — P. 82–102.
- Laplanche, J.* Vie et mort en psychanalyse. — Paris: Flammarion, 1970.
- Laplanche, J., Pontalis, J.B.* Vocabulaire de la psychanalyse. — Paris: P. U. F., 1968.
- Lecourt, E.* L'enveloppe musicale. // Anzieu, D. et coll. Les enveloppes psychiques. — Paris: Dunod, 1987. — P. 199–222.
- Lewin, B.D.* Le sommeil, la bouche et l'écran du rêve: tr. fr. // Nouvelle revue de psychanalyse. — 1972. — 5. — P. 211–224.

- Loisy, D. de.* Enveloppes pathologiques, enveloppements thérapeutiques (le packing, thérapie somato-psychique). // L'Évolution Psychiatrique. — 1981. — 46. — n° 4. — P. 857–872.
- Lorenz, K.Z.* (1949) Il parlait avec les mammifères, les oiseaux et les poissons: tr. fr. — Paris: Flammarion, 1968.
- Luquet, P.* Les Identifications précoces dans la structuration et la restructuration du Moi. // Revue Française de Psychanalyse. — 1962. — 26. — n° spécial. — P. 197–301.
- Mac Dougall, J.* Plaidoyer pour une certaine anormalité. — Paris: Gallimard, 1978.
- Marcelli, D.* La position autistique. Hypothèses psychopathologiques et ontogénétiques. // Psychiatrie de l'enfant. — 1983. — 24. — n° 1. — P. 5–55.
- Masud, Khan.* (1974a) Le Soi caché: tr. fr. — Paris: Gallimard, 1976.
- Masud, Khan.* La Rancune de l'hystérique. // Nouvelle revue de psychanalyse. — 1974b. — n° 10. — P. 151–158.
- Meltzer, D. et coll.* (1975) Explorations dans le monde de l'autisme: tr. fr. — Paris: Payot, 1980.
- Missenard, A.* Narcissisme et rupture. // Kaës, R. et coll. Crise, rupture et dépassement. — Paris: Dunod, 1979.
- Montagu, A.* (1971) La Peau et le toucher: tr. fr. — Paris: Seuil, 1979.
- M'Uzan, M. de.* Un cas de masochisme pervers. // La Sexualité perverse. — Paris: Payot, 1972; repris in: De l'art à la mort. — Paris: Gallimard, 1977.
- Nassif, J.* Freud, l'inconscient. — Paris: Galilée, 1977.
- Oleron, P.* L'Acquisition du langage. // Traité de Psychologie de l'enfant. — Tome 6. — Paris: P. U. F., 1976.
- Pasche, F.* Le Bouclier de Persée. // Revue Française de Psychanalyse. — 1971. — 35. — n°s 5–6. — P. 859–870.
- Pinol-Douriez, M.* Les Fondements de la sémiotique spatiale chez l'enfant. // Nouvelle revue de psychanalyse. — 1974. — n° 9. — P. 171–194.
- Pinol-Douriez, M.* Bébé agi, bébé actif. — Paris: P. U. F., 1984.
- Pomey-Rey, D.* Pour mourir guérie. // Cutis. — 1979. — 3. — 2 février. — P. 151–157.
- Pontalis, J.B.* Entre le rêve et la douleur. — Paris: Gallimard, 1977.
- Ribble, M.* Infantile experiences in relation to personality development. // (Ed.) J. McV. Hunt. Personality and the behavior disorders. — Tome 2. — New York: Ronald Press. — 1944.
- Rosolato, G.* Essais sur le symbolique. — Paris: Gallimard, 1969.

- Rosolato, G.* La Relation d'inconnu. — Paris: Gallimard, 1978.
- Rosolato, G.* Le signifiant de démarcation et la communication non verbale. // Art et fantasme. — Paris: Champ Vallon. — 1984. — P. 165–183.
- Roussillon, R.* Paradoxes et situations limites de la psychanalyse. — Paris: P. U. F., 1991.
- Ruffiot, A.* Le groupe-famille en analyse. L'appareil psychique familial. // *Ruffiot, A. et coll.* La Thérapie familiale psychanalytique. — Paris: Dunod, 1981.
- Sami-Ali, M.* Étude de l'image du corps dans l'urticaire. // Revue Française de Psychanalyse. — 1969. — 33. — n° 2. — P. 201–242.
- Sami-Ali, M.* L'Espace imaginaire. — Paris: Gallimard, 1974.
- Sami-Ali, M.* Corps réel, corps imaginaire. — Paris: Dunod, 1977.
- Sami-Ali, M.* Le Visuel et le tactile. Essai sur l'allergie et la psychose. — Paris: Dunod, 1984.
- Sami-Ali, M.* Le corps, l'espace et le temps. — Paris: Dunod, 1990.
- Searles, H.* (1965) L'Effort pour rendre l'autre fou: tr. fr. — Paris: Gallimard, 1977.
- Searles, H.* (1979) Le Contre-transfert: tr. fr. — Paris: Gallimard, 1981.
- Schilder, P.* (1950) L'Image du corps: tr. fr. — Paris: Gallimard, 1968.
- Segal, H.* (1957) Notes sur la formation du symbole: tr. fr. // Revue Française de Psychanalyse. — 1970. — 34. — n° 4. — P. 685–696.
- Soulé, M.* L'Enfant qui venait du froid: mécanismes défensifs et processus pathogènes chez la mère de l'enfant autiste. // Le Devenir de la psychose de l'enfant. — Paris: P. U. F., 1978. — P. 179–212.
- Spitz, R.* (1965) De la naissance à la parole. La première année de la vie: tr. fr. — Paris: P. U. F., 1968.
- Sterne, D.* L'enveloppe pré-narrative. IVe Colloque de Monaco, 1992. // Journal de la psychanalyse de l'enfant. — 1993. — n° 14. — P. 13–65.
- Tausk, V.* (1919) De la genèse de «l'appareil à influencer» au cours de la schizophrénie: tr. fr. // Œuvres psychanalytiques. — Paris: Payot, 1976.
- Thom, R.* Stabilité structurelle et morphogénèse. Essai d'une théorie générale des modèles. — New York: Benjamin, 1972.
- Tinbergen, N.* (1951) L'Étude de l'instinct: tr. fr. — Paris: Payot, 1971.
- Thevoz, M.* Le Corps peint. — Genève: SKIRA, 1984.
- Tristani, J.L.* Le Stade du respir — Paris: Éd. de Minuit, 1978.
- Turquet, P.M.* Menaces à l'identité personnelle dans le groupe large. // Bulletin de Psychologie. — 1974. — n° spécial «Groupes: Psychologie sociale et psychanalyse». — P. 135–158.

- Tustin, F.* (1972) *Autisme et psychose de l'enfant*: tr. fr. — Paris: Seuil, 1977.
- Tustin, F.* *Austistic states in children*. — London: Routledge and Kegan, 1981.
- Vincent, F.* *Réflexions sur le tégument des Primates*. // *Annales de la Faculté des sciences du Cameroun*. — 1972. — n° 10. — P. 143–146.
- Wiener, P.* *Structure et processus dans la psychose*. — Paris: P. U. F., 1983.
- Winnicott, D.* (1951) *Objets transitionnels et phénomènes transitionnels*: tr. fr. // *Winnicott, D. Jeu et réalité*. — Ch. 1. — Paris: Gallimard, 1975.
- Winnicott, D.* (1958) *La Capacité d'être seul*: tr. fr. // *Winnicott, D. De la pédiatrie à la psychanalyse*. — Ch. 16. — Paris: Payot, 1969.
- Winnicott, D.* (1962a) *L'Intégration du Moi au cours du développement de l'enfant*: tr. fr. // *Winnicott, D. Processus de maturation chez l'enfant*. — Ch. 1. — Paris: Payot, 1970.
- Winnicott, D.* (1962b) *L'Enfant en bonne santé et l'enfant en période de crise. Quelques propos sur les soins requis*: tr. fr. // *Winnicott, D. Processus de maturation chez l'enfant*. — Paris: Payot, 1970.
- Winnicott, D.* *Les Aspects positifs et négatifs de la maladie psychosomatique*: tr. fr. // *Revue de Médecine psychosomatique*. — 1969. — 11. — n° 2. — P. 205–216.
- Winnicott, D.* (1971) *Le Rôle du miroir de la mère et de la famille dans le développement de l'enfant*: tr. fr. // *Winnicott, D. Jeu et réalité*. — Ch. 9. — Paris: Gallimard, 1975.
- Zazzo, R.* *L'Attachement. Une nouvelle théorie sur les origines de l'affectivité*. // *L'Orientation scolaire et professionnell*. — 1972. — P. 101–128.
- Zazzo, R.* (en collab.) *L'Attachement*. — Neuchâtel: Delachaux et Niestlé, 1974.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрахам, Н. 11; 12; 27; 242; 243
Амбургер, Ж. 117
Анжелерг, Р. 37
Анзье, А. 13; 143–144; 243; 251; 268; 269
Атлан, А. 7
Ахуриагуэрра, Ж д' 63
Балинг, А. и М. 27; 42
Бальзак, О. де 59
Баттерфельд 183
Бекетт, С. 111
Беллер, И. 187
Беренштейн, И. 65–66
Бержере, Ж. 66; 135; 207
Берреттини 24
Беттельхейм, Б. 116
Бивен, Б.Д. 22–24
Бидлоу 24
Бик, Э. 43; 114; 217–220; 221; 258; 260; 268
Бион, У.Р. XXI; XXII; XXVII; 8; 27; 28; 43; 44; 70; 83; 84; 93; 97; 110; 111; 112; 130; 146; 148; 175; 188; 205; 217; 247; 265; 269
Бирч 187
Блегер, Ж. 14
Бонне, Ж. 152; 159
Бор, Н. 262
Борхес, Х.-Л. 139; 240
Боулби, Дж. XIII; XXIV; 15; 26; 27–30; 34; 42; 134; 184
Бошен, Э. 116
Бразелтон, Т.Б. 61–63; 67; 69; 277
Брейер, Й. 80; 153
Бриджман, Л. 23
Буве 156
Бургиньон, О. 226
Бэкон, Ф. 109
Валери, П. 67
Валлон, А. 35; 44; 184
Вальдеер, В. 83
Ван дер Шпигель 24
Варлей, Дж. 167–170
Видлехер, Д. XV; 15
Вик д'Ази, Ф. 24
Винер, П. 118
Винникотт, Д.В. XIX; XXII; 8; 26; 30–31; 35; 42; 66; 69; 92; 108; 116; 117; 145–146; 176; 179; 188; 194; 242; 277
Винсент, М. 78
Винсент, Ф. 19; 119
Вудбери 123
Вульф 182
Гантере, Ф. 10
Гарма, А. 256
Гегель, Г. 170
Герен, К. 275
Гибелло, Б. 156; 265
Гийомен, Ж. XVI; 60; 237; 256
Гори, Р. 192; 220

- Грав, Р. 53; 55
Грациански де 39
Грин, А. XVII; XXVII; 130; 238; 270
Гротштейн, Дж.С. 110–111
Грэнд, С. 172
Грюнбергер, Б. 43
Дебрю, К. 256
Дежур, К. 256
Дени, П. 15
Джексон, Х. 78; 106
Дидро, Д. 157
Доре, Р. 15
Дорон, Дж. 266; 267
Доссе, Ж. 117
Дурье-Пиноль, М. 30
Дюикарт, Ф. 33
Дюпарк, Ф. XVII
Дяткин, Г. 78
Жандро, Ж.-А. 127
Жуве, М. 256
Заззо, Р. 33
Захер-Мазох 48; 58; 60
Иоанн св. 159; 160
Исаковер, О. 253
Каес, Р. IV; XX; XXVIII; 6; 10; 44; 81; 112; 226; 269
Касарес, Б. 139–140; 146
Каспи, Р. 134
Касториадис-Оланье, П. 66; 67; 116; 227; 232
Кауфман, И. 29
Кафка, Ф. 116; 272
Каффи 183
Кашар, К. 124
Келлер, Х. 23
Кернберг, О. 135–136
Клейн, Ж. 192
Кливленд, С. 36
Кляйн, М. 8; 26; 27; 42; 43; 44; 164; 217
Консоли, С. 51
Корраце, Ж. 38
Корреджо 158
Кохут, Х. 8; 9; 135–136; 175
Ксенакис 190
Кэрролл, Л. 264
Лавалле, Г. XXVI; XXVII; XXVIII; XXIX
Лагаш, Д. XVI
Лакан, Ж. XIII; XIX; 8; 123; 138; 176
Лапланш, Ж. XVIII; XX; XXV; 25; 106
Леви, А. 198
Левин, Б.Д. 253
Леви-Стросс, К. 276
Лёкур, Э. XXIX; XXX; 186
Ли 187
Лопиталь, М. 260
Лоренц, К. 26–27
Луази, Д. де 124
Лука св. 159; 161; 199
Люке, Р. 46; 171
Малер, М. 72
Малларме, С. 196
Марк св. 159; 161
Марти, П. XXXIII
Мартине, А. 183
Матфей св. 158
Мельцер, Д. 43; 71; 114; 233; 263
Месмер, Ф.А. 152
Мирбо, О. 56
Миссенар, А. 145
Монтагью, Э. 21–22
Мопра дю Шатёлье, А. 110
Моффит 183
Мутен, Э. 228–230
М'Юэан, М. де 120; 122
Нассиф, Ж. 78

- Натан, Т. 276
Олерон, П. 181
Омбредан, А. 182
Паласи, Ж. 135
Паскаль, Б. 109
Паш, Ф. 108; 116
Перро, Ш. 58; 204
Пето, Ж.-М. 84
Пинопль-Дурье, М. 62
Плат, С. 22–24
Помэ-Рей, Д. 40
Понталис, Ж.-Б. 25; 225
Пюже, Ж. 66
Райх, В. 114; 218
Ракамье, П.-К. 127
Реммелини 24
Риббл, М. 127
Роб-Грийе, А. 253
Розолато, Г. XIV; XVII; XVIII; XXII;
XXVIII; XXXI; 8; 216; 265
Рустанг, Ф. 128
Сами-Али, М. 43; 109; 191; 242; 266
Серр, М. 190
Сирлэ, Г. 69
Скотт, К. 127
Софокл 157
Суле, М. 63; 277
Таон, М. 220
Тарраб, Ж. XV
Тастин, Ф. 43; 113; 271
Тауск, В. 45; 97–98
Тевоз, М. 17
Тинберген, Н. 26
Тиссерон, С. XIX; XXXII–XXXIV; 24
Том, Р. 11; 98; 266
Томатис, А. 187
Тристанни, Ж.-Л. 128
Тюрке, П.-М. 34–35
Уайт, К. 267
Узэль, Д. 43; 71; 118; 277
Федерн, П. XXI; 37; 45; 96–105; 253
Фенихель, О. 127
Фишер, С. 36–37
Флисс, В. 81; 82; 87; 96; 154; 238
Фрейд, А. 26; 27
Фрейд, Э. XVIII; XX; XXI; XXII;
XXIII; XXIV; XXV; XXVI; 7; 8; 9;
13; 14; 15; 19; 25; 26; 41; 44; 47; 60;
66; 68; 69; 77–96; 97; 98; 99; 100;
106; 107; 113; 117; 119; 128; 151; 152–
157; 160; 163; 164; 185–186; 205;
221; 225; 238–243; 255; 256; 258;
259–260; 261; 263; 269; 272; 273
Фрээр, Ж.-Г. 53; 55
Хан, М. 240; 252
Харлоу, Г.Ф. XIII; 28–29; 32; 34; 42
Херманн, И. 15; 27; 107
Херрен, Х. 181
Холл, Э. 267
Чикконе, А. 260
Шабер, К. 264
Шарко, Ж.-М. 153
Шварцхоглер, Р. 24
Шекли, Р. 220–222
Шекспир, У. 157
Шеррингтон, Ч. 83
Шива, М. 64
Шилдер, П. 25; 97; 99
Шнайдер, М. XXX
Шовэн, Р. 33
Шпиц, Р. 26; 27; 39; 42; 117; 163; 201
Шульц 41
Энрикез, М. XXX–XXXII; 231–236;
269

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агрессивность 33; 38; 74; 112; 113; 162;
200; 203; 204; 207; 208; 210; 218;
220; 228; 250
- Аллергическая структура 118; 272
- Аппарат
влияния 45–46; 98; 113
мыслительный XXI; 43; 70; 72; 74;
93; 247; 263; 265
психический XXI; XXIII; 7; 14;
23; 26; 40; 43; 45; 77; 78; 80–82;
88; 89; 90; 91; 93; 94; 95; 96; 98;
106; 112; 116; 117; 118; 119; 120; 137;
141–142; 148; 151; 152; 162; 172; 176;
185; 220; 225; 238; 239; 240; 241;
243; 247; 258; 259; 261; 263; 264;
265; 266; 267; 278
- Аутоиммунный 117
- Барьер контактный XXI; XXVIII; 69;
77; 80; 81; 82–89; 116; 225
- Барьерность 36
- Беспомощность первородная 56; 66;
89; 107; 277
- Библия 23; 159
- Влечение XVI; XVIII; XX; XXI;
XXIII–XXIV; XXV; XXVI; 10;
14–15; 36; 42; 49; 74; 89; 95; 99;
101; 108; 112; 123; 125; 147; 162; 185;
189; 195; 196; 204; 205; 208; 215;
237; 239; 240; 243; 244; 251; 256;
261; 262; 263; 265; 267; 268; 269;
270; 273; 274; 276
агрессивное/к деструкции XXIV;
162; 204; 207; 215; 251
- к жизни/либидинозное/
сексуальное XX; XXIII; XXIV;
XXV; 14; 19; 30; 42; 46; 58; 60; 106;
110; 117; 122; 128; 130; 184; 189; 215;
224; 251; 258
к контейнеризации 112
к овладению 15; 156
оральное 28; 30; 184
к отцеубийству 131
к отчуждению 38; 165
привязанности/цепляния XXIII;
XXIV; 15; 19; 27; 28; 30; 34; 35; 38;
42; 46; 107; 110; 117; 165; 184; 195;
220; 250; 275
к самодеструкции/к смерти XXIII;
XXIV; 14; 119; 122; 189; 256; 258;
275
самосохранения XX; XXIII; XXIV;
14; 15; 128
скоптофилическое 156
эпистемофилическое 156
- Внутри/извне XXIX; 42; 118; 138; 237;
264
- Возбуждение/информация
(обозначение) 49–50; 203; 261–
263; 265; 268–271; 273
- Время 96; 100–101; 175
- Горизонтальность/вертикальность
55–56; 109; 265; 276; 277
- Дилемма жизненная 128; 132
- Дифференциация XXVIII; 7; 10; 31;
38; 68; 96; 98; 100; 136; 145; 192;
225–226; 264; 265; 270

- Живопись** 23
- Жуткое/необычное/странное** 114;
140–141; 188; 272
- Записывание** XIV; XXI; XXVI; 13; 46;
61; 89; 95; 96; 108; 116; 122; 170; 171;
220; 226; 236; 238; 242; 254; 255;
261; 263; 267; 269; 271; 272–273
- Запрет/запрещение** 162; 163–164; 165; 166
видеть 156
прикосновения XIX; 14; 39; 40; 71;
108; 114; гл. 10; 216; 223; 263
эдипов 14; 157; 161; 162; 163; 164;
170; 171
- Защита от раздражителей** XIV; XXI;
XXVIII; XXXI; 12; 13; 19; 39; 50;
56–57; 71; 86–88; 95; 111; 113–114;
121; 143; 147; 150; 190; 194; 195;
203; 219; 220; 226; 229; 237; 241;
242; 244; 247; 250; 252; 254; 255;
260; 261; 262; 267; 268; 269; 271;
273; 276
- Идол** 141; 142
- Иллюзия близнецовая** 65
- Иллюзия групповая** 33; 99; 124; 142; 143
- Импринтинг** 27
- Инвагинация** 12
- Индивидуация** XIV; XVII; 114; 121; 267
- Интерсенсорность** см. Чувство общее
- Интерфейс** XVI; 11; 42; 46; 48; 51; 66;
69; 70; 91; 98; 118; 138; 143; 149; 163;
175; 237; 244; 250; 259; 261; 262
- Инцест** 32; 54; 58; 155; 162; 164; 166;
170; 210; 249
- Кататония** 195
- Кожа**
вторая 43; 67; 69; 114; 121; 137; 140;
гл. 15; 261; 268
общая XX; XXVIII; XXXI; 48–51;
66; 69; 70; 71; 110; 138; 164; 165; 195;
203; 231; 234–235; 265; 274
слов 229–230; 231
- Кожа-дуршлаг** 69; 74; 112; 113; 120; 204
- Кожа-защита/кожа-опасность** 50–51;
54; 59; 70
- Компетентность младенца** 65; 268
- Консенсуальность** см. Чувство общее
- Контейнирование** XXXIII; 7; 14; 42; 56;
93; 112–113; 121; 140; 148; 204; 217;
219; 223; 226; 260–261; 265; 276
- Контенант/контейнер** 44; 112; 269; 272
- Контрперенос** 179; 200; 202; 205–206;
209; 210; 223; 245
- Крик** 182; 185; 186
- Мазохизм** 24; 46–51; 71; 196; 120–123; 232
- Метонимия** XVIII; XIX; 42; 258
- Мешок** 46; 73–74; 108; 111; 118; 219;
221; 236; 258; 270; 272; 276
- Мистика** 99; 124
- Нарциссизм** 9–10; 34; 46–51; 70; 71;
гл. 9; 156–157; 188–189; 190; 195;
214–216; 232; 250; 265
- Невроз переноса** 157; 200; 201; 209
- Нормальная Я-кожа** 137
- Оболочка** XX–XXXIV; 11–13; 23; 45;
50; 57; 63; 67; 69; 86; 91; 92; 95; 96;
137–138; 139; 203–204; гл. 18
аутистическая 70; 113; 271
визуальная/тактильная 108; 242; 262
возбуждения 250–252
воображаемая индивидуализи-
рующая 277
жилище 277
истерическая 268–269
контроля 63
материнская 277
маточная 276–277
нарциссическая 277
охраняющая 277
перверсная 271
переходная 277
сонорная/тактильная 54; 58; 59;
112; 157; гл. 11; 236; 242

- Образ тела 25; 36; 37; 96; 99; 113; 178;
 186; 238; 242; 244; 253; 264
- Обратная связь 18; 62–64; 67; 69–70;
 172; 184; 187
- Одежда 220
- Означающее формальное XVII; XXII;
 XXV; XXXI; XXXII; 265; 274–276
- Оплот сексуального возбуждения
 XIV; 115; 121; 267
- Память XXX–XXXII; 81; 88–89;
 96; 112
- Парадоксальность 20; 50; 118–119;
 148; 189; 196–198; 204; 211; 213;
 214; 232; 262; 266; 268; 272; 277
- Патомимия 38
- Перезарядка либидиозная XIV; 64;
 116; 121; 150; 267
- Перенос 14; 111; 131; 133; 148; 149; 150;
 153; 172; 181; 188; 192; 201; 205; 208;
 211; 214; 223; 235; 243; 244; 263
 зеркальный 8; 136; 245; 246
 идеализирующий 136; 215
 контейнера 275
 негативный XXX; 208
 парадоксальный 119; 196; 197; 198
 позитивный 197; 200
 эдипов 215
- Пограничное состояние XVI; XVIII;
 9; 10; 28; 96; гл. 9; 156; 206; 215;
 231–232; 262; 267; 273
- Поддержка XIV; 72; 108–111; 150; 172;
 218; 226; 256; 265; 266; 267; 268
- Представление
 предметное XXXIV; 78–79; 91;
 108; 185; 239; 243; 265; 274
 словесное XXXIV; 78–80; 82; 86;
 108; 185; 239; 265; 274
- Пред-Я телесное 65; 127; 263
- Привязанность XXIII; XXIV; XXV;
 15; 19; 27; 28; 29; 30; 32; 33; 34; 35;
 38; 42; 44; 46; 47; 48; 65; 107; 109;
 114; 117; 165; 184; 195; 220; 224; 226;
 232; 249; 250; 275
- негативная 134
- Прижатие/слияние 109–111; 164;
 168; 210; 249; 266
- Проекция XXVIII; XXIX; 23; 33; 36–
 37; 42; 43; 71; 120; 151; 214; 258
- Проникновение/проницаемость 28;
 36–37; 39; 143–144
- Психоанализ переходный 10; 11; 14
- Психоз XXVIII; XXIX; XXXIV; 9;
 37; 43; 97; 98; 101; 118; 122; 135; 233;
 234; 264; 267; 268
- Психофизиология 5–6
- Распорядок аналитический XIX; XXI;
 14; 154; 156; 157; 262–263; 275
- Расчленение 33; 114
- Расчлененное тело 47
- Расщепление 33; 67; 109; 122; 123;
 145–146; 147; 156; 203; 205; 208;
 217; 261
- Репрезентация оболочки 274
- Рефлексивность тактильная 69; 93
- Рот 23; 41–45; 128; 181; 201; 210; 222
- Сверх-Я 24; 38; 46; 94; 95; 101; 102;
 108; 116; 163; 186; 214; 215; 221; 222;
 226; 239; 258; 267; 270; 272
- Связь 33; 186
- Символизация XXVIII; 114; 154; 157;
 184; 185; 196; 229; 247; 265
- Сновидение XXVI; XXXIII; 6; 83; 96;
 97; 100; 101; 102; 103; 111; 154; 155;
 214; гл. 17
- Соблазнение 21; 49; 111; 133; 153; 155;
 161; 210; 243; 249
- Сознание 9; 82; 88; 91; 94; 96; 100; 102;
 104; 140; 141; 163; 175; 239; 254; 259;
 265–266; 276
- Спорт 220
- Стадия оральная 14; 41–45
- Структурализм 6; 25
- Стыд 24; 37; 55; 147; 202; 251

- Суицид 23; 234
- Творение 99; 124; 145; 196; 233
- Тело обескоженное 47; 56; 123
- Тело текста 234
- Токсикомания 114; 118; 272
- Токсичность Я-кожи 119; 122
- Уникальность 69; 146
- Уродование 24; 38; 121; 233; 235
- Фантазм XXVIII; XXXI; XXXII;
XXXIII; 6; 14; 37; 42; 47; 48; 50; 66;
67; 70; 71; 72; 107; 121; 122; 123; 131;
137; 138; 143–145; 147; 156; 157; 164;
195; 201; 203; 209; 210; 214; 216;
222; 230; 231; 232; 236; 248; 260;
264; 265; 274; 277
- Фантазматизация 270
- Христианство 160
- Хрупкость Я-кожи 38; 137; 140; 142
- Царапанье 22; 47
- Цепляние 15; 19; 27; 28; 107; 109; 165;
219; 220; 226
- Чувство общее 73; 114; 116; 121; 171–
172; 254; 257; 265; 268
- Шизофрения 31; 98; 104; 114; 118; 172;
189; 264
- Экзема 39; 116; 118; 219; 272–273
- Эротизация кожи 45; 60; 115
- Я-мыслящее 152; 167–171; 275
- Я-плоть 267
- Я-психическое/Я-телесное 10; 14; 45;
46; 66; 97; 98; 101; 102; 103; 134;
138; 156; 195; 202; 203; 204; 205;
208; 222; 223; 226; 245; 253
- Handling 35; 42; 111
- Holding 35; 42; 108; 172; 218

Научное издание

Серия «Психоанализ ergo»

Дидье Анзьё

Я-КОЖА

Перевод с французского

Корректор *Н.В. Бродская*
Дизайн обложки *М.С. Селиверстовой*
Компьютерная верстка *М.С. Селиверстовой*

ООО Издательский дом «ERGO»
www.ergo-izhevsk.ru
E-mail: office@ergo-izhevsk.ru

Сдано в производство 20.10.2011. Печать офсетная.
Формат 60×90/16. Гарнитура AcademyC.
Заказ № 3582/154.

Отпечатано с оригиналов заказчика
в МУП г. Сарапула «Сарапульская типография»
427960, г. Сарапул, ул. Раскольникова, 152

Отпечатано в России
ISBN 978-5-98904-139-8

Дидье Анзье (1923–1999) — французский психоаналитик и профессор психологии. Настоящая книга — одна из ключевых работ, посвященных развитому автором концепту «Я-кожа». В этом понятии концентрируются фундаментальные характеристики Я, формирующиеся на ранних этапах жизни ребенка.

ISBN 978-5-98904-139-8

Издательский дом ERGO
www.ergo-izhevsk.ru